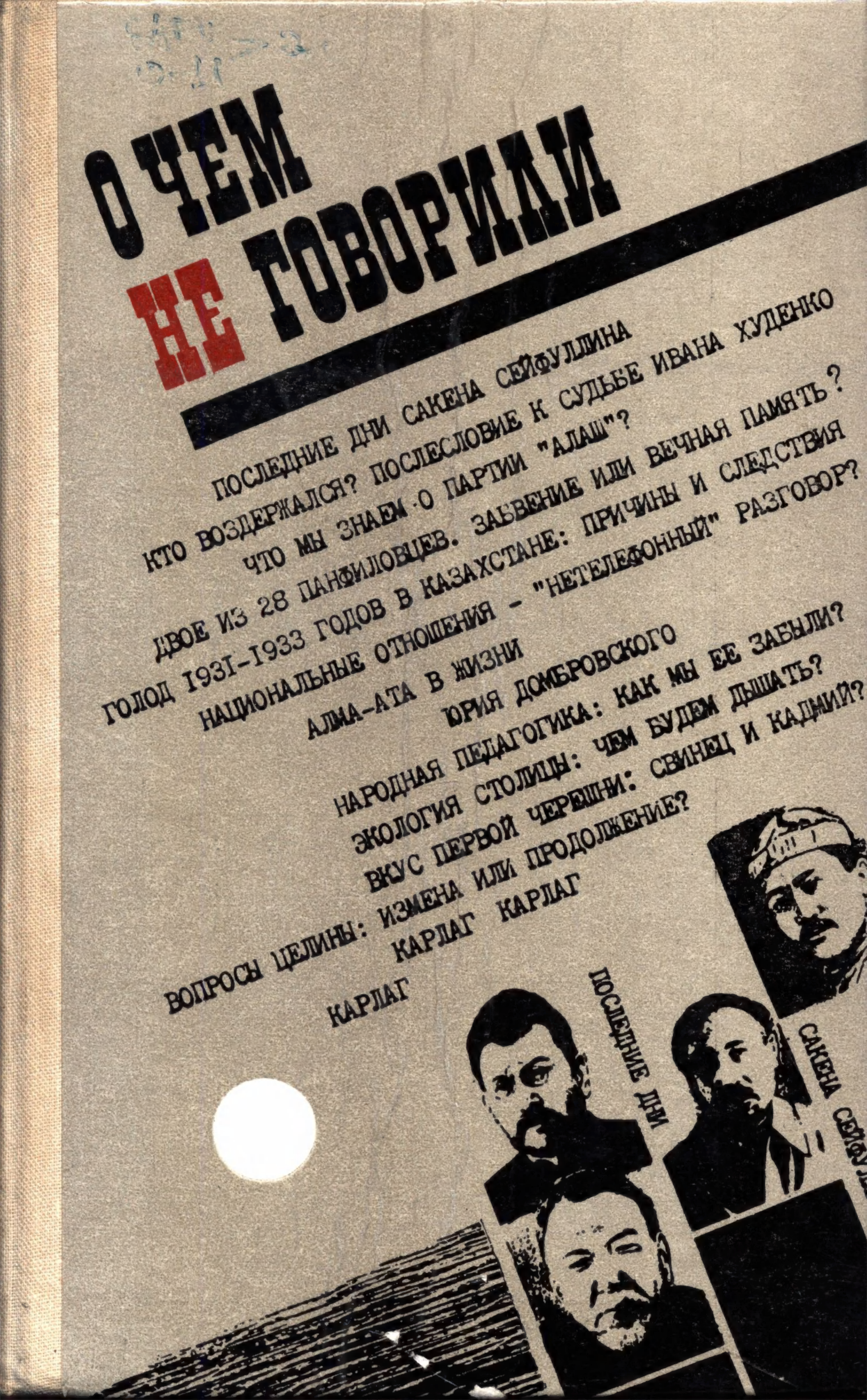
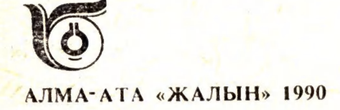

О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛИ
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ САКЕНА СЕЙФУЛЛИНА
КТО ВОЗДЕРЖАЛСЯ? ПОСЛЕСЛОВИЕ К СУДЬБЕ ИВАНА ХУДЕНКО
ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ПАРТИИ "АЛАШ"?
ДВОЕ ИЗ 28 ПАНФИЛОВЦЕВ. ЗАБВЕНИЕ ИЛИ ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ?
ГОЛОД 1931-1933 ГОДОВ В КАЗАХСТАНЕ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ - "НЕТЕЛЕФОННЫЙ" РАЗГОВОР?
АЛМА-АТА В ЖИЗНИ ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО
НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА: КАК МЫ ЕЕ ЗАБЫЛИ?
ЭКОЛОГИЯ СТОЛИЦЫ: ЧЕМ БУДЕМ ДЫШАТЬ?
ВКУС ПЕРВОЙ ЧЕРЕШНИ: СВИНЕЦ И КАДМИЙ?
ВОПРОСЫ ЦЕЛИНЫ: ИЗМЕНА ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ?
КАРЛАГ КАРЛАГ
КАРЛАГ
КАРЛАГ
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ
САКЕНА СЕЙФУ

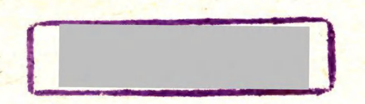

Документальные рассказы

АЛМА-АТА «ЖАЛЫН» 1990

ББК 84Р7—44
О 11

О 11 **О чем не говорили:** Докум. рассказы и очерки/ Сост. Л. П. Лукина, Е. А. Сатыбалдиев.— Алма-Ата: Жалын, 1990.— 304 с.
ISBN 5-610-00701-1

Время гласности позволило подготовить этот сборник, в котором известные казахстанские писатели и журналисты выступают на темы, еще до недавних пор находившиеся под запретом.

О $\frac{4803010201-78}{408(05)90}$ **без объявления** **ББК 84Р7—44**

ISBN 5-610-00701-1

Владислав ГРИГОРЬЕВ,
Юрий ШАПОРЕВ

ФРАГМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

1. В ТИСКАХ ДОГМАТИЗМА

— Для начала, Владислав Константинович, наверное, необходимо пояснить название цикла наших бесед — бесед историка и журналиста. Существует определение, относящееся к письмам, фотографиям, другим документам, отражающим частную жизнь: фрагменты времени, драгоценные потому, что из них складывается история народа, воспринимаемая не из официальных хроник, а через судьбы конкретных людей.

— То есть, Юрий Владимирович, вы хотите перевести разговор в плоскость размышлений о причинах отставания исторической науки? О том, каковы результаты подобной болезни и каким лично мне представляется выход из создавшейся ситуации? Что ж, давайте попробуем. Но сначала вот о чем. Не собираюсь подвергать сомнению достоверность отрывочных сведений, содержащихся в частной переписке, дневниках и иной мемуарной литературе. По мере надобности и в наших беседах мы будем обращаться к этим источникам. Совершенно очевидно, что они содержат и конкретные детали, и колорит эпохи, знакомство с ними поможет отыскать истину, которая рождается в сопоставлении мнений, различных точек зрения. Но такой источник данных во все эпохи был и остается лишь дополнением ко всему разнообразию документов и материалов. Ценность этих свидетельств неравнозначна. И исследователю, который возьмет их на вооружение, предстоит нелегкий труд отделить домыслы, легенды, мифы от правды.

— Можно ли вас понять так, что вы больше доверяете официальным историческим хроникам? Но ведь еще французские энциклопедисты отмечали, что история, которую мы рассматриваем как реестр событий прошлых веков, зачас-

тую лжива — вместо истинных фактов она нередко кормит баснями нашу безумную любознательность, и не только история первых веков сокрыта тайной, не только она для нас неведомая земля, по которой можно ступать только с трепетом, но и история близких к нам времен благодаря своей приближенности не более достоверна. И они делали вывод: источники, из которых свободно проистекают басни, распространенные в анналах всех народов — это предрассудки, чиновный дух, национальное тщеславие, различие религий, жажда необыкновенного...

— Вам этот ответ представляется убедительным и исчерпывающим?

— Во всяком случае, их критические идеи способны помочь правильно понять исторический процесс, особенно наше недавнее прошлое, историю 20-х, 30-х, 40-х годов, в освещении которых прежде было больше лакировки, умолчаний, чем правды. В общественных науках порой насаждались догматизм, угодничество, цитатничество...

— Воюя с цитатничеством, вы опираетесь на цитаты! Конечно, заветы французских энциклопедистов могут помочь разобраться в истории, но не забывайте, какой нынче век на дворе! Ведь мы имеем на вооружении марксизм-ленинизм. Согласитесь, что наш исторический путь, если обозревать его не через розовые очки догматизма, полон драматизма и противоречий, требует и глубокого понимания, и бескомпромиссного, поистине критического анализа.

На XIX партийной конференции, июльском Пленуме ЦК КПСС подчеркивалась значимость истории в деле воспитания советского человека, прежде всего молодежи. Подобное внимание к истории, исторической науке, как части советского обществоведения, далеко не случайно. Наше время, когда субъективный фактор или, как говорят, человеческий фактор играет все большую роль, выдвигает на видное место то, что исследователями и публицистами вкладывается в понятие исторического сознания.

Когда мы говорим о роли и месте истории в жизни общества, обязаны хотя бы коротко объяснить то, что обычно включают в понятие исторического сознания. Это ряд таких важнейших моментов, как уровень культуры общества на определенном этапе развития, состояние его идейно-политической оснащенности, то, как налажена в повседневности взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего. И, наконец, в самом узком смысле — это то, каково состояние общественных наук вообще, исторической науки в частности.

Попытаюсь расшифровать эти положения. Безусловно, наша историческая наука, в том числе ее казахстанская ветвь, имеют значительные достижения. Но если посмотреть с позиций данного историкам на XXVII съезде КПСС социального заказа, если проанализировать требования, выдвигаемые обществом к раскрытию тех или иных страниц истории и главным образом истории советского периода, то нельзя не признать, что количество «белых пятен», больных проблем — колоссально. И подобное требует от нас недвусмысленно сказать, что степень исторического сознания, исторической памяти общества на нынешнем уровне явно недостаточна для успеха дела перестройки.

— Признаться, в моем сознании понятия «значительные достижения» исторической науки и колоссальные пропуски, колоссальное количество «белых пятен» все же не совмещаются. Будучи на службе у идеологии, пропаганды, официальная историческая наука фальсифицировала многие периоды и дооктябрьской, и особенно послеоктябрьской истории Казахстана. Так будем мы продвигаться к правде — или делать лишь отдельные уточнения: вот на это мы получили социальный заказ, а этого еще касаться нельзя. Не является ли это реанимацией сталинской схемы, желанием сохранить застывшие формы без их критического осмысления?

Наши болячки, наличие колоссального объема «белых пятен»— это, конечно, результат прежнего отношения к истории вообще, к исторической науке в особенности. Того отношения, которое было присуще режиму личной власти Сталина и веяниям периода застоя. В общем-то, причины эти как объективного, так и субъективного порядка.

Не секрет, что строительство нового общества наша страна начинала в условиях в высшей степени неблагоприятных. Она ведь к Октябрю 1917 года, по оценке Владимира Ильича Ленина, была одной из средне-слабых. И эта слабость относилась главным образом не столько к экономике, сколько к тому, что называют культурой. Вот почему в последних ленинских работах начала 20-х годов так много внимания уделяется задачам партии в области ликвидации неграмотности, просвещения масс, приобщения их к достижениям мировой цивилизации. Подчеркнем, что Советской власти в ту пору приходилось решать сначала элементарные задачи по ликвидации неграмотности, а Западная Европа уже завершала переход ко всеобщему среднему образованию. А нам, как вы знаете, надо было думать о том, как накормить голодных, и о том, как найти для крестьян-

ских детей четвертушку бумаги и карандаш, чтобы они могли научиться читать и писать, чтобы потом их можно было направить на учебу в ФЗУ, рабфаки, и из этих людей ускоренно формировать новое поколение уже своей, советской интеллигенции. Ведь среди тех 2,5 миллионов белоэмигрантов, что покинули Родину за годы Октября и гражданской войны, около 1,5 миллионов составляла российская интеллигенция. И восполнить этот объемный культурный пласт в короткое время наша страна не могла. Все сказанное в еще большей степени относится к Казахстану, ибо здесь предстояло совершить за короткий промежуток времени такой рывок в экономическом, культурном, социальном плане, который бы позволил основной массе коренного населения в дополнение к той общей задаче еще решить и «свою»— миновать целую стадию исторического развития — капиталистическую.

— Да, это была гигантская работа, которая охватила всю страну. В план построения социализма была вмонтирована важнейшая деталь — культурная революция, которая должна была обеспечить ускоренное расширенное воспроизводство, по выражению Маркса, общественного мозга страны. Статистика показывает, сколь быстрыми темпами наращивала страна уровень образования населения. Если принять за точку отсчета 1917 год, в который народ России вступил с уровнем образования в полкласса, то за первое десятилетие он поднялся на целый класс, а к началу Великой Отечественной войны стал «четвероклассником». Мы «бежали» по дороге образования и после войны. Первую атомную станцию построили «пятиклассники», первый искусственный спутник Земли запустил «шестиклассник», первого космонавта подарили человечеству «семиклассники», а уже во второй половине 80-х годов стали страной «десятиклассников». Каждую пятилетку неуклонно сокращалась дистанция отставания от США по уровню образования — если в начале строительства социализма мы отставали от США где-то на 5—6 классов, то сегодня этот параметр сузился. После наших космических успехов США удвоили темпы развития высшего образования, мы же стали экономить на вузах.

Вот такую зависимость вывели некоторые исследователи. Можно по-разному относиться к их выводам, но еще одно наблюдение не мешало бы привести. О реакции японских университетов на нашу реформу общеобразовательной школы. Японские профессора заявили: пока СССР будет решать проблемы дефицита рабочей силы у станков, пока

русские будут заполнять бреши трудодефицитности за счет выпускников ПТУ, Япония тем временем закроет рабочие места в промышленности с помощью роботов четвертого и пятого поколений, а японская молодежь будет нацелена на всеобщее высшее образование.

— Рассуждения любопытные. Но в них я слышу давно известный мотив наших критиков: СССР, мол, не сможет оседлать ракетоплан культурно-технического прогресса. История давно посмеялась над такими пророками. И тем не менее доля истины в заявлениях японцев есть, основания для нее — наше застойное наследие, которое партия стремится ликвидировать в кратчайшие сроки. Однако вернемся к нашей теме. Сегодня многих беспокоит состояние исторической науки. Но возникло оно, это состояние, давным-давно, еще в те самые двадцатые годы. Заметное влияние на становление исторической науки в стране и особенно в Казахстане в упомянутые годы оказало обострение идейно-политической борьбы в советском обществе и партии. Тогда в обстановке нэпа издавалось большое количество публикаций, авторы которых стояли на непролетарской точке зрения, оспаривали выводы, которые содержались в документах партии и Советского правительства. К тому же партийные организации, партийные публицисты и те, кто составил кадры первых советских историков, были заняты отражением атак политических противников из рядов эсеров, меньшевиков и анархистов, критическим анализом идей сменовеховцев и борьбой с антипартийными взглядами сторонников рабочей оппозиции, демократического централизма, троцкистов, национал-уклонистов и т. д. Только к середине двадцатых годов для части партийных публицистов и историков — М. Н. Покровского, Е. М. Ярославского, К. А. Попова, В. И. Невского появилась возможность несколько больше внимания уделить основным аспектам истории. Оговоримся, однако, что М. Н. Покровский пробовал свои силы и раньше и получил высокую оценку В. И. Ленина за «Русскую историю в самом сжатом очерке». Но эта его работа затрагивала круг проблем лишь дореволюционного прошлого.

С конца двадцатых годов, после печально известной публикации К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», развитие исторической науки начало сдерживаться. Больше того, она была поставлена в жесткие рамки схоластики, догматизма, трактовок в духе тех концепций, которые отвечали интересам И. В. Сталина и его окружения. Официальное признание получали лишь те историчес-

кие сочинения, которые прославляли Сталина и проводимый им курс.

— Поскольку современному читателю эта работа К. Е. Ворошилова почти неизвестна, есть смысл, Владислав Константинович, конспективно изложить ее основные моменты. Без всякого стеснения Ворошилов называет Сталина одним из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны, но и столь высокая оценка представляется ему недостаточной. Автор мифологизирует образ вождя: «...значение т. Сталина... было до некоторой степени заслонено и не получило еще должной оценки... Центральный Комитет бросал (Сталина) с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, там не было видно Сталина. Но там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию Советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу,— там появлялся т. Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, он был беспощаден и — создавал перелом, оздоровлял обстановку»*.

— Вот что мне хотелось бы заметить, Юрий Владимирович. Миф, созданный К. Е. Ворошиловым, имел ряд предназначений. Во-первых, надо было посеять в умах новых поколений советских людей ложное представление о несуществующих талантах И. В. Сталина. И это, как мы знаем, увы, удалось! Во-вторых, требовалось заслонить, а со временем свести на нет память о военной деятельности В. И. Ленина и ЦК РКП(б). В-третьих, статья должна была умалить заслуги тех коммунистов и военачальников, которые действовали на других участках многочисленных фронтов гражданской войны.

— В создании культа вождя значение этой статьи Ворошилова трудно переоценить. Ведь в ней, Владислав Константинович, содержится не только оценка роли вождя народов в гражданской войне, это как бы ключ к облику человека и государственного деятеля новой формации. Впоследствии его характеристика была догматизирована. Какова же главная характерная черта облика Сталина в понимании Ворошилова? Прежде всего — его исключитель-

---

* *К. Е. Ворошилов.* Статьи и речи. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937 г. Стр. 346.

ность, основные составляющие которой: поразительная работоспособность, поразительность амплитуды его интересов (от оснащения армии химическим оружием до заботы о коннице), гуманность и справедливость, любовь к людям. Огромный интерес для наших современников представляет введенный Ворошиловым миф о Сталине как о заступнике народа. «Тов. Сталин, как никто другой из больших людей,— пишет Ворошилов,— умел глубоко ценить работников». А ведь уже в те, двадцатые, годы с благословения «отца народов», правда, втихую практиковались массовые репрессии. Видимо, чувствуя уязвимость своей характеристики, Ворошилов вспоминает историю с Пархоменко, который «в начале 1920 года был по недоразумению присужден к высшей мере наказания, т. Сталин, узнав об этом, потребовал немедленного и безоговорочного освобождения. Таких и подобных ему фактов можно было бы привести большое количество». Большое количество можно привести фактов как раз противоположного характера. В дальнейшем они стали системой истребления народа.

Пожалуй, голько в характеристике Сталина как жесткого руководителя, стремившегося к авторитаризму, Ворошилов не ошибался: «...т. Сталин... никогда не задумывался брать на себя ответственность за крайние меры, за радикальную ломку».

— Хотелось бы попытаться изложить свои соображения о Сталине, о причинах его феноменального восхождения на Олимп в те самые переломные двадцатые годы. До свержения царизма, пока наша партия действовала в условиях жесточайшего подполья, Иосиф Сталин не входил в число наиболее признанных деятелей большевизма. Хотя истины ради надо подчеркнуть, что о нем знали. Во всяком случае, любой, кто пожелает поинтересоваться контактами Владимира Ильича с большевистским активом в 1903—1916 годах, легко может установить это по материалам Полного собрания сочинений, прежде всего, по сведениям о переписке Ленина с теми, кто входил в поле его зрения, с кем он деятельно сотрудничал на первых съездах, конференциях и пленумах ЦК и Центрального бюро большевиков*.

---

* Всего в 48-м томе Полного собрания сочинений приведено пять писем, которые Владимир Ильич Ленин посылал И. В. Сталину. См. т. 48, стр. 117, 122, 126, 134. Кроме того, упомянуто о встрече на заседании ЦК (стр. 121) в Кракове в ноябре 1912 года.

Больше того, уже первая встреча Ленина и Сталина на IV Стокгольмском съезде РСДРП выявила их серьезные расхождения по аграрному вопросу, тяготение И. В. Сталина к мелкобуржуазной оценке роли крестьянства. Тогда он выступил как соавтор пресловутой программы разделистов (сторонников боробы за простой раздел помещичьих земель) против ленинской идеи национализации всех земель в стране.

Кроме статьи «Национальный вопрос и социал-демократия», написанной для журнала «Просвещение» и опубликованной в нем в 1912 году, Сталин никак себя на теоретическом фронте не проявил. Да и статья-то эта получилась, по ленинскому определению, «очень хороша»*, в немалой степени потому, что к ней приложил руку талантливый публицист Н. И. Бухарин.

Сблизившись на заключительном этапе своей ссылки с Л. Б. Каменевым, одним из лидеров партии, И. Сталин с его помощью входит в первую десятку наиболее авторитетных представителей руководящего ядра. Правда, это сближение сразу же показало неустойчивость взглядов «железного Иосифа»— он в марте 1917 года качнулся вправо в вопросе о частичном доверии Временному правительству**. Он и потом — что далеко не случайно — увел Л. Б. Каменева от ответственности за его публикацию в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» материала, фактически раскрывавшего план ЦК большевиков о вооруженном восстании***.

За годы гражданской войны И. Сталин дважды выступил против В. И. Ленина. Один раз, тщательно скрыв это, на VIII съезде РКП(б), а второй раз, как говорится, подняв забрало, предъявил в ноябре 1919 года ультиматум Политбюро ЦК, требуя сменить Ставку Главного командования РККА за то, что она не отдала приоритет в распределении пополнений войскам Южного фронта, где он находился. Политбюро вынуждено было указать И. Сталину на абсолютную недопустимость «подкреплять свои деловые требования ультиматумом» ****.

В 1917—1920 годах И. В. Сталин зарекомендовал себя

---

* *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 169.

** См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 1, стр. 37.

*** *См. Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 434.

**** См. «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 3, кн. 2, стр. 364.

весьма неплохим, хотя довольно жестким организатором. Его тяга к организаторской стороне дела была отмечена и поддержана. Он возглавил одновременно два Наркомата — по делам национальностей и рабоче-крестьянской инспекции, был членом ЦК и его Политбюро, членом ряда реввоенсоветов, несколько раз направлялся чрезвычайным уполномоченным ЦК РКП(б) и СНК. Намного хуже обстояли дела с идейно-теоретической деятельностью. Здесь его полностью превзошли Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Д. Троцкий и особенно Н. И. Бухарин.

Учитывая, что вокруг Л. Д. Троцкого за время войны в силу разных причин сложилось немало опытных организаторов, таких, как Н. Н. Крестинский, Л. П. Серебряков, И. Н. Смирнов и ряд других деятелей, работавших в аппарате ЦК РКП(б), Сибревкоме, ЦК Компартии Украины, и то, что Лев Давидович не раз использовал этих людей, создавая кризис в партии, В. И. Ленин уже накануне X съезда, а затем особенно перед XI съездом партии осуществил ряд мер по укреплению секретариата ЦК коммунистами, далекими от фракционных настроений. Тогда-то и появилось решение о переброске Сталина на чисто аппаратную работу. Но оказалось, что, решив одну проблему — создания устойчивости такого органа, как секретариат ЦК,— выдвижение И. В. Сталина на новый, чисто технический пост приобрело заметную опасность. В. И. Ленин увидел это довольно быстро, подчеркнув, что «тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» *.

Лично мне представляется необходимым обратить внимание на те моменты ленинского письма к съезду, где он характеризует 6 ведущих членов ЦК РКП(б): Троцкого, Сталина, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Пятакова.

Что касается Л. Д. Троцкого, то в «Письме» отмечены:

1. Необходимость пойти навстречу его предложениям о Госплане «до известной степени и на известных условиях».

2. «Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

3. Стремление к обострению отношений, даже расколу, истоком чего выступает прошлый «небольшевизм».

Итак, выделены научно-теоретические данные, непомер-

**В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 345.

ная самоуверенность, чрезмерная склонность к командно-бюрократическим методам, пренебрежение делом единства партии.

Характеристика И. В. Сталина складывается тоже из трех моментов:

а) тяга к власти;

б) «Сталин слишком груб, и этот недостаток... становится нетерпимым в должности генсека»;

в) «капризен» и может из личных амбиций пойти на создание фактического раскола.

Итак, это человек диктаторских наклонностей, а его отрицательные качества —«это такая мелочь, которая может получить решающее значение».

И еще об одном из последних ленинских документов, помещенных в 54-м томе,— личном письме И. Сталину, где Владимир Ильич заявляет о том, что хочет порвать со Сталиным навсегда. Известно, что после этого они больше не виделись, тяжело больной Ленин отказывал в свидании тому, кто потом усердно называл себя его последователем.

Отметив политическую неустойчивость Каменева и Зиновьева, пристрастие Пятакова к администраторству, Ленин особо подчеркнул: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии». Правда, В. И. Ленин не забыл упомянуть и о грехах всеобщего любимца: схоластике в теории, непонимании диалектики. Впрочем, добавил он — время хороший лекарь, Бухарин молод и может «изменить свои односторонности».

Мы всегда, читая эти характеристики, опускаем две крайне важные детали. Только у Сталина выделена тяга к власти и только по отношению к нему одному предлагались меры организационного порядка: «Я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения товарища Сталина с этого места и назначить на это место другого человека»*.

О том, почему эти рекомендации не были претворены в жизнь, в принципе известно. И. В. Сталин узнал от Л. А. Фотиевой о содержании «Письма» и принял соответствующие меры, в чем тогда ему и, увы, во зло себе помогли Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев и другие деятели ЦК партии. Постепенно мощный каток аппарата раздавил сначала сопротивление Троцкого, потом Каменева и Зиновьева, а затем и Н. И. Бухарина.

---

* *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 343—348.

— Знаете, Владислав Константинович, все же феномен Сталина загадочен. Я думаю, дело не только в том, что Сталин уверил себя и своих клевретов в том, что именно он — великий продолжатель дела В. И. Ленина, что якобы ему Владимир Ильич поручил осуществление его идей. Я вижу объяснение в том, что начал господствовать не культ Разума, а культ человека, пришедший на смену культу Бога. В отсталой России было сильно теологическое мировоззрение, и эта ситуация хоть косвенно, а повлияла на становление культа личности Сталина.

Сталин окружил себя льстецами и временщиками, повсюду в стране царили страх и ужас, бесследно исчезла свобода...

— И, конечно, в такой обстановке для историков условия работы были чрезвычайно тяжелы. Им приходилось свое несогласие с официальной точкой зрения выражать либо эзоповым языком, либо кратко пересказывая официальные установки, уходить от подлинно научного, глубокого анализа. Вот почему так много «белых пятен» в прошлом.

Среди неблагоприятных факторов надо назвать еще один, перевешивающий все остальные по своей тяжести. Сталин и его ближайшее окружение на протяжении целых тридцати лет вели необъявленную войну с наукой, в том числе исторической. Началась она с атак на М. Н. Покровского и у нас в Казахстане закончилась в конце сороковых — начале пятидесятых годов нападками на одного из крупнейших историков республики профессора Е. Б. Бекмаханова.

Историков и публицистов, занимавшихся проблемами истории, не обошли репрессии конца тридцатых годов.

— Перебью вас. Иногда приходится слышать, что Сталин не причастен к жестокостям. Что уж говорить о наших современниках, когда даже жертвы сталинизма верили, что Сталин, стоит ему узнать правду, наведет порядок. О свирепом нраве Сталина и его необузданной кровожадности говорит тот факт, что только за 1937 год Сталин подписал 383 списка — списка!— в которых значились сотни жертв.

— Карательно-бюрократический аппарат не обошел историков. В расцвете сил погиб автор первого тома «Истории Казахстана с древнейших времен» крупный историк-марксист Санжар Джафарович Асфендиаров. Почти на десять лет был отстранен от работы сотрудник Казахского филиала Института марксизма-ленинизма Шолом Шафиро, написавший монографии по истории борьбы за власть Советов

в Семиречье. Мы уж не говорим о том, что погибли в то время автор выдающегося историко-литературного произведения «Тернистый путь» Сакен Сейфуллин, создатель более ста публикаций по проблемам истории революционного движения в республике Турар Рыскулов.

Список этот можно было бы продолжить.

Естественно, что все вместе взятое тяжело отразилось на формировании кадров историков, их методологической оснащенности, научной смелости и т. п. Не лишне заметить, что историческая наука, как звено нашей культуры, субсидировалась по печально известному принципу — остаточному, жила на «голодном пайке».

Все вышесказанное и позволяет понять, почему мы до сих пор не в состоянии в полной мере ответить на то, как развивались события Великого Октября в ряде районов республики. Так, за последние тридцать лет новых фактов по Уральску и Уральской области, сложному для этих районов периоду 1917—1920 годов, в литературу вошло крайне мало, а по 1917 году всего шесть. Мы пока не можем поведать о том, как развивались события в областном центре в апреле, мае, июле, августе, октябре, ноябре и декабре 1917 года. Не можем назвать точную дату разрыва тамошних большевиков с меньшевиками, создания самостоятельной партийной организации. Сказанное в полной мере относится к Кустанаю, Усть-Каменогорску, Чимкенту, Семипалатинску и другим местам.

Это нас крайне тревожит... Зато все предыдущие 20 лет нас усердно мобилизовывали на отыскание фактов, связанных с поездками по Казахстану Л. И. Брежнева, К. У. Черненко, Д. А. Кунаева. Отсюда в тени остались сложные проблемы таких тем, как партия и Советы Казахстана (1917—1940 гг.), большевики и непролетарские партии края, строительство социализма и проблемы межнациональных отношений в Казахстане, характер и формы исторического процесса в Казахстане в 1917—1940 гг., партия и национальная интеллигенция в период перехода к социализму, создание и становление партийно-советской печати в Казахстане и многие, многие другие, в том числе и важные моменты истории послевоенных сорока с лишним лет.

Таким образом, круг вопросов, которые предстоит решать представителям исторической науки, довольно широк. Но наряду с исследованиями «белых пятен» нам предстоит заняться и тем, что связано с исправлением допущенных перекосов и расчисткой ненужных наслоений.

— Такая работа, как мне известно, уже началась. Со-

шлюсь на монографию академика С. Б. Бейсембаева «Ленин и Казахстан», второе издание которой существенно отличается от первого не только и не столько своим богатым научным аппаратом, а пересмотром в ряде мест оценок исторических событий, уточнением роли некоторых исторических деятелей. Заново прочитаны и осмыслены многие ленинские документы, связанные с Казахстаном. Остросовременно звучат главы, посвященные освоению опыта борьбы большевиков с национализмом во всех его проявлениях.

Я прочитал эту монографию, и у меня сложилось впечатление, что тема Ленинианы (казахстанской) теперь надолго будет снята с повестки дня. Не ошибаюсь ли?

— Она далеко не исчерпана. Очень слабо разработаны некоторые аспекты казахстанской Ленинианы, которые связаны с деятельностью посланцев Ильича. Утверждая подобное, я ничуть не собираюсь замалчивать то, что уже сделано. Например, выпуск к 70-летию Октября сборника «Посланцы Ленина в Казахстане», где рассказано о десяти большевиках, выполнивших крайне сложную и трудную миссию — чрезвычайных уполномоченных ЦК партии и Советского правительства. Но ведь их было не десять, тех, кому Владимир Ильич давал срочное поручение, подчеркивая значимость задачи специальным мандатом. По самым скромным подсчетам, на территории Казахстана подобную миссию выполняли около 60 человек. Среди них — видный большевик Михайлов, представивший после поездки на Риддер подробнейший доклад Ленину, доклад, на основании которого и принималось решение поручить «красному латышу» Р. А. Дрейману возродить рудный край.

Пожалуй, стоит вернуть из небытия и фигуру другого замечательного большевика — А. А. Иоффе (напомню, что этому человеку в числе четырех членов советской дипломатической миссии было поручено весной 1918 года вести переговоры с Германией о подписании мирных соглашений). Много у Александра Алексеевича было сложных и ответственных поручений, и среди них — анализ положения в Семиречье в 1921 году, решение проблемы, как быть с возвращающимися из Китая беженцами, участниками восстания 1916 года. И справился А. А. Иоффе с заданием блестяще. Но вот подробности, как все происходило, до сих пор и читателям, да и многим историкам знать было «не положено». На этом большевике лежало страшное клеймо тридцать седьмого года.

Это клеймо и на судьбе одного из членов первого

состава Революционного Комитета по управлению Казахским краем Байкадама Каралдина, отца выдающегося казахского композитора Байкадамова.

Среди «меченых» — другой член Казахского ревкома, большевик с 1905 года, уроженец Семиречья Вадим Леонтьевич Лукашев, известный в истории под псевдонимом «Вадим». Летом 1919 года он провел большую работу по вскрытию в Букеевской степи разветвленного заговора белогвардейцев. Еще не раз лично Ф. Э. Дзержинский и секретариат ЦК поручали ему щекотливые миссии, в том числе по расследованию обстоятельств одного из громких дел, связанных с непартийными поступками близких к И. В. Сталину лиц (см. «В. И. Ленин и ВЧК». Москва, 1987 г., стр. 364).

Да, предстоит провести трудную работу переосмысления всего сделанного в духе концепции перестройки и революционного обновления. Для этого надо, чтобы история перестала быть, как отмечал Гегель, вещью в себе и стала вещью для всех. Подобное требует не только вооружения исследователей новым мышлением, но и отработки новых подходов к истории, выделения таких приоритетных направлений, которые станут главным звеном «вытягивания цепи». Среди этих приоритетных направлений — создание научных школ, поддержка их честного соперничества, чтобы покончить с чуждой для науки монополией взглядов на те или иные события истории. Короче, и в исторической науке необходимо в полном объеме осуществить ту перестройку, задачи которой определил XXVII съезд КПСС, а пути и методы решения — XIX Всесоюзная партийная конференция.

— Владислав Константинович, попытки замолчать больные вопросы нашей истории связаны не только с Ниной Андреевой и ее манифестом «Не могу поступаться принципами» в «Советской России». Плакальщиков по Сталину, сталинизму, командно-административной системе оказалось больше, чем можно было предполагать. Кстати, сама Нина Андреева уже после выступления «Правды» 5 апреля 1988 года, многочисленных аргументированных статей, реплик ученых, писателей, общественных деятелей и не думает пересматривать свои взгляды. «Вешать нос и сдаваться не собираюсь,— сообщает она одному своему почитателю-сталинисту.—...Учитывая, что Сахаров, Гельман, Шатров и другие «прорабы духа» призывают ныне к ползучей контрреволюции, наподобие «пражской весны» 1968 года, необходимо везде, где возможно, давать им отпор

не пропускать ни одного выпада против Сталина и нашей революции, и социализма».

Ее позиция, как и позиция ее сторонников, далека от желания научно-критически разобраться в нашей истории. Если история с Ниной Андреевой получила широкий общественный резонанс, то о статье Александра Проханова «Так понимаю!» известно меньше. Она опубликована в «Литературной России» 3 апреля 1987 года и вошла в сборник «Зависит от нас», выпущенный недавно, в середине 1988 года. Справедливо замечая, что «лопнул, треснул, осел, как купол старого восточного мазара, свод догматического, одномерного взгляда, из-под осколков монолита выпорхнули бессчетные, большие и малые, совсем микроскопические системы и взгляды, модели человека. Сегодня можно наблюдать их рой, слышать их в узких застольях и обширных аудиториях, читать в публицистике и литературной критике, в новой журнальной беллетристике». Проханов составляет перечень деформаций, или, как он называет, «обвинений социализму». Список этот достаточно обширен: тут и деградация деревни, «красный террор» в период Революции, против кулака в период коллективизации, тридцать седьмой год, дело врачей в послевоенные годы и как результат — создание атмосферы социального страха, социального оцепенения. Какой же вывод делает Проханов? «Все большие и крохотные направления, концепции, взгляды — вновь народившиеся или осколки разрушенных в катастрофах планет — все они, увеличивая активность, сталкиваясь и сливаясь в фантастические конгломераты, забывая былую, в ретроспекции, неприязнь и вражду, устремились в критику центральной идеи. Ей, социалистической идее, они предъявляют иск за действительные и мнимые издержки исторического процесса последних двадцати, предпоследних тридцати, словом, всех семидесяти социалистических лет.

Эта критика приобретает особую форму. Все семидесятилетие разбивается на множество фрагментов, отрезков, деяний, каждое из которых критикуется отдельно, локально, истребляется по ломтям. Но, выстроенная в единый хронологический ряд, эта пересмотренная, раскритикованная история предстает как непрерывный ряд крушений, трат, преступлений, бессмысленность и ненужность которых якобы очевидна... А огромные массы людей, воспитанные в социалистическом духе, приверженные социалистическим символам, охвачены смятением. Неужели они ошибались? Неужели мышление и практика их самих, их отцов и

дедов — ошибка? Неужели семьдесят лет советской истории — тупик, из которого с великими трудами старается вывернуть нас перестройка?»

— Ну что сказать по поводу этого, хотя и глубоко патриотического, но все-таки заметного испуга? У писателя — ложное ощущение крушения всего и вся. Да, подвергается суровой и всесторонней критике практически каждый отрезок нашей советской истории. Это-то и создает неверное ощущение атаки на центральную идею. Спросите, почему ложное? Да потому, что в нас еще не поколеблено старое представление о сути центральной идеи, а оно, это представление, пришло со страниц горькой памяти «Краткого курса». Ведь вся наша историческая литература, начиная с тридцатых годов и практически до середины 80-х, то есть почти полвека, писалась в духе концептуальных установок «Краткого курса».

В своем докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» М. С. Горбачев показал пример того, как надо, сверяясь по Ленину, заново прочитать и более полно, точно, освободившись от схематизма, догматизма, умолчания и неправды, рассказать без прикрас о том подлинно героическом и трагическом, чем богато все наше 70-летнее прошлое, повторяю,— все, кусочек за кусочком.

И когда размышляешь над необходимостью такого прочтения, то невольно вспоминаешь мудрые строки из недавно получившей популярность, хотя и написанной много лет назад поэмы А. Т. Твардовского «По праву памяти»:

И кто сказал, что взрослым людям
Страниц иных нельзя прочесть?
Иль нашей доблести убудет,
И на миру померкнет честь?

Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу.

Так вот, насчет прочтения отдельных страниц, тех самых «ломтей» и «ряда символов».

Долгие годы не только читающая публика, но и сами историки не могли объяснить, почему с таким накалом шло обсуждение вопросов о военных специалистах на VIII съезде РКП(б). Ведь потребовалось искусство В. И. Ленина, суровая критика им позиции К. Е. Ворошилова, чтобы осуществить перелом в настроениях тех, кто входил в военную оппозицию, и убрать ту межу, которая отделяла их от остальных делегатов.

А ведь обстановка была в то время поистине грозной. Шел второй год гражданской войны и интервенции. Целый год практики суровых битв показал: на одном героизме, без использования знаний и опыта специалистов победить нельзя. Да и не могли мы просто жертвовать жизнями десятков тысяч людей, чтобы добиться частного успеха. И Ленин в речи по военному вопросу подверг суровой критике Ворошилова, который много говорил о победах, но замалчивал их цену. Впрочем, обратимся к Ленину.

«Когда Ворошилов говорил о громадных заслугах царицынской армии при обороне Царицына, конечно, тов. Ворошилов абсолютно прав, такой героизм трудно найти в истории. Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов, и у нас 60 000 потерь. Это ужасно».

Пытаясь защититься, Ворошилов бросил реплику: «А сколько мы убили?», не добавив, впрочем, что на Царицын-то наступало три группы армии генерала Краснова (вторая, третья и четвертая) общей численностью 38 тысяч человек*.

В. И. Ленин вновь стал разъяснять члену Реввоенсовета 10-й армии необходимость взвешенного подхода к тяжелому делу ведения войны: «Я вполне знаю, что вы много убили, но, тов. Ворошилов, в том-то и беда, что все ваше внимание устремлено в этот Царицын. В смысле героизма это громаднейший факт, но в смысле партийной линии, в смысле осознания задач, которые нами поставлены, ясно, что по 60 000 мы отдавать не можем и что, может быть, нам не пришлось бы отдавать эти 60 000, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия».

И все же военная оппозиция, среди которой был К. Е. Ворошилов, упорствовала. Она собрала большое количество голосов. И тогда В. И. Ленин потребовал, чтобы член Политбюро И. В. Сталин выступил в защиту позиции ЦК. Сталин выступил, но, подчеркнув необходимость регулярной армии, в то же время подверг резкой критике доклад И. А. Акулова, отстаивавшего точку зрения ЦК. Одновременно И. В. Сталин обошел вопрос о военных специалистах. Почему? Да дело в том, что в душе он был полностью солидарен со своим единомышленником К. Е. Ворошило-

---

* «Гражданская война в СССР». Москва, 1980 г., т. 1, стр. 228.

вым, защищавшим партизанщину. Эта тайна вскрылась десять лет спустя, в июне 1928 года, когда, будучи председателем Реввоенсовета страны, К. Е. Ворошилов с удовольствием вспоминал в пылу откровения происшедшее на VIII съезде партии, раскрыв секрет главной пружины упорства оппозиционеров: «Я вспоминаю разговор относительно командного состава на VIII съезде. Что было там, когда мы, партийная часть начсостава тогдашней боевой действующей Красной Армии, выступили против так называемого увлечения спецами?.. Мы против этого бешено протестовали и вели борьбу. Со мной вместе тогда был единодушен и тов. Сталин, он на все сто процентов разделял это... Когда на VIII съезде партии я выступил на закрытом заседании со своей длинной речью против командных кадров, Владимир Ильич посвятил мне минут 30 и все меня чехвостил, а т. Сталина заставил выступить против нас с докладом».

И подобных примеров, связанных с деятельностью Сталина и Ворошилова в период гражданской войны, в нашей исторической литературе немало. Сегодня следует объяснить людям, почему мы не могли летом и осенью 1918 года выделить достаточно сил для взятия Уральска, освобождения Оренбурга, Урала — не хватило как раз тех тысяч бойцов, которые пали в боях под Царицыном, став ненужной жертвой презрения Ворошилова к военным знаниям и упования лишь на одно геройство. Именно в угоду Ворошилову и Сталину у нас с тридцатых годов по существу утвердился стиль замалчивания всех наших потерь во имя победы любой ценой. А о подлинных размерах этой цены в неведении были лишь мы. Наши враги ее давным-давно знали. И если мы не научимся осуждать свои прошлые ошибки, то мы не изживем пренебрежительного отношения к тем ошибкам, что свершаем сейчас. Сказал это, а на ум опять приходят строки из поэмы А. Т. Твардовского, который сетовал по поводу замалчивания:

Иль о минувшем вслух поведав,
Мы лишь порадуем врага,
Что за свои платить победы
Случалось нам втридорога?

— Отношение Ворошилова и Сталина к военным специалистам действительно совпадало. «И нужно было быть Сталиным и обладать его крупнейшими организаторскими способностями,— пишет Ворошилов в своей статье «Сталин

и Красная Армия»,— чтобы, не имея никакой военной подготовки (т. Сталин никогда не служил на военной службе!), так хорошо понимать специальные военные вопросы в тогдашней чрезмерно трудной обстановке».

И ни слова о тех ошибках, которые привели к потере 60 000 бойцов, о недооценке военных специалистов, о чем говорил на VIII съезде партии В. И. Ленин. Да, ловкое умолчание! Невежество и безрассудство Ворошилов выдает за разум и мудрость. Эти фальшивые ценности подкрепляются высказываниями самого Сталина. Цитируется, например, его записка В. И. Ленину из Царицына: «Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого — ни себя, ни других, а хлеб все же дадим. Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не спали и не бездельничали, линия не была бы прервана и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им». Такой же ненавистью к военным специалистам пронизана и телеграмма, цитируемая в статье: «Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически не способны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям».

Теперь становится понятнее и разгром военных кадров, учиненный Сталиным в 1937—1938 годах, когда было репрессировано более сорока тысяч командиров, политработников, военных инженеров и специалистов и, по свидетельству А. М. Василевского, «был ряд дивизий, которыми командовали капитаны, потому что все, кто был выше, были поголовно арестованы». По оценкам Г. К. Жукова, у Сталина оставалось весьма смутное представление о военном деле и перед Великой Отечественной войной.

Итак, в статье Ворошилова провозглашались официальные установки и ориентиры: обесценивание знаний, распространение посредственности, недоверие к специалистам — установки, деформировавшие впоследствии всю нашу духовную жизнь, способствовавшие ее обнищанию.

Самое трагичное, однако, в том, что представления «вождей» об интеллектуальном уровне общества совпадали с представлениями масс, исключения тут лишь подтверждают общее правило — критерии общественного прогресса вырастали из предрассудков и заблуждений своей эпохи. Ополчение Сталина и его окружения против интеллекта — не только разгром военных специалистов, а также погром

идеологическим палачом А. А. Ждановым художественной интеллигенции в 40-е годы, опустошение научных кадров в 30-е, 40-е годы — сближает Сталина и его клевретов с гитлеровцами. Невольно, но по существу сближает. «Интеллектуализм — заклятый враг национал-социалистического мировоззрения. Это самый упорный противник, которого труднее всего схватить»*,— считали фашисты.

Прав был К. М. Симонов, когда писал: «Следует ли, что, зная весь объем преступлений Сталина, объем бедствий, причиненных им стране начиная с тридцатых годов, объем его действий, шедших вразрез с интересами коммунизма, зная все это, мы должны молчать об этом? Я думаю, напротив, наш долг писать об этом, наш долг поставить вещи на свое место в сознании будущих поколений»**.

Тема — образ Сталина в художественной литературе и искусстве — выходит за рамки наших диалогов, она требует специального рассмотрения. Сейчас же мне бы хотелось обратить внимание на выступление Всеволода Вишневского на Первом съезде советских писателей. Он спрашивал: «Кто знает, как вел работу Сталин?.. Кто знает, что он играл решающую роль в той эпопее, которая разыгралась в Сибири, когда разгромили Колчака? Кто знает, что всем партизанским движением молча руководил Сталин? Он обеспечил разгром колчаковского белого фронта и дальневосточной интервенции. (Аплодисменты.) Проблему, образ большевистского пролетарского вождя мы обязаны решить, мы обязаны подняться выше «полкового», «дивизионного» уровня. Решение этой проблемы необходимо. Она имеет не только исторические цели, но и выводит нас в область самых высоких умственных, этических, моральных и военных категорий» ***.

— О вкладе Сталина в разгром Колчака, о его молчаливом руководстве всем партизанским движением мы уже достаточно подробно говорили. Отметим совпадение позиций Вишневского и Ворошилова в отношении Сталина. Служители культа личности, мобилизовывая художников на

---

* «Литература и искусство в третьем рейхе». Цит. по статье А. Гулыги «Искусство без морали» в книге «Искусство нравственное и безнравственное». Москва, 1969 г., стр. 123.

** Опубл. в «Правде» 27 мая 1988 г.

*** Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934 г. Стенографический отчет. Москва, 1934 г., стр. 284.

изображение образа вождя, надолго определяли и пути развития литературы и искусства. Уже одно присутствие в романе ли, спектакле ли такого персонажа, как Сталин, делало их почти неуязвимыми, ибо выводило «в область самых высоких умственных, этических, моральных и военных категорий».

— Конечно, по этому поводу можно рассуждать бесконечно. Антидемократическое мышление оказало разрушительное воздействие на литературу и искусство. Ведь требование «подняться выше полкового и дивизионного уровня» превратилось в тезис критиков-догматиков «быть выше окопной правды» и т. п.

— Подведем, Юрий Владимирович, некоторые итоги нашего первого диалога.

Подняв на щит наше огромное и богатое героическое прошлое, мы выходим из лабиринтов догматики на тернистую, но единственно верную дорогу перестройки, вооружая себя концепцией полной правды.

— В следующий раз, Владислав Константинович, давайте поговорим еще об одном «белом пятне» истории — о коллективизации в Казахстане, о роли в ней первого секретаря крайкома партии Филиппа Исаевича Голощекина.

— Хорошо. Давайте перенесем разговор на завтра.

2. ГОЛОЩЕКИН

— Что тревожит общественное сознание, Владислав Константинович? Конечно, трудные вопросы истории, ее «белые пятна» и главным образом «белые пятна» истории советского периода. Здесь и проблемы личности в историческом процессе, и проблемы крупных явлений: проблемы рабочего класса и крестьянства, интеллигенции и бюрократизма. Если вести речь о личности, надо оценить вклад тех, кто стоял у руля партии и государства, разобраться в истоках героического и трагического, что переплелись в событиях 20-х, 30-х годов. В том, почему после оттепели середины 50-х годов оказался возможен своеобразный возврат сталинизма, хотя в области внешней политики Сталин и Брежнев — личности далеко не сопоставимые, и трагедия культа при Брежневе породила фарс...

— Да, и подтвердила вывод классиков марксизма-ленинизма о том, как повторяется история.

— И если все это вместе взятое оценить, то какой закон диалектики наиболее полно проявил себя?

— Закон отрицания отрицания.

— В «Новом мире» недавно опубликованы рассказы Владимира Тендрякова, охватывающие четыре дня страны. Я помню, как Наталья Асмолова-Тендрякова, подготовившая текст к публикации, говорила мне, что эту работу писателя будет невозможно напечатать... Очень честные рассказы! Меня взволновал «Хлеб для собаки»— помните мальчика, который ел пироги, когда возле калитки лежали опухшие от голода люди? 33-й год, голод, люди умирают в привокзальном скверике...

Более миллиона жизней унес голод, разразившийся и в Казахстане.

— Сейчас в публицистике, исторической литературе республики приобрел немалую значимость вопрос о таких «белых пятнах» в истории Советского Казахстана, которые связаны с судьбами казахского кочевого аула, с теми колоссальными людскими и материальными потерями, которыми сопровождалось дело оседания кочевников. Трактовки происходившего неоднозначны, но они в принципе отличны от того, что давалось в наших официальных изданиях. Нет ли здесь перекоса? Попытаюсь коротко коснуться того, что связано с проблемой оседания кочевого аула на базе коллективизации. Собственно, эта тема представляет собой срез проблемы коллективизации. Принципиальная оценка того, какова значимость коллективизации, форм и методов ее осуществления, дана в докладе М. С. Горбачева о 70-летии Великого Октября «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Там М. С. Горбачев высказал следующее концептуально важное положение. В самом начале социалистического строительства сложилась «административно-командная система партийно-государственного руководства страной, усиливался бюрократизм... Надо откровенно сказать: на новом этапе не хватило по-ленински внимательного отношения к интересам трудового крестьянства. И главное — недооценили тот факт, что крестьянство как класс коренным образом изменилось за годы после революции. Основной фигурой стал середняк... Он стал верным и надежным союзником рабочего класса, союзником на новой основе».

Руководство коллективизацией велось без учета местных условий, осуществлялось административными методами. «Сверху давались произвольные процентные разнарядки. Грубые нарушения принципов коллективизации приобрели

повсеместный характер...»*

Если под вышеприведенным углом зрения проанализировать наиболее крупные обобщающие труды, не говоря уже о монографических исследованиях, статьях, докладах на конференциях, то нетрудно прийти к выводу: почти все созданное историками не стыкуется или плохо стыкуется с истиной. Это и не удивительно, ибо все, что писалось, утверждалось раньше, соответствовало концептуальным установкам работ И. В. Сталина и докладов Л. И. Брежнева.

То, что создано историками, безусловно, отражает лишь одну сторону правды. Пожалуй, характеристика другой стороны будет чересчур горькой и едва ли подлинные масштабы этой правды удастся определить быстро. И не только определить, но и точно отобразить. Нам представляется, что шагом на пути к этому может стать переиздание с необходимыми емкими и точными комментариями материалов VI Пленума Казкрайкома ВКП(б), проходившего в Алма-Ате в июне 1933 года. Эти материалы были изданы в 1936 году и подавляющему большинству историков, не говоря о тех, кто хотел бы побольше знать историю прошлого, недоступны уже хотя бы в силу того, что являются элементарной библиографической редкостью. А знай наши публицисты, писатели, философы или историки эти материалы сегодня, они бы не вводили людей в заблуждение сенсационными сообщениями относительно масштабов действительно огромной трагедии, которая как бы ледяным дыханием обожгла Степь.

Когда читаешь эти материалы, невольно задумываешься над такими моментами. Аул и деревня подошли к рубежу коллективизации в весьма неодинаковой степени готовности.

Если деревня стартовала с рубежа капиталистического развития, то аул отправной точкой имел предшествующую формацию — феодализм. Но конечной целью развития и аула, и деревни был социализм. И вот эта детерминанта обоих направлений сближала их, упомянутая огромная социально-экономическая разноудаленность (разрыв в целую историческую формацию!) наложила свой отпечаток на весь изобиловавший весьма драматичными поворотами процесс строительства новой жизни в нашей республике.

---

* *М. С. Горбачев.* «Октябрь и перестройка: революция продолжается». Москва, 1987 г., стр. 20.

Не стану касаться — хотя это весьма соблазнительно — характеристики того успеха, которого достигли за время действия новой экономической политики аул и деревня республики. Они весьма красноречивы. Именно эти успехи и позволили отсталой национальной окраине включиться с нарастающим темпом и усилиями в сложный процесс индустриализации, что позволяло качественно преобразить весь край. Именно эти успехи и дали основания руководителям, всей партийной организации Казахстана весьма оптимистично представить себе программу реализации установок XV съезда ВКП(б) на социалистическое переустройство сельского хозяйства края.

Именно эти успехи дали основания руководству крайкома и правительству Казахстана наметить масштабные мероприятия по осуществлению основных компонентов плана культурных преобразований в республике: ликвидации неграмотности, создании широкой сети культурных учреждений, формировании национальной советской интеллигенции и т. д. и т. п.

Таким образом, определенная экономическая основа рывка в социалистическое будущее была налицо. Но вот не совсем понятно другое. Непонятна та эйфория, которая дала возможность Голощекину, еще совсем недавно утверждавшему, что Октябрь прошел мимо аула, что в Казахстане нет достаточных партийных сил, что создание настоящей Советской власти только еще развернулось, вдруг принять такие максималистские по содержанию решения. Что я имею в виду? 9 ноября 1929 году член партии с 1903 года, бывший работник специального полномочного партийно-государственного органа — Турккомиссии ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР Ф. И. Голощекин, в общем-то, человек осторожный, формулирует идею о том, что необходимо достичь оседлости степняков на базе коллективизации.

— Ну, характеристика Голощекина как весьма осторожного человека вряд ли верна, Владислав Константинович. Вспомните речь Филиппа Исаевича на XV съезде партии (1927 год) во время обсуждения вопроса об оппозиции Зиновьева, Раковского, Смилги: «Товарищи, мне кажется, что нам нужно взять более твердую линию, нам нужно освободить партию от оппозиционной болтовни. Нам нужно, товарищи, дать возможность партии, дать возможность Советам, дать возможность пролетариату заняться нашей будничной, нашей постоянной работой,— говорил Голоще-

кин.— Надо установить жесткий режим в советской работе, жесткий режим в нашем быту. Мы, товарищи, на этом срежемся, если мы будем продолжать миндальничать с оппозицией. Нам говорят, и Сталин тут говорил,— мы не разрешили трехмесячной дискуссии, а только месячную. Верно ли это? Неверно. Мы имеем двухгодичную дискуссию, а не месячную или трехмесячную.

С этим, товарищи, нужно твердо и окончательно покончить. Никаких условий от оппозиции мы не принимаем и условий им не будем ставить. С ними, я думаю, у нас дело совершенно покончено. Нам нужно идти своим путем, ленинским путем»*.

Конечно, нужно учитывать остроту полемики, но ведь умел же Владимир Ильич не ставить разногласия в смертельную вину революционерам, если они даже отклонялись от партийной линии. Голощекин же поддерживал сталинскую линию «злого умысла», считая всех, кто уклонился от взглядов Сталина — злоумышленниками. Кстати, на XV съезде прозвучало грозное предупреждение и о способах ведения полемики. Так, представитель оппозиции Муралов сказал: «...на XIV съезде произошел величайший конфликт (по поводу форсированной индустриализации, которая, как показала история, осуществлялась за счет разорения крестьянства.— Ю. Ш.), но поскольку болезнь была не разрешена, а загнана внутрь, то нужно было предвидеть, что в партии возникнет масса недоразумений и бед... Съезды мы раньше собирали, предварительно обсуждая в обстановке хотя военной и тяжкой, но в своей партийной среде, не стесняясь и критикуя наши высшие партийные организации, и, критикуя, даже не боялись критиковать и нашего вождя, т. Ленина... а теперь в вопросах величайшей важности партия не принимала должного участия... По отношению к тем, которые не согласились с политикой, с направлением политики нашего Центрального Комитета, были приняты такие методы, которые не слыханы в нашей партии... все вопросы, которые мы поднимали, обращались против нас в величайшие демагогические приемы и клевету. Дело доходило до того, что в конце концов дошло до сугубых, величайших, неслыханных в партии репрессий по отношению к преданным старым членам партии, революционерам... доказавшим свою преданность революции не клеветой, а делами, и обвинили их в том, что

* XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. Партиздат ЦК ВКП(б). 1935 г., стр. 171.

они являются агентами Чемберлена... Потом пытались связать с врангелевскими офицерами... Товарищи, если любому из вас скажут, что вы убили свою жену, съели своего деда, оторвали голову своей бабке... как вы будете чувствовать себя, как вы докажете, что этого не было?»*

— Да, первый громкий звонок опасности прозвучал на XIV съезде партии, когда раскололся триумвират Сталин — Каменев — Зиновьев. Не прошло и двух лет со времени кончины Владимира Ильича, а его опасения о возможном расколе стали сбываться. И не только по линии противостояния: Сталин — Троцкий, а намного глубже, с генсеком круто разошлись те, кто его поддерживал, более того, ввел в число лидеров партии, те, кто более десяти лет — предреволюционных лет!— входил в ближайшее окружение Ильича, кому он особенно доверял, легко простив даже столь крайне опасный «октябрьский эпизод» (1917 года). У нас как-то чересчур упрощенно объяснялось, что вся питерская парторганизация поддержала платформу Г. Е. Зиновьева, что на борьбу с влиянием этого человека Сталин направил в Ленинград сначала целую бригаду членов ЦК, а затем С. М. Кирова. Думается, постепенно историки досконально разберутся во всем этом. Ну, а что касается упомянутых приемов, которые были применены против отдельных сторонников «новой оппозиции», то они показывали, на какую крайность и низость мог пойти и потом пошел Сталин.

— Вы назвали, Владислав Константинович, Голощекина автором идеи оседания на базе коллективизации.

— Да, да! Нам еще предстоит осмыслить эти два разноплановых процесса — переход от кочевого образа жизни к оседлому и переход от индивидуальной формы хозяйствования к коллективной — с современных позиций. Они слились в один.

Замечу, что все, что касается дела создания общественных форм ведения хозяйства — колхозов как разновидности социалистической формы, то оно в своих основных чертах опиралось на ленинское учение о кооперировании крестьянства — то есть на ленинский кооперативный план, легший в основу решений XV съезда ВКП(б) о коллективизации. Тот, кто попытается отыскать теоретические разработки путей и форм соединения коллективизации с оседанием, при всем желании найти их не смо

* XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. Партиздат ВКП(б), 1935 г., стр. 295—297.

жет. Как это ни горько сознавать, но такой сложнейший процесс теоретически оказался почти неподготовленным. И это касалось не только Казахстана, но и народов Бурятии, Калмыкии, Каракалпакии, Туркмении — собственно, всех, кто в это время переходил от кочевого к оседлому образу жизни. Да и под силу ли это было Л. М. Кагановичу, которому Сталин поручил заняться координацией дел в сельском хозяйстве? Ведь этот деятель — человек весьма средних способностей, волею судьбы вознесенный Сталиным в круг тех, кто стал вершить дела партии и страны.

Ноябрьский пленум 1929 года принял решения по проблемам социалистического переустройства сельского хозяйства страны. В соответствии с установками пленума в январе 1930 года ЦК ВКП(б) принимает постановление о темпе коллективизации, мерах помощи государства колхозному строительству. Там, в этом документе, определялись сроки развертывания коллективизации в зависимости от уровня готовности того или иного района. Казахстан подпадал под условия, определенные для второй и третьей групп — 1932—1933 годы. Однако, не без подсказки сверху и умелой оркестровки в печати внизу, на местах «родилась» инициатива о досрочном проведении коллективизации. Естественно, при этом планы преобразования оказались материально, политически, организационно должным образом не подкреплены.

Итог всего этого резко контрастен. Действительный успех в наиболее благополучных районах, где на уровне оказались и руководители, и коммунисты, где сами массы крестьян всем ходом событий были подготовлены к этому, но большая часть, и прежде всего хозяйства казахского аула, к такому темпу не были готовы.

Поясню. К 1930 году имелось 540 тысяч кочевых и полукочевых казахских хозяйств, 60 тысяч хозяйств осело раньше, в 1924—1929 годах. Около 200 тысяч вело полукочевой образ жизни, остальная масса кочевала. И если за предыдущие 10 лет мирной жизни порвали с традиционной формой — кочеванием — всего 60 тысяч семей, то естественно, что за три года перевести на оседлый образ жизни 340 тысяч хозяйств было задачей непосильной. Однако решение принято, ЦИК республики в свою очередь соответственно в 1930, 1931, 1932 годах принимает серию постановлений, стремясь как-то упорядочить этот непростой процесс.

В «Истории Казахской ССР», в «Очерках истории Ком-

партии Казахстана», в различных монографиях наших историков изложение великого скачка, совершенного под руководством Ф. И. Голощекина, дано спокойно. «Искривления линии партии в области коллективизации привели к расстройству хозяйств значительной части кочевого и полукочевого населения. В этих условиях байским элементам удалось убедить немало казахских крестьян откочевать в другие районы страны».*

— Но ведь вы же сами сказали, что казахские кочевые аулы причислялись ко второй и третьей группам. А там сплошную коллективизацию намечалось провести в 1932—1933 годах...

— Да, такое постановление ЦК партии было. Дело вот в чем. Те кадры партийных работников, которые возглавляли республиканские, краевые и областные комитеты, за период с января 1928 по ноябрь 1929 года включительно убедились в том, что Сталин, сломав сопротивление очень сильной и мощной группы Бухарина, которую квалифицировали как «правоуклонистскую»— хотя и Николай Иванович Бухарин, и его сторонники не были ни правыми, ни уклонистами — полностью овладел контролем над партийным и государственным аппаратом, а с помощью своего приближенного Г. Г. Ягоды — и органами ОГПУ. Любой спор с вождем, любое несогласие с его мнением фактически означали для партработника политическую смерть.

— Значит, партийное руководство на местах стремилось досрочно завершить процесс коллективизации?

— Ноябрь 1929 года был месяцем проведения в Москве Пленума ЦК ВКП(б) и подготовки конференции аграрников-марксистов. Там, на Пленуме, его участники подверглись невиданному нажиму. Начало положила появившаяся в «Правде» 7 ноября, то есть в день 12-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, статья Сталина «Год великого перелома», где шла речь о «решающей победе» в деле социалистического преобразования сельского хозяйства. И хотя это была самая настоящая фальсификация фактов, но В. М. Молотов, Л. М. Каганович, вторя Сталину, повели на Пленуме речь о необходимости закончить коллективизацию через год. В этой обстановке и появляется печально известный тезис Ф. И. Голощекина о необходимости проведения оседания кочевого аула на базе коллективизации. Первый секретарь Казкрай-

* История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Москва, Политиздат, 1953, с. 291.

кома ВКП(б) обнародовал свой тезис-установку 9 ноября 1929 года, за день до открытия Пленума ЦК партии.

Конец 1929 года был временем обычным для всех, но весьма необычным лично для И. В. Сталина. Он, судя по всему, хотел как можно памятнее, ярче отметить свой 50-летний юбилей. Это чувствовало его ближайшее окружение.

И, как говорится, они давили на все педали. Если ленинский юбилей случайно совпал с победоносным завершением гражданской войны, разгромом Колчака, Юденича, Деникина — то есть тех белых лидеров, кто военным путем хотел перечеркнуть дело Октября — и многие коммунисты естественно связывали этот радостный для партии и страны итог с именем В. И. Ленина, то Сталин, завидуя Ильичу, хотел добиться не менее грандиозной победы, войти в историю со своим Октябрем. И он решил превратить в личную победу дело коллективизации. Не случайно потом во все учебники вошел из «Краткого курса» сталинский вывод, что коллективизация и ликвидация кулачества и равных ему социальных элементов (а в Казахстане, Киргизии это — байство) представляли собой «глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту 1917 года».

Вернемся, однако, к тезису Ф. И. Голощекина. Самое печальное заключается в том, что находившийся в плену эйфории дутых цифр и левокоммунистической идеологии прямого штурма, первый секретарь Казкрайкома, судя по всему, не задумывался над тем, что штурм теоретически не продуман, тактически не подготовлен, материально не подкреплен, все решается на ходу, спонтанно. Сегодня трудно сказать, размышлял ли Голощекин хоть чуть-чуть над тем, что у ленинского Великого Октября была трехлетняя генеральная репетиция 1905—1907 годов, был грандиозный Пролог — Февральская буржуазно-демократическая революция, были трудные прикидки трех кризисов 1917 года: Апрельского, Июньского, Июльского, имелся детализированный теоретический анализ в таких работах, как «Кризис назрел», «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Марксизм и восстание», «Большевики должны взять власть», «Советы постороннего». Наконец, укажем еще на одно немаловажное обстоятельство. Ленин стягивал к рабочему классу все наиболее честное из других классов, социальных прослоек, групп, налаживал блок с левыми эсе-

рами, подготовил принятие в большевистскую партию такой организации социал-демократов, как межрайонцы, в составе которых были честные и преданные революционеры Урицкий, Володарский.

Можно ли сказать нечто подобное о сталинской готовности? Безусловно, нет! Ни в теории, ни тем более в практике должного задела не имелось. Особенно это касалось нашего региона. И, конечно, импровизированный тезис Голощекина не мог ничего и никого подготовить. Но он был дан, и на его «теоретической» базе появилось постановление Казахского ЦИК, а затем и решение СНК Каз.АССР от 8 января 1930 года о создании специального правительственного аппарата для руководства оседанием кочевого и полукочевого населения. На 1930 год ставилась задача перевести на оседлость 100 тысяч хозяйств.

Дело перевода на оседлость осложнялось рядом обстоятельств. Уже с 1928 года население страны — я имею в виду городское — жило в условиях обострившегося продовольственного кризиса, приобретало хлеб, мясо, жиры по карточкам. Наркомат по делам заготовок получил от Сталина чрезвычайные полномочия — почти такие же, как продотряды в 1918—1919 годах. И действовали заготовители не церемонясь. Нормы и разнарядки даже подталкивали их на это. В 1928 году в Казахстане собрали около 155 миллионов пудов зерна (2,5 миллиона тонн). Товарных было 52 миллиона пудов (800 тысяч тонн). Выходит, крестьянину пришлось экономить на себе, держать впроголодь скот.

Нажим продолжили и в 1929 году.

Аналогичная картина складывалась и с мясопоставками. Директивы наркомата требовали: больше, больше, больше! В 1926 году поставки скота на мясо составили 160 тысяч голов крупного рогатого скота и лошадей, 140 тысяч овец. В 1930 году эта цифра выросла до 1,7 миллиона голов крупного рогатого скота и 2,3 миллиона овец. Но ведь в городах карточная система на хлеб и мясо отменена не была. Куда же все это пошло? На экспорт! За счет разорения крестьянства, голода в городе и селе зарабатывалась валюта. Напомню: в 1921—1922 годах при Ленине мы тратили свой золотой запас и имевшиеся валютные крохи, чтобы спасти народ, в частности в Поволжье и Западном Казахстане, а в 1929—1932 годах везли на экспорт хлеб и мясо, хотя вся страна голодала. Такой подарок сделал стране и народу И. В. Сталин.

Словом, подготовленность к проведению коллективизации теми темпами, которые диктовали Сталин и его окружение, была явно недостаточной, а результат принес не только огромные людские потери, но и дал «хвосты», негативное воздействие которых наше сельское хозяйство ощущает до сих пор: крестьянина по существу отучили от хозяйского отношения к делу и превратили в обычный «винтик» сельскохозяйственного цеха страны.

Что же касается такого района, как Казахстан, то воздействие нажима оказалось более разрушительным, а масштабы гибели людей более катастрофичными, чем где бы то ни было.

Когда провал большого скачка в аграрном вопросе стал очевиден, Сталин в марте 1933 года поручает сельхозотдел новому выдвиженцу А. А. Жданову.

Те, кто позднее будут детально разбираться с подробностями «успехов» оседания на базе коллективизации, наверняка воссоздадут всю ту атмосферу невиданного нажима, в которой первый секретарь Казкрайкома ВКП(б) Ф. И. Голощекин оказался и творцом, и пленником обстоятельств.

— Владислав Константинович, вероятно, стоит напомнить выступление Голощекина на XVI съезде партии.

Он тогда сказал: «Казахстан за эти два с половиной года имеет крупные достижения в своем экономическом, политическом и культурном развитии. Экономика Казахстана уже играет довольно ощутительную роль в индустриализации Союза своим хлебом, животноводством, медью, свинцом и лубяными растениями.

За этот период мы ударили по феодальным, патриархальным и родовым отношениям. В течение этого времени мы провели крупные социально-экономические мероприятия, как, например, передел луговых и пахотных угодий, экспроприацию полуфеодалов, сейчас мы проводим еще одно, очень крупное мероприятие, именно проводим в плановом порядке, на основе коллективизации, *оседание казахского полукочевого и кочевого населения*. Это оседание будет стоить примерно такой же суммы, какой стоила постройка Турксиба — около 300 миллионов рублей. По своему же политическому и экономическому значению, с точки зрения разрешения пролетарским государством национального вопроса, оно будет иметь, в буквальном смысле, мировое значение. Все это коренным образом изменит всю физиономию отсталого Казахстана».

Но местная печать, освещая этот процесс, должна была

2—1144

особо выделить слова Голощекина о том, что «мало кто понял и уяснил себе существо и важность дела оседания».

Голощекин разделял точку зрения Сталина на усиление классовой борьбы по мере строительства социализма. Так, выступая на первом краевом совещании по оседанию, он заявил следующее. «Оседание — это прежде всего вопрос классовой борьбы. Это практические работники по оседанию должны себе крепко усвоить. Ибо, если оседание решает вопрос уничтожения полуфеодальных, патриархальных и родовых отношений, если оседание связывается с освобождением бедняцко-середняцкого населения от эксплуататоров, то он может решиться только в итоге классовой борьбы. Или вы думаете, что баи и аткаминеры так легко расстанутся со своим привилегированным положением? Неужели вы думаете, что те, которые веками создавали себе огромные стада, ковры, хорошие юрты и т. п. за счет аульных масс, те, которые посылали своих детей в русские гимназии, при абсолютной неграмотности большинства — сложат ручки в брючки? Не выйдет это!

Поэтому вопрос оседания — это вопрос классовой борьбы. И всякий, кто берется за оседание, должен усвоить это исходное положение»*.

— Уже весной 1932 года стало ясно: скот еженедельно падал десятками тысяч; хлеба во многих новых колхозах не было — его сдали в госпоставки; вчерашние кочевники, не успев освоиться на новом месте, ради спасения своей жизни кинулись в сравнительно благополучные районы. Так, в северные районы Узбекистана прикочевало несколько десятков тысяч казахов-колхозников. 18 марта 1932 года коммунист Ташкентской партийной организации Умеров информировал Ф. И. Голощекина, в копии — председателя Центральной контрольной комиссии партии Ем. Ярославского о том, что лично его, Умерова, поражает массовость явления откочевок, сопровождающихся масштабной, невиданной в прежние голодные (1917, 1918, 1921, 1922) годы гибелью людей. Однако эта информация должной оценки не получила, ибо она подрывала веру в необходимость темпов, а также того нажима, который практиковался.

Летом, осенью и зимой 1932 года размеры бедствия катастрофично нарастали, а к весне 1933 года приобрели характер подлинного национального бедствия. Но на «Олимпе» все было спокойно. Справедливости ради отмечу, и

---

* «Народное хозяйство Казахстана», 1930 г., № 3—4.

это подтверждается многочисленными документами, что Ф. И. Голощекин не раз и не два сигнализировал Москве, но нажим продолжался.

— Кстати, что это за сигналы Москве?

— Речь идет о просьбах хотя бы чуть-чуть снизить невероятный по своим размерам объем хлебо- и мясозаготовок. Теперь уже общеизвестно, что, неверно оценив колебания крестьянства, выразившиеся в замедлении вывоза хлеба на рынок, стремлении придержать часть урожая, И. Сталин настоял на применении чрезвычайных мер к значительной части середняков, которых срочно зачислили в кулаки. Недостаток продуктов попытались решить мерами периода «военного коммунизма»— сверху для каждой республики, в данном случае Казахстану, жестко определили объем поставок, поручив их выколачивание наркому заготовок, наделив его чрезвычайными полномочиями.

Размеры поставок, развертываемых наркоматом заготовок, значительно превышали реальные возможности сельского хозяйства республики. Объем мясопоставок за три года вырос почти в 10 раз, со 160 тысяч голов до 1,5 миллиона. И вот 7 апреля 1930 года Ф. И. Голощекин направляет И. В. Сталину телеграмму, где просит скостить объем поставок хотя бы на треть. Такого рода просьбы шли и потом, но Москва упорно молчала.

Цифра же обязательных поставок росла. К чему это привело? На упомянутом мною раньше VI Пленуме Казкрайкома ВКП(б) в июле 1933 года приводились такие примеры.

Участник Пленума Нурмухамедов: «Мой родной брат, человек, который 12 лет работал батраком, имел единственную корову и никогда никакого посева не производил, был обложен в 1930 году 5 пудами хлеба. Чтобы выплатить этот хлеб, он вынужден был продать последнюю корову и кое-что из домашней утвари. К сожалению, таких случаев было очень много»*.

Другой участник Пленума Сегизбаев: «Гражданин Сарыбаев из Сарысуйского района имел всего 4 души (члена семьи — В. Г.), два верблюда и 5 овец. Получил задание на сдачу 80 овец и 4 коров»**.

---

* Шестой пленум Казахского краевого комитета ВКП(б). 10—16 июля 1933 года. Стенографический отчет. Алма-Ата, 1936 г., стр. 182.

** Там же, стр. 231.

Любые попытки местных партийных, советских и хозяйственных работников как-то облегчить налоговое бремя, высшее руководство страны квалифицировало как прокулацкую политику. Уже после того, как И. В. Сталин лично отредактировал текст Закона от 7 августа 1932 года, через месяц за его подписью в местные партийные комитеты было разослано письмо о необходимости ожесточенной борьбы с теми, кто пытался защитить крестьянство. Таких людей письмо квалифицировало как врагов. А «враг с партбилетом в кармане должен быть наказан строже». Соответственно предлагалось их арестовать и осудить на 5—10 лет.

Вдохновленные такой высокой защитой, заготовители в ряде мест буквально распоясались. На VI Пленуме Казкрайкома ВКП(б) работник Чистянской МТС говорил: «На местах во многих областях происходили неслыханные перегибы во время заготовок»*. Представитель Полудинской МТС, прибыв после заготовителей в село Бугровое, узнал «о существовании так называемых штрафных рот: провинившийся колхозник в 40-градусный мороз становился на молотилку и т. д.»**

Каков же был печальный итог всему названному? Гибель сначала скота, а затем и людей. Точная цифра погибших в республике от голода пока неизвестна, но, по самым осторожным подсчетам, она колеблется в пределах 1 100 тысяч —1 500 тысяч. Конечно, это не три миллиона, как говорят отдельные товарищи, но все же это примерно 15 процентов населения республики, из них около 700 тысяч — казахи, остальные — русские, украинцы и другие. Не случайно на упомянутом Пленуме несколько раз поднимался вопрос о расселении бывших откочевников в полностью опустевших селах и аулах.

Каков же оказался материальный ущерб? Он назван выступавшими на Пленуме. Вот несколько наиболее типичных примеров:

Тулепов: «В Чубартауском районе в 1930 году было 483 тысячи голов скота, почти полмиллиона, а в 1933 году только 783 головы... В Аксуйском районе было 83 тысячи голов, осталось меньше 6 тыс.»***

Сыргабеков: «Наша Восточно-Казахстанская область в

* Там же, стр. 63.

** Там же, стр. 68.

*** Там же, стр. 102.

1926 году при не совсем точном учете (так скот от обложения скрывали) имела 3 616 000 голов скота, в 1930 году 1 986 000 голов, в 1931 году — 1 185 000 голов, в 1932 году — 744 000 головы, в 1933 году — 500 000 голов или 15 процентов к поголовью 1926 года»*.

Ярмухамедов указал, что в 1931 году в Тургайском районе было 100 тысяч голов скота, в 1933 году осталось всего 4 тысячи голов**.

Участники Пленума, не располагая достаточной информацией о том, как планировалась политика коллективизации в центре, все же сумели выявить просчеты республиканского плана, и притом весьма крупные. Они указали на явную абсурдность декабрьского решения крайкома партии 1929 года: «Стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству... Форсировать коллективизацию бедняцких и середняцких хозяйств»***.

По-современному четкой и глубоко научной можно назвать оценку ошибок коллективизации и оседания, которую дал М. Тулепов: «...в результате грубейших политических ошибок, допущенных бывшим краевым руководством во главе с тов. Голощекиным, по самым основным вопросам хозяйственного и политического строительства Казахстан к концу 1932 года оказался в чрезвычайно тяжелом положении. Эти ошибки выразились в недооценке особенностей казахского аула, форсировании темпов коллективизации без закрепления занятых позиций, механическом перенесении методов коллективизации передовых районов Советского Союза в отсталые кочевые аулы, в нарушении по ряду серьезнейших вопросов ленинской национальной политики, наконец, в подмене массово-политической работы голым администрированием»****.

— Ничего не скажешь, действительно глубоко научный анализ. Дальнейшая судьба М. Тулепова, конечно, печальна?

— Да, увы. Правда, на Пленуме его ввели в состав крайкома и даже бюро, он стал секретарем Алма-Атинского обкома партии, но те из поклонников вождя, кто увидел

* Шестой пленум Казахского краевого... стр. 206.
** Там же, стр. 347.
*** Там же, стр. 143.
**** Там же, стр. 100.

в этом анализе практическое обвинение сталинизму, а оно налицо, такую «деталь» не забыли.

— Мне думается, Владислав Константинович, это довольно точное наблюдение, но хотелось бы вернуться к Голощекину.

— Уже давно в кругах историков и журналистов ходили «байки» относительно того, что интересные, документально подтвержденные подробности поведения Ф. И. Голощекина в те сложные дни 1930—1932 годов содержатся в воспоминаниях его бывшего помощника, члена партии с 1920 года Михаила Сергеевича Ряднина... Сам он несколько лет назад скончался, так и не сумев опубликовать довольно объемистую — 250 страниц машинописи — рукопись, которую назвал «Встречи с прошлым». Его родные любезно согласились познакомить нас с материалами рукописи.

Вскоре после публикации выступления И. В. Сталина на совещании аграрников-марксистов в ноябре 1929 года и постановления ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации» в крайкоме партии началось оживление.

«О коллективизации сельского хозяйства, именно о темпах коллективизации заговорили всюду,— пишет Ряднин.— Вопрос этот не сходил с повестки дня любого заседания, любого совещания. Все чаще стали говорить о районах сплошной коллективизации, о неуклонном росте их количества. Говорили даже о соревновании: кто быстрее. Приходили в то же время сообщения о том, что в цифрах о коллективизации много огульного, много вранья, что местные работники в погоне за сплошной коллективизацией нарушают принцип добровольности. Конечно, последнее в крайкоме осуждалось, но главным тем не менее оставалось то, что темпы коллективизации радостно воспринимались всеми, ими, можно сказать, просто упивались.

Вспоминаю такой случай. Голощекин был в Москве. Как я потом узнал, в ЦК рассматривался вопрос о фактах извращения на Северном Кавказе линии партии в коллективизации сельского хозяйства. В это время на бюро крайкома (председательствовал И. Курамысов) встал вопрос о коллективизации, в особенности в районах сплошной коллективизации, о главном звене коллективного объединения крестьян. Долго обсуждался этот вопрос. Одни настаивали точно определить список районов сплошной коллективизации и опубликовать его в газетах —«пусть, мол, все знают, где надо завершить коллективизацию и где можно переходить от одной формы объединения крестьян к другой,

более высокой форме». Другие члены бюро возражали против этого, предупреждали о возможных в связи с этим перегибах на местах. К сожалению, эти «другие» были в меньшинстве.

Тем временем я получил телеграмму Голощекина. В ней предлагалось мне выехать с материалами в Чимкент, встретить его там. Так я и сделал. Как только остановился поезд на станции Чимкент, я тут же поспешил в вагон к секретарю крайкома. Его первым вопросом было:

— Ну, что в крайкоме нового?

Я рассказал о заседании бюро, о принятом решении по коллективизации, сообщил о том, что в сегодняшних газетах публикуется это решение со списком районов сплошной коллективизации. Голощекин схватился за голову.

— Ну что они там делают? Ведь Андрееву ЦК объявил выговор почти за то же самое... Что делать? Нет, нет! Надо задержать газеты! Надо их конфисковать, изъять! И чтобы ни одного экземпляра не попало на места. Готовь телеграмму об этом, отправь ее сию же минуту! Я попытаюсь задержать на это время поезд...

Телеграмму я отправил. Поезд уже шел в сторону Алма-Аты, а Голощекин все еще не находил себе места. Не выпуская трубки изо рта, он ходил и ходил по салону, ворчал и ворчал во всеуслышание:

— Надо же додуматься опубликовать список районов... Да ведь завтра же начнется кутерьма в районах. Начнут форсировать... Неужели не ясно это?

А поезд шел до крайности медленно (дорога-то была еще новой!), и нервозность Голощекина проявлялась все отчетливее.

— Надо же!.. Так и голову могут снять... Как ты думаешь: уже получили там мою телеграмму? Может, повторить ее?

С утра шел снег, сейчас он усилился. Крупные хлопья его забивали окна в салоне. На остановках проводники очищали их, но они тут же покрывались налетом влажного снега. А через несколько часов поезд с трудом продвигался вперед. Снегоочистители оказались бессильными, и поезд в конце концов совсем остановился. Ни взад, ни вперед. А до Алма-Аты было еще далеко: железнодорожники говорили о 40—50 километрах. Голощекин рвал и метал.

— Это же скандал! Мне надо срочно попасть в Алма-Ату, срочно. Что хочешь делай, только отправь меня сейчас же в Алма-Ату! Сейчас же!

Вместе с проводником, через непрекращающийся снего-

пад я кинулся на станцию, в разбросанные за ней избушки. Кое-как нашли пару лошадей, сани, шубу и хозяина, вознамерившегося заработать на этом. Через час-полтора Голощекин уехал на санях в Алма-Ату. Меня он не взял с собой. «Береги материалы мои, ничего не забудь в вагоне!»— сказал он на прощанье. Лишь на вторые сутки вагон был доставлен в Алма-Ату.

Когда я вернулся в крайком и приступил к исполнению своих обязанностей, то столкнулся прежде всего с необходимостью учесть, весь ли тираж газет изъят, сколько экземпляров и где не хватало. Оказалось, что почти повсеместно недостает какое-то количество газет; больше всего их недоставало в Алма-Ате: тут часть газет была доставлена подписчикам (пытались посылать письмоносцев на квартиры подписчиков, но это мало что дало)...»

Михаил Сергеевич Ряднин довольно подробно рассказывает о ходе работы VII Всеказахстанской партийной конференции, открывшейся 30 мая 1930 года в Алма-Ате:

«Я присутствовал на ней как делегат с правом совещательного голоса, ответственный к тому же за срочное издание стенографического отчета конференции. Это означало, что все материалы проходили через мои руки и только после моего окончательного редактирования шли в набор: все остальное — вычитка корректуры, подпись к печати — делали работники РОСТа. Отчет (солидная книга!) был готов сразу же после закрытия конференции; члены бюро крайкома получили его с оттиском на обложке их фамилий (такой оттиск, конечно, я сделал и себе, но сохранить книгу не сумел).

Я не думаю писать отчет о конференции, но нельзя не сказать: конференция продолжалась целую неделю — и вопросов было много, и обсуждались они активно, остро. Только отчетный доклад крайкома (на русском языке с докладом выступил Голощекин, на казахском — Курамысов) * занял несколько заседаний. Особенно злободневными были вопросы коллективизации сельского хозяйства — все признавали, что в колхозном строительстве допущены массовые перегибы и искажения политики партии, что с ними надо решительно кончать.

Однако лишь спустя год-другой, с высоты пережитого, стало ясным: конференция приняла далеко не все необходимое к тому, чтобы действительно покончить с переги-

* Момент, очень показательный для характеристики национальных отношений.

бами в коллективизации сельского хозяйства, особенно в казахских районах, чтобы предотвратить тяжелые последствия этих перегибов. Правда, Ф. И. Голощекин в своем докладе очень долго говорил по вопросам коллективизации, приводил много фактов грубейших извращений директив партии по поводу темпов коллективизации и практического осуществления политики ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, резко критиковал за это руководителей окружных партийных комитетов, что же касается самого крайкома партии, его руководства этим важнейшим делом, то он лишь в «общем и целом» признавал свою ответственность за перегибы. Больше того, добрую часть своей речи он посвятил доказательствам того, как правильно руководил крайком, какие правильные директивы давал по всем этим вопросам. То же самое можно сказать о специальном докладе на конференции «О коллективизации сельского хозяйства», с которым выступали руководители Крайколхозсоюза тт. Залогин и Искаков.

Между тем уже тогда были известны факты откочевок казахских хозяйств и целых аулов в сопредельные с Казахстаном области Российской Федерации и даже в Западный Синьцзян. Эти откочевки происходили как под влиянием грубых нарушений принципов добровольности в коллективизации, так и под влиянием кулацко-байской агитации, разжигаемой и постоянно подогреваемой националистами. Как правило, откочевки сопровождались уничтожением огромного количества скота, и откочевники часто оказывались на новом месте без средств к существованию. Тяжелые последствия!

Нужны были действительно решительные меры по строжайшему соблюдению директив партии по коллективизации сельского хозяйства и об исправлении перегибов. К сожалению, разбежавшаяся машина все еще продолжала катиться по инерции, и это довольно сильно затянуло исправление перегибов, по-прежнему вело к росту откочевок.

...По всем вопросам, обсуждавшимся на VII Всеказахстанской партийной конференции, были приняты единодушные решения».

Вскоре после конференции, пишет М. С. Ряднин, он уехал отдыхать в Крым, в Дом отдыха Сууксу вблизи Гурзуфа. Правда, отдых был относительным, ибо по поручению Ф. И. Голощекина пришлось срочно готовить к печати ряд материалов. И тем не менее отдохнуть удалось. Более того, имел место ряд интересных встреч.

«Познакомился с отдыхающими и от них узнал: в небольшом особняке тут же в Доме отдыха «отсиживается» Бухарин. Он еще в прошлом году был выведен из состава Политбюро ЦК ВКП(б) как застрельщик и руководитель правых уклонистов, и делегатом съезда его ни одна организация не избрала. Оказавшись не у дел, он занимался то чтением газет с цветными карандашами в руках, то катанием на лодке.

Кататься на лодке в тихую погоду любил и я. Однажды решил заплыть на ней в находящийся неподалеку от берега грот, надеясь отдохнуть там, немного остыть (было очень жарко!). И не знал, что место уже занято. Разогнав лодку, я нырнул в грот и столкнулся с лодкой... Бухарина. Пришлось извиниться и покинуть грот. Больше до конца отпуска туда не заглядывал».

По ряду нынешних публикаций и спектаклю «Письмо Сталину» в республиканском ТЮЗе (пьеса Ш. Муртазаева) складывалось мнение, будто основная заслуга в борьбе с порочной практикой Голощекина — Кагановича принадлежит видному казахскому коммунисту Турару Рыскулову, занимавшему в те годы пост заместителя председателя Совнаркома РСФСР. Чуть выше мы вели речь об «информации» А. Умерова на имя председателя ЦКК ВКП (б). Письма подобного плана в последующие месяцы на имя Сталина, Молотова, Кагановича направляли писатели, партийные и государственные деятели Казахстана, а в сентябре 1932 года и Т. Рыскулов. В материалах «круглого стола», опубликованных газетой «Социалистик Казахстан» в августе 1988 года, указывалось, что число таких обращений в ЦК партии было велико и в сумме они давали информацию, имевшую значение, во-первых, первоисточника, во-вторых, более объемную и конкретную, чем та, которая содержалась в служебных записках Т. Рыскулова.

— Но ведь известность в народе приобрели не послания Исаева, других ответственных работников, а письмо Т. Рыскулова... К сожалению, полностью оно до сих пор не опубликовано.

— Видимо, исходили из бюрократического стремления замолчать трагедию народа, не дать возможности поставить под сомнение сталинско-голощекинскую практику коллективизации.

Вот основные моменты письма Т. Рыскулова. «Откочевки казахов из одного района в другой и из пределов Казахстана, начавшиеся в конце 1931 года с возрастанием

к весне и возвращением части откочевников (благодаря принятым мерам) летом 1932 года, вновь теперь усиливаются. Смертность на почве голода и эпидемий в ряде казахских районов и среди откочевников принимает сейчас такие размеры, что нужно срочное вмешательство центральных органов. Такого положения, какое создалось сейчас в Казахстане в отношении определенной части казахского населения, ни в одном другом крае или республике нет. Откочевники разносят с собой эпидемии в соседние края... Помощь, оказанная... постановлением ЦК отпуском продовольствия, в значительной части не достигла цели... Ввиду большого значения этого вопроса прошу Вас ознакомиться с настоящей запиской и вмешаться в это дело и тем самым спасти жизнь многих людей, обреченных на голодную смерть».

На основании письма Т. Рыскулова можно более или менее точно вычислить, сколько людей тогда ушло за пределы республики. Это примерно 1,7 миллиона человек. Такая огромная масса людей впервые в истории снялась со своих родных мест и кинулась спасаться. Рыскулов-политик обращает внимание политика Сталина, равно как и его окружения, на необходимость оценить целый ряд вытекающих из всего сказанного наблюдений и обобщений. Они же, на мой взгляд, таковы. Передвижение такой махины, как почти два миллиона человек, нельзя не замечать, иначе люди сочтут тебя слепцом. Проблема откочевок в силу их масштабности и массовости воочию подтверждает: нельзя ограничиваться коррективами политики коллективизации, ибо эта политика полностью провалилась, ее надо просто менять!

Рыскулов обнажает причины беды — ее замалчивание и малоэффективные меры. «Все это не случайно,— пишет он,— а является следствием определенно проводившейся прежним руководством крайкома линии. Запрещено было где-либо — даже в самой Алма-Ате, где на улицах убирали трупы,— говорить официально, что есть голод и смертные случаи на этой почве. Мало того, местные работники не смели говорить о том, что есть сокращение скота. Представители Казахстана, приезжая в Москву, в центральных советских органах ни разу не ставили официально вопроса о том положении, которое существует в Казахстане». Уровень сделанных Т. Рыскуловым обобщений, сама весомость его фигуры значили многое. Служебная записка Т. Рыскулова на имя Сталина, Молотова и Кагановича, несомненно, сыграла свою роль, но ее главная

функция, на мой взгляд, заключалась в том, что, обобщив материал о географии откочевок (Западная Сибирь, Южный Урал, Средняя Азия, Китай), Т. Рыскулов показал вдобавок, что массовость откочевок простой люд страны может легко увязать не только с неудачей коллективизации в казахском ауле, но и с провалом национального аспекта коллективизации.

Акцентируя внимание на отмеченных аспектах, Т. Рыскулов посуществу ограждал нового первого секретаря Казкрайкома Л. И. Мирзояна от того нажима, которому подвергался его предшественник — Ф. И. Голощекин.

Получив относительную свободу рук, Л. И. Мирзоян спустя два месяца после утверждения на посту руководителя Казкрайкома направляет в ЦК ВКП(б) записку, которая и стала основой для принятия крупных решений партии и правительства по Казахстану. Она была рассмотрена на самом высоком уровне сначала 9 апреля, а затем 8 мая 1933 года. С учетом упомянутых обсуждений ЦК создало для комплексного решения проблем комиссию во главе с членом Политбюро ЦК Л. М. Кагановичем. В ее состав были включены кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) А. И. Микоян, члены и кандидаты в члены ЦК ВКП(б), руководители союзных наркоматов Н. И. Ежов, Д. Е. Сулимов, Я. А. Яковлев, Г. Л. Пятаков, а также представители Казахстана У. Исаев и Л. И. Мирзоян.

15 июня 1933 года ЦК партии утвердил представленные комиссией предложения, а вскоре — 10—16 июля — программу реализации этих предложений рассмотрел VI расширенный Пленум Казкрайкома ВКП(б). С того времени и начался перелом, позволивший существенно оздоровить обстановку в ауле, вернуть в родные места часть откочевников. Позднее, в 1934—1935 годах, было названо число вернувшихся — более 150 тысяч.

Таковы те моменты из истории коллективизации, о которых сегодня надо сказать четко и ясно.

3. АЛАШ-ОРДА

— Итак, мы продолжим наши диалоги, Владислав Константинович. С кем боролись наши, казахстанские большевики, как они сумели одолеть противников из рядов непролетарских партий, привлечь на свою сторону кадры немногочисленной национальной интеллигенции, отвоевать ее у лидеров партии «Алаш»? Есть ли у вас, историков, ответ на этот вопрос или хотя бы попытки ответа?

— Проблему изучения истории «Алаш» и связанные с ней вопросы о судьбах многих представителей национальной интеллигенции, пожалуй, не назовешь «белым пятном». Оно скорее какого-то неопределенного цвета. Порой его очертания даже не установить, настолько расплывчаты, размыты грани.

— Расплывчатое пятно?

— Пожалуй, да. Оно полутонами в целом ряде мест переходит в полуизученные, слегка разработанные участки нашего прошлого.

— А у меня, Владислав Константинович, складывалось порой ощущение, что непримиримо критическая оценка партии «Алаш» — и тех, кто был с ней связан, — это сплошное черное пятно!

— Степень оценки в литературе не всегда и не совсем адекватна роли той или иной партии, той или иной личности.

Так вот, об «Алаш».

Литература о ней, казалось бы, и не так уж многочисленна. Впервые в 1927 году появилась небольшая брошюра Архипа Кузьмича Бочагова, в то время, в самом начале пятилетки, он занимал должность руководителя Казахского государственного издательства. И как он сам мне рассказывал на встрече в Оренбурге в январе 1973 года, написал эту брошюру по просьбе руководства крайкома партии и прежде всего по документам, которые ему были подготовлены в агитпропотделе Казкрайкома ВКП (б).

Правда, следует признать, что эта брошюра, по объему незначительная, всего несколько десятков страниц, представляла собой первый опыт анализа и освещения вопроса о возникновении и деятельности партии «Алаш». Опыт Архипа Кузьмича Бочагова оказался не очень удачным. Уже в те годы его работа подверглась резкой критике. Прежде всего за то, что партию «Алаш» он охарактеризовал как партию мелкобуржуазную. В действительности таковой она не была.

Итак, работа Архипа Кузьмича Бочагова. 56 страниц. Тираж — три тысячи экземпляров. Автор сосредоточил свое внимание на шести вопросах. Предисловие, анализ декабрьского съезда 1917 года, участие партии «Алаш» в совместных с белогвардейцами действиях, затем о судьбе восточного отделения этой партии и ее руководства, анализ политической сути партии «Алаш» и документы, которые прилагались как доказательство того, что представляла собой «Алаш».

Спустя два года Казгосиздат выпускает сборник документов «Алаш-Орда» под редакцией председателя Совнаркома республики. Ураза Исаева, предисловие и общую редакцию книги подготовил заведующий отделом пропаганды Казкрайкома ВКП(б) Николай Мартыненко.

И, наконец, третье, наиболее крупное издание — работа двух сотрудников Казахского научно-исследовательского института марксизма-ленинизма Соломона Брайнина и Шолома Шафиро «Очерки по истории Алаш-Орды». Они вышли в 1935 году здесь, в Алма-Ате, но сразу же встретили резкую критику со стороны и исследователей, и партийного, и советского актива, и таких крупных деятелей, как Турар Рыскулов.

Но в 1927, 1929, а затем и в 1935 году по существу так и не удалось создать произведения, в полном объеме раскрывающего суть партии «Алаш», замышлявшегося ею национально-буржуазного государственного объединения. Все это повлияло на то, что тема «Алаш» по существу на многие годы оказалась вычеркнутой из плана исследований. Слишком сложна оказалась проблема, слишком большие испытания ждали тех, кто хотел бы представить общественности свои соображения по этому вопросу.

Что же лежало в основе неудач всех тех, кто брался за раскрытие темы? Многое. И то, что наша историческая наука в республике только-только становилась на ноги, и то, что она сразу же оказалась в железных тисках догматической трактовки прошлого, тех самых подходов, которые утвердились в исторической науке страны в конце двадцатых — первой половине тридцатых годов, подходов, связанных с культом личности Сталина.

А что же представляла собой партия «Алаш» в действительности? Обычная буржуазная партия национальной окраины. Кстати, той самой окраины, которая на протяжении веков, по меткому замечанию писателя Ануара Алимжанова, играла роль своеобразного моста между Россией и странами сопредельного Востока. Более того, между центральными районами нашей страны и районами Средней Азии. И вот то, что интеллигенция Казахстана формировалась как та среда, которая должна была состыковать влияние Центральной России и влияние Средней Азии, и наложило отпечаток на ее формирование и на те течения, которые определяли существование различных групп в политической партии «Алаш».

— У меня в связи с этим два вопроса. Во-первых,

что это за течения, и как все-таки возникла «Алаш»? А во-вторых, почему, так быстро сойдя с политической сцены, она сохраняется в памяти многих как нечто полубезобидное, этакая своеобразная жертва сложного времени?

— Ни безобидности, ни жертвенности в ее истории нет. Чтобы в этом убедиться, придется совершить экскурс в те аспекты проблемы, о которых историки предпочитают не говорить.

Итак, о течениях внутри «Алаш». Они были вполне естественны, ибо основу актива партии составили многоликие слои интеллигенции и близкой к ней среды, представителей которых тогда называли полуинтеллигентами.

К началу XX века социально-экономическое развитие Казахстана достигло такого уровня, когда уже имелся национальный отряд рабочего класса (из общего числа в 50 тысяч казахи составляли две трети), стала складываться и национальная буржуазия (средняя и мелкая). Менялся кочевой и полукочевой аул. Хотя там по-прежнему правило байство, но было много крестьян, живших отхожим промыслом, знавших городскую жизнь. В ряде мест появились выпускники русско-казахских школ, трудившиеся волостными писарями, переводчиками. Немало казахов устроилось в городах, и не только грузчиками, арбакешами, но и служащими в торговых домах, конторах, управлениях и т. д.

Эта-то многослойность казахского общества и сказалась на составе национальной интеллигенции, а также тех групп городского трудового люда, кто был близок к ней по условиям своих профессиональных занятий.

В целом же интеллигенция делилась на две неравные части. В первую, элитную, входили те, кто имел высшее или незаконченное высшее образование, кто являлся выходцем из феодально-байских кругов. Среди них, например, адвокаты Д. Досмухамедов и Ш. А. Лапин. Численно эта элита составляла около ста человек. Именно она потом получила от Керенского посты комиссаров Временного правительства (А. Букейханов, М. Тынышпаев), возглавила антисоветские правительства «Уильского оляята» (Д. Досмухамедов) и Кокандской автономии (М. Тынышпаев и М. Чокаев).

Особняком среди тех, кто входил в первую группу, стоит фигура одного из наиболее видных людей степи, правнука знаменитого хана Абулхаира, представителя богатейшей султанской семьи, юриста по образованию Бахытжана Ка-

ратаева. Уже на исходе первой российской революции он стал отходить от либералов и приобрел, будучи депутатом II Государственной Думы, широкую известность тем, что с ее трибуны открыто заявил о симпатиях казахского населения к противникам самодержавия. Собственно, именно это и обратило на Б. Каратаева внимание В. И. Ленина, анализировавшего прения в Думе по аграрному вопросу.

Долгие годы историки игнорировали текст выступления Б. Каратаева. Думаю, есть смысл сегодня привести хотя бы отрывок из его речи.

Итак, сессия, заседание 89, 16 мая 1907 года. Председательствующий под предлогом того, что время истекло, прервал выступление Каратаева, рассказывавшего о том, что переселенческая политика Столыпина ведется за счет изгнания казахов с их земель, а порой и домов. Бахытжан Бисалиевич все же добился права продолжить свою речь и произнес следующее:

«Господа, я не имею возможности докончить свой доклад о характере переселения крестьян в Степные области, но я говорю — пусть помнит Государственная Дума, что киргиз-кайсаки, которых обижают путем переселения на их земли крестьян ради защиты помещичьих интересов внутри России, интересов этих 130 000 помещиков, пусть она имеет в виду, что киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям, которые желают принудительного отчуждения частновладельческих земель для удовлетворения крестьянского земельного голода»*.

— Открыто заявить, что поддерживает программу конфискации помещичьих земель — ведь это же вызов своему классу?

— Именно так. Более того, здесь ведь и прямое обвинение царского правительства в том, что переселение крестьян ведется ради спасения помещиков, заявление о сочувствии революционной политике социал-демократов и эсеров. Подчеркну: такое заявление вызвало внимание В. И. Ленина, отметившего и солидарность Б. Каратаева с настроениями крестьян**.

Теперь о второй, большей части интеллигенции. Ее сравнительно много, примерно около семисот человек. Это — выпускники гимназий, прогимназий, медицинских и высшеначальных училищ, учительских семинарий. Это препода-

---

* Государственная Дума. Второй созыв. Стенографический отчет 1907 год, сессия вторая, том II, С.-Петербург, 1907 г.,стр. 675.

** *См. Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 390.

ватели, учителя, техники, смотрители, аптекари, фельдшеры, почтовые и банковские служащие, сотрудники газет, работники типографий, медицинских и земских учреждений, переселенческих управлений и т. д. Среди них — ярые поклонники реакции и либералы, политически аморфные и революционные демократы. Из этой среды вышли видный революционер — большевик А. Джангильдин и редактор газеты «Казах» А. Байтурсунов, комиссар А. Асылбеков и талантливый поэт М. Джумабаев, через тернии поисков понявший, что его место в кругу сторонников социализма. Добавлю, что в числе таких интеллигентов — известный революционер-демократ, создатель национальной партии «Уш-Жуз» Кольбай Тогусов.

Кстати, именно К. Тогусов возродил из легенды слово «алаш», связанное с мифическим предком казахов, отважно сражавшимся с чужеземцами. Он дал это имя газете, которую выпускал вместе со своей женой в Ташкенте с декабря 1916 по март 1917 года. Это уж потом, в начале октября 1917 года, приверженцы кадетской партии «позаимствовали» у К. Тогусова возрожденное им имя, присвоив его своей партии, с которой К. Тогусов отчаянно боролся вплоть до мая 1917 года, когда по навету алашордынцев был арестован, а затем и погиб в кокчетавской тюрьме.

Вот за такими разными фигурами и просматриваются те или иные течения в кругах интеллигенции. А если учесть, что до революции они прожили весьма непохожую жизнь, то можно отчасти понять их позиции. Вот, например, Джанша (Жахинша) Досмухамедов работал товарищем (заместителем) прокурора Томского судебного округа. То бишь контролировал политическую ссылку в Западной Сибири, имел по существу чин генерала юстиции, был особо доверенным в системе карательного аппарата самодержавия. Именно он и выступил потом наиболее последовательным сторонником белоказачьего атамана В. Толстова.

Совсем на другом полюсе был тоже юрист К. Тогусов, о котором мы уже вели речь. Он неоднократно арестовывался в 1905—1914 годах.

А между упомянутыми двумя деятелями была масса не менее своеобразных фигур, которые в политической борьбе использовали не только данные интеллекта, но ту или иную мощь родоплеменных связей, богатства и т. п. Подобное резко увеличивало как силу, так и амплитуду колебаний внутри течений и группировок интеллигенции.

Теперь коротко об истории «Алаш». Попытку созда-

ния национальной буржуазной партии, как филиала кадетской, на исходе 1905 года предприняла группа деятелей: А. Букейханов, Ж. Сейдалин, М. Дулатов, Б. Каратаев, М. Тынышпаев, Б. Сыртанов, когда провели в Уральске собрание, назвав его съездом представителей пяти областей. Но, не получив одобрения в верхах кадетов и их второго (в феврале 1906 года) Всероссийского съезда, казахский филиал «почил в бозе», так и не появившись на свет, ибо с одной стороны встретил непреодолимый забор шовинистических настроений сторонников «единой и неделимой», с другой — неприемлемость для части байства даже показного демократизма кадетов.

Лишь через восемь лет, т. е. в 1913 году, на деньги М. Орозаева начала издаваться газета «Казах», сташая органом общенационального масштаба. Кстати, газета пошла и потому, что крайне удачным оказался выбор редактора — Ахмеда Байтурсунова — блестящего публициста, непревзойденного знатока и переводчика русской классической прозы и поэзии. Но политическое лицо «Казаха» определял, вел социально-экономическую проблематику лидер движения А. Букейханов.

За 1913—1916 годы вокруг газеты и на основе высказываемых в ней идей сложились актив и сторонники будущей партии. Они сошлись на платформе, включавшей требования беспрекословной поддержки самодержавия, медленного эволюционного развития экономики и культуры на рельсах капитализма, при сохранении позиций байства. Это был как бы казахстанский вариант прусского пути решения крестьянского вопроса. Лишь весьма робко алашордынцы рассуждали о необходимости прекращения изъятия правительством земель у коренного населения. А ведь к тому времени царизм отнял у казахского населения более 40 миллионов десятин удобных земель. Байство, конечно, компенсировало потери, а вот рядовая масса оказалась оттеснена на пустоши, неудобья, солончаки. Возник жесточайший аграрный кризис, вся тяжесть которого пала на плечи бедняцких и в значительной мере середняцких слоев аула.

— Как же они реагировали на это? Ведь земли отнимались в пользу казачьих войск, переселенческих управлений, различных ведомств.

— Наиболее активные пытались бороться с землеустроителями, а кое-кто бросил вызов байству. Немалое число уходило в город, на шахты, железные дороги.

— Видимо, позиции байства и крестьянства резко ра-

зошлись в 1916 году? И, кстати, как вела себя интеллигенция?

— Еще как разошлись! Если первые рьяно поддержали призыв самодержавия отправить нужное количество людей на тыловые работы (конечно, из числа крестьян), то вторые были категорически против. Ведь отправке подлежало около 200 тысяч человек, т. е. каждое третье хозяйство лишалось работника. А это по существу означало гибель таких хозяйств. И, естественно, обрекало на муки и страдания почти двести тысяч семей, терявших своего кормильца — пастуха или отходника, приносившего домой свой скудный заработок во время работы на шахте, у кулака, помещика, купца и т. д.

Началось мощное восстание, наиболее известным очагом которого стал Тургайский уезд, где выдвинулся национальный герой Амангельды Иманов. Восставшие вели борьбу и против самодержавия, и против своих феодалов.

А что касается национальной интеллигенции, то она реагировала на все происшедшее весьма неодинаково. Некоторые изо всех сил стремились склонить народ к поддержке царизма, осуждали начавшееся восстание, а кое-кто стал помогать военным властям в его подавлении. Часть деятелей, подобно Б. Каратаеву, попыталась отговорить правительство от мобилизации, часть отошла, как говорят, в сторону, и только наиболее революционные элементы, подобно А. Джангильдину, Т. Рыскулову, Т. Бокину, активно включились в борьбу на стороне народа.

— Это восстание, насколько я помню основные моменты ваших работ и работ ваших коллег, почти слилось с Февральской революцией 1917 года, стало как бы ее прологом.

— Да, именно так. Интеллигенция встретила Февраль восторженно. На волне всеобщей эйфории алаш-ордынцы на своем областном съезде в Оренбурге в апреле 1917 года делают шаг в направлении компромисса с участниками восстания, заявив о необходимости отзыва из Тургая карательных частей и прекращения их операций против восставших. При этом они умолчали, что за месяц до них такую инициативу проявил А. Джангильдин, который с помощью петроградских большевиков сумел добиться телеграммы Петросовета и ЦИК в адрес генерала Лаврентьева о выводе войск.

После длительной подготовки в июле 1917 года в Оренбурге состоялся съезд сторонников алашского движения, который принял решение о создании партии как таковой,

выдвижении кандидатов в Учредительное собрание, выработке программы партии.

— Так это уже была партия, она приняла какие-то программные решения, определила название?

— Фактически да, хотя съезд именовался всеказахским. Его участники обсудили 14 вопросов повестки дня. По 12-му вопросу — о Казахской политической партии — вынесли следующее решение: «Признавая образование киргизской партии необходимым, съезд поручил представителям от киргиз во Всероссийском Мусульманском Совете выработать программу этой партии»*. Они-то и составили ее из 10 пунктов. Остановимся на некоторых из них.

Первый пункт. Россия — демократическая парламентская республика.

Пятый месяц в стране действуют Советы, которые скрепя сердце вынуждена была признать и реакция, а алаш-ордынцы молчали о них. Для трудящихся такая постановка была неприемлемой. «Не парламентарная республика — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,— подчеркивал В. И. Ленин,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»**.

Второй пункт. «Киргизские области должны получить областную территориально-национальную автономию»***. Никаких разъяснений о ее границах, взаимоотношениях с центральной властью и порядках на собственно автономных землях не давалось. Год спустя орган Сибирского бюро ЦК партии кадетов газета «Сибирская речь» писала: «Автономия, по мнению некоторых киргиз (А. Букейханова и его окружения.— В. Г.), будет не территориальная... Автономия киргиз будет проявляться только в самостоятельности граждан — им будет предоставлен простор деятельности на поприще народного образования, торговли и пр.»****.

Минуло после съезда два месяца, и в газете «Казах» 5 октября 1917 года публикуется сообщение: «Постановление (июльского) съезда известно всем, поэтому, не долго думая, партии нашей желаем дать имя наших предков Алаш».

---

* ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 195, л. 42.

** *В. И. Ленин,* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 115.

*** ЦГВИА, ф. 366, оп. 2, д. 195, л. 141.

**** «Сибирская речь», 1918 г., 6 июля.

— Значит, название партии давал не съезд, не конференция, а группа активистов?

— Именно так.

Завершил оформление партии и утверждение ее политических установок II съезд «Алаш» в Оренбурге в декабре 1917 года.

Иногда спрашивают, почему инициаторы взяли для партии столь дорогое народу имя. Да они и не могли поступить иначе. Ведь в 1916 году с народом-то алаш-ордынцы разошлись капитально. И теперь надо было наисрочнейшим образом обелить себя, сыграв на чем-то дорогом, засыпать ров раскола. Они и сыграли. В. И. Ленин еще в 1912 году в статье «Политические партии в России» отмечал: «Все буржуазные партии... рекламируют свои партии точно так же, как отдельные капиталисты рекламируют свои товары... Клички партий — в Европе и у нас — выбираются иногда с прямой рекламной целью, «программы» партий пишутся сплошь да рядом исключительно ради надувания публики»*.

Еще вот на какие моменты хотелось бы обратить внимание. Через две недели после победы Советской власти и создания Советского правительства и в дни, когда страна знакомилась с ленинской Декларацией прав народов России (опубликована 2 ноября 1917 года), лидеры «Алаш» А. Букейханов, И. Омаров, С. Дощанов, М. Дулатов 10 ноября 1917 года направляют в адрес контрреволюционной верхушки казачьих войск, начавших вооруженную борьбу с Советской властью, «Декларацию», где открыто обнародовали свои симпатии: «Мы, нижеподписавшиеся члены киргизской политической партии «Алаш», заявляем седому Дону и всем казачьим войскам, вошедшим в «Юго-Восточный союз», что: 1) Киргизский народ... присоединяется к «Юго-Восточному союзу»**.

Эта «Декларация», заявление 2-го алашского съезда о планах создания сил численностью в 25 тысяч человек, решение съезда о необходимости создания автономии «Алаш-Орда» и ее правительства вызвали крайне противоречивые отклики в различных кругах.

Местный актив партии «Алаш» северных, восточных и западных областей установки съезда принял с восторгом. На юге они встретили прохладное отношение. Часть алашордынцев уже втянулась в поддержку «Кокандской авто-

---

* *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 275.

** «Яицкая воля», 1917 г., 3 декабря.

номии», где верховодили М. Тынышпаев и М. Чокаев. Южане к тому же не торопились рвать давно налаженные связи с Туркестаном. Полунейтрально реагировала та часть интеллигенции, которая в культурном плане была тесно связана со своими русскими коллегами.

И, конечно, открыто осудили решение декабрьского съезда «Алаш» коммунисты и революционные демократы, которые вели в то время в разных местах края напряженную борьбу за утверждение и отстаивание власти Советов. Это — А. Джангильдин, Б. Алманов, С. Сейфуллин, А. Асылбеков, Н. Нурмаков, Т. Рыскулов, Т. Бокин и многие другие. И они повели за собой немалое число трудящихся.

— Из всего сказанного, Владислав Константинович, я понял, что, приняв решение о необходимости создания национальной областной автономии «Алаш-Орда», Букейханов и его единомышленники все же последнего, решающего шага не сделали. А что их удерживало?

— Основных причин две. С одной стороны, они не были готовы. Чтобы что-то создавать, надо иметь хоть какую-то силу. Та же Кокандская автономия опиралась на басмаческие формирования таких курбаши, как Иргаш. А что было у Букейханова? Листок решения о создании двадцатипятитысячной «милиции», но ни одного реального солдата.

Во-вторых, как член ЦК кадетов, он не хотел «дразнить гусей». Ведь на том же самом майском съезде кадетской партии, где Букейханова избрали в ЦК, было четко заявлено: «Партия народной свободы для настоящего момента не считает правильным разрешение вопроса (национального — В. Г.) в смысле создания организации национально-территориальной»*. Лидер «Алаш» постоянно помнил об этом, как и о кадетском тезисе «единой и неделимой России». Равно как и остальные верхи кадетов, он всюду трактовал требование большевиков о праве наций на самоопределение как призыв к развалу России. Он опасался раскола с другими силами контрреволюции на этой почве.

Далеко не случайно печатный орган атамана Дутова высоко оценил итоги алаш-ордынского форума: «Вообще-то на съезде преобладало умеренное и чуждое государственного сепаратизма течение, благодаря образованным и прос-

* «Речь», 1917 г., 10 мая.

вещенным деятелям, во главе которых можно поставить Букейханова, принадлежащего к кадетской партии»*.

— Я вижу, что дутовцы полностью признали алаш-ордынцев своими.

— И не только они. Позднее это же сделали и уральские белоказаки, и адмирал Колчак, и атаман Анненков.

— В этой линии Букейханова и его сторонников просматривается своего рода интернациональное единение контрреволюции.

— Вот именно! Капитал, как подчеркивал Ленин, был и остается штукой международной, то есть интернациональной. Тех, кто невнимательно читает решения съезда, оценки дутовцев могут ввести в заблуждение. Как же, отсутствие явных призывов к национальному обособлению. Люди могут сказать: какой же это национализм, если там нет ничего антирусского.

Надо иметь в виду особенности положения партии «Алаш» и вообще алаш-ордынцев. Здесь сказались и тесные связи с русскими, и отсутствие реальных сил для подтверждения своих особых позиций, и крайне неблагоприятная обстановка для выдвижения каких-либо требований.

А в чем виден национализм? В стремлении политически обособить казахских трудящихся от их русских собратьев, противопоставить советскому типу автономии буржуазное решение вопроса, чтобы еще успешнее эксплуатировать казахских шаруа. Далеко не случайно митинг казахских трудящихся в Акмолинске 16 декабря 1917 года телеграфировал В. И. Ленину, что им не нужна автономия Алаш-Орды**.

Что же касается жертвенности «Алаш» и алаш-ордынцев, то это все из области мифов. Вот у многих из тех представителей национальной интеллигенции, кто случайно или в силу своей недостаточной подготовленности оказался в рядах алаш-ордынцев, позднее судьба сложилась трагически. Но здесь уже стечение многих и многих неприятных обстоятельств. Личная драма таких людей и легла отблеском на алашское движение, чему во многом помогла и неразработанность проблемы.

Когда речь идет о представителях казахской национальной интеллигенции, то многие упускают из виду ряд интересных фактов. Прежде всего, она была в высшей степени подготовлена к активной политической жизни.

---

* «Оренбургский казачий вестник», 1917 г., 24 декабря.

** См. «В. И. Ленину от всего сердца». Алма-Ата, 1970 г., с. 26.

Ведь, например, именно казахская интеллигенция выделила из своей среды людей, которые в 1919, 1920, 1921, вплоть до 1924 года возглавляли сначала Центральный Исполнительный Комитет Туркестанской автономной социалистической республики, а затем Центральный Комитет Коммунистической партии Туркестана и правительство этой республики. Первым национальным председателем ЦИК Туркестана являлся выдающийся деятель казахского народа Турар Рыскулов. Первым национальным председателем Центрального Комитета Компартии Туркестана тоже был казах Н. Тюрякулов.

Итак, на юге казахстанско-среднеазиатского региона мы видим две крупные политические фигуры, двух видных представителей национальной интеллигенции, которые активно действовали по утверждению дела Советской власти на просторах огромного, в прошлом колониального края.

А теперь посмотрим по другую сторону баррикады. И там на первый план также выдвинулись представители казахской национальной интеллигенции, в частности, Мухамеджан Тынышпаев, Мустафа Чокаев. Они являлись теми фигурами, которые проводили политику создания буржуазно-националистических правительств, в частности, Кокандской автономии. Первым ее премьером стал один из лидеров южного крыла «Алаш» Мухамеджан Тынышпаев. Его сменяет в этом кресле другой лидер этого крыла Мустафа Чокаев. Правительство кокандских автономистов было создано как противовес Советской власти спустя месяц после победы Великого Октября. Оно не случайно стало сразу средоточием всех сил региональной контрреволюции. Более того, знаменем басмаческого движения.

Или еще пример. Ведь казахская национальная интеллигенция не только дала кадры актива и руководства своей национальной партии «Алаш». Но она точно так же выделила из своей среды кадры для формирования и деятельности национальной партии «Уш-жуз». Плюс к тому именно казахская национальная интеллигенция выделила опять-таки из своей среды кадры руководителей для создания такой политической партии региона, как «Шура-ислами», то есть партии, которая отстаивала интересы исламского мусульманского духовенства в Средней Азии и на юге Казахстана.

Именно казахская национальная интеллигенция выделила кадры для такой политической партии, в свое время сформировавшейся на базе элементов «Шура-ислами» как правая клерикальная партия «Шура-улема».

Видите, какова палитра политических устремлений, казалось бы, немногочисленной национальной интеллигенции.

— Тема казахской национальной интеллигенции волнует многих. Видимо, она является актуальной и в исторической литературе? Чем можно объяснить взрыв этого интереса, Владислав Константинович?

— Ведь речь идет о культурном слое, внесшем огромный вклад в дело формирования казахской нации.

На протяжении десятилетий в нашей литературе ее оценка была, ну, скажем, несколько мрачновата. Трактовка по существу сводилась к следующему. Значительная часть национальной интеллигенции — это выходцы из привилегированных слоев общества, прежде всего, феодально-байской среды, и в силу таковых обстоятельств национальная интеллигенция оказалась на той стороне баррикады, выступила составным элементом контрреволюционных сил и яростно боролась против утверждения власти народа. А затем в рядах различного рода организаций внесла лепту в сопротивление социалистическому строительству.

Элементы таких подходов прослеживались в большой группе работ. Как правило, деятели интеллигенции, о которых шла речь в таких работах, назывались контрреволюционерами, алаш-ордынцами, национал-уклонистами и так далее.

Но давайте разберемся.

Казахская национальная интеллигенция, будучи составной частью интеллигенции России, внесла заметную лепту в политическую жизнь страны на рубеже Октября, гражданской войны и первых лет новой экономической политики.

Октябрь интеллигенция встретила неоднозначно. Мы уже это отмечали. Если по отношению к февральской буржуазно-демократической революции восторженные оценки практически мало различались, то Октябрь, как признавали позднее деятели зажиточных слоев интеллигенции, Октябрь для многих означал крах.

На протяжении многих лет верхние слои интеллигенции, ее средние слои были связаны с группами тех, кто вел дело по формированию политической партии «Алаш» и в рядах этой партии позднее стремился утвердиться в политической структуре российского общества.

Драматичными для многих представителей национальной интеллигенции, равно как и русской, оказались события 1918 года. Брестский мир большая часть интеллигенции, шедшая за партией эсеров (и левых, и правых,

и центра), меньшевиков, а также тех, кто входил в состав партии «Алаш» или поддерживал ее курс, встретила враждебно. Можно в качестве примера указать на позицию петропавловских меньшевиков-интернационалистов, вышедших на демонстрацию 1 мая 1918 года с лозунгом: «Позор Бреста не искупит мировая революция!» «Похабным» назвали Брестский мир все алаш-ордынские газеты. Он был подвергнут проклятию на майском съезде алашордынцев Уральской области и в других местах.

А вот выступление белочехословаков, руками которых контрреволюция свергла Советскую власть в Сибири, в Северном и Восточном Казахстане, непролетарские партии, в том числе и «Алаш», встретили с восторгом. Началось энергичное сколачивание центрального правительства «Алаш-Орды» во главе с А. Букейхановым, М. Тынышпаевым. ЦК партии «Алаш» направил свои делегации для участия в работе созданного эсерами Поволжья в Самаре Комитета Учредительного собрания (Комуч), на «Государственное» совещание в Уфу, в Омск на встречу с белогвардейским правительством Сибири.

Да, в те месяцы деятели «Алаш-Орды» с удовольствием писали о своем вкладе в борьбу против большевиков. И этот вклад усиленно рекламировался в антисоветской печати. Так, например, 18 июля 1918 года орган оренбургских меньшевиков газета «Рабочее утро» опубликовала текст телеграммы алаш-ордынского «премьера» А. Букейханова лидеру башкирских националистов А. Валидову: «Семиреченская область очищена от большевиков. Киргизы, казахи и офицеры добивают остатки большевистского войска. В Алтайскую губернию посланы наши (киргизские) отряды 7 июля. Одного из членов «Алаш-Орды» послали к Сибирскому правительству».

Спустя неделю, 25 июля, газета «Оренбургский край» в рубрике «Местная жизнь» сообщила: «В Оренбург прибыли (из Уральска) представители временного киргизского (областного) правительства — Уильского оляята — член областной киргизской управы Тспаев и представитель по военным делам П. А. Саперский. Они сообщили редакции: «Киргизский народ, стоящий на платформе Учредительного собрания, ближайшей своей задачей имеет активную борьбу с большевизмом, а в дальнейшем — оказание реальной помощи в борьбе с общим врагом — немцем».

По мере того, как пламя гражданской войны разгоралось все сильнее, а белогвардейские верхи, уверовав в возможность своей победы, открыто заговорили о необходи-

мости реставрации монархии, среди интеллигенции, как русской, так и казахской, началось переосмысление сделанного. Тем более, что народные массы категорически не желали смириться с падением Советской власти и все активнее включались в борьбу с белогвардейцами. Последние же, встретив сопротивление трудящихся, выдвинув с помощью интервентов на роль верховного правителя адмирала А. В. Колчака, стали затягивать гайки режима военной диктатуры.

Омский правитель категорически отказался предоставить «Алаш-Орде» право на существование, перечеркнув даже тень надежды на возможность создания в отдаленном будущем казахской национальной государственности хотя бы в форме куцей автономии.

Среди немалой части актива «Алаш» было хорошо известно о том, что в марте — апреле 1918 года во время поездки Джанши Досмухамедова в Москву, его встреч со Сталиным и Лениным, а затем и переговоров по телеграфу лидеров «Алаш» А. Букейханова, А. Ермекова и Х. Габбасова с руководителями Советского правительства по существу наметилось решение проблемы создания казахской автономии на платформе Советской власти.

Естественно, столь ярко выраженный контраст в подходе к вопросу о национальной автономии наводил на размышления. После долгих колебаний группа деятелей, во главе которой стоял видный публицист, один из редакторов газеты «Казах» А. Байтурсунов, решила перейти линию фронта и установить контакты с советским руководством.

А. Байтурсунов вскоре встретился с Алиби Джангильдиным, а по его рекомендации — с руководителями Наркомнаца, а затем и с председателем СНК РСФСР В. И. Лениным. Байтурсунов поставил перед ними ряд вопросов о путях решения проблем казахской государственности, судьбах национальной интеллигенции, осуществлении ряда социально-экономических реформ в крае, возможности шагов по национальному примирению на советской основе. Собственно, весь этот спектр — сложный спектр!— проблем Советская власть в своей политике учитывала. Чтобы не быть голословным, обратимся к Ленину. В своем выступлении на VIII съезде РКП(б) Владимир Ильич подробно остановился на национальном вопросе, необходимости создания национальной государственности народов Советского Востока, которые царизмом нещадно угнетались и подавлялись.

Владимир Ильич особо отметил, что день начала работы съезда— 18 марта — как бы случайно совпал с дос-

тигнутым между Советским правительством и башкирской делегацией соглашением (23 марта 1919 года оно было опубликовано в газете «Известия ВЦИК») об образовании Башкирской АССР. Это незапланированное совпадение отражало глубинную суть политики большевиков по национальному вопросу.

Мы должны, подчеркивал В. И. Ленин, учитывать желание любого народа страны на создание собственной государственности. «Мы не может отказывать в этом праве ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи». Указав в том же выступлении на слабую социальную дифференциацию среди народов Востока, Ленин отметил, что это не может служить причиной задержки: «У нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним не можем отказать в признании»*.

А. Байтурсунов попал в Москву вскоре после завершения VIII съезда РКП(б). Его знания, богатые навыки редакторской работы были использованы казахским отделом Наркомнаца. А вскоре в составе представителей различных слоев казахского населения он встречался с руководством партии и Советского правительства и был затем введен в число членов «Революционного Комитета по управлению Киргизским краем» и довольно активно трудился в его составе, выполняя нередко функции заместителя председателя Кирревкома.

Учитывая, что продолжение гражданской войны в казахском крае существенно осложняло там налаживание мирной жизни, советского, хозяйственного и культурного строительства, Кирревком предпринимал один за другим шаги по переходу на сторону Советской власти тех представителей алаш-ордынского движения, которые продолжали в силу каких-либо причин поддерживать белогвардейцев. В первую очередь это касалось группировки Джанши и Халела Досмухамедовых, возглавлявших так называемое правительство Уильского оляята и подкреплявших тыл белоказачьей армии атамана Толстова. Эта армия выступала главной ударной силой белогвардейцев в Северном Прикаспии, угрожала Уральску, Саратову и Самаре. И крайне необходимо было в период, когда Красная Армия нанесла поражение дутовцам, перебросить освободившиеся части на борьбу с Деникиным. Активизация же уральских белоказаков крайне осложняла решение этой задачи. Чтобы взорвать или осла-

* *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 158.

бить тыл армии генерала Толстова, надлежало лишить его последнего надежного союзника — алаш-ордынцев. С этой целью, как известно, по поручению Уральского губкома РКП(б) и Реввоенсовета 4-й армии переговоры с Джаншой и Халелом Досмухамедовыми вел член Кирревкома Б. Каратаев, используя свои личные каналы. Но ему, ставшему с февраля 1918 года большевиком, алаш-ордынцы не очень доверяли.

Тогда Кирревком 15 сентября принимает такое решение: «В целях склонения на сторону Советской власти уральских киргизов — алаш-ордынцев во главе с Досмухамедовыми, действующих на стороне белогвардейцев, постановили:

Дается право членам ревкома т. Байтурсунову и Тунганчину вести переговоры с Досмухамедовыми от своего имени»*.

Естественно, что такое решение принималось с учетом веса А. Байтурсунова в алашордынском движении, наличием у него богатых личных связей со многими представителями интеллигенции, жившими в районе т. н. оляята. Уже сам его пример — пример отношения к этому деятелю со стороны Советской власти говорил убедительнее всяких слов.

— Гибкий, бережный подход! Даже в сложных, критических ситуациях В. И. Ленин умел дорожить людьми. В этой связи хочу напомнить его статью «Об едином хозяйственном плане», в которой он писал, что задача коммунистов «подходить к специалистам науки и техники (они в большинстве случаев неизбежно пропитаны буржуазным миросозерцанием и навыками, как говорит программа РКП) чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки, памятуя, что инженер придет к признанию коммунизма не так, как пришел подпольщик-пропагандист, литератор, а через данные своей науки, что по-своему придет к признанию коммунизма агроном, по-своему лесовод и т. д.»**.

Итак, Байтурсунов начал устанавливать контакты...

— Да, контакты были установлены, но результативность их оказалась низкая. Слишком сильно Досмухамедовы привязали себя к колеснице уральского белоказачества,

---

* ЦГА КазССР, ф. 14, оп. 3, д. 19, л. 5.

** *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 346.

слишком сильно им хотелось, чтобы увенчался успехом поход Деникина — на Москву, а атамана Толстова — на Уральск. Лишь спустя три месяца, когда армия Деникина откатывалась к Кавказу, а Толстов отступал к своему последнему оплоту — Гурьеву, правители оляята окончательно приняли предложение Кирревкома и отдали приказ своим частям перейти к боевым действиям против белоказаков.

— Яркую характеристику обоим Досмухамедовым дает Бахытжан Каратаев в своем очерке истории Алаш-Орды, который все еще не опубликован. «На этом съезде (18 мая 1918 года) один за другим выступали с речами Джанша Досмухамедов и Халел Досмухамедов,— пишет Каратаев,— обливали грязью и клеветой Советскую власть. Речи их сводились к тому, что будто бы Советская власть не признает никакого брачного сожительства между мужчиной и женщиной, отрицает имущественную частную собственность, признавая общественную имущественную собственность, а также общественную собственность женщин, узаконяет грабеж и разбой. Отсюда, по их словам, угрожает страшная опасность жизни и имуществу киргизского народа. Поэтому они — Досмухамедовы — предложили съезду: 1. Оформить письменным договором союз с Уральским войсковым правительством, заключенный киргизским земством на февральском съезде того же 1918 года для борьбы совместно с русским казачеством против Советской власти, 2. Снабдить Уральское войсковое правительство деньгами и скотом, особенно лошадьми под кавалерию, 3. Усиленно мобилизовать киргизских джигитов в качестве милиционеров для обучения их военному делу под непосредственным руководством русских казачьих офицеров...

Съезд одобрил все, что было предложено ему Досмухамедовыми... С этого съезда киргизы стали называть Джаншу Досмухамедова «ханом», хотя официально это звание не было дано. Сам Джанша Досмухамедов был очень доволен и гордился, что его называют «ханом». Однако еще в тюрьме я слышал, что киргизы недовольны своим правительством, так как оно обложило население громадными непосильными налогами и беспощадно взыскивает с населения эти налоги, опираясь на русские казачьи штыки. Деспотизм этого правительства превзошел все мрачное, что помнит население со времен Романовых.

...Арестантам тюрьмы стало известно, что в г. Уральск приехали представители от чехословаков и французский консул из Самары и что город Уральск встретил их обильным обедом и устраивает в их честь банкет. По случаю

приезда этих гостей прискакал в Уральск (из Джамбейты) Джанша Досмухамедов, который на банкете произнес речь, говоря, что киргизы Уильского оляята готовы пожертвовать своей кровью и богатством своим не только на борьбу с большевиками во имя Учредительного собрания, но и на борьбу против Германии и держав, союзных с нею, в союзе с Англией, Францией и другими их союзниками, причем Досмухамедов горячо приветствовал представителей чехословаков и Франции как союзной державы.

Арестанты тюрьмы, обмениваясь между собой мнениями, изрядно посмеялись над Досмухамедовым, говоря между собой: жаль, что на банкете некому было возразить ему, напомнив, что киргизы в 1916 году, не желая и не сочувствуя войне против центральных держав во главе с Германией, подняли восстание против царизма, так что нечего теперь брехать о том же».

И вот теперь у Каратаева сложная миссия...

Может возникнуть ощущение, что усилия Каратаева и Байтурсунова были напрасны. Отнюдь. Может быть, Толстову для очередного успеха под Уральском не хватило тех самых двух тысяч алаш-ордынских джигитов оляята и тех двух тысяч казаков, которых он держал «на всякий случай», опасаясь ударов в спину.

Вскоре после того, как Чапаевская дивизия, возглавляемая И. С. Кутяковым, вошла в Гурьев, Кирревком за подписью того же А. Байтурсунова принимает решение о ликвидации последних учреждений «Алаш-Орды».

— Как же сложились судьбы тех, кто принял предложение Кирревкома, равно и тех, кто предлагал от имени этого органа перейти на сторону Советской власти? Стали ли эти люди убежденными сторонниками Советской власти, полностью ли они расстались со своими прежними взглядами?

— Такого рода вопросы звучали в 20-е, 30-е, 60-е, 70-е годы. У многих они возникают и сегодня. Одни приводят какие-то доводы за, другие — против. А надо ли вопрос ставить в такой плоскости? Может быть, сформулировать его иначе — стали ли эти люди лояльными гражданами Страны Советов, Казахской республики? Вот на этот вопрос я отвечу утвердительно.

Да, все они с той или иной степенью энергии трудились там, где могли. Было бы наивно (а, к сожалению, эта наивность четко видна в попытках кое-кого из прежних и нынешних исследователей) полагать, что они станут разделять основные положения идеологии марксизма-ленинизма. Не-

лишне упомянуть, что с 1921 года в стране действовала новая экономическая политика, допускавшая определенное оживление под контролем Советского государства рыночных отношений. Больше того, до 1926 года социально-экономические позиции байства не ущемлялись. Все это, а также то, что в условиях нэпа осуществлялся выпуск изданий, в которых по проблемам экономики, культуры излагались точки зрения людей, далеких от коммунистической идеологии, служило питательной средой, реанимировавшей у многих представителей старой интеллигенции и прежние взгляды. Упомяну также о терпимом, в общем-то, отношении ленинской партии к идеологии левого сменовеховства как переходной ступени на пути к признанию политики и практики Советской власти со стороны тех, кто некогда сражался против нее.

Если же ко всему сказанному добавить, что в партии шли оживленные дискуссии между представителями ленинского большинства и теми, кто разделял точки зрения Троцкого, Шляпникова, Коллонтай и других, то станет ясно: идейно-политическая жизнь того времени не была однообразна, существовало множество мнений, шла борьба между ними. И, безусловно, как русская, так и национальная интеллигенция принимала участие в этой борьбе мнений. А вот правильными ли были их взгляды, отвечали ли они задачам воспитания нового человека, об этом можно и нужно вести разговор, проводить тщательные, основанные на богатом архивном и другом источниковом материале, исследования.

Несколько слов о тех, кто возглавлял партию «Алаш», о том, как сложились их судьбы.

Мустафа Чокаев в 1921 году эмигрировал в Европу, проживал главным образом во Франции, выпустил там несколько книг по истории политической жизни Казахского края, в том числе наиболее известную «Туркестан под властью Советов». С началом второй мировой войны был интернирован гитлеровцами, умер в декабре 1941 года в Берлине.

Ахмет Байтурсунов в 1919—1920 годах — член Казахского Революционного Комитета, в 1920—1922 — нарком образования КазАССР, позднее — на преподавательской, научной работе. В 1930 и 1937 годах был дважды необоснованно репрессирован. Расстрелян в 1937 году.

Алихан Букейханов в двадцатые — тридцатые годы трижды арестовывался, работал в системе Наркомзема КазССР. В 1937 году необоснованно репрессирован, расстрелян.

Шерали Лапин эмигрировал за границу, потом нелегально вернулся. Опасаясь навредить родным, скитался и умер в безвестности.

Мухамеджан Тынышпаев работал в Ташкенте, Алма-Ате, автор ряда книг по истории и развитию юга Казахстана, один из активных участников строительства Турксиба. Необоснованно репрессирован и расстрелян.

Многие бывшие активные деятели партии «Алаш» плодотворно трудились в двадцатые годы на различных участках культурного и хозяйственного строительства — сказывалось то отношение к интеллигенции, которое практиковал В. И. Ленин. С конца 20-х годов положение круто изменилось, подавляющее большинство этих деятелей стало жертвами сталинских репрессий. Многие из них сейчас реабилитированы.

— Даже те отдельные фрагменты истории, о которых мы вели речь в наших диалогах, Владислав Константинович, если их прочитать заново, смотрятся сегодня совершенно иначе, чем вчера или позавчера. Какой вы сделали из этого вывод?

— Нам, как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, XIX Всесоюзной партконференции, надо решительно кончать с одномерным показом нашего сложного и героического прошлого, бесповоротно уйти от схематизма, догматизма, начетничества, надо перестать спрямлять спирали исторического процесса.

Те фрагменты исторического прошлого, которых мы коснулись, показывают, сколь много полезного для расширения нашего кругозора скрывают «белые пятна», как необъятен материал, раскрывающий величие свершенного, драматизм, даже в ряде случаев трагичный исход для сотен тысяч людей из-за отдельных неверных решений, принятых на разных уровнях руководства.

В общем, подлинная, не лубочная история многому учит, и учит сурово и назидательно.

Январь — октябрь 1988 года

3—1144

Жаик БЕКТУРОВ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ САКЕНА

«Правдивость Сакена пробуждала сердце и разум, окрыляла. Если он говорил о чувстве — это было подлинное чувство, если он говорил о правде — это была правда, выстраданная душою. Поэтому путь, пройденный этим человеком, необычен. В нем были и взлеты, и падения. Путь Сакена Сейфуллина — это путь подлинно пламенного акына».

М. Ауэзов

Имя Сакена Сейфуллина долгие годы было не принято упоминать вслух. Словно не был он активным участником становления Советской власти в Казахстане, не был государственным деятелем, видным журналистом и талантливым писателем. Клеймо врага народа скрыло от целого поколения молодежи, что Сейфуллин был революционером, бежал из «вагонов смерти» атамана Аненкова, три года возглавлял Совнарком республики, был одним из организаторов Союза писателей Казахстана.

После XX съезда снова вернулись к нам имена честных советских людей, в том числе Сакена Сейфуллина. Ему посвящено много книг и статей. Сабит Муканов написал пьесу, которую так и назвал «Сакен Сейфуллин».

Вниманию читателя предлагается рассказ, написанный по воспоминаниям жены Сакена Сейфуллина — Гульбахрам Батырбековой.

* * *

Осень тридцать седьмого года расколола жизнь Гульбахрам на две половинки. Первая была полна счастья. Ведь в ней были любовь Сакена, рождение их сына, уважение честных людей. Вторая была полна страха и горя, на смену которым почти через двадцать лет пришло осознание случившегося. Впрочем, исчез только страх. Горе осталось.

* * *

Сакен чувствовал приближение ареста. Ему никто ничего не говорил, но он знал: его не оставят в покое. По Алма-Ате ходили тревожные слухи, нервы у всех были напряжены до предела.

Врагами народа назвали Ильяса Джансугурова, Беимбета Майлина и еще многих друзей мужа. Он пытался что-то понять, осмыслить и на несколько дней уединился в юрте, которую поставил в поселке Байсерке близ Алма-Аты.

Но вернулся домой без ответа на свои вопросы. Он читал, слышал, что лучших людей «разоблачили». Сакен этому не верил. В это невозможно было поверить.

Единственным утешением в те тяжелые для него дни оказался наш маленький Аян. Он только начинал говорить и был так забавен!.. Аяном (т. е. «светлым, ясным») попросил назвать его Ауэзов. Малыш был общим баловнем друзей семьи.

Впрочем, в те дни и ребенок не мог совсем отвлечь Сакена от тяжелых мыслей.

Предчувствие его не обмануло. В одной из газет появилась статья, в которой «сообщалось», что квартиры Сейфуллина, Муканова, Джансугурова, Майлина, Ауэзова и Тажибаева превратились в очаги распространения лжи и клеветы против Советской власти. Сакена обвиняли в троцкизме, национализме и предательстве. Называли фашистским прихвостнем.

— Это же уму непостижимо,— метался Сакен по комнате.— Те же газеты сначала печатают хвалебные статьи на четыре полосы, пишут о 20-летнем юбилее моей творческой деятельности, публикуют стихи, а теперь — эта грязь.

Он замолчал, оделся и, сунув газету в карман, вышел куда-то, не говоря ни слова.

Долго не возвращался. У меня началась паника. Время было страшное. Каждый третий внезапно исчезал.

Наконец он явился — угрюмый, сердитый. Лишь Аян, который к тому времени проснулся и протянул к отцу ручонки, заставил его еле-еле улыбнуться.

За чаем Сакен рассказал мне, что ходил к Л. И. Мирзояну* с той самой статьей.

— Как вы это расцениваете, Левон Исаевич?— спросил он, положив на стол злосчастную газету.— Вы это читали?

---

* *Мирзоян Л. И.*— в 1933—1939 гг. первый секретарь ЦК КП Казахстана.

Сакен всегда считал Мирзояна настоящим коммунистом, верил ему. Мирзоян в свою очередь ценил Сейфуллина — и как большого писателя, и как государственного деятеля. При нем Сакен ездил в Москву, где М. И. Калинин вручил писателю орден Трудового Красного Знамени, был избран делегатом на VIII съезд Советов.

Года не прошло, как все изменилось. Сакена теперь называли троцкистом и фашистом...

— Как же, читал...— после долгого молчания ответил Мирзоян.

Сакен рассказал, как тяжело первый секретарь поднялся, подошел к нему и обнял за плечи. Они с Сакеном были почти ровесниками. Да и в партии — Мирзоян с семнадцатого года, Сейфуллин — с восемнадцатого.

— Дорогой мой Сакен, ты правильно сделал, что пришел. После появления статьи я понял, что это дело рук кого-то из моего аппарата. Родной мой, если сказать правду — не поверишь: газеты выходят из-под контроля. Власть переходит в чьи-то чужие руки.

— Для меня откровение Левона Исаевича было неожиданным. Я понял, что он не сможет защитить меня, но как я был рад его доброму слову. Ему самому тяжело...*

После встречи с Мирзояном Сакен пытался забыться в работе. Он снова вернулся к роману «Тернистый путь»— взялся за его правку.

Но книга не успокаивала. Каждый день забирали то одного, то другого знакомого.

Стоило двери скрипнуть, телефону зазвонить — все вздрагивали. В доме прислушивались к каждому шороху.

Я всегда считала мужа бесстрашным человеком. Он это не раз доказывал. Вот и роман «Тернистый путь» был назван им так не случайно — таким был его собственный путь и путь его друзей к утверждению Советской власти.

А теперь этот мужественный человек сидел, подавленный навалившимся на него горем. Временами у него срывался голос и дрожали руки.

Когда молчание становилось невыносимым, я пыталась убедить его, что все не так плохо, как кажется. Говорила, что он проживет еще сто лет. Убеждала снова и снова: он ни в чем не виноват и бояться ему нечего. Иногда мне удавалось его приободрить. Тогда он делал попытку улыбнуться, но улыбка выходила какая-то вымученная.

В один из вечеров Сакен сказал, что надо позаботиться

---

* *Мирзоян Л. И.* репрессирован 26 февраля 1939 г.

о завтрашнем дне. Это было странно — муж в хозяйственные дела почти никогда не вникал. Он пояснил, что если случится худшее, то я рискую остаться с малым ребенком на руках без помощи: «Из квартиры тебя выселят как жену «врага народа». Речь шла о небольшой сумме денег, полученной в качестве гонорара. Сакен решил закопать где-нибудь деньги.

Назавтра он позвал своего названого брата, Жакию. И поздним вечером, когда все уже улеглись, мы втроем крадучись вышли во двор и закопали «клад» недалеко от дома. Сакен оказался прав. Эти деньги потом очень пригодились. На них мы покупали продукты, и я носила мужу передачи.

Был конец сентября. Вечером я заметила двух неизвестных, которые направлялись к дому. Сердце защемило. Я вбежала в комнату и расплакалась: «Сакен! К нам идут». Тут же распахнулась дверь и ввалились те сурового вида субъекты. Один из них был казах, другой — русский. Протянули Сакену какую-то бумагу.

— Что это?— отрешенно спросил он и, потеряв самообладание, резко вскочил со стула.

— Это ордер,— сказал один.— Одевайтесь.

— Куда? Зачем?— Сакен, хотя и знал, куда его уведут, задавал вопросы просто так, без всякого смысла.

— Когда приедем, вам объяснят. Ну, быстро, быстро!

Сакена было не узнать. Он то садился на стул, то вскакивал. Лицо покрылось багровыми пятнами. Аянжан ухватился за шею отца и кричал что есть мочи. У меня подкашивались ноги. У Сакена был наган, и я боялась, как бы он не пустил его в дело. Вдруг он начал успокаиваться. Может, надеялся, что все обойдется. Ведь он ни в чем не виноват. Он набросил на плечи свое короткое кожаное пальто с меховым воротником, на голову круглую шапку, тоже отороченную мехом. Неожиданно ему приказали сесть и ждать. Начался обыск. Перерыли рабочий стол, шкаф. Взяли несколько снимков, две-три книги, наган и два мандата: один — члена правительства, другой — члена КазЦИК.

— Все. Пошли. Быстро.

Один из «ночных гостей» встал между нами. Сакен, еще прижимая Аяна, кивнул мне и подбородком указал на сына. В этот момент он был тверд и спокоен. Я приняла у него ребенка. Аянжан продолжал кричать.

В дальнем углу двора стоял «черный ворон». Сакен повернул голову, поглядел, словно стараясь запомнить нас. Тут его толкнули в спину, и он исчез в машине.

Перейдя порог, я рухнула на пол. Очнулась, ощутив легкое прикосновение детской ручонки к голове...

Вот и остались мы сиротами. Наш дом люди стали обходить стороной. Один раз, правда, зашел весь бледный от страха двоюродный брат Сакена Мажит. Но после его здесь больше не видели. В то ужасное время все всего боялись. Только Жакия, названый брат Сакена, заходил часто.

После ареста отца Аян долго не мог успокоиться: то к двери подбежит, за которой тот исчез, то к стулу, на котором он сидел, то к кровати, и долго навзрыд плачет.

Говорят, давным-давно существовал обычай: когда погибал джигит, его коня выгоняли в степь и беркута выпускали на волю. Жене обрезали косы, обряжали в черное.

Сакену всегда нравились мои черные длинные косы. Он любил смотреть, как я заплетаю их — каждую из пяти прядей. Оставшись одна, я часто садилась перед зеркалом и перебирала волосы — такие же длинные и густые, как и раньше. Но того, кому они нравились, с нами уже не было. Бывали минуты, когда я сетовала на себя. Почему я не заслонила Сакена, почему не набросилась на палачей, почему не заплевала их мерзкие лица? Я теряла самообладание. Взглянув как-то в зеркало, поняла, что надо делать. Схватила ножницы и с остервенением начала срезать волосы и швырять их на пол. Когда все было кончено, я посмотрела на дело своих рук: у ног моих словно не мое «украшение», а ядовитые черные змеи, свернувшиеся в кольца.

Через несколько дней появились какие-то люди и потребовали, чтобы мы освободили квартиру. Я уже слышала о таких выселениях и не стала сопротивляться.

Вскоре явился и новый хозяин квартиры. Он вел себя вызывающе. Во двор выбросили мебель, посуду, одежду. Вслед полетели книги, бумаги, подшивки газет, документы. На меня даже внимания не обращали. Приглядевшись, в новом жильце я узнала Калкамана Абдукадырова. Одно время он работал у Сакена. Как-то муж назвал его акыном-холуем.

Теперь этот акын-холуй въехал в нашу квартиру, а мы с сыном оказались на улице. И не мы одни. Тогда же бездомными стали и дети писателей Джансугурова, Майлина, Кудайбергенова...

Библиотеку Сейфуллина выбросили на середину двора. На земле валялись классики, редкие книги, древние сказания и предания, песни-стихи акынов, которые собирал

Сакен. Там были книги известных и начинающих писателей с автографами, вся переписка.

На меня накатила ярость. Все, что любил, чем дорожил Сакен,— под ноги?! Так пусть никому не достанется. И запылал костер. В нем горела одежда Сакена, его домбра, украшенная пучком совиных перьев, изящная трость. А тут еще набежали мальчишки, они бросали в огонь разбросанные вокруг бумаги. А, пропади все оно пропадом. Одного хотелось — тут же умереть.

Костер догорал. И вдруг подумалось: это пепелище моей жизни. И я зарыдала от безысходности, одиночества и еще от мысли, что надо было попытаться сберечь вещи, дорогие Сакену. Я старалась оправдаться перед собой: они могли попасть в грязные руки — такого допустить нельзя. Но это было таким слабым утешением.

Я заметила: люди шарахались от меня, от книг и бумаг Сакена, когда они еще валялись на земле и когда медленно умирали в огне. И вспомнила, что такое уже видела. Это было в детстве. Наш аул по реке Нуре, близ Акмолинска, поразила чума. Люди боялись людей. Такое же бедствие поразило Алма-Ату теперь. Да что Алма-Ата — везде так было. Мор шел по земле. Откроешь газету — ужас охватывает. Кто-то переставал узнавать друзей, кто-то жену, отца. Вот и мы с Аяном оказались вроде зачумленных.

Нам некуда было податься. Одна надежда на одинокую старушку, которая прежде часто гостила у нас. Мы поддерживали ее как могли: дарили что-нибудь из одежды, поили-кормили. Она любила рассказывать: «Собираюсь проведать Сакена — соседи не верят. Или, бывает, сижу за дастарханом. Ну и люди есть люди — болтают что попало. Например, про Сакена — горд, высокомерен. А я: он скромный, добрый, будто ребенок. А как скажу, что он меня матерью называет, просит чаще приходить, они и вовсе рты раскрывают, не знают — верить или нет»,— добавляла довольная собой апа. Сакен и впрямь о ней говорил: «Как будто с родной матерью повидался».

Правда, она давно у нас не была — с тех пор, как арестовали Сакена. Но нам с Аяном больше идти было некуда. На улице я наняла арбу. Погрузили кровать, постель, кое-что из посуды и тронулись.

Старушка встретила нас дома. Пожаловалась, что немного приболела, потому и не приходила в гости. Узнав о беде, расплакалась. Вместе посидели, погоревали.

Наутро я собралась с духом и пошла к тюрьме. На ули

це Виноградова родственники арестованных о чем-то справлялись у охранников. Перед дверью с железными решетками собралась большая толпа матерей, жен, невест. Можно было подумать, что у заключенных нет ни братьев, ни отцов. Наверное, боялись мозолить глаза и оказаться за решеткой как пособники «врагов народа».

Среди собравшихся много знакомых — жены бывших партийных работников, писателей. Вон Разия, Абида и Сауле, а вон Лиза и Мариам. Мы сбились вместе, как козы под проливным дождем. Вместе легче.

Охранники вели себя нагло. То и дело орали:

— Проваливайте! Убирайтесь отсюда! В списках такого нет!— и вслед площадная брань.

Но мы понимали, что отступать некуда. Недаром говорят: голому воды бояться нечего. И мы требовали у надзирателей разрешения на свидание с родственниками. Слава аллаху, нашлись среди нас бойкие, храбрые женщины. Они не давали спуску охране. Особенно жена известного писателя Молдагали Жолдыбаева, полька по национальности. Они с мужем жили прежде по соседству с нами на углу улиц Карла Маркса и Виноградова. Молдагали дружил с Сакеном еще с Оренбурга. Он был большим мастером литературного перевода. Он же написал предисловие к книге Сейфуллина «История казахской литературы». Молдагали с женой часто приходили к нам в гости. Детей у них не было, и они души не чаяли в нашем Аяне.

С утра до позднего вечера не расходилась от тюрьмы толпа. Когда охранники дурели от женских криков и слез, они огрызались и надолго захлопывали свою дверь.

Вплотную к воротам то и дело подъезжали «черные вороны». Они привозили и увозили людей. Увидеть арестованных не удавалось. Мы заглядывали под ворота и только по ногам и по обуви пытались распознать близких. Некоторым женщинам это удавалось, и тогда они звали по имени мужей, сыновей, кричали что-то, прощались.

Однажды прошел слух, что к отправке готовится состав товарняка с арестантами. И многие женщины побежали на вокзал. Эшелон стоял далеко в тупике, оттуда доносился глухой шум, а временами кто-нибудь выкрикивал свое имя. Мы с надеждой вслушивались в голоса и всматривались в зарешеченные окошки. Ведь если отправляют на этап, значит, жив твой дорогой человек.

Сакена в том эшелоне не оказалось. Но мне позволили приносить в тюрьму передачи.

И стало казаться, что все кончится хорошо. Вот и

«великий вождь» заявил о перегибах в политике. А группа писателей выступила со статьей, где требовала, чтобы бесчинствам был положен конец.

А тут еще вдруг разрешили свидание. То ли это была счастливая случайность, то ли значило, что следствие закончено. 8-го февраля 1938 г. меня впустили в тюрьму. Перед встречей надзиратель-казах с бегающими глазами предупредил:

— О посторонних вещах не говорить. Непонятных вопросов не задавать. Справляться только о здоровье.

Из коридора он провел меня в сумрачную комнату. Там уже сидел человек, вернее, то, что от него осталось. Серое лицо, щеки ввалились, нижняя челюсть, обтянутая иссохшей кожей, выдавалась вперед, угасший, отрешенный взгляд устремлен в пол... И это — мой Сакен... Всего полгода назад он был веселым, здоровым человеком. Что же они с тобой сделали, если твои черные волосы побелели?

Я не знала, с чего начать. Голос срывался:

— Сакен, Сакен... Как дела?..

— А ты-то как?— сипло́ спросил он.

— Да что мне сделается? Ты о себе...

— Как Жамиля, Жамал? Как дела у Хабибы, Салихи?— медленно выдавливал он из себя чужие имена.

Уж не сошел ли он с ума? Но спустя мгновение я поняла, что Сакен, называя имена жен своих товарищей, интересуется их судьбой. И стала отвечать в том же духе: «Уехала в аул», «Слыхала, что сильно заболела», «Переехала в другое место». Надзиратель, стоявший в центре камеры у окна, не мог сразу сообразить, о чем идет речь, но насторожился, подошел ближе. И я испугалась, как бы он не догадался и после моего ухода мужа не стали снова мучить.

— Аянжан жив-здоров?— тревожно спросил Сакен.

— Да. Плачет все. Папу спрашивает. Вот только привезти не смогла. Детей сюда не пускают. Да ты о себе говори.

— Мои дела неплохие,— прохрипел он, дважды проведя правой рукой по колену.

Наверное, он хотел сказать, что дело его закончено и что он одной ногой уже в могиле, вот и давал знать. Но об этом я догадалась потом.

Таким было наше первое и последнее свидание.

Гораздо позднее я узнала, что ровно через двадцать дней, 28-го февраля 1938 года, Сакен Сейфуллин был расстрелян. Но о казни ничего не сообщили. И я продолжала

носить передачи. Их то принимали, то нет. Я добивалась нового свидания.

— Такого человека у нас нет,— следовал ответ.

— Как нет? Да он здесь был. Я с самой осени сюда хожу. Где мне его искать?

— Не знаем. Отойди. Следующий,— дежурный глядел мимо.

В другой тюрьме, что в центре города, было то же самое.

— Такого в списках нет.

— Может, его отправили на этап?

Мне становилось не по себе.

20 марта 1938 года в газетах появилось официальное сообщение, в котором говорилось, что фашистские наймиты, вредители, предатели и враги народа признали свою вину и приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение. Следовал длинный ряд имен видных партийных и государственных деятелей Казахстана. Но в том списке Сейфуллин, Джансугуров, Майлин, Сеиткали Медешев, Санжар Асфандияров, Кудайберген Жубанов, Шурафи Альжанов и Габбас Токжанов не значились. И мы надеялись, что они живы.

О многом я уже знала, например, куда исчезают среди ночи люди, а потом их не оказывается в списках живых или мертвых. Но многого и не понимала: столько жалоб пишут Сталину, а жить становится все страшнее. Наверное, письма не доходят, и Сталин ничего не знает. А если знает?.. Я испугалась своих мыслей, как будто произнесла их вслух.

И я продолжала ходить к тюрьме. Однажды там я разговорилась с женщиной, мужа которой тоже не было в списках казненных.

— Наверное, наши мужья живы?..

— Если бы так,— ответила та невесело. И вдруг заговорила быстро:— Гульбахрам, мы ходим сюда, потому что еще надеемся. Но, родная, я чувствую, уверена, ни Сакена, ни моего мужа нет в живых. Для них,— кивнула она в сторону тюрьмы,— честные люди опасны.

У меня внутри словно что-то оборвалось. Слышала и не слышала, о чем переговариваются женщины. Они называли имя Залина — бывшего наркома внутренних дел республики. Рассказывали, что один из избирательных округов Усть-Каменогорска выдвинул его кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Агитаторы ходили по домам. В одном месте спросили у старой казашки:

— Ты знаешь, кого выбирать?

— Да, айналайн.

— Ну, говори.

— Звать его Залым*,— простодушно ответила та.

Словом, старушку судили.

А теперь вместо Залина из Москвы прибыл бывший начальник Московского наркомата внутренних дел. Огромного роста, угрюмый. Говорили, что и на его совести было уже много человеческих жизней. От такого добра ждать тоже не приходится.

Беда пришла во многие дома. У жены несчастного Биби-ага, Кулжамал, отобрали детей, а ее выслали. И во время ареста жены Темирбекова, редактора «Ленинской смены», детей тоже увезли неизвестно куда. Фатиму Джансугурову отправили на этап через несколько дней после родов.

А как только Сакена бросили за решетку, в степном ауле арестовали его отца Сейфуллу. Еще раньше были объявлены врагами народа Абдулла Асылбеков и Жанайдар Садвакасов — они, как и Сакен, участвовали в борьбе за Советскую власть в Омске. А вслед за сыновьями забрали и их отцов. Старый рыбак Садвакас переправил на волю записку: «В будущем году мне было бы шестьдесят. Увижу вас или нет — неизвестно. Следователь пугает и грозит». Домой он не вернулся. А дом Сейфуллы, отца Сакена, кто-то поджег. Недруги злорадствовали: «Мы Сакена прах развеем».

Чужая боль не делала мою меньше. Наоборот. Я теперь припоминала те подробности нашей жизни с Сакеном, его слова, на которых раньше не заостряла внимания. Так, на память пришел рассказ Сакена после его поездки по аулам. Когда в двадцатые годы начался голод в России, на Урале и в Поволжье, по призыву Ленина стали создавать комитеты по оказанию помощи населению. Тогда от голодной смерти удалось спасти сотни тысяч людей. А через несколько лет опять грянул голод. Ленина уже не было. Теперь даже у бедняков отнимали последних овец, хлеб. Из центра поступали все новые разнарядки. В аулы и села посылали отряды уполномоченных. Самые усердные, врываясь в юрты и домишки, обшаривали каждый угол. Кого-то арестовывали, кого-то в трескучие морозы бросали в колодцы. Бедные кочевники стояли перед выбором: умереть или бежать. И они уходили в горы, откочевывали в Сибирь, Узбекистан, Китай, на Урал и Дальний Восток. Вот тогда Сейфуллину, Джангильдину и другим из-

---

* *Залым* — (каз.) подлец, мерзавец

вестным в республике людям поручили вернуть снявшиеся с мест аулы. Им с трудом, но удалось многих убедить, что жизнь войдет в нормальное русло и что те ретивые уполномоченные и Советская власть — не одно и то же.

Сакен вернулся из поездки взволнованный.

— Многие юрты осиротели,— говорил он.

На мужа нельзя было без боли смотреть, когда он узнал, что часть поверивших ему и его товарищам аулов была окружена и взята под стражу. Он не скрывал своего возмущения. То, что говорил Сакен друзьям, совсем не походило на газетные статьи. И мне даже тогда было страшновато за него.

Теперь вот нашлись подлецы, которые его слова исказили и через несколько лет донесли.

Постепенно круг знакомых женщин, с которыми мы в течение нескольких месяцев дежурили у тюремных ворот, стал сужаться. Их тоже выселили из квартир. Мы теряли друг друга из виду. Казалось, навсегда.

С наступлением весны город встревожился. Начались разговоры о том, что Алма-Ата будет очищена от жен и детей врагов народа, что их отправят в лагеря...

Однажды к домику старушки, приютившей нас с Аяном, подошел милиционер.

— Чтоб тебя в пятидневный срок здесь не было,— приказал он мне.— Возле Акмолинска есть колония. Поедешь туда. Вот сопроводительный лист. Когда прибудешь — нам сообщат. Сбежишь или не уедешь — будут судить,— отчеканил он и протянул мне для подписи бумагу.

Делать нечего. Пришлось собираться в дорогу. Нехитрые свои пожитки оставила старушке и Жакие. Он достал билет до Акмолинска.

И вот с котомкой за спиной, с чемоданом в одной руке и с сыном в другой я двинулась в путь. Я должна была добраться то ли в лагерь, то ли в колонию — сама, без конвоя, и еще боялась опоздать.

...Чтобы добраться до Акмолинска, надо было сделать огромный крюк через Новосибирск, Омск, Кокчетав, с несколькими пересадками.

В прежней жизни мне пришлось поездить с Сакеном. Там были мягкие купе, модная одежда, хорошее настроение. Поездки казались легкими и безоблачными. Теперь я была благодарна судьбе и за то, что находилась еще на свободе.

А Сакена с нами не было. Его не было вообще. В «Тернистом пути» есть место, где он описывал, как в темную

ночь, в жгучий мороз из акмолинской тюрьмы беляки вывели большую группу большевиков и погнали их на окраину города. Узники с трудом переставляли ноги. Они были уверены, что их ведут на расстрел. Сейфуллин был среди осужденных.

«Идем и идем... Только и слышно, как хрустит песок да похрапывают лошади. Все угрюмо молчат: и мы, и конвоиры...

Похоже, что казаки уже знают — наметили место, куда вести большевиков. А последние терпеливо идут, будто знают, куда их гонят и зачем...

В один миг пробегает вся моя жизнь перед мысленным взором, и от этого болезненно сжимается сердце. Неужели все это должно в одно мгновение исчезнуть, вот сейчас?..

Бессмысленная смерть делает твою жизнь бессмысленной и бесцельной игрушкой. Да, игрушкой!.. А если это так, то жить или умереть — какая разница?.. Если смерть, пусть смерть! Только поскорее.

Итак, судьба решена! Я не боюсь смерти и смотрю ей прямо в глаза. Если в жизни остается единственное — смерть, то человек не должен ее бояться. С гордо поднятой головой он должен встретить свою судьбу!..

Вышли на окраину. За поворотом почувствовалось близкое дыхание смерти».

Тогда Сакен бежал, выжил и победил. А когда Советской власти исполнилось двадцать лет, он не сумел уйти от смерти. Она загнала его в тупик.

Мы ехали в грязном переполненном вагоне. Аянжана я прижимала к себе. Он начал бледнеть, ведь недоедал всю зиму, мерз в землянке. А в дороге еды и подавно не раздобыть. В поезде не то что чая — кипяченой воды не было. И люди не жаловались — они почти все выселенцы — такое словечко появилось в то время.

Добрались до Новосибирска. Здесь пересадка. Кажется, на этот вокзал устремились люди со всей страны. Теснота такая, что ступить некуда. И непрерывный шум, от которого раскалывается голова. Воришки хватают у зазевавшихся свертки с едой, котомки, узлы и вмиг растворяются в толпе. Что делать? Смотреть за ребенком, сторожить чемодан или вместе с толпой штурмовать кассу? Там то и дело завязываются потасовки. Я решилась и с Аяном на руках втиснулась в толпу. Но, получив несколько увесистых тумаков, отступила.

Аянжан заболел — стал жаловаться на животик. Может,

из-за сырой воды или молока. Лекарств нет. Из еды, кроме сухарей, ничего.

Поначалу малыш плакал, но постепенно ослаб и лежал уже безучастно. Начался жар. Я прижимала ребенка к себе. «Аллах, чем дитя провинилось? За что ему эти муки? Сакен, почему ты не забрал нас с собой?» — мне было жутко от мысли, что я потеряю еще и Аянжана. Не спуская сына с рук, я сидела, как каменная.

Сидящая рядом русская женщина, тоже выселенка, протянула мне кружку воды. Другая вызвалась сходить в буфет, купить что-нибудь поесть. Но кусок не лез в горло. Аянжану становилось все хуже. Русская женщина тормошила: «Неси-ка, милая, мальчонку в медпункт. У него, наверное, дизентерия. Ему нужен врач».

Но я словно оглохла от горя, шума, одиночества на этом грязном вокзале. Из станционных окон было видно, как прибывают и отходят набитые до отказа поезда. Люди карабкались даже на крыши и пускались в путь, ухватившись за вентиляционные трубы. Но мне-то такое не под силу с больным ребенком. И я безучастно смотрела на толпу.

Сколько времени прошло в таком забытье? Но однажды обратила внимание: мимо, вглядываясь в меня, несколько раз прошел высокий русский мужчина лет тридцати. Я как-то равнодушно подумала: может, он собирается меня обокрасть, и, покрепче прижав Аяна, придвинула к себе вещи.

В конце-концов мужчина остановился перед нашей скамейкой.

— Вы казашка? Откуда?

Лицо добродушное, одет прилично и говорит приветливо. Но я напугалась еще больше: «Наверное, за мною милиция следит».

— Я из Алма-Аты. Мне надо в Акмолинск. Сын вот заболел, а уехать не могу.

Он протянул руку:

— Покажите ваш билет.

Он взял билет и исчез. Я совсем растерялась: «Ну вот, теперь я никогда отсюда не уеду». Но вскоре незнакомец вернулся и отдал билет назад:

— Все в порядке. Ваш поезд через два часа.

Я не верила своим ушам. А незнакомец тем временем протянул газетный сверток. Чего в нем только не было! Копченая рыба, пирожки, вареные яйца, колбаса, печенье...

Я вдруг заплакала от благодарности к этому незнакомому человеку, пришедшему нам на помощь. Он поднял

чемодан и вышел с нами на перрон, помог протиснуться к нужному вагону.

Когда мы заняли свои места и нечаянный спаситель опустил у моих ног вещи, он вполголоса спросил:

— Вы жена Сакена Сейфуллина? Я видел вас с мужем в Омске на 20-летнем юбилее творческой деятельности Сейфуллина. Вы не помните меня? Мы встречались в гостях у Феоктиста Березовского.

Березовского я знала — с ним Сейфуллин был связан боевой дружбой, о нем он писал в «Тернистом пути», а нашего спасителя я, хоть убей, не могла вспомнить. Ведь на юбилее в Омске было так много людей. А мужчина продолжал:

— Я тоже писатель. Сам из Омска. Сакена, наверное, арестовали? У нас там дела тоже неважные. Даже многих подпольщиков, воевавших с Колчаком, посадили как изменников Родины. Я вот хочу уехать в Среднюю Азию. А в Новосибирске у меня много товарищей и начальник станции — знакомый. Он и закомпостировал ваш билет.

Он попрощался и начал протискиваться сквозь плотную толпу, забившую проход. А я, глядя ему вслед, молила аллаха сберечь и сохранить этого человека. Всю жизнь потом я надеялась встретиться с ним. И никто никогда уже не мог меня убедить, будто русские и казахи не родные люди. Я твердо знаю: добрые люди — все родня.

...Новосибирск остался позади. Поезд набирал ход. Впереди предстояли пересадки в Омске, Петропавловске. Но там уже не было такого кошмара. В вагоне я познакомилась с людьми, тоже ехавшими в Акмолинск. Мы помогали друг другу как могли. Но и это уже не радовало — Аян совсем обессилел. Которые сутки он ничего не брал в рот. Лицо опухло, губы запеклись и потрескались. Он уже даже не плакал. Лежал неподвижно. Только ресницы вздрагивали над полуприкрытыми глазами.

Вдруг у него начались судороги. Я закричала не своим голосом: «Чтоб ты в могиле трижды перевернулся, Ежов,— собачье отродье! Будьте вы прокляты, палачи!»

Соседи повскакивали со своих мест, отпрянули в стороны и смотрели на меня, как на умалишенную.

Я долго не могла прийти в себя, а когда начала соображать, равнодушно подумала: «Теперь кто-нибудь вызовет милицию и меня посадят. Ну и пусть — мне уже нечего терять».

Милицию никто не вызывал. Ехавшие в том же вагоне казахи издали поглядывали на меня, но не подходили. Оне-

мевшие от тяжести руки продолжали качать полуживого ребенка. А в голове крутилось: «Будь ты проклят, будь ты трижды проклят, Ежов — собачий выродок!» Не так давно этот мерзавец работал в Казахстане. В Семипалатинске он был секретарем губкома. Как-то Сейфуллин приехал туда в командировку из Оренбурга. Ежов с ехидцей спросил его:

— Почему это ваши казахи такие жалобщики? Чуть что — строчат один на другого.

— Наши казахи так долго жили в нищете и унижении, что им больше ничего не оставалось, как писать жалобы на своих угнетателей. А те сталкивали темных людей, и они писали жалобы друг на друга. Трудно сразу убедить испокон века угнетаемых, бедных, забитых людей в том, что они теперь свободны и равноправны. Потому они и пишут жалобы,— сбил Сакен спесь с секретаря.

Наверняка он не раз сталкивался с Ежовым, и тот, вернувшись в Москву и став правой рукой Сталина, видно, не забыл стычек с Сейфуллиным. Несомненно он способствовал аресту и смерти Сакена. А теперь в этом долгом проклятом пути умирал и единственный сын Сакена.

Когда поезд подходил к Кокчетаву, Аян вздохнул в последний раз и замер.

Попутчики взяли мои вещи и, поддерживая меня под руки, помогли выйти из вагона. Кто-то сдал чемодан в камеру хранения.

Я побрела со станции в сторону города. Прежде мне приходилось бывать в Кокчетаве. Помню, с какой радостью встречали здесь Сейфуллина. И вот я снова в этом городе. Сакена уже нет, на руках — мертвый сын.

Знакомая пожилая татарка жила где-то на окраине. Она с трудом узнала меня:

— Ой, алла! Гульбахрам! Ты ли это? Душенька... да на тебе лица нет,— заохала она.— А это сынок? Спит? Заходи же. Умойся, поешь, приди в себя.

— Тетушка, в дом я сейчас не могу. Мне надо на кладбище. Умер мой Аянжан. В поезде умер. Надо похоронить его. Прочтите заупокойную молитву, прошу вас...

Тетушка без слов засеменила в дом. Вынесла лопату и все необходимое для похорон. Оставив меня сидеть на ступеньках, сбегала за соседкой. Втроем мы пошли на кладбище. Аянжана омыли, обернули белым полотном, уложили в могилу. По мусульманскому обычаю провели ладонями по лицу. Плакать я не могла, меня била дрожь. Рядом плакали две пожилые женщины. Горевали долго... Холмик

земли, вот все, что осталось от Аяна, а где похоронен его отец, мне было не суждено узнать.

...Через несколько дней эти две добрые души проводили меня в Акмолинск. Когда подъезжали к городу, я опять разрыдалась. В Акмолинске Сейфуллин учился и сам учил детей, издавал первую казахскую газету и был среди борцов за Советскую власть. Именно из акмолинской тюрьмы белогвардейцы перегоняли его в трескучий мороз в Омск. Недалеко от Акмолинска когда-то стоял мой аул. А теперь здесь меня ждала то ли тюрьма, то ли лагерь — я не знала точно что именно. Но знала, что жену «врага народа» на свободе не оставят. Я бесконечно устала. И прямиком направилась в милицию, как приказано было мне в Алма-Ате.

В милиции оказалось полно народу: тут и воры, и разбойники, и такие же, как я, выселенцы. Дежурный, изучив мой сопроводительный документ, приказал увести меня во двор. Там стояла телега, запряженная парою быков. В ней уже сидело несколько «пассажиров». Вскоре мы тронулись в сторону Атбасара, где на берегу Ишима была женская колония.

Пространство, обнесенное колючей проволокой, называлось зоной. Внутри стояло несколько старых бараков. На каждом углу — вышки, на них — солдаты, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками. Тогда мне было все равно, выйду ли я отсюда.

Таких лагерей в округе было много. Их именовали точками. Наша называлась 26-й.

В колонии я встретила много женщин, знакомых еще по Алма-Ате. Среди них оказалась Сакыш — жена Мухамедкали Татимова, о котором Сакен писал как о смелом пулеметчике партизанского отряда, действовавшего в окрестностях Омска в гражданскую войну. Позже Мухамедкали занимал один из руководящих постов в республике. Другую знакомую звали Кулянда — она была женой Аманбая Каспакбаева, бывшего секретаря КазЦИК. Третью — Сакып, ее муж Мансур Гатаулин работал вместе с Сейфуллиным сначала в газете, потом — в издательстве.

У нас была одна судьба. Обнялись, поплакали. Каждая вспоминала своих детей. Все сочувствовали мне, узнав о смерти Аяна, утешали: «Может, Сакен жив. Будут у вас еще дети».

Дни в лагере были похожи один на другой. На работу гнали чуть ли не с восходом солнца. Узниц каждый раз старательно пересчитывали. Колонну женщин конвоировали вооруженные солдаты с овчарками, натренированными на

поимку людей. Впереди на рыжем жеребце гарцевал здоровенный старшина. Женщины пасли овец, доили коров, пахали, сеяли, косили, копали арыки.

Кормили нас капустой, гнилой картошкой и сырым, непропеченным хлебом. Когда началась война, условия жизни стали еще хуже.

Заключенные в зоне были словно на одно лицо — бледные, изможденные, коротко остриженные, с опухшими от слез глазами. На теле потрепанные бушлаты и рваные резиновые бахилы. На лицах никогда не появлялось улыбок.

Иногда вечерами мы собирались вместе и затягивали родные песни-притчи: «Со стороны Каратауских гор идет караван», «Сырымбет», «Караторгай», «Зауреш», «Саулемай», «Елим-ай». Где-то здесь, в акмолинских степях, попав после Омской семинарии на перепись населения, молодой Сакен услышал от девушки Хабибы трогательную песню-плач «Аупильдек» и уже годы спустя часто вспоминал этот напев. А теперь в этих же степях, на «26-й точке», на нас орали надзирательницы, размахивали палками, приказывая замолчать. Но мы все же пели. Я знала много народных песен. А Сакен, помню, привозил из поездок все новые и новые, записанные им в аулах.

О «красном кладбище» пел один акын, которого как-то услышал Сакен: только могилы остались там, где когда-то счастливо жили люди. И земля на том кладбище была цвета пролитой крови. Красноватая, бурая степь была и вокруг нашей «точки 26». Между собой узницы называли лагерь Алжиром — то ли за безводье, то ли за тяжелый, рабский труд. Но это название читалось и иначе: АЛЖИР — Акмолинский лагерь жен изменников родины.

Изолированные от всего мира, мы как чуда ждали помощи или хотя бы весточки с воли. Для меня ангелом-хранителем стал названый брат Сакена Жакия. Он присылал посылки, не раз приезжал в Акмолинск сам. Заботился он обо мне и после освобождения. Недаром Сакен всегда считал его надежным человеком. Немного было людей, протянувших мне руку помощи в то время. Но благодаря им я выжила, а Жакия был мне роднее родного брата.

Через много лет после того страшного 38-го я приехала в Кокчетав, чтобы найти могилу сына и побыть с ним. Я обыскала все кладбище, а дорогой могилы не нашла. Холмик, видно, размыло дождем, а оставить какую-нибудь метку я не догадалась — тогда я была как в тумане.

И все-таки я снова и снова приезжала на кладбище и молилась до самого заката, прося всех святых за моих Аяна и Сакена. Время и люди не оставили их могил.

* * *

Гульбахрам теперь жила памятью. К ней приходили писатели, журналисты. Она знала Сакена добрым и упрямым, нежным и вспыльчивым. И ее воспоминания помогали дополнить образ Сакена Сейфуллина, знакомый нам по его книгам, статьям, речам.

Сакен многое успел. Он работал над книгой, когда его увели. Гульбахрам говорила, что Сакен, наверное, предчувствовал это большое несчастье. Ведь в его произведениях всегда звучали ноты печали.

Может, Гульбахрам права, и интуиция не подвела писателя. Но все-таки Сейфуллин был прежде всего жизнелюбом и верил в лучшее. Он собирался долго жить:

Еще не прошло наше лето —
Ведь осень еще не пришла,
И жарко горящее сердце
Покрыть не посмела зола.

А если зима подберется,
Не будем пенять на судьбу,
Пусть волосы снегом осыплет,
Пусть лягут морщины на лбу.

И здесь горевать мы не станем,
Идет все своим чередом.
Не мучайся в горьких раздумьях,
Свой век мы не зря проживем!

(Перевод С. Наровчатова).

Век Сейфуллина оказался коротким, но он его действительно прожил не зря.

1989 год

Виктор ДИК

КАРЛАГ

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Перед вами не аббревиатура. Эти шесть букв — сигнал наивысшей социальной опасности. Это — политическое завещание сотен тысяч узников Карагандинского исправительно-трудового лагеря особого режима. Того самого режима, по воле которого в общественном сознании образ одного человека долгое время олицетворял утро нашей Родины...

Я стою с микрофоном в самом сердце Карлага. Вернее, его «столицы», теперь уже бывшей. Это симпатичное местечко находится всего в четырех десятках километров южнее Караганды, настоящий зеленый оазис. И имя ему, что называется, в кон: «Долинка». Можно ударять на первом слоге, можно на втором. В зависимости от желания. Или настроения. Доли́нка, До́линка, Доли́нка, До́линка...

Чувствуете игру полутонов? Как на картине неизвестного художника, которую увидел в уютной квартирке персонального пенсионера Сергея Васильевича Баринова. Человек строгого порядка, он спросил, указав на микрофон: «А это еще зачем?» Объяснил Сергею Васильевичу: ищу, мол, отголоски ушедшего времени, записываю уцелевшие голоса. Так, постепенно, разговорились. Выглядит Сергей Васильевич, несмотря на возраст, молодцом. Бывает, прихварывает, но хорошее питание из ветеранского магазина делает свое дело.

Голос у Баринова сочный, с напором, речь четкая, память отличная. Один раз всего и запнулся-то. Это когда я спросил насчет картины на стене: «Так это портрет моего сына. Ему тогда годочков шесть было. Художник здесь один заезжий объявился из Москвы. Сестру, жену, невесту ли навестил. Помню, вроде балериной была. Давайте, говорит, портрет вашего сынишки нарисую. И вот ведь — нарисовал. Прямо на клеенке, красками. Считай, полвека прошло, а портрет еще живой... Фамилию вот только того молодого человека не припомню...» «Так, может, через балерину можно будет уточнить имя автора?»— спросил я. И понял, что сморозил глупость: ну как начальник отделения Карлага может помнить всех балерин Большого театра СССР, с кото-

рыми он встречался по роду своей службы? А, может, и не встречался вовсе.

А потом мы встретились с Анной Емельяновной Журавлевой, отдавшей Карлагу 25 лет жизни, и зашли к Валентине Ивановне Васильевой. Очень теплая получилась встреча. Анна Емельяновна после Карлага еще девять лет работала в системе МВД, переехала в Караганду. Валентина Ивановна, напротив, уезжать не собиралась. Было что вспомнить старым подругам. Обе в свое время трудились инспекторами по кадрам, спецучету. Анна Емельяновна одно время занимала должность заместителя начальника колонии по политико-воспитательной работе особого режима женщин. Был и такой пост.

Не без юмора припомнили кое-что из истории Карлага. Оказывается, вначале вольнонаемным, т. е. лицом, свободным перед законом, в Карлаге числился... прокурор. Остальные — охрана, обслуга, заключенные — сами же «зеки».

Ну а потом-то кто только не сидел. Особенно на 26-й точке под названием «АЛЖИР». Это у Сергея Васильевича Баринова, а еще раньше — у М. Т. Юзипенко. «АЛЖИР» расшифровывался просто: Акмолинский лагерь жен изменников Родины. Официально их именовали по аббревиатуре «ЧСИР»— члены семей изменников Родины. Все они были осуждены особым совещанием без какой-либо статьи уголовного кодекса. Член семьи — и все. По их именам, бывало, узнавали, что происходит в стране. Утром радио еще молчит, а в лагере уже появились, скажем, Тухачевские. Или Подвойская. Или сестры Я. Гамарника... Одно только четко надо представлять: муж и жена вместе не сидели. В Карлаге сидели уже вдовы...

Между делом выяснилось, что у Анны Емельяновны тоже имеется рисунок. И тоже — сына. Я было обрадовался: наконец-то удастся установить имя неизвестного московского художника! Но мой пыл быстро остудили. Автор портрета известен: Александр Леонидович Чижевский. Да, да, тот самый. Почетный член всех академий мира, кроме нашей. Химик, биолог, физик, астроном. Соратник и друг К. Э. Циолковского.

Я стою с микрофоном в самом центре Карлага, но расспрашивать о прошлом вроде больше и некого. Тридцать лет назад разлетелись последние птенчики из клетки.

По правую руку от меня — белокаменные палаты. Здесь размещалось управление Карлага. Смотрится здание молодцом. Столько лет прошло, а все нипочем. И немудрено: возводилось на века.

Я пытаюсь представить, что мог испытывать Александр Леонидович Чижевский, проходя иногда мимо этого своеобразного лобного места. Чувство незыблемости чуждой ему Административной системы? А может быть, горечь и стыд от внезапного окрика: «Куды прешь! Не видишь, гражданин начальник едут?!»

А вот и старый, просевший под тяжестью лет карлаговский клуб. Это здесь, под его белоснежными сводами, в ту пору уже расконвоированный Александр Леонидович услышал почти невероятное: «Сашенька, здравствуйте! Вы помните бал в 1912 году? Мы с вами тогда танцевали...» Так состоялась встреча с будущей женой.

Нина Вадимовна Чижевская, урожденная Энгельгардт. Дочь члена правительства России барона Энгельгардта. Осуждена как международная шпионка. 30 лет тюрем и лагерей. На склоне лет судьба подарила им встречу. Вслед за тем предстояла разлука. Нину Вадимовну определили на вечное поселение в Джамбул. Она приняла решение покончить с собой. Никогда раньше подобная мысль у нее не возникала.

О, всемогущее лагерное начальство! Кто даст оценку твоим поступкам и словам? Кто разведет жестокость и гуманность, расставит все по полкам и углам? Причудливая сказка продолжалась: вечное поселение отменили.

Сказка закончится так же внезапно, как и началась. После реабилитации, похоронив мужа, оставшись без средств к существованию, Нина Вадимовна решится на отчаянный поступок — нанесет визит видному ученому, носящему ее девичью фамилию: «Дайте мне немного денег взаймы,— скажет она.— Ведь мы, кажется, родственники». «Что вы,— услышит бывшая баронесса в ответ,— мы совсем другие Энгельгардты». «Значит, вы были крепостным моего отца»,— произнесет Нина Вадимовна и покинет профессорский дом с высоко поднятой головой. Плохо это, хорошо ли — тут есть вопрос. Но ясно одно: чувство собственного достоинства у нее никто не сумел отнять. Никто. У ее мужа — тоже.

Кстати сказать, Александр Леонидович обладал еще одним редкостным даром, может быть, самым драгоценным в человеческих отношениях. Он умел вселять уверенность в других людей, духовно поддержать соседа по лагерным нарам. «Главное — не потерять себя»,— повторял он изо дня в день.

— Уж не знаю, поддерживал ли он себя таким образом, но нас поддерживал определенно,— вспоминает Па-

вел Гаврилович Тихонов, бывший узник Карлага. С Чижевским их судьба свела в 1947 году на точке Карлага «Спасский завод». Александру Леонидовичу нужны были математики, Тихонов был блестящий по тому времени математик-прикладник. Работа двигалась быстро. Вместе с Тихоновым Чижевский отработал огромный материал. Он лег в основу книги Чижевского «Динамика крови»— уникального труда по теории крови в условиях космической невесомости!

— Нам крупно повезло,— вспоминает П. Г. Тихонов,— на момент завершения расчетов лагерное начальство вдруг вспомнило, что в моем «личном деле» стоит графа «тяжелый труд» и в срочном порядке этапировало меня в Экибастузские каменоломни. Но дело-то уже было сделано. Мы с Чижевским точно знали: недалеко время, когда люди полетят в космос, и наши расчеты им сильно помогут.

Я стою в самом центре бывшего Карлага. На месте, где суровой глыбой возвышался памятник Ему. Цепкий, прищуренный взгляд направлен туда, поверх сторожевых вышек, в бескрайнюю степную даль.

Что виделось ему?

Какие думы посещали?

С Павлом Гавриловичем Тихоновым мы встречались накануне. Спросил его: «За что взяли?» Он назвал статью 58 пункт 10. Обвинение гласило: «За неверие в колхозный строй, восхваление немецкой техники». Вот такой пассаж: математика арестовывают за колхозы.

— Никакой ошибки,— уверяет Павел Гаврилович,— я открыто критиковал аграрную политику Сталина. Как математик, я не мог не видеть, в какие дебри заведет страну волюнтаризм.

— Но вы знали, чем это грозит?

— Да, знал, но иначе поступать не мог.

Я смотрел на этого восьмидесятилетнего старца и диву давался. Ясный ум, точные суждения. При всем при том он продолжал трудиться в одном из проектных бюро.

Как же повезло этому человеку! Наивысшая награда за пройденный путь — многомесячные полеты космонавтов на околоземной орбите. И ведь не закипает же кровь в невесомости — значит, точным был математический прогноз. Точен с самого начала.

И еще подумалось: коли так рассуждали математики, то что оставалось аграриям? Тому же Василию Семеновичу Пустовойту, будущему знаменитому селекционеру, академику, дважды Герою Социалистического Труда, определявше-

му на тот момент карлаговскую сельскохозяйственную стратегию в 1931—1934 годах? Я читал отчет за 1946 год. Он начинался с фразы: «На основе учения Дарвина — Мичурина — Лысенко». Это писалось уже после Пустовойта. Но и при Пустовойте, и после него шла отчаянная борьба против догматических «уморазмышлений» двух последних светил в списке. Против первого ничего не имели.

Вот тут, пожалуй, мы и подходим к одному из «феноменов» Карлага. Дело в том, что в самом начале Карлаг именовался Карагандинским совхозом ОГПУ СССР. Явление само по себе уникальное. В самом деле, страна фактически приступила к реализации грандиозного плана экономического скачка. Сложившаяся к началу 30-х годов мощная, отлично «отцентрированная» административная машина привела в действие надежные приводные ремни. Достижения были налицо. С наименьшими затратами падал лес в районах Магадана, Печоры и Воркуты, полную отдачу при самой низкой себестоимости демонстрировали горные выработки и рудники Норильска, Бодайбо, Алдана, Колымы. Но как наследие проклятого капитализма отставало сельское хозяйство. В разрезе насущных задач значение «совхоза» трудно было переоценить... Он должен был явить примером нерушимую волю и гениальное предвидение хозяина-вождя, стать надежной моделью его будущей аграрной политики.

Совхоз, точнее совхоз-лагерь, полностью оправдал надежды. Динамику его роста можно проследить хотя бы по такому факту. Если в год основания здесь командовал лейтенант, то к моменту расформирования у руля уже стоял генерал-майор.

Менялось начальство, но не менялась специализация. И это внушало еще большие надежды. Уже к середине сороковых годов хозяйство стало сугубо хозрасчетной единицей. Сферы его влияния распространялись от Алтая до Бетпакдалы, от казахстанской Швейцарии — до Заилийского Алатау.

По существу это было государство в государстве. Оно располагало реальной властью, оружием, транспортными средствами, содержало почту и телеграф. Его многочисленные отделения —«точки»— были увязаны в единый хозяйственный план, и не было случая, чтобы планы эти не выполнялись. Спрос был бы особый.

Как и в любом уважающем себя государстве, здесь проводились свои «ассамблеи», рабочие съезды. Съезжались в «столицу». У каждого начальника «точки» или попросту

лаготделения имелся свой выезд. Летом запрягали породистых лошадей. Не в какие-нибудь рыдваны, а в коляски на рессорном ходу, мало чем отличающиеся от настоящих карет. Начальник Карлага имел свою «эмку». А иной — и две. Зимой обходились легкими изящными санками.

Совещались, подводили итоги, делились передовым опытом. Высокая степень рентабельности (дешевая рабочая сила плюс минимальная стоимость основных фондов, плюс низкие амортизационные затраты) побуждала к расширению производства. Помимо мукомольни строились пекарни, цехи по обработке сельхозпродуктов. Позднее появилась металлообработка. Преуспевало мебельное производство. Имелись свои белошвейки, кружевницы.

Солидная доля прибылей шла на соцкультбыт, жилищное строительство. В Долинке, например, функционировали прекрасная больница, не менее прекрасная поликлиника, великолепная по своему преподавательскому составу средняя школа.

Все бы ничего, если не касаться вопроса перераспределения благ, то бишь соблюдения принципа социальной справедливости. Впрочем, о чем это мы? Вся Долинка была опоясана колючей проволокой. Вход на территорию осуществлялся по специальным пропускам. Внутри разделение шло еще на две зоны. По углам каждой — сторожевые вышки. Что называется, мышь не проскочит. Там, за колючей оградой, действовали иные законы, иные представления о чести и справедливости. Уголовники в глазах надзирателей считались оступившимися, но своими, советскими людьми. «Политические» носили клеймо врагов народа, и отношение к ним было соответствующее. Те и другие жили в общих бараках. Самоутверждались, как могли. Иногда с переменным успехом. Начальство на это смотрело сквозь пальцы. А ведь в зонах находились специалисты высокой квалификации — врачи, педагоги, ученые, инженеры, цвет тогдашней интеллигенции. Весь персонал медицинских учреждений был укомплектован врачами высшей квалификации. Среди них — Думбадзе, работавший до ареста в кремлевской больнице. Врачи, как положено, вели прием пациентов, после чего возвращались в бараки.

По такому же распорядку работали учителя. Лагерная баланда, ночлег — вот и вся плата за труд. Те немногие, у кого заканчивался срок, переходили в разряд вольнонаемных. Особенно этот процесс характерен для военной поры. Люди освобождались без документов на жительство,

оставаясь, по существу, пораженными в правах. Ехать им было некуда, на работу никто не брал. Выживали лишь те, кому удавалось правдами и неправдами зацепиться в лагере. Какое уж тут милосердие.

Мне рассказывали, как ползал на коленях, умолял оставить его в лагере один старик. Он был архитектор по образованию. По его проекту строилась Долинка. Его называли «главным архитектором Карлага». Он умер в зале ожидания одной из станций неподалеку от Караганды. Его фамилия Кос.

А вот еще одно наблюдение. Взгляд как бы со стороны. Всеволод Николаевич Утц заведует лабораторией Карагандинского НИИ угольной промышленности. В 1941 году ему было 16 лет. Жил в Москве. Вместе с отцом, крупным гидрологом, выслан в Казахстан, учился в Долинке.

Наблюдения по части нравов:

«В Долинской средней школе обучались дети руководящих работников Карлага, а также дети бывших заключенных, вышедших на поселение и работавших в качестве вольнонаемных. Учителя тоже из «бывших». Хорошо помню прекрасного педагога, директора школы Зинаиду Ивановну Рязанцеву. Великолепно вели свои предметы Матвеев, Ивановский, ученик знаменитого Фаворского Борис Николаевич Одинцов, профессор. До Карлага я учился в Краснознаменной московской школе № 315, так что есть с чем сравнивать.

Даже в войну высокое лагерное начальство материально жило очень хорошо. Одно время я был репетитором у сына начальника лагеря. У папаши имелись огромная усадьба, баня, конюшня, две легковые машины. Его недоросль свободно катался по Долинке в генеральской «эмке», в генеральской шинели. Несмотря на юный возраст, безбожно пил и курил. Я знаю: никто в Карлаге не мог позволить себе подобное. За поясом у него торчал отцовский маузер. В любую минуту от этого подонка можно было ждать чего угодно».

Любило начальство зрелища. Надо сказать, в лагере были отличная самодеятельность, театр, оперетта. И немудрено — артисты самые что ни на есть настоящие, мастера сцены. Случались концерты и для заключенных, но чаще по большим праздникам.

Да, в артистах, как и в ученых, недостаток не ощущался. Наряду с Большим театром были представлены и периферийные. На все вкусы.

Проходила этапом Лидия Русланова. Начальство не пре-

минуло намекнуть на концерт. Ответ был лаконичен: «Соловей в клетке не поет». На том и разошлись. После войны Русланова еще раз посетила Карлаг. Освободившись, она приехала выручать свою ученицу Антонину Иванову. И когда ей это удалось, спела. Но не для начальства, а для «врагов народа». Впрочем, у начальства в любые времена имелись свои «фирменные» развлечения. В праздники, например, отряжали человека, дабы он инкогнито закопал в парке бутылки с коньяком. В конце вечера или под утро, упившись, ползали в кустах, разыскивая «грибочки». А в это время фашисты рвались к Сталинграду...

Вот такое выходило «перераспределение» материальных и духовных ценностей. Вот такая вырисовывалась социальная справедливость.

И на этом фоне на всю страну гремела слава Карагандинского совхоза МВД СССР, его опытной сельскохозяйственной станции. На Всесоюзной сельхозвыставке в Москве, например, демонстрировалась корова по кличке Морошка, дававшая 12 тысяч литров молока в год. Рекордные урожаи давали капуста, огурцы, помидоры. Небывалых результатов достигли селекционеры. Они вывели новые сорта озимых, яровых, кормовых культур, многие из которых успешно районированы.

«В конечном итоге,— говорится в научном отчете опытной станции за 1946 год,— всю хозяйственную деятельность Карагандинского совхоза МВД (шло время, менялись вывески.— В. Д.) можно рассматривать как грандиозный производственный опыт успешного сельскохозяйственного освоения земель крайне сухих степей и полупустыни.

Какой ценой достигнуты успехи — никого не волновало. А вот «грандиозный опыт освоения земель», конечно же, был. И взошел он, как выражаются агрономы, по надежным предшественникам. Каковы они?

Я стою в самом центре Карлага и пытаюсь осмыслить его «феномен». Не дело журналиста отнимать хлеб у историков, но вопрос задан, и на него надо отвечать. Итак, каковы предшественники «грандиозного опыта»?

«...Никогда не будет возможно жить благополучно там, где все общее. Ибо как получится всего вдоволь, если каждый станет увертываться от труда?» Это из «Утопии» Томаса Мора.

«Необходимо с самого начала правильно поставить массовые мобилизации по трудовой повинности... Живая человеческая сила определенных хозяйственных районов является в то же время живой человеческой силой опреде-

ленных воинских частей». (Из резолюций IV съезда партии по докладу Троцкого о переходе экономики на милицейскую систему, 1920 год.)

«У меня полная уверенность, что мы со всеми врагами справимся, если найдем и возьмем правильную линию в управлении на практике страной и хозяйством. Если не найдем этой линии и темпа... страна тогда найдет своего диктатора — похоронщика революции, какие бы красные перья не были на его костюме». Это Дзержинский.

«Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий орден последнего и одухотворяющий их деятельность». Это Сталин.

«Нет человека — нет проблем». Это тоже Сталин.

Историки знают и больше. В 1929 году Сталин посулил: «Советский Союз через какие-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире». Через три года разразился голод, унесший миллионы жизней.

Годы спустя в одной из бесед Сталин сказал, что в процессе коллективизации были физически уничтожены миллионы крестьян. Сколько — он не пояснил. Годом великого перелома Сталин и его окружение считали незабываемый 1929 год. Теперь и мы знаем: это был год перелома станового хребта народа. Понятно и другое. Сталин в силу своей подозрительности и недоверия к всяческим новациям не поспешил воплощать троцкистский план милитаризации труда. Ему больше подходила классическая форма насилия — работа подконвойных. Благо, за рабочей силой дело не стояло.

Так появился Карлаг. В одном из его первых директивных документов сказано: «Организованный в 1931 году Карагандинский совхоз-гигант ОГПУ получает почетное и ответственное задание — освоить громадный район Центрального Казахстана».

Я напомнил об этих документах ныне здравствующему Дмитрию Александровичу Усову, работавшему еще при Ленине в Наркомземе, крупному специалисту-гидротехнику. Он подтвердил: хозяйственная деятельность Карлага распространялась на площадь, равную территории Франции. В этом ему пришлось лично убедиться, получив 10 лет по предписанию особого совещания.

В Карлаге, как он считает, в специалистах знали толк. Когда в 1954 году Усов был реабилитирован, то сразу же вернулся в Тамбов. Там его немедленно арестовали, вновь осудили и переправили в Карлаг. Вероятно, не нашли рав-

ноценной замены — ведь на Усове «висела» вся мелиоративная часть программы «гигантского опыта освоения».

Вообще-то говоря, наиболее драматично складывались судьбы крупных ученых. По всем параметрам в Карлаге должен был оказаться Николай Иванович Вавилов. Если бы «отцом народов» ему не была уготована другая дорога.

В Карлаге оставили свои следы ученики и соратники великого русского ученого Владимира Ивановича Вернадского — Александр Михайлович Симорин и Александр Александрович Корнилов.

О чем говорить, если самому Вернадскому приходилось отвлекаться от научных дел и заниматься спасением своих учеников. В 1936 году, когда неожиданно был арестован Александр Михайлович Симорин и выслан в Магадан на лесоповал, Вернадский написал письмо начальнику лагеря. Он просил, чтобы ученому предоставили возможность хоть както заниматься по специальности. Не остановившись на этом, Владимир Иванович подал ходатайство в Президиум Верховного Совета СССР об освобождении своего ученика.

«Работа А. М. Симорина катастрофически прекратилась в ноябре 1936 г.,— писал Вернадский.— Арест его был для меня совершенно неожиданным, и я нисколько не сомневаюсь (зная его очень хорошо), что мы имеем здесь случай, не отвечающий реальным обстоятельствам дела...

Обращаясь к такому высокому учреждению, как Президиум Верховного Совета, я считаю себя морально обязанным говорить с полнейшей откровенностью до конца.

В это время много людей очутились в положении Симорина без реальной вины с их стороны. Мы не можем закрывать на это глаза...

А. М. Симорин мужественно перенес выпавшее на его долю несчастье, и возвращение его в нашу среду к любимой им научной работе, где он очень нужен, будет актом справедливости».

Письмо датировано 1939 годом. Александр Михайлович Симорин прошел несколько лагерей, Карлаг, и только в 1960 году вернулся в Москву. Реабилитирован он был уже после смерти своего учителя.

Так реагировала Административная Система на «раздражение». Да разве могло быть иначе? Система есть система. В чистом виде она представляла пирамиду исполнителей. Все они — добросовестны, послушны и преданы ей фанатично. Система получила по сути чуждый ей «социальный заказ»— организовать экономический рывок. Ей нужны

были не только рабочие руки, но и «мозговой центр», который мог бы выдавать идеи, генерировать суть и смысл ее, Системы, экономических и политических притязаний.

Что говорить, нам есть чем гордиться. Но неверно будет, если этой нашей гордостью завладеют те, кто желает успехи прошлого записать только на лицевой счет Административной Системы, не делая разбора между теми, кто валил лес, строил заводы и рудники, и теми, кто арестовывал. Нельзя на одну доску ставить творца с доносчиком, того, кто боролся, и того, кто давил. Гордиться достигнутым в те времена — не значит оправдывать Систему в целом.

Если были борцы, то почему они не противостояли Системе? Вопрос не так прост, как кажется. Нельзя забывать: у Системы в руках находилась реальная сила. В науке, например, трансформация силы вылилась в прямое гонение. В какой-то момент Системе показалось, что в лице тех же генетиков может возникнуть противостояние. Подтверждением тому стала несбывшаяся надежда на скорое восстановление сельского хозяйства. Как будто когда-нибудь было и есть чудо-лекарство от социально-экономических болезней общества. И раз генетики, ученые других областей знания не сумели внушить Системе обратного, Система расторгла с ними «договор о ненападении». Первым погиб Вавилов, его участь разделили многие другие...

На этом фоне нужна была новая фигура. Фигура ученого-спасителя, ученого-пророка, ученого-верующего. Верующего в торжество, конечный результат Административной Системы, верующего по существу не в науку, а в религию. Религию веры. А слепая вера, как известно, стимулирует ее приверженцев на подвиги другого порядка. Так родилась лысенковщина. Миражи она объявила явью. Реальность подменялась мистикой, если с ней были согласны «верха»...

Карлаг не был исключением. Считалось, что здесь по сравнению с лесоповалом был сущий рай. Рай-то рай, но была несвобода. Для ученого это равносильно смерти.

Но они работали даже в невыносимых условиях. Лагерная баланда, пайка хлеба — вот и все привилегии. Но было ясное понимание и другого. Бесконечно такое продолжаться не могло. Ученые, как, впрочем, и все политические, работали на будущее. Они знали: рано или поздно сталинской Административной Системе придет конец.

На Спасском заводе, там же, где отсиживал срок Александр Леонидович Чижевский, отбыл свое и величайший ге-

нетик нашего времени, основатель нового научного направления — радиационной генетики, знаменитый гранинский «Зубр» Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский.

С большими трудностями удалось самому Сергею Павловичу Королеву вырвать из лап Карлага Владимира Леонидовича Пржецлавского, профессора, выдающегося специалиста-теплотехника, работавшего впоследствии в тесном контакте с Королевым.

В числе десяти ленинградских профессоров в один день взяли под стражу Константина Ивановича Страховича. В 1953 году его как единственного из десяти оставшихся в живых свидетеля на самолете доставили в Ленинград, где проходило следствие по делу Берии. После расстрела «черного кардинала» Константин Иванович был полностью реабилитирован.

Сильно не повезло Давиду Моисеевичу Новогрудскому, крупному микробиологу. Учитывая его старание, было принято решение «скостить» один год после девяти лет отсидки. Более того, по ходатайству АН Казахской ССР ученого взяли в Казахский госуниверситет. И вдруг через год он очутился в лагере на территории Коми АССР.

Подобные факты были не редкостью. Освободившись, человек попадал под вторую, третью волну арестов. Выживали немногие...

История Карлага высвечивает еще одну сторону социальных противоречий. Сюда, как, наверное, и в другие лагеря, поступал «контингент» без суда и следствия. В личных делах значатся аббревиатуры, не имеющие никакого отношения к Конституции страны, а также к уголовному кодексу. Ставилась отметка «КРД», и это означало, что человек занимался контрреволюционной деятельностью. Отметка «АСА» обозначала антисоветскую агитацию, «ЧСИР», как мы уже говорили, относилась к членам семьи изменников Родины. А то и просто шли литеры. Например, «IA», «IБ» и т. д.

Иными словами, живя в закрытом обществе, мы получили модель противоправного государства. То есть такой формации, когда общество в целом защищено законом, а отдельные его личности — нет. Современные историки знают, что произошло после смерти Дзержинского. Произошел откат правового сознания. Вновь возродились к жизни (скорее, к смерти миллионов невинных людей) система особого совещания НКВД, ревтройки. Знаменитое изречение Вышинского «Признание вины — царица доказательств» завершило построение сталинско-бериевской

концепции подавления личности и создания на базе этого тоталитарного государства.

Иначе говоря, страна в короткий срок проделала зигзаг от Дзержинского к политической охранке. На горизонте маячила фигура Хозяина, хорошо знавшего толк в закулисной борьбе. Надвигалось единовластие. Вместе с ним пришло и Постановление о государственных преступлениях, принятое «съездом победителей». 14 пунктов постановления легли в основу 58 статьи. Сверх всего была введена ответственность за родных и близких. Подобного не знала ни одна политическая формация всех времен и народов.

Таким образом, политическая система оказалась полностью подогнанной под экономическую концепцию «большого скачка». Как мы знаем, это был скачок в пропасть.

Хожу по центральным улицам Долинки. Хочу встретить, увидеть хоть что-то, напоминающее о той трагедии человеческих судеб, которая игралась здесь, в том числе и настоящими актерами. Ищу и не нахожу. По-прежнему самый ходовой материал для ограждения палисадников и садовых участков — колючая проволока. Этого добра здесь хватает. И ржа не берет. Но проволока — не лучшее напоминание. Хоть табличку бы какую. Чтобы можно было написать: «Здесь с такого-то по такой год томились:

— поэт Николай Заболоцкий;

— жена члена ВЦИК А. Б. Серебровского, расстрелянного в 1938 году, Евгения Серебровская;

— жена и дочь А. С. Енукидзе, расстрелянного в 1937 году;

— жена члена ВЦИК Н. Н. Крестинского, расстрелянного в 1937 году, Вера Крестинская;

— жена члена ВЦИК К. П. Мехоношина, расстрелянного в 1937 году, Екатерина Мехоношина;

— сестра Маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского, расстрелянного в 1937 году, Елизавета Арватова-Тухачевская;

— жена начальника НКСХ РСФСР Г. И. Колдомасова, расстрелянного в 1937 году, Галина Колдомасова;

— сестры начальника ГлавПУра Я. Гамарника, покончившего жизнь самоубийством, Фаина и Зоя Гамарник;

— жена и сын члена Коминтерна И. Пятницкого, расстрелянного в 1937 году.

Вот такой получается печальный реестр. Он мог быть полнее. Но к архивным документам, хранящимся в УВД Карагандинской области, не удалось подойти на пушечный выстрел. Существует опасность, что по случайному недо-

мыслию личные дела бывших карлаговцев могут исчезнуть в пламени костра. Допустить подобное нельзя. Ведь тысячи людей ушли из жизни, так и не дождавшись реабилитации. По закону эти вопросы могут поднимать родные. Ну а если у родных такая же судьба, да к тому же прошло три десятка лет? Как быть в такой ситуации? Ясно одно: ни один без вины пострадавший человек, живой или мертвый, не должен остаться в забвении. Ибо человеческое достоинство дороже самой жизни.

А вот и последние сведения из Карлага. Одно весьма солидное ведомство планирует проложить в районе «Спасского завода» широкоформатную дорожную магистраль. Задумка неплохая, но только трасса новой дороги пролегает как раз через кладбище. А там 15 тысяч могил. Безымянных. Единственный ключ к именам — личные дела в архиве. Понимаю, хлопотное дело. Но разве вправе мы одним проходом бульдозера зачеркнуть имена тех, кого давным-давно бесследно потеряли? И как знать, какие имена вынесет из небытия наша волна памяти?

Сделать это надо еще по одной причине. Кое-где время от времени просачиваются сентиментальные воспоминания о прошлом, ностальгия по Хозяину, железному порядку. Они выдаются за принципы, которыми нельзя поступиться.

А нам разве можно?

Январь 1989 года

4—1144

Владимир ПРОСКУРИН

«КРАСОТА — ЕСТЬ ПРАВДА...»

...Со света
Нас поколенья сгонят, суета
Придет иная с ними;
Ты ж, нисколько
Не потускнев, скажи им:
«Красота —
Есть правда, правда —
красота. Вы это
Знать на земле обязаны —
и только!»
Дж. Китс

В Алма-Ате бабье лето! Сентябрь дарит его как награду за грядущие темь и слякоть октября. Пепельно-розовое утро, мягкий свет, червонные вершины не оголившихся еще тополей и нежную сеть ветвей, уже оголенных. Эту осень, этот ласковый туман с утра, эти розовые расплывающиеся, как акварель по мокрой бумаге, облака, эти летящие, скользящие по асфальту листья, смену тишины и порывов ветра надо не пропустить, надо побродить по старым улочкам города вместе с этими последними, просветленными днями лета.

Кафедральный собор в городском саду — это спор, поединок, или игра, скрещение, заговор — того, что обречено и умирает, того, что подхвачено и удержано на краю падения, и того, что, возникая впервые, должно держать ответ и за себя, и за будущие времена. В Алма-Ате нет места интереснее городского сада, украшенного Собором. Есть места красивее, есть проспекты, более или менее удачно впитавшие поиски сегодняшней архитектуры, но такого особенного, такого щемящего места, как сад и Собор,— нет.

Юрий Домбровский. Его «Крушение империи» («Державин»), «Смерть лорда Байрона», «Хранитель древностей», «Обезьяна приходит за своим черепом», «Смуглая леди»... Читая эти и другие «литературные пробы», выполненные с блеском, вы проникаетесь не только историей Вселенной, но и географией города, затерянного у Заилийских гор. Вспомните «Деревянный дом на улице Гоголя». Здесь

улицы юности Домбровского превратились в листы романов, и вы уже прочно объединили в своем сознании городские пейзажи с его творчеством. Тонкая, умная и жестокая проза Ю. Домбровского никого не мистифицирует. В сущности, это означает, что большая и важная часть жизни писателя — назовем ее алма-атинским периодом — была заполнена этой темой: «Красота — есть правда, правда — красота!»

* * *

У меня в руках «Личное дело Ю. О. Домбровского». Несколько листочков жизни, волею чиновника осевших в папке. На автобиографии иголкой пришита белыми нитками прижизненная фотография писателя — цветное пятнышко или болезненный силуэт — стаффаж, оживляющий архивный документ: «Родился в 1912 году[1], в Москве. Отец адвокат, мать преподавательница средней школы. В Москве жил до 1918 года, когда отец получил перевод в Самару — председателем областной кооперации. В 1921 году отец умер от рака. Семья снова переехала в Москву. В 1924 году мать вышла замуж вторично за профессора Тимирязевской Академии — Слуцкого[2].

Школу кончил в 1926 году — семь классов, затем поступил на Высшие Государственные литературные курсы, которые кончил в 1930 году. Учился в ГИТИСе, на театроведческом факультете. Кончил в 1933 году[3].

В Алма-Ате с 1934 года. Был директором школы, преподавал литературу в школах и институтах[4]. С 1938 года профессионально занимаюсь литературными пробами.

В 1939 году был арестован «за участие в диверсионной работе» (группа Медведева). Освобожден по постановлению Верховного Суда в 1944 году[5]. Очевидно, ввиду показаний самого Медведева, который был освобожден, восстановлен в партии и ныне, как мне известно, работает комиссаром Промышленной эвакуации в Саксонии.

В том же 1938 году (может, в 1939-м, после ареста? — В. П.) заболел эпилепсией. Получил инвалидность второй категории, от которой не излечился и ныне.

Написал три крупных романа — «Державин», печатался в журнале и издавался отдельно в 1939 году[6]. В 1939 году закончил большой роман, принятый издательством к печати и доведенный до стадии авторской корректуры, роман о не-

---

[1] См. комментарии.

мецком нашествии, об изгнании и гибели интервентов — «Хранитель древностей» объемом в 35 печ. л.[7]. Роман был затерян, а последний экземпляр, находящийся у меня, похищен[8].

Ныне закончил и сдал в одно из московских издательств «Обезьяна приходит за своим черепом», объемом до 27—30 печ. л. Насколько мне известно, роман издательством принят к печати[9].

В этом же году мной задумана большая повесть о советских врачах, работниках ВИЭМ (борьба с раком)[10]. Роман этот будет закончен в мае — июне 1947 года.

Из родственников в настоящее время жива мать, ныне профессор Тимирязевской Академии[11].

Родственников за границей не имею...»

г. Алма-Ата,
4-я гостиница, № 123
21.01.1947 года.

И подпись — *Юрий Иосифович Домбровский.*

* * *

Дух Осени, дай силу владеть пером.
Н. Заболоцкий.

О писателе Домбровском говорят сегодня многие. Даже те, кто не читал его произведений, кто знает о нем лишь по справочно-энциклопедической литературе. Его мало печатали, тем более переиздавали у нас. Чаще за рубежом. Там он и получил признание. Встречи с ним долгие месяцы ждали читателя «Нового мира», когда в 1964 году, в первую оттепель, печатались главы романа «Хранитель древностей». Лишь сегодня, в перестроечное время опубликован его «Факультет ненужных вещей» на страницах того же журнала. Впрочем, все новое — есть хорошо забытое старое.

Достаточно вспомнить, что «Хранитель древностей» и «Державин», «Обезьяна приходит за своим черепом» и «Смуглая леди»— словом, основные произведения писателя начали свой тернистый, полный надежд и тревог путь из Семиречья.

Бытует мнение, что в 1937—39 гг. Ю. Домбровский находился в заключении. Во-первых, этот факт не отражен в автобиографии, во-вторых, этот период был наиболее плодотворным в творческой судьбе писателя. Судите сами.

1937 год. В течение года публикации — критика и библиография — в единственном журнале Союза советских пи-

сателей Казахстана. В июльско-августовском номере «ЛК» печатается глава из готовящегося к печати романа «Державин».

1938 год. Январь — апрель. Публикация романа «Крушение империи» («Державин») и новеллы «Смерть лорда Байрона» на страницах журнала «ЛК».

10 января 1938 года газета «Социалистическая Алма-Ата» открыла для читателей новую «Литературную страницу» рассказом Ю. Домбровского «Сибирский воевода». Врезка к ней анонсировала, что редакция предлагает «отрывок талантливого произведения Ю. Домбровского «Крушение империи», стихи Д. Снегина, произведения начинающих поэтов. В дальнейшем литературная страница будет выпускаться регулярно». А в заметке, на той же полосе газеты, сообщалось: «...редакцией журнала «Литературный Казахстан» сдан в печать первый номер 1938 года. Журнал откроет статья М. Сильченко «Ленин в творчестве народов СССР». Основным произведением номера будет исторический роман Юрия Домбровского о Державине «Крушение империи»... Стопятидесятилетие со дня рождения Байрона редакция журнала отмечает новеллой «Смерть лорда Байрона». (Отрывок из новеллы —«Смерть поэта»— был опубликован в следующем номере газеты от 24 января.— В. П.). Июль — август. Ю. Домбровский участвует в четырех собраниях литературной группы П. Магера и трех однодневных выездах в санаторий «Медео» (тогда — Дом отдыха им. Х-летия Казахстана) и «Просвещенец» в окрестностях Алма-Аты. Особо выделим две встречи с читателями «Пушкинки»—28 июля и 2 августа. Обсуждался новый роман «Крушение империи». В прениях выступил редактор журнала «ЛК» П. Кузнецов, литературовед М. Ритман-Фетисов, писатели И. Шухов, Ю. Платонов, студент Литературного института М. Эдель и другие.

В том же 1938 году Ю. Домбровский начал публикацию-репортаж из иностранного отдела «Пушкинки»— «Культурные сокровища Казахстана». В сокращенном варианте статья появилась в «Казправде», а в 1988 году была воспроизведена во втором номере журнала «Юность» под названием «Книжные богатства Казахстана».

1939 год. Продолжается публикация критики и библиографии в «ЛК», без указания автора, к красным дням календаря. Вторая половина апреля. Вместе с товарищами по Союзу М. Ритманом, К. Сатыбалдиным, В. Чугуновым, И. Шуховым, Т. Жароковым, Ю. Платоновым Ю. Домбровский принял участие в творческом вечере Дм. Снегина.

Май. Участие в днях, посвященных 375-летию со дня рождения Шекспира. Выступление в Казахском театре драмы. Июль. Публикация статей Л. Макеева «Новеллисты» и М. Сильченко «Создать исторический роман»— первые рецензии на произведения Ю. Домбровского. Из работы М. Сильченко: «...нельзя обойти также роман Ю. Домбровского «Крушение империи» («Державин»), посвященный России XVIII века, крестьянскому движению, возглавляемому Емельяном Пугачевым, и выдающемуся предшественнику Пушкина — поэту Державину. События, развертывающиеся в романе, близко соприкасаются с казахской степью».

И еще о 1939 годе.

Накануне 2-го съезда Союза советских писателей Казахстана произошли трагические события в литературной и общественной жизни республики. Была предана анафеме большая группа интеллигенции: Т. Рыскулов, Н. Нурмаков, У. Кулумбетов, Т. Жургенев, С. Сейфуллин, Г. Тогжанов, Б. Майлин. Удар пришелся по так называемой центральной литературной группе Алма-Аты, которую «возглавлял П. Магер и некий Кларт». После обвинений в рапповщине и других смертных грехах (все их оправдания — факультет ненужных вещей), они были изгнаны из рядов Союза писателей.

В начале 1939 года «недобитые литераторы», среди которых был и Ю. О. Домбровский, рискнули объединиться вновь. Так были созданы кружок новеллистов, а затем и поэтов, заложившие костяк русской секции Союза советских писателей Казахстана.

4-е занятие новеллистов состоялось в несчастливый день — 13 апреля 1939 года. В этот день Ю. Домбровский читал свой новый рассказ «Мальчики». Дискуссия, в которой приняли участие П. Богданов, А. Волков, М. Лихачев, И. Нарожный, Ю. Платонов, Д. Снегин, В. Черкесов, В. Чичкунов, Н. Шишкин и другие писатели и поэты, была острой, порою резкой. Подверглись критике и новые главы романа «Хранитель древностей»[5].

Итак, 1937-39 годы. В творческом багаже Ю. Домбровского, принятого в члены Союза,— ряд неординарных, крупных произведений. В личном плане — вновь арест, ссылка «за участие в диверсионной работе».

* * *

В 1939 году русская секция Союза советских писателей Казахстана предприняла издание — литературный альманах «Казахстанский современник». В нем приняли участие одиннадцать прозаиков и двенадцать поэтов. Так как альманах является библиографической редкостью, позволю себе познакомить современного читателя с ранними стихами Ю. О. Домбровского, подборка которых озаглавлена «Каменный топор в музее Казахстана». Все три стихотворения объединены впечатлениями, связанными с работой Ю. Домбровского в Центральном музее Казахстана (в бывшем Кафедральном соборе). Можно предположить, что Ю. Домбровский принял участие в экспедиции А. Н. Бернштама. Тогда велись раскопки древних городов Казахстана Алматы, Тараза, Коялыка. Долгое время, по рассказам очевидцев, в Музее находились инвентаризационные карточки на предметы раскопок, заполненные рукой писателя. Например, на Каргалинскую диадему, найденную рабочими Каргалинской суконной фабрики[12]. Возможно Ю. О. Домбровский выезжал с группой археологов на место находки. Однако свидетельства научной работы опального писателя тщательно уничтожены и в музее, и в библиотеке республики.

Остались стихи:

Обработанный слепо и грубо,
От столетий, как нищий, рябой,
О, обглоданный веком обрубок,
Путь истории начат тобой!

От дубины в руке человечьей,
От костра, поваливщего жуть,
Через смерти, дожди и увечья
Начинает история путь.

И идет по разбитым шеломам
За Атилловой скачкой коня,
По преданиям, с детства знакомым
И дряхлеющим у огня.

Низколобый, тупой и упорный,
Он едва ли расскажет кому,
Как пылали подземные горны
И Вселенная меркла в дыму.

Как у самой последней границы,
Где огонь рвал свои волоса,
Поднимались свирепые птицы
И летели гнездиться в леса.

Как текла раскаленная ворвань
По змеиным и птичьим тропам,
Как, от стонущей плоти оторван,
Он в колючие руки попал.

И три ночи металась пещера,
Заболевшая едким огнем,
Человек темногубый и серый
Наклонялся над тонким кремнем.

Неподвижный и чортовски быстрый,
Он смотрел через стук молотка,
Как растут разноцветные искры
Сквозь змеиную шкуру песка.

И когда на горячем квадрате
Два кремня свой окончили спор,
Он корой примотал к рукояти
Этот первый в эпохе топор.

* * *

Он идет по косогору
Стройный, рыжий, молодой
Через воду, через гору,
Через тень и через зной.

Блещут звезды паутины,
Льется радуга стрекоз,
И на солцé греет спину
Низколобый и звериный
Отдыхающий откос.

Он идет, земля от жару
Стала гулкой и пустой.
Солнце маревом пожара
Наклонилось над землей.

И до белого каленья,
До свирепой седины

Жирных шпатов поколенья
У реки накалены.

Только крикни, только стукни,
Только прыгни не туда —
И седое небо рухнет
Обломившись, как слюда.

Размахнись сильней руками,
Не сдержи движенья ног,
Под ногами вспыхнет камень,
Превращаясь в порошок.

На заре и солнцу рады,
Целый день трубят с плеча
Золотистые цикады
И степная саранча.

Над спокойным сном прогалин,
Над туманом синих гор
Шлифованием хрусталин
Занимается их хор.

И трубят сердитым басом,
Облетая ширь реки
Над купавой жирным мясом,
Золотистые жуки.

Да на выжженном пригорке,
Щуря острые глаза,
Рвет бурьян сухой и горький
Равнодушная коза.

И, остановив дыханье,
Тормозя движенье век,
Над поющим мирозданьем
Наклонился человек.

Ночь спустилась к желтым водам,
И по отмели пустой
Золотистый махойродус[13]
Проскользнул на водопой.

Он идет, прямой и четкий,
Подобрав сухой живот,

За скользящею походкой
Камень розовый ползет.

В камышах прибрежных глухо,
Словно в звездной синеве,
И пылающее брюхо
Прижимается к траве.

Щуря желтые глазницы,
Как всегда, свиреп и прост,
Зверь ползет, и шевелится
На песке звериный хвост.

Ветлы стынут в лунном свете,
Светляков в траве не счесть.
И с горы приносит ветер
Оглушительную весть.

Жирной плоти дрожь и запах,
Голубых подпалин пот,
В ребра, в зубы, в ноздри, в лапы
Он взволнованно несет.

Опустившись на колени,
Тростником дрожащим скрыт,
Слышит зверь шаги оленьи
И звучание копыт.

Каменистою тропою,
Обгоняя звезды вскачь,
Первым сходит к водопою
Коронованный рогач.

И когда, тяжел и прыток,
Зашатал он валуны,
Потонул тяжелый слиток
Расколовшейся луны.

Спит по-прежнему долина,
Но над спящим тростником,
Развернувшись, как пружина,
Пролетает рыжий ком.

А за ним, тая дыханье,
Ширя тьму разгоном век,
Через ночь и мирозданье
Пролетает человек.

* * *

Был мамонт стар, но видел он впервой,
Как два комка сцепились в желтых травах,
Как тигр ревел и ширил след кровавый
И в землю упирался головой.

Был мамонт стар, но видел в первый раз,
Как крикнул зверь отрывисто и глухо,
Как смерть взошла в белки открытых глаз.
И убрала в грудную полость брюхо.

Как сделал зверь вдруг судорожный прыжок,
И сбил траву когтистой лапы росчерк.
Как сухо хрустнул первый позвонок,
И дрожью отозвался позвоночник.

Как, разрывая горло и язык,
Зверь затрубил в отчаянье великом,
И вдруг распался, вытянулся, сник,
Как будто кровью, захлебнувшись криком.

И сухо намечая свой удар,
Врезаясь с болью в скорченную массу,
Кремневый клык смешал мозги и пар
И сухожилья отделил от мяса.

Но в такт борьбе кивая головой,
Вдруг сбился мамонт, увидав нежданно,
Как рыжая поднялась обезьяна
И волосы оправила рукой.

* * *

...Через ночь и мирозданье
Пролетает человек.

Ю. Домбровский

Его роман-памфлет «Хранитель древностей» похож на пьесу, где древность — сначала занавес, увертюра, а потом воздух и цвет спектакля. По сценарию на верхних ярусах Кафедрального собора, под широким куполом храма, восседает сам «хранитель древностей». Он инвентаризирует черепки и кости, изредка спускается вниз, где течет наблюдаемая им жизнь. «Научная работа моя,— писал в сентябре 1944 года Ю. Домбровский,— протекала по линии древ-

нейшей истории Казахстана. В бытность мою старшим научным сотрудником Центрального музея Казахстана мной открыт древний город, на раскопки которого была организована специальная экспедиция. Имею ряд научных работ по истории...»[14] Ему кажется, что он отделен от наблюдаемой жизни своими занятиями и высотой постройки в пятьдесят с лишним метров. Но это иллюзия. Ибо внизу идет Тридцать Седьмой Год.

Эта дата сразу ставит все на место. Увертюра кончается, древность свертывается, как занавес, закрывающий сцену. А факты романа живут свой жизнью.

Вечерняя газета «Социалистическая Алма-Ата»: «В 1937 году через Дом отдыха имени 10-летия Казахстана прошло 4849 человек. 216 человек за 12 дней прибавили в весе от 4 до 7 килограммов, 400 — от 3 до 4 килограммов. Средняя прибавка в весе отдыхающих за прошлый год составила 2,1 килограмма...»

«Удав удрал из зоопарка! Граждане, будьте бдительны!..»

Статья о черных изменниках Родины, фашистских лазутчиках и наймитах...

— Покупайте!

— Ала-аяк!

— Враги народа!

Так кричали внизу мальчишки — разносчики газет холодными осенними вечерами. А ранним утром происходили аресты. Все большую власть забирают «аюповы из Наркомпроса» и те, кто ими вертит. Раздувается сенсация с удавом. Она уже имеет международный резонанс, об удаве запрашивают ученые из-за рубежа. А в жизни колхозница А. И. Голобородько 6-й бригады колхоза «Горный гигант» облагородила местный сорт апорта. Путем наложения трафарета она добилась в процессе созревания яблока силуэтного явления И. В. Сталина. 58 плодов с изображением любимого вождя она отправила на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. В романе и в жизни с полной нагрузкой работает аппарат НКВД. Сотрудники его рыщут по горам, следят за бригадиром яблоневого сада Потаповым, который подозревается в связях с иностранной разведкой. Им помогают родные и друзья бригадира. Чудо-яблоко народного селекционера Голобородько съесть, надо думать, не рискнули. Но по вкусу пришелся бригадир яблоневого сада. И бедный Потапов — запуганный, затравленный, загнанный от страха в угол — готов уже поверить, что он — враг народа.

Для эпохи, которую писал Ю. Домбровский, ближе всего был язык символов. Естественнее всего — диссонанс, и не пляска, а хаос, не гармония звуков, а смятение царит в «Хранителе древностей». Взрыв сверкающих в центре, сгущающихся к краям красок, ухмылки, рожи, гримасы человеческого шлака, качанье в ослепительном свете рваных кусков зданий, куполов, крыш... И над всей этой гротесковой смутой, над взорванным миром темного сброда художник воздвигает иной силуэт — очищающую, неизменно прекрасную красоту правды.

* * *

В одном из январских номеров «Казахстанской правды» за 1945 год, посвященном 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова, была опубликована глава из новой повести Ю. Домбровского «Арест»[15]. Пожалуй, первая, или одна из первых публикаций после его собственного ареста. Место действия взятия под стражу Грибоедова, уличенного в связях с декабристами, весьма отдалено и по времени, и по расстоянию от Алма-Аты. Но послушайте, разве в этих строках не отражен арест самого Домбровского в 1939 году:

«...Сейчас они придут. Он подошел к окну и прильнул к нему лицом. Прикосновение чистого холодного стекла было освежающе и отрадно, как глоток ключевой воды.

Горы стояли за окном синие и далекие. Воздух был лиловым и густым. Кусты, деревья, большие круглые камни около дома казались погруженными в него, как в густой сироп. Где-то вдалеке на склоне неподвижно стояло два тусклых желтых пятна.

Горели костры.

Грибоедов вздохнул и провел рукой по волосам.

В дверь постучали, сначала тихо, одним пальцем, а потом, секунду спустя, еще раз, уже громко и требовательно.

— Войдите,— сказал громко и спокойно Грибоедов, не отходя от окна.

Вошел знакомый офицер Мищенко с бумагой в руках и позади его два солдата с примкнутыми штыками.

Грибоедов стоял не двигаясь и ждал, когда он заговорит...»

Впрочем, такие взаимопроникновения судеб героев произведений с личной, трагической судьбой автора, скорее, не изящный литературный прием, а горькая правда жизни.

Невероятным, фантасмагорическим кажется нам сегод-

ня тогдашнее обвинение истинных патриотов в измене Родине и во вредительстве. Не менее фантасмагорическим кажется поднятый в связи с этим шум на митингах и в печати: «Никакой пощады изменникам!», «Уничтожить подлую банду!», «Немедленная смерть шпионам!» и т. п. Эти истеричные лозунги выкрикивали рабочие и ученые, колхозники и учителя, командиры и солдаты, вышколенные Административно-Командной Системой. И даже полярники с дрейфующей льдины слали по радио свои проклятья. Известные поэты всенародное улюлюканье излагали в рифму.

С тем же неистовством 9 мая 1938 года в переполненном Клубе имени Ф. Э. Дзержинского алма-атинская публика восторженно избирала кандидата в депутаты Верховного Совета Казахской ССР, нового наркома НКВД республики С. Ф. Реденса, который сменил Л. Б. Залина. Как говорится, мавр сделал свое дело. Мавр может уходить на другую работу.

Биография комиссара госбезопасности 1-го ранга Станислава Францевича Реденса, изложенная доверенным лицом, вполне соответствовала избраннику народа. Выходец из бедной польской семьи ремесленника-сапожника (последнее особенно важно для роста. Позднее в цене будут трудовые династии из крестьян и рабочих). Член РСДРП с дореволюционным стажем. Энергичен, молод, всего 45 лет с небольшим. Женат на сестре жены И. В. Сталина, был помощником и секретарем Ф. Э. Дзержинского по ВЧК и ВСНХ, затем помощником Л. П. Берии по Закавказью. Единолично вершил судьбы на Украине. Избирался членом Ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) на XV и XVI съездах партии и членом ЦИК на VII съезде Советов.

Китель Реденса украшали пролетарские знаки отличия: ордена Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени РСФСР и УССР.

За «Почетного работника ВЧК—ГПУ—НКВД» голосовали дружно, всей республикой. Как, впрочем, через несколько месяцев имя Реденса с той же легкостью предали анафеме вместе с Л. Мирзояном, кандидатом от партии коммунистов-большевиков, и К. Таштитовым, кандидатом от комсомольской организации Казахстана. Их расстреляли.

Не повезло и коллегам Ю. О. Домбровского по Музею. Практически все сотрудники, согласно обвинительному акту —«банда наймитов»: «...директор Шустров — главарь, сотрудник Джумабаев — алаш-ордынец, родственник национал-фашиста, Пятницкий — активный контрреволюцио-

нер, некая Сандолицкая — жена национал-фашиста, Рыпаков — кулак-спекулянт, Парфенов — хулиган, Залетдинов — вредитель...»

Невиданный произвол получал слепое дружное одобрение — вот что, помимо прочего, особенно горько. Вот в чем один из самых поучительных для нас уроков.

* * *

Впервые Ю. Домбровский был арестован в 1932 году. В его личном деле подшита голубенькая, с рваными краями бумажка, написанная наспех. Безадресная апелляция к судьям: «В 1932 году группа моих товарищей в пьяном виде сдернула 2 или 3 домовых флажка и бросила их у меня — они валялись на виду, и значения им я не придавал. В результате я получил административную высылку за участие в «политическом хулиганстве», выразившемся в недоносительстве и укрывательстве. Во время отбывания наказания был директором двух школ и педагогом до 38 года, т. е. до того момента, как стал писателем. Больше прибавить ничего не могу...»

16 декабря 1946 года.

И подпись.

И потом еще дважды, в 1939 году и ровно через десятилетие, посещали Ю. Домбровского «знакомый офицер Мищенко с бумагой в руках и позади его два солдата с примкнутыми штыками»[16].

* * *

В 1943 году, по возвращении из ссылки, основательно покалеченный в лагерях, Ю. Домбровский поселился в небольшой хатке по улице Тянь-Шанской, 41, что в Большой станице Алма-Аты. По настоянию товарищей он едет на знаменитый в Семиречье курорт Капал-Арасан. Надо полагать, что Юрий Осипович знал об этих чудодейственных источниках и по «Семиреченским областным ведомостям», когда работал над рукописью «Хранитель древностей» и, может быть, по личным наблюдениям во время археологических раскопок у с. Чингельды.

Вернувшись, Домбровский пишет в Союз советских писателей Казахстана с просьбой восстановить его в правах членов Союза, откуда он был исключен в 1939 году, после ареста:

«Фактическая сторона дела такова. Я был арестован

в Москве, куда был вызван для переговоров об издании моего романа «Хранитель древностей». Единственное обвинение, предъявленное мне в процессе следствия, была бытовая связь с редактором «Турксиба» Медведевым, с которым якобы мы вместе с товарищами по Союзу И. Шуховым и П. Кузнецовым устраивали пьянки и вели а/с (антисоветские — В. П.) разговоры. Т. к. это обвинение являлось голым оговором, никаких показаний я по этому делу не дал и был осужден административно.

В 1943 г. (уже после окончательной реабилитации Медведева, который ныне редактирует фронтовую газету) я был освобожден по постановлению пленума Верховного Суда и направлен по месту прежнего местожительства. Ныне я восстановлен во всех гражданских и политических правах по прямому распоряжению Наркома НКВД Казахской ССР; мне выдан паспорт и постоянная прописка.

В связи с поданным мною заявлением об уголовно-наказуемой деятельности некоторых работников следствия, ведущих мое дело, я получил официальное уведомление от спецпрокурора Союза ССР, что дело принято к срочному производству...»

Дело Домбровского было действительно взято «на карандаш» и... в 1949 году писатель был вновь сослан в глухомань Иркутской области. Как в этой связи не вспомнить Ганса Мезонье, героя его романа «Обезьяна приходит за своим черепом», который в отчаянье от своего бессилия перед темной силой высказывает простую мысль: у нее, обезьяны, в руках дубина, а у меня что? Университетское свидетельство.

И если предположить (я уверен, так и было на самом деле), что Юрий Домбровский в зеркале «Обезьяны, которая приходит за своим черепом» видит отражение собственной страны (приход фашистов к власти во Франции мало чем отличается от сталинского произвола), то стоит вспомнить статью «Золотая клетка», опубликованную в «Литературной газете»: «Берия вычислил: надо пересадить всех этих умных недостреленных зеков в другие, золотые клетки... потому что заметил: все чаще ставит Сталин вопросы о военной технике...

Опыт, слава богу, есть. Еще в 1929 г. не где-нибудь, а в Бутырках зеки во главе с Поликарповым сделали истребитель И-5... Он (Берия) создаст зекам человеческие условия и отсосет их мозг: если они сделают что-то стоящее, лавры пожнет НКВД. ...А если даже ничего не получится — кто мешает ему отправить всех этих спецов догни-

вать на лесосеках? Никто! Так возникла золотая клетка».

Домбровский закончил роман «Обезьяна приходит за своим черепом» 14 октября 1946 года. Но идея создания образа обезьяны, которая отсасывает мозг нации, созрела значительно раньше и выкристаллизовывалась по-лагерному мучительно. Во всяком случае, в феврале 1944 года вариант романа был готов вчерне. Однако только в 1959 году, через три года после XX съезда, 30 000 читателей (таков был тираж книги) имели возможность сопоставить события романа с действительностью и подумать о существовании не французской, а собственной «золотой клетки», собственной обезьяны.

«...Туполев провел за решеткой 1367 дней. Это легко подсчитать — прощен, реабилитирован он был только в 1955 году. Но как подсчитать те военные похоронки, которые пришли в наши дома, избы, хаты, юрты и сакли именно потому, что за решеткой сидели авиаконструктор Туполев, ракетчик Королев, механик Некрасов, теплотехник Стечкин, артиллерист Беркалов, радист Берг, корабел Гоинкис — несть им числа! Светлейшие умы, мозг нации!..»— пишет «Литературная газета».

Как предупреждение об опасности геноцида — раздумья в зале суда Ганса Мезонье, директора Международного института палеонтологии и предыстории, героя романа Юрия Домбровского: «...Уверяю вас, добрые люди, заполняющие зал заседания, что все происходящее — это отнюдь не только одно осуждение невинного или сведение личных счетов правительства с неугодным ему журналистом, это даже не удушение вашей свободы, нет, это много страшнее: это новое покушение на вас самих, это тот топор, который завтра же опустится на вашу голову, револьвер, который убийцы тайком суют в руки вашего ребенка. О, если бы вы, прочитав мою книжку, подумали над тем, что происходит перед вашими глазами! О, если бы вы только хорошенько подумали над всем этим!»

* * *

Из иркутской ссылки Юрий Домбровский сообщит друзьям: «Выжил... Гуляю по тайге, привожу в порядок свои вещи и бумаги, крепко-крепко скучаю по Алма-Ате».

После реабилитации в 1956 году ему разрешили жить в Москве, дали комнатку близ Колхозной площади. Став москвичом, Домбровский то и дело выезжает в Алма-Ату —«...в город, столь не похожий ни на один из городов

в мире», в город, который «в расцвет его смятый шествием беды» удивил вечной весной. Здесь происходило действие его книг о пережитом, о выстраданном, книг, которые он посвящал Кларе — К. Ф. Домбровской-Турумовой и Касе Айналайн — игривой, пушистой кошечке. Без них не было бы счастья после долгих лет изнурительной каторги.

В Алма-Ате его ждали друзья, казахские писатели, которых он переводил. Мало кто знает, что еще в годы, когда его положение в обществе было шатким, Домбровский перевел первую книгу «Школы жизни» Сабита Муканова, однако свою фамилию переводчика заменил псевдонимом «А. Юрченко». Можно предположить, что он был вынужден использовать и другие псевдонимы.

Впрочем, он был не только великолепным переводчиком И. Есенберлина, Б. Майлина, С. Муканова, но и добрым советчиком, образцом высокой требовательности к себе и уважения к товарищам по перу. Именно с этих позиций Домбровский обращается к анализу творчества Токтогула Сатылганова, Николая Анова, Андрея Семенова, Мухтара Ауэзова.

В конце 50-х и в 60-е годы Ю. О. Домбровский вновь возвращается к своим произведениям, рукописи которых были изъяты органами НКВД и, по всей вероятности, находятся по сей день в следственных архивах. И вот в сентябрьском номере «Алма-Атинской правды» за 1962 год появляется отрывок первой главы его романа «Хранитель древностей». Знакомство с этим отрывком было полной неожиданностью. Читателю предлагалось совершенно новое произведение. Вспомним свидетельство Л. Макеева о первоначальном варианте «Хранителя древностей» (тогда, в 1939 году, были арестованы и автор, и рукопись романа): «...Большая дискуссия развернулась на вечере новеллистов 13 апреля, на котором писатель Ю. Домбровский читал свой большой рассказ «Мальчики». Вызвана эта дискуссия была в основном тем, что автор взял главу из нового своего романа «Хранитель древностей», считая, что она представляет собой совершенно самостоятельное полотно — законченный рассказ о мальчиках, попавших в годы гражданской войны в Крыму в руки контрразведки».

Теперь слово за следственными архивами, которые держат за семью печатями тайну «Хранителя древностей» образца 1939 года.

А вот что рассказывает писатель А. Розанов о другом романе Домбровского —«Факультет ненужных вещей»:

«...Вернусь к той ночи в квартире Ю. Коринца, к единственной встрече, когда мне довелось близко и долго слушать Юрия Осиповича.

После стихов (кстати, 15 его лагерных стихотворений недавно опубликовано в журнале «Юность», № 2, 1988 г.— В. П.) он извлек откуда-то порядком излохмаченную рукопись и прочел пару глав из нового романа, еще не имевшего тогда, кажется, названия. Домбровский сказал, что это будет продолжение «Хранителя древностей», но изложение в нем пойдет не от первого лица. Бывший «хранитель» обрел имя, отчество и фамилию — Георгий Николаевич Зыбин. Действие же по-прежнему разворачивается в Алма-Ате, во внутренней тюрьме НКВД и в кабинетах, где следователи, сменяя друг друга, сутками допрашивают Зыбина, заставляя его признаться в преступлениях, которых он не совершал,— в попытке передать японским империалистам археологические ценности, в контрреволюционной агитации...»

Александр Трифонович Твардовский, в то время главный редактор «Нового мира», торопил Домбровского — роман должен был появиться в журнале. Увы, Твардовский вместе с коллегами по редакции был изгнан с поста. Какой-то из машинописных экземпляров «Факультета ненужных вещей»— так окончательно назывался новый роман — вывезли за границу. Там его издали на русском, на ряде европейских языков. В 1978 году, незадолго до кончины, Юрий Осипович получил из Парижа несколько экземпляров «Факультета». В 79-м роман получил специальную премию «Лучшей иностранной книге, изданной во Франции».

Пишу это, и чувство стыда не отпускает меня, ибо «Факультет ненужных вещей», на мой взгляд — одно из крупнейших явлений русской прозы нашего века. Эта книга о том, как Человек сумел сохранить честь, достоинство, внутреннюю свободу в невероятных, в ужасающе несвободных условиях. Надо гордиться тем, что это произведение родилось в СССР и написано советским человеком, не унизившим себя изменой самым высоким идеалам гуманизма... Мужество Юрия Домбровского в том, что он всегда оставался самим собой: человеком, превыше всего ценившим духовное наследие, оставленное нам мудрецами всех времен и народов. Человеком, щедро делившимся с друзьями знаниями, мыслями, догадками. Он нередко терпел нужду, но не написал ничего, что противоречило бы его убеждениям. «Совесть,— повторял он,— орудие производства писателя... Нет у него этого орудия — и ничего у

него нет. Вся художественная ткань крошится и сыплется при первом прикосновении».

И вот, наконец, восторжествовала справедливость. Состоялась премьера «Факультета ненужных вещей» в «Новом мире»; на студии «Казахтелефильм» выпущена документальная лента «Факел Юрия Домбровского»; на сцене Государственного академического русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова идет спектакль, поставленный по «Факультету...»; на очереди публикация романов «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» в издательстве «Жазушы». Все это вести, особенно радостные для тысяч и тысяч алмаатинцев, по праву считающих себя земляками Юрия Осиповича Домбровского.

* * *

В Алма-Ате бабье лето! Состояние души, смена настроений, бесконечные оттенки мыслей и чувств!

Я сижу на скамейке в глубине городского сада. Ажурные листья клена, влекомые ветром, скользят по тенистым аллеям, трепеща, словно разноцветные флажки наступающей осени. В руках у прохожих попадаются букеты белых хризантем — тоже символы бабьего лета.

Я бросаю взгляд на деревянное кружево Кафедрального собора, уже давно бывшего — последнюю обитель писателя Ю. О. Домбровского, его дом и его крепость. Вот там, где устроилась стайка голубей, писал романы и стихи «хранитель древностей». Сегодня они становятся достоянием каждого из нас.

В такие минуты легко представить, как после долгих раздумий он сел у оконца, взял хрупкий лист бумаги, и рождается новый, пронзительный рассказ с непременным пейзажем старой, уходящей Алма-Аты.

В осеннем мареве мемориального парка проплывает Кафедральный собор. По скрипучим ступенькам винтовой лестницы мысленно поднимаюсь под самые колокола. Внизу лежит огромный город, и каждый черпает из него то, на что способна отозваться его душа. Внизу бурлит год очищения от скверны, наступивший через пятьдесят лет после того, как из-под пера писателя и гражданина Ю. О. Домбровского родились смелые, правдивые и прозорливые строки.

КОММЕНТАРИИ

1. Справочно-энциклопедическая литература (например, Краткая литературная энциклопедия, М., 1978, т. 9, с. 285) указывает: родился 29 апреля (12 мая) 1909 года. В личном деле писателя (ЦГА КазССР, ф. 1778, оп. 1, д. 78) его рукой проставлен 1912, а в другом месте личного дела — 1910 год.

2. Его отчим, Николай Федорович Слудский (1879—1945), русский советский ботаник. О Слудском как о педагоге тепло вспоминала М. Шагинян (см. Шагинян М. Человек и время (история человеческого становления), М., 1980). Можно предположить, что М. Шагинян виделась во время приезда в Алма-Ату с Ю. О. Домбровским, обсуждая с ним последние годы отчима.

3. По всей вероятности, Высший литературно-художественный институт, организованный в 1921 г. В. Я. Брюсовым (и впоследствии его имени). Далее Ю. О. Домбровский продолжил обучение на театроведческом факультете ЦЕТЕТИСа (Центрального техникума театрального искусства, организованного в 1930 г.) и со следующего, 1931 г., в «Теавузе» (учебно-театральный комбинат с 4-х летним сроком обучения. В дальнейшем — ГИТИС). Год окончания — 1933 — Ю. О. Домбровский, видимо, путает, так как 28 октября 1932 г. он был арестован в Москве и осужден на 3 года по ст. 58-10. Отбывал наказание в Алма-Ате, где жила сестра его матери. Факт ареста и ссылки в автобиографии почему-то не указан.

4. Работал директором школы № 1, затем учителем школы № 16. В госархиве г. Алма-Аты сведений о педагогической деятельности Ю. О. Домбровского не сохранилось. Однако кое-какое представление об этом периоде жизни находим в романе И. Есенберлина «Опасная переправа», авторизованный перевод которого сделан Ю. О. Домбровским. По сведениям К. Ф. Турумовой-Домбровской, вдовы писателя, он был женат и к моменту второго ареста в 1939 году имел сына.

5. В других документах (например, в заявлении с просьбой восстановить его в Союзе советских писателей) Ю. О. Домбровский указывает другой год освобождения —1943.

6. Глава из романа «Державин» (выпущенного в 1939 г., ч. I, издательство КИХЛ, А-А., 262 с., с илл., тираж 5150 экз.) была впервые опубликована в журн. «Литературный Казахстан» (кн. 7—8, 1937 г.) и в переработанном виде вошла в 1-ю часть журнального варианта «Крушение империи» (там же, кн. 1—4, 1938 г.). Отрывок под названием «Сибирский воевода» печатался в городской вечерней газете «Социалистическая Алма-Ата» (10 января 1938 г.).

Далее журн. «Литературный Казахстан» и его преемник «Литература и искусство Казахстана» (ныне журн. «Простор») для краткости обозначим «ЛК».

7. Ю. О. Домбровский путает, хотя это и странно звучит, содержание собственных романов —«Хранитель древностей» и «Обезьяна приходит за своим черепом». В другом документе он напишет о «Смуглой леди»— повесть о чок-паре (?!).

8. «Хранитель древностей» был начат публикацией отдельных глав в 1939 г. (факт не установлен), а затем продолжен в журн. «Новый мир» (1964 г., №№ 7—8). Видимо, речь идет о совершенно разных вариантах романа. Так, в 1939 году проводилось обсуждение отдельных глав «Хранителя древностей», в частности рассказа «Мальчики», которого нет в последнем варианте романа. Отдельной книгой роман вышел у нас в стране в 1964 г.

Кроме двух крупных романов, Ю. О. Домбровский плодотворно работал над другими произведениями. Так, глава из новеллы «Смерть лорда Байрона» («ЛК», 1938 г., № 1) была впервые опубликована под названием «Смерть поэта» в газ. «Социалистическая Алма-Ата» (1938 г., 24 января). Статья «Культурные сокровища Казахстана» (ч. I «Иностранный отдел библиотеки имени Пушкина») была впервые опубликована в газ. «Социалистическая Алма-Ата» (1938 г., 26 января) под именем С. Кар. Затем в переработанном виде в журн. «ЛК» (1938 г., №№ 11—12, без указания автора). Журн. «Юность» (1988 г., № 2) опубликовал эту статью под названием «Книжные богатства Казахстана».

9. «Обезьяна приходит за своим черепом» опубликован лишь в 1959 г. (Изд-во «Сов. писатель», 415 с., 30 тыс. экз.). Роман, по словам автора, был закончен 14 окт. 1946 года в Алма-Ате. Он стоял в темпланах «Казгосиздата» на 1945 г. и «Московского рабочего» на 1947 г., однако был утерян и так и не увидел света.

Из многочисленных рецензий, которые частично опубликованы и известны, приведу еще одну, извлеченную из архива. Это выписка из протокола заседания Бюро русской секции Союза советских писателей Казахстана, подписанная А. Шариповой и Д. Николич-Ангертом: «Бюро русской секции по поручению Союза ознакомилось с рукописью романа Юрия Домбровского —«Обязьяна приходит за своим черепом». При ознакомлении учтены также были подробные отзывы проф. Берковского и литконсультанта «Казправды» Л. И. Варшавского. Выводы следующие:

1. Роман сделан умелой писательской рукой.

2. Роман читается с интересом.

3. Автор взялся за тему ответственную: разоблачение псевдо-научных принципов фашистской немецкой идеологии; немцы показаны в роли оккупантов не на востоке, а на западе; в круг действия введены иностранцы.

4. Подобная тема требует в наше время от писателя огромного политического и художественного такта. За нее не без колебаний взялся бы и такой писатель-«западник», как Илья Эренбург. Тема, кроме того, может быть раскрыта лишь в плане острого памфлета. Всем этим высоким

требованиям роман Ю. Домбровского едва ли удовлетворяет. Он, несмотря на всю занимательность и на ряд других литературных достоинств, не на уровне поднятой темы (конкретную мотивировку см. в рецензии Н. Я. Берковского).

5. У Юрия Домбровского немало творческих возможностей. Если Домбровский переключится на материал, близкий к нашей советской действительности и не рассчитанный на такую безграничную широту домыслов, какая оказалась неизбежной в «Обезьяна приходит за своим черепом»— то можно ожидать, что он в недалеком будущем заявит о себе произведениями художественно значимыми и притом такими, которые по своему содержанию будут реализуемы в печати».

10. В своем «Непридуманном» писатель Л. Разгон рассказывает, как, к примеру, благоденствовали в ту эпоху врачи, руководители бурно вознесшегося вверх ВИЭМа — Всесоюзного института экспериментальной медицины. Его организаторы, конечно, не были жуликами. Но их научные идеи настолько соответствовали стремлениям и желаниям начальников, что могучая подъемная сила несла их стремительно вверх. Их теории пленили Горького, а затем и самого Сталина. Эти врачи полагали, будто им очень скоро удастся найти в человеческом организме «что-то такое», на что можно воздействовать, и таким образом быстро побороть болезни, и среди них самую вредную — старость. Цель была не только крайне соблазнительна, но и совершенно в духе времени: мало покорить пространство и время, надо было подчинить еще неизвестное и неуправляемое — жизнь. Это полностью совпадало с желанием Сталина, который не мог примириться с существованием чего-то, над чем он не властен (см. Ципко, А. Истоки сталинизма. Очерк 2. Превратности «чистого социализма». Наука и жизнь, 1988 г., № 12, с. 47—48).

Из автобиографии Ю. О. Домбровского или из других документов неясно, для чего был задуман им этот сюжет — для восхваления или для разоблачения врачей ВИЭМа. Можно полагать, что писатель взялся за него, думая об умершем от рака отце, Иосифе Гедаловиче.

11. Домбровская-Слудская Лидия Алексеевна. Род. 2.03.1883 г. в с. Лопатино Самарской губернии. Канд. биологич. наук (1943), анатом и цитолог, доцент кафедры ботаники Тимирязевской сельскохозяйственной Академии (данные на 1949). Ум. в 1961 г. в Москве.

12. В автобиографической повести «Факультет ненужных вещей» Ю. О. Домбровский называет одну из причин своего ареста — исчезновение Каргалинской диадемы. Напомним, что эта диадема — произведение древних ювелиров, образец прикладного искусства усуней, предков казахского народа, характерно для среднеазиатского искусства 3 в. до н. э.— 2 в. н. э., было найдено рабочим А. В. Назаренко и группой его товарищей с суконного комбината в 1939 году во время охоты в урочище Мыношакты в горах Заилийского Алатау. Сейчас хранится в Центральном государственном музее Казахстана.

13. Махайрод — саблезубый тигр, вымершее млекопитающее, жил в миоцене-плиоцене в Восточном полушарии.

14. Например, Домбровский Ю. В курганах Семиречья (Заметки об археологических раскопках в Казахской ССР в 1956 г.), Дружба народов, 1957, № 5, с. 152—159.

15. «Арест» опубликован с небольшой редакторской правкой в кн.: «Прометей», историко-библиографический альманах, № 7, М., 1969 г.

16. Ю. О. Домбровский был арестован 26 августа 1939 г. в Москве. Через месяц этапирован в Алма-Ату (к месту постоянной прописки), где 31 марта 1940 года был осужден Особым совещанием тройки НКВД по ст. 58-10 сроком на 8 лет лишения свободы. Отбывал наказание в Севвостлаге; затем, 30 марта 1949 г., в Алма-Ате —«за антисоветскую агитацию и пропаганду» по ст. 58-10, ч. I. Срок наказания отбывал на ст. Тайшет, Братск и в Ангарском исправительно-трудовом лагере (Иркутская область). Полностью реабилитирован 30 мая 1956 года.

Август — сентябрь 1988 года

Михаил МИТЬКО

НЕ МОЛЧИ, КОЛОКОЛ!

В потоке лет
Есть огневые даты,
Когда живыми
Павшие встают...
Смотрите, люди,—
Видите, в строю
Идут они,
Погибшие солдаты...

Василий Бернадский.

Прошлое постоянно приходит в сегодня. Придет и в завтра, и в послезавтра... Об этом думал я, минуя аллеи старого парка им. 28-ми героев-панфиловцев. Здесь, под землей, у Вечного огня, под соснами покоятся тела героев гражданской войны — Емелева, братьев Мамонтовых, Кихтенко, Подшивалова, Журавлева, первых большевиков Семиречья Березовского и Овчарова...

Здесь нет останков солдат-панфиловцев, но память о них увековечена в названии парка. В центре его — бывший Кафедральный собор. Хорошо, если бы колокол его звонил — пусть иногда, в день Великой Победы, или в день Революции. Но молчит колокол, молчат сосны у Вечного огня, молчит земля... И молча смотрят на нас портреты героев-панфиловцев на главной аллее. Словно ждут...

Чего же? Или кого? Может, не все панфиловцы, стоявшие под Москвой у разъезда Дубосеково, еще в строю? И не названы все герои гражданской?

Да, в строю панфиловцев не все. Вместо 28-ми портретов солдат — лишь 26. Молчит колокол в ожидании двоих — или отставших, или без вести пропавших, или попавших в плен... Молчит колокол...

В числе 28-ми нет двоих. И нет их портретов. Хотя в списках роты они числятся, состоят в списках погибших и в списке посмертно награжденных. Но их нет в последнем параде павших, их портреты никогда не увидят потомки... Так было секретно приказано, такова была чья-то воля, такова пока их судьба — безвестность...

Но память неистребима. Если 28, то, значит, 28. И автор

этих строк 30 лет назад наивно начал свой документальный рассказ о панфиловцах с командира взвода истребителей танков Ивана Добробабина. По всем документам и по списку старшины роты Филиппа Дживаго командиром истребителей был сержант Добробабин. Автор так и начал: «В той обстановке... погиб весь взвод сержанта Добробабина» («Ленинская смена», 26 марта 1959 г.). На следующий день после опубликования последовал редактору грозный окрик:

— Имя Добробабина больше не упоминать. Есть такое указание.

Редактором был В. И. Ларин, и он предупредил автора этих строк:

— Есть указание имя сержанта Добробабина не упоминать. Больше я ничего сказать не могу.

Автор ничего не понял, но имя это больше не упоминалось, и портрет его никто с тех пор не видел.

Осталось панфиловцев 27. Лишились истребители танков своего командира взвода. Не упоминалось имя сержанта Добробабина до 1967 года. Но во втором номере журнала «Вопросы и ответы» за тот год кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН СССР Г. Куманев в статье «Подвиг, ставший легендой» пишет:

«Из газеты «Труд» передали мне одно любопытное письмо. Подполковник в отставке Н. Г. Исаев сообщает о том, что в приемной Наркомата обороны СССР в конце сентября 1944 года он случайно встретил сержанта Добробабина Ивана. «Я тут же подошел к сержанту и вступил с ним в разговор. Он рассказал мне следующее. Во время боя на разъезде Дубосеково был контужен и засыпан землей, его случайно обнаружили немцы, но он сбежал. Уже умирал в лесу, но его встретили колхозники и принесли к себе. Долго отлеживался от ран. Потом он попал к партизанам, с которыми в тылу немцев отходил до госграницы, а на границе они влились в состав армии. В настоящее время часть, в которой он служит, находится в Венгрии, а его вызвал в ГУК генерал-полковник Голиков, начальник ГУК, для уточнения личности...

На мой вопрос, как он будет доказывать, что он и есть тот самый Добробабин, он ответил: «Моя жена, узнав, что я погиб, добровольно поступила служить в ту самую дивизию, в которой я служил, и в настоящее время служит в 8-й гвардейской дивизии (бывшая 316 с. д.). Она мне сообщила, что наш бывший старшина роты, который меня знает

хорошо, ныне капитан, служит помощником начальника штаба полка в 8 гв. дивизии». На этом наш разговор прервался, т. к. меня вызвали получать пропуск... Больше я его не видел».

Свидетельство из 1944 года, которое привел историк Г. Куманев, придумать нельзя. Об исходе вызова Добробабина с фронта можно пока предполагать. Наивный солдат, он думал, что его вызвали в Москву для вручения награды за 1941 год...

Всякая памятная публикация приносит отклики. Разные. Самый первый отклик на упоминание имени сержанта испугал даже довольно смелого редактора «Ленинской смены» В. И. Ларина. Но последовали и другие отклики. Жена одного из погибших 28-ми П. Емцова — Степанида Митрофановна — сообщила автору этих строк, что она знала дочь Добробабина. Дочь училась в техникуме и после окончания учебы направлена на работу в Караганду, а жена Добробабина, Ольга, фронтовичка, выехала в неизвестном направлении еще раньше.

В Караганду полетело письмо. Пришел ответ, что молодой специалист после отработки двух лет по направлению уволилась. Местонахождение неизвестно. Шел уже 1965 год. Поисковые публикации уменьшились, а затем и вовсе прекратились. Окно в истину было захлопнуто. Последней была статья в упомянутом всесоюзном вестнике «Вопросы и ответы».

20-летие Победы отмечалось громко. В Алма-Ату съехались панфиловцы, были приглашены и оставшиеся в живых из числа 28-ми — Илларион Васильев из Кемерово, Иван Шадрин из Талды-Кургана, Григорий Шемякин. Выступали они почему-то неохотно, повторяли каждый одно и то же о 35 танках, последних словах политрука Клочкова, о каком-то предателе, который поднял руки навстречу немецким машинам.

Состоялась с ними встреча и у нас в редакции. Был приглашен и Даниил Александрович Кожубергенов, один из 28-ми, считавшийся погибшим. Все четверо беседовали как однополчане, участники одного боя, и трое сочувствовали четвертому, без Звезды. О Кожубергенове расскажем дальше. Нас интересовала судьба Добробабина. Кем он был, каким он был? Мы не услышали ни одного слова упрека ему.

ШЕМЯКИН: «Он лучше некоторых кадровых был. Слышал, что он воевал на финской. Такой всегда подтянутый и строговатый. Перед командирами гордый, обижать

нас и себя не давал. Это он стрелял из ПТР. Колотил их здорово, чтобы танки через окоп не пропустить».

ВАСИЛЬЕВ: «А перед боем, часов в шесть, немец стал бомбить наш левый и правый фланг. И нам досталось. А сержант приказывает не трусить. Потом автоматчики с двумя танкетками поперли. В белых халатах автоматчики. Добробабин к Шепеткову, пулеметчику, залез в ячейку и приказал без команды не стрелять. А немец подходит. Тут Добробабин как засвистит, чисто Соловей-разбойник. Ну и вдарили мы. Отбили их и танкетку одну сожгли. А уж позже танки пошли...»

Об этой команде свистом вспоминали все четверо. А на официальных встречах не говорили — как будто кто-то натаскивал их. И Добробабина не упоминали. Оказывается, им запрещалось отступать от объявленной Кривицким версии подвига. Видно было, что смелости им не занимать, а молчали. А что ж поделаешь?

Выяснилось, что Добробабин жив, и Васильев дал (по секрету) его адрес в городе... Цимлянске. Но адресат не ответил.

Позже в редакцию приехал Г. Куманев, встречался с Г. Шемякиным и Д. Кожубергеновым, взял часть документов, взял и адрес Добробабина. Вскоре он сообщил, что побывал в Цимлянске, встречался с бывшим сержантом, что старик очень обижен судьбой, переписки не ведет, за него хлопочет семья...

Об этом есть намеки в письмах М. Н. Архипова, сослуживца по 4-й роте 1075 полка, к одному из 28-ми, Ивану Шадрину. Шадрин великодушно отдал эти письма мне. Читаем в них:

«Мне рассказали подлость Ушакова по отношению к нашему сержанту И. Е. Добробабину, это он довел его до крайности морально. Теперь с позором выгнали эту дрянь Ушакова...»

«Только семья нашего сержанта Добробабина помнит... Иван Демидович (Шадрину), семья Добробабиных обвиняет тебя в прегрешениях былых» (1949 г.)

«Какой-то тип Половцев затронул тяжкую судьбу нашего боевого друга, брата по оружию, в пламени на разъезде, Ивана Евстафьевича Добробабина. В тяжелых условиях его лишили звания Героя».

«Вся жестокость к нашим судьбам, моей и Добробабина, идет от самозванца, стоявшего у власти...» (Ушаков, Половцев, Голиков, Сталин?).

«Задумайся над жестокостью, кто унизил достоинство,

отняв заслуженные почести, лишив звания Героя, сержанта Добробабина?..»

Не помнит народ начальника ГУК Голикова, но и нет в Алма-Ате, в парке 28-ми героев-панфиловцев, портрета сержанта Добробабина, прошедшего от Подмосковья до Вены. Послевоенная жизнь не у него одного прошла в муках, в обиде. Нам досталась боль их памяти...

Все было секретно, доступ к информации был закрыт.

Нам остались письма в газету, личные письма, воспоминания живых, разговоры при встречах... Возникают версии, предположения. О некоторых из них мы рассказали, привели письма, воспоминания... Тут и письмо из «Труда» (Г. Куманев) и письма М. Архипова к Шадрину. И даже воспоминания одного из 28-ми.

ШАДРИН. «У меня была бумага, что я участвовал в начале мая 1945 года в восстании военнопленных в лагере Маутхаузен. По этой справке, выданной Красной Армией, я был отправлен на Родину. Вернулся в Семиречье, в Талды-Курган. В военкомате мне сказали, что как погибшему Герою в моей деревне построен дом для моей жены, жены Героя. Но сказали, что в этом доме живет моя жена с другим. Я пришел в этот дом, но мне не открыли двери. Так я ходил по деревням, и никто не открывал мне двери... Я пришел из плена, и не дай бог было сказать, что я из мертвых Героев. Бывшим пленным никто не открывал дверей... Два года бродил я по Семиречью, живя временной работой. Нас на работу не принимали.

В отчаянии я пришел в райком партии (Алакульский), грязный и голодный. Но трезвый. С горя я пил тогда.

И вы знаете, что тогда секретари райкома были люди. Он принял меня, все про меня выспросил и даже устроил дворником в райисполком...

И вот вызывает меня и говорит:

— Я написал письмо Калинину и получил ответ: ты восстановлен в звании Героя из числа 28-ми.

Я заплакал. Как Героя меня вдруг вызывает райНКВД и грубо со мной разговаривает. Как с бывшим пленным. А я уже не пленный. Насчет Добробабина — чтобы я его обвинил как врага. Я как Герой тоже говорил с ними грубо... Но понял, что сержанту плохо. А чем мог помочь? Он, видно, проходил ту же чистку, что и я до этого... Но я ничего не подписывал... Видно, за меня подписали другие.

АРХИПОВ. Но тебя обвиняет семья Добробабиных (в письме).

ШАДРИН. Я не виноват, я знал его только до боя и в бою. О его полицейской службе придумали другие...»

* * *

Оказывается, система обвинения и даже уничтожения Героя была почти одинаковая. Посмотрим, что было с первым, оставшимся в живых из числа 28-ми, Д. А. Кожубергеновым. Он всю жизнь ходил живым среди мертвых своих товарищей. И в то же время погибшим среди живых...

Было объявлено, что все 28 погибли, и в парке в 1943 году были выставлены портреты 28-ми героев, а он пришел из госпиталя и видит свой портрет. Только имя под ним было другое. Аскар, а не Даниил. А потом убрали и его портрет, в пустой рамке лишь его фамилия и чужое имя...

Все попытки восстановить справедливость заканчивались окриком. Тогда автор этих строк передал все материалы в «Комсомольскую правду». Ее корреспонденты Н. Агаянц и В. Полонский, несмотря на новые запреты, опубликовали свою статью в 1974 году:

«Мы побывали в Алма-Ате, встречались с Кожубергеновым, изучили все материалы, и вот что нам удалось установить:

27 января 1942 года в своей передовой, озаглавленной «Московская область очищена от гитлеровского зверья», «Правда», перечисляя имена героев-панфиловцев, упоминает имя — Даниил Александрович Кожубергенов. Там же значится и сержант Добробабин.

В красноармейской газете «За Родину» от 15 марта 1942 года в статье «На родине двадцати восьми героев» черным по белому написано: «Алма-Атинская табачная фабрика, где работал грузчиком Даниил Кожубергенов, послала в подарок фронтовикам ароматные «Гвардейские» папиросы...»

В поэме Николая Тихонова, побывавшего в Панфиловской дивизии вскоре после исторического боя у Дубосеково, читаем:

«Уже вечерняя заря
Румянцем слабым поле метит,
И в тихом, сумеречном свете
Достойно так же, как и жил,
Кожубергенов Даниил,
Гранат последнее сцепление
Последним взрывом разрядив,
Идет на танк...»

И вдруг 23 июля 1942 года во всех газетах, напечатавших Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении двадцати восьми панфиловцам звания Героя Советского Союза посмертно, появляется та же, что и прежде, фотография, но под ней уже другая подпись — Аскар Кожубергенов.

Как же это могло произойти?

Обстоятельно, неторопливо Кожубергенов говорит о товарищах по оружию (многих он знал еще в Алма-Ате, где формировалась дивизия), вспоминает детали боя. После гибели политрука Клочкова, связным у которого был Даниил Александрович, взрывом снаряда, посланного фашистским танком, его контузило.

— А когда пришли в себя?

— Было уже темно. Падал снег. Бой кончился. Перед окопом догорали вражеские машины.

— И что же вы решили?

— Я стал пробираться к своим, направляясь в сторону Петелино, куда, как сказал мне обходчик, невольный свидетель боя, отошли остатки нашей роты. Преодолевая боль, полз по снегу и напоролся на немецкий патруль. Немцы скрутили меня и поволокли в деревню. Там бросили в сарай, где уже было несколько женщин и стариков. Я не сдавался в плен... Ночью мне удалось бежать оттуда. В лесу подобрали конники Доватора, ходившие в ту пору по тылам. С ними я продолжал воевать.

— Как вы узнали о подвиге панфиловцев?

— Когда наш корпус после боев вернулся на отдых и для пополнения, товарищи рассказали мне, что в газетах пишут о нас. Видел свою фотографию. Под ней стояло мое имя и фамилия.

— Откуда же взялся Аскар?

— Не знаю. Это было позже. В июле, когда вышел Указ. Я сам удивился. Может быть, повлияло мое письмо жене, где я сообщил, что жив-здоров. Кому-то пришлось не по душе: ведь нас всех считали погибшими. А может быть, писарь в полку ошибся...»

Да, Даниил Александрович был первым из тех, о ком люди узнали, что он жив после боя у Дубосеково. Но по сей день он не признан. Беда в том, что он первый. И не сыграли ли тут роль инертность и предвзятость, о которых говорил Р. Бершадский в своем документальном рассказе о другом герое-панфиловце Васильеве, живущем сейчас в Кемерово? Вот что он пишет:

«...Разве не пора уже понять, что не только не греш-

но,— наоборот, надо радоваться, если погибли не двадцать восемь, а меньше, что такие «ошибки» могли вызвать раздражение лишь у людей, которым был дорог не народ, а исключительно собственный престиж...»

Но все это эмоции. Как бы прекрасны они ни были, сами по себе они бессильны что-либо доказать. И мы обратились к документам. В Архиве Министерства обороны СССР во всех списках личного состава дивизии, полка и 4-й роты капитана Гундиловича, где служили герои-панфиловцы, начиная с 18 июля 1941 года, упоминается один Кожубергенов — Даниил Александрович и один Добробабин. Они же значатся и в списке безвозвратных потерь 8 гвардейской стрелковой дивизии, датированном 28 мая 1942 года.

А потом? А потом начинается нечто непонятное...

В алфавитной книге за 1941—1942 гг. награжденных по полку, где они приняли присягу и воевали, имеется следующая запись: «Кожубергенов Даниил Александрович. Убит 16.11.41 г.» Затем имя и отчество зачеркнуты и над ними написано: «Аскар, красноармеец, рядовой». В книге представленных к награде и награжденных по Панфиловской дивизии за 1942 год рядом с именем Кожубергенова Даниила Александровича вписано имя «Аскар».

В чем же дело? Может быть, сохранился какой-то документ, на основании которого наградные материалы были переоформлены с одного Кожубергенова на другого? Да, там же, в Архиве Министерства обороны, имеется такой документ от 18 мая 1942 года. Он гласит:

«...В числе 28-ми героев-панфиловцев Панфиловской дивизии, павших 16 ноября 1941 года в борьбе с немецкими захватчиками у разъезда Дубосеково и представленных к правительственной награде... находится красноармеец Кожубергенов Даниил Александрович. В результате последней (?) тщательной (?) проверки состава 28-ми выяснилось, что Кожубергенов Даниил Александрович попал в число 28-ми ошибочно. На основании этой же проверки выяснилось, что действительным участником геройского подвига был Кожубергенов Аскар... Исходя из этого, командование просит наградной материал, составленный на Кожубергенова Даниила, переоформить на красноармейца Кожубергенова Аскара, оставив боевую характеристику без изменений».

Так как же: Даниил или Аскар? Вроде бы Аскар. Но почему же тогда из тех же архивных данных явствует:

«В проверенных списках пополнения, присланного райвоенкоматами, а также в именных списках и приказах полка

и в списках лиц, принявших военную присягу за 1941 год, Кожубергенов Аскар не упоминается».

Лишь в одной книге учета безвозвратных потерь личного состава имеются следующие сведения. На листе 21-м (оборот) в списке Героев, составленном чернилами, одна из фамилий зачеркнута карандашом и тем же карандашом сверху написано: «Кожубергенов Аскар»...

В конце той же книги подшит другой список («уточненные данные»), где говорится:

«Кожубергенов Аскар, красноармеец, 1917 года рождения (?). Призван Каратальским РВК Алма-Атинской области. Убит 16.11.41 г. Похоронен — разъезд Дубосеково Московской области. Родственников нет. Воспитанник детдома. Детгородок № 4».

Но оставшиеся в живых герои-панфиловцы свидетельствуют:

«Я — Шемякин Григорий Мелентьевич, Герой Советского Союза, подтверждаю, что в боях в районе разъезда Дубосеково под Москвой в ноябре 1941 года участвовал Кожубергенов Даниил Александрович. После войны в 1947 году при нашей встрече мы узнали друг друга и поделились фронтовыми воспоминаниями».

«Я — Шадрин Иван Демидович, Герой Советского Союза, подтверждаю, что в боях у разъезда Дубосеково в ноябре 1941 года с нами участвовал Кожубергенов Даниил Александрович. Мы вместе призывались в июле 1941 года, вместе поехали на фронт, были в одной роте. При всех встречах я его узнаю, помню в лицо. При воспоминаниях о бое у нас нет расхождений».

Допустим, все-таки правы те, кто утверждает, что подвиг совершил Аскар. Тем более, что 17 февраля 1962 года автору этих строк, сомневавшемуся в существовании этого человека, на его запрос в отдел кадров Министерства обороны сообщили:

«Установлено... Кожубергенов Аскар действительно был. Он воспитывался в детском доме, а с сентября 1939 года до призыва в ряды Советской Армии находился на воспитании у гражданина Тазабекова Истамбека и работал в колхозе Кок-Су (ныне колхоз имени Амангельды). Таким образом, ваше и Д. Кожубергенова утверждение о том, что Аскара вообще не существовало, опровергается... Грамота Президиума Верховного Совета СССР в октябре 1961 года передана на хранение, как память, правлению колхоза».

Человек — не иголка в стоге сена. Указан точный ад-

рес. Значит, можно установить, когда Аскар призывался в армию, откуда и куда...

Снова подняты архивы. И что же? Опять цепь несоответствий. Исполнительный комитет Каратальского райсовета депутатов трудящихся сообщает:

«Кожубергенов Аскар в числе призывников 1940-41 гг. не значится».

То же самое подтвердил военком КазССР генерал-майор Павлов.

А вот документ из Министерства просвещения республики:

«В материалах Алма-Атинского областного архива нет никаких данных о нахождении в ауле № 3 Каратальского района детгородка № 4, нет также сведений о Кожубергенове Аскаре...»

А как же Тазабеков Истамбек? Знает ли он Аскара? Да. Очень хорошо знает. Этот парень действительно воспитывался у него. Может ли Тазабеков сказать что-нибудь о своем приемном сыне? Конечно:

«Я — Тазабеков Истамбек, зав. овцефермой колхоза имени Амангельды, даю справку о том, что у меня был приемный сын Али-Аскар, взятый из детского дома в возрасте 14 лет в 1938 году. К началу Отечественной войны ему было 17 лет (значит, Али рождения 1924, а не 1917.— М. М.), и он был призван в армию после меня. А меня призвали в январе 1942 года. Других приемных детей у меня не было. Считаю, и по времени его службы в армии, и по возрасту он не мог участвовать в боях в 1941 году. Грамоту Героя я возвратил обратно...»

Автору этих строк и самому Д. А. Кожубергенову рассказал это приемный отец несчастного Аскара, кем-то подставленного на место панфиловца. Кем? Следователем Соловейчиком? Особым отделом дивизии? Кто вносил поправки?

На обратном пути из колхоза Даниил Александрович был мрачен, Тазабеков сообщил еще, что его приемный сын служил в Монголии в 1944 году, а потом пропал без вести... Как раз тогда, когда и панфиловец начал доказывать, что он есть он. Может, его доказательства и привели к исчезновению Аскара?

— Его подставили вместо меня по требованию особого отдела. Мол, никто не будет искать безродного. А когда я начал хлопотать, Аскар оказался слишком неподходящим... Знаю особистов по Таганской тюрьме.

Тщетно автор пытался успокоить панфиловца, что

его хлопоты и исчезновение Аскара — случайное совпадение.

В Алма-Ате жил старшина 4-й роты — Филипп Трофимович Дживаго, человек, который принимал новобранцев, зачислял их на довольствие, обмундировывал, выдавал им оружие. Что думает об этой истории капитан запаса коммунист Дживаго? Да и о сержанте Добробабине?

— Наша рота,— рассказывает Филипп Трофимович, — формировалась в Алма-Ате, в июле 1941 года. Размещались мы в здании техникума связи. Я хорошо помню всех своих солдат, их вид, характер, привычки. Кожубергенов? Он был хорошим бойцом. Дисциплинированным, исполнительным. Его призвали, а жена Клава принесла ему двойняшек — мальчику и девочку... Никакого Аскара не было. У меня сохранились списки роты. Здесь вот, видите, под номером 32: «Кожубергенов Даниил Александрович, грузчик табачной фабрики. Адрес. А вот тут я приписал — двое детей».

— А Добробабина, сержанта, помните?

— Ну а как же? Сержант, особенно кадровый, у нас каждый на счету был. Из-за нехватки командиров их назначали командовать взводами... Тем более он воевал на Халхин-Голе. Да что говорить! Когда дивизия в октябре вступила в прямые бои с фашистами, первыми в дивизии получили ордена из нашей роты политрук Клочков-Диев — орден Красного Знамени, а сержант Добробабин — орден Красной Звезды. Как это забудешь?

— А Кожубергенов?

— Помню, последние наградные я составлял на солдата под № 32 — Даниила Александровича Кожубергенова. Посмертно, к званию Героя. Кто там исправил потом на Аскара — это не в моей старшинской должности знать... Это, видно, сделали особисты НКВД. Я знаю одного Кожубергенова и одного Добробабина... Кто что потом менял — не знаю...

Даниил Александрович сам раскрыл этот секрет:

— Когда кавкорпус отошел через фронт на отдых, меня вызвали в особый отдел кавкорпуса. Там я был разоружен и отправлен под конвоем в Москву, в Таганскую тюрьму. Месяц допрашивал меня капитан НКВД Соловейчик. Хотел одного — чтобы я отрекся, что я — панфиловец из числа 28-ми. Я отказался. Тогда меня отправили в штрафной батальон. Я был ранен, но выжил, попал в госпиталь...

Кстати, может возникнуть вопрос, почему мы ни разу в

своем материале не сослались на авторитетное мнение писателя Александра Кривицкого, который первым поведал о подвиге двадцати восьми панфиловцев.

«Мне выпало счастье (?) еще в дни Московской обороны, по горячим следам первому написать об их мужестве у разъезда Дубосеково»,— подтвердил Кривицкий на страницах «Литературной газеты».

И в своей книге «Не забуду вовек» он вспоминает, как после встречи с капитаном Гундиловичем получил письменный список двадцати восьми. Значит, ему знакомо имя Кожубергенова? Конечно. Еще бы! А Добробабина? Конечно!

Вспоминая в книге свой очерк о панфиловцах, Кривицкий заявляет с пафосом: «Пусть все так и остается в нем, как было в газете, вышедшей 22 января 1942 года». Значит, можно верить написанному? Читаем. Среди имен героев: Кожубергенов Аликпер (??). Ну, а в газете от 22 января 1942 года? А в газете — ясно и четко: «Кожубергенов Даниил Александрович».

Вот почему мы не стали ссылаться на авторитет писателя и не стали спрашивать его о Добробабине. Сержанта не существовало у него вообще...

Судьба Кожубергенова Даниила проясняется. Его вина, вернее, беда — в том, что он обнаружен первым живым среди объявленных погибшими. Обнаружен и... ликвидирован с помощью подставленного имени. Навсегда. Мертвый среди живых. Так и умер.

А судьба Добробабина? Кривицкий объявил, что в бой вел бойцов политрук Клочков. Командир взвода не был упомянут. Да, политруки водили солдат в бой, заменяя выбывших командиров. По свидетельству Г. Шемякина и Д. Кожубергенова:

«Сержант Добробабин с самого начала стрелял из единственного ПТР. У остальных были лишь зажигательные бутылки и мало гранат. Нам, как истребителям танков, доставили накануне несколько ящиков бутылок. А вот ПТР было одно. Стрелял из него сам командир. Он обвязал ствол ружья розовой лентой, которую выплел из косы у дочки, когда та с матерью, как и другие жены и дети, приехав из Токмака, провожали нас на вокзале в Алма-Ате».

В чем же вина Добробабина? А ни в чем. В газетах написали, что политрук. И вот какой-то сержант, отозванный с фронта, заявляет начальнику ГУК, что он был командиром взвода истребителей. Это шло вразрез с уже всенародно объявленным «утвержденным» боем... Такое можно

предполагать. И сержант уже не нужен, живой — тем более.

Кривицкий, вслед за ним и другие «между делом» упомянули о каком-то 29-м, который будто бы поднял руки навстречу вражеским танкам. Фамилии не называлось. Но тогда так надо было, этому еще учили до войны: ищи шпиона, ищи предателя, ищи «врага народа». Какой же будет подвиг, если нет предателя? Хоть безымянный, но он должен быть. Но панфиловцы, оставшиеся в живых, такового не помнят. Его надо было придумать.

Лишенные секретных архивов НКВД, мы шли от писем и воспоминаний, должны были предполагать. И вот последняя версия. Д. А. Кожубергенов, старый и уставший в борьбе за «воскрешение из мертвых», рассказал:

— Это, конечно, женские разговоры, но моей жене Клавдии рассказала жена Емцова, а той — будто Ольга, жена Добробабина... Будто действительно сержант попал в плен. Подлечила его немчура и предлагает: вот объявили у вас, что все вы погибли, а ты, Добробабин, живой. Работай на нас, все равно не мы, так твои «смерши» расстреляют. И большой ихний генерал с ним говорил. А Добробабин сказал: расстреливайте. И будто тот немецкий генерал зауважал его за смелость... Ну и помиловал, отправил к себе в имение — пленным работником. А пришла наша армия, и он стал опять воевать.

Вот такая легенда.

Но одна победа в круговороте секретов и запретов все же одержана. В Военной энциклопедии за 1987 год читаем:

«Кожубергенов Д. А., рядовой, один из 28-ми героев-панфиловцев».

Но об этом он уже не мог узнать. Так и умер непризнанным.

Прежде для нас все было закрыто. Приходилось, как я уже говорил, искать очевидцев, сослуживцев, собирать воспоминания, письма.

А одной солидной военной газете без всяких ссылок на свидетельства и документы ничего не стоило не так давно заявить:

«Панфиловцы Иван Добробабин и Иван Шадрин тяжелоранеными (читайте внимательно!) были взяты в плен у разъезда Дубосеково. После излечения (в плену) Шадрин с товарищами пытался бежать, был схвачен и отправлен в концлагерь. А Добробабин стал работать на гитлеров-

цев (?), был полицаем (?). Два с лишним года он работал на врага (?!)».

Ни фактов, ни доказательств, ни документов. Ярлыки: один герой, другой — предатель. Вот она — отрыжка старой установки — человека нет, есть либо герой, либо предатель. Но цитируем дальше, читайте внимательно:

«Закончилась война, Добробабин вернулся в родные края (?). Кем он возвратился домой? Героем или предателем?»

Вот такое можно прочитать и в наше время в «Красной звезде» (5 сентября 1987 года).

Далее: «Как герою (?) ему вручены орден Ленина и Звезда Героя Советского Союза. А когда выяснилось все (что — все?), он был лишен высокого звания». Звания-то лишили, а подвига? Подвига не лишить никакому НКВД.

А вот что нам известно о Добробабине. Родился на Украине. До войны — передовик, участник многих строек социализма — от Чуйского канала до Магнитогорска. Затем служба в армии и участие в боях на Халхин-Голе, финская война. И вот он в 316-й дивизии. За октябрьские бои 1941 г. в 1705 полку награждены двое: политрук Клочков — орденом Боевого Красного Знамени, сержант Добробабин — орденом Красной Звезды. А тогда мало кого награждали. (Материалы из газет начала войны представил журналист Б. Койшибаев.) Может, поэтому Клочков и Добробабин возглавили взвод истребителей танков?

Нам стало известно, что неправедный суд над Добробабиным состоялся в 1948 году, после чего в 1949-м его лишили звания Героя. А что известно о нем с 1944 года, когда его отозвали в ГУК с фронта? А что нам известно о его «работе на врага два с половиной года»? Почему все это неизвестно, а известны лишь ярлыки НКВД? Видимо, как человек, он органы не интересовал, его имя мертвого Героя было использовано, а живой он этим органам не нужен, даже мешал — живой.

Все противоречит в тех двух абзацах главной военной газеты. А не проще было бы все обнародовать, сделать гласным?

Вернувшиеся из плена И. Шадрин, Н. Трофимов прошли тяжкий путь подозреваемых — будто именно кто-то из них был тем 29-м. Возможно, что это ужасное подозрение упало и на Добробабина. К тому же объявлено, что боем руководил политрук...

Они совершили свое и погибли. А уж как потом закрутила судьба живых — это уже другая трагедия. Это трагедия живых. Прочны секретные установки НКВД. Но все секре-

ты когда-нибудь раскрываются. Как ни горька, как ни трагична их правда. Так сколько их — 28, 27 или 26? Только 28! И никаких подсчетов НКВД.

И вот впервые секреты архивов «особых отделов» раскрыла газета «Московская правда». 25 октября 1988 года она напечатала: Добробабин жив и вот его рассказ и «секретные материалы».

...Очнулся глубокой ночью от нестерпимой боли. На ногах лежал труп бойца, а на нем — шпалы перекрытия. Неподалеку виднелись подбитые танки. С трудом удалось выбраться из окопа. Нога, пробитая пулей, болела. Появилась сверлящая боль в голове — результат контузии. Стоять было тяжело, идти тоже. Пришлось ползти. Так добрался он до железнодорожной будки.

Казалось, после боя прошло часов пять-шесть. Но железнодорожники сказали: уже третий день, как стихло вокруг. Они обмыли Добробабину лицо, которое было все в крови, накормили его, дали теплую шапку. И посоветовали скрыться в лесу: каждую минуту мог появиться немецкий патруль.

Несколько дней блуждал он по округе, встретил небольшую группу наших бойцов, которой руководил «дядя Вася» (генеральские лампасы выдавали в нем военачальника). Группа пыталась пробиться к своим, на восток. Но напоролась на засаду и была частью перебита, частью рассеяна. В одном из сел Добробабина схватили. Он был отправлен в лагерь военнопленных под Можайском. Оттуда он вместе с несколькими товарищами пытался бежать, перерезав колючую проволоку ограждения. Но за проволокой оказались парные патрули, они открыли огонь. Часть военнопленных осталась на проволоке.

С начала наступления наших войск под Москвой лагерь стали переправлять на запад. Ночью, это было уже за Смоленском, на ходу поезда Добробабин и еще двое пленных выломали доски, которыми было заколочено окно вагона, и выпрыгнули наружу. Один сразу же попал под колеса и погиб. Иван и его товарищ остались целы. Но Добробабин сильно повредил ногу.

И снова попытки прорваться на восток. Местные жители боялись провокаторов и не очень-то верили бойцам Красной Армии. Один из жителей посоветовал: здесь тебя никто не знает, ты всем чужой, а каратели свирепствуют. Подавайся-ка лучше к себе на родину...

После новых неудачных попыток прорваться на восток Добробабин пробирается на Харьковщину. И весной 1942

года появляется в своем селе Перекопе. Здесь его приютил родной брат Григорий.

— Свяжи меня с партизанами,— попросил Иван брата.

— Да какие тут партизаны. Сам знаешь — лесов нет, село небольшое. Да и против кого партизанить? Немецкая комендатура в райцентре — в Валках. Здесь лишь «старостат» из нескольких человек.

Чтоб оккупанты не заподозрили в Добробабине пришлого человека, да еще бывшего красноармейца, староста Петр Бандура выдал Ивану справку, что он является постоянным жителем села.

Но началась массовая высылка людей в Германию. Чтобы уберечь от нее, староста предложил Добробабину: «Поступай ко мне на службу. Нет, никакого заявления мне от тебя не нужно. Просто я скажу оккупантам, что ты работаешь в старостате».

Когда отступавшие под натиском наших войск оккупанты погнали население Перекопа и соседних сел, уже на Одессщине, Добробабину удалось оторваться от полевой жандармерии. Скрывался на хуторе, а с приходом Красной Армии влился в ее ряды. Как и под Москвой, был на командной должности. Отделение Добробабина отличилось при форсировании Тиссы и Дуная. В боях под Будапештом его бойцы действовали как истребители танков — пригодился опыт боя у Дубосеково.

Орден Славы III степени, медали за оборону Москвы, за взятие Будапешта, Вены украсили грудь сержанта 1055-го полка Ивана Добробабина».

В один из декабрьских дней 1947 года Иван Добробабин решил навестить свою вторую родину — город Токмак в Киргизии. Здесь прошли многие годы его трудовой комсомольской юности, отсюда дважды уходил он на войну — сперва на Халхин-Гол, а затем на Великую Отечественную. В Токмаке в сквере у горисполкома встретился он... с самим собой. Со скульптурным памятником Герою Советского Союза Ивану Добробабину. Хорошо знакомая улица Кошчийская превратилась в улицу имени Ивана Добробабина. А перелистывая старые подшивки местной газеты, он наткнулся на заметку, подписанную его первой женой Ольгой Фроловой. Заметка начиналась такими словами: «Мой муж — сержант Иван Добробабин героически погиб в числе 28 панфиловцев... Я горжусь, что Родина, за которую отдал свою жизнь мой муж, всегда будет свободной и независимой».

И памятник, и заметка в газете — все это нетрудно

понять. Ведь тогда считалось, что звание Героя Советского Союза 28 панфиловцам было присвоено посмертно. О том, что он Герой, сам Иван узнал лишь в конце войны, на фронте.

Три дня город Токмак праздновал «возвращение из мертвых» своего Героя. А на четвертый в дом, где остановился Добробабин, вошли двое. «Вы Добробабин Иван Евстафьевич? Уроженец села Перекоп Харьковской области?»

— Так точно.

— Собирайтесь, поедете с нами.

Его арестовали, предали суду. «За пособничество врагу».

«По вполне понятным причинам я не имею права написать о методах и приемах ведения следствия по моему делу»,— написал Добробабин в письме на имя Генерального прокурора СССР. Письмо датировано 26 августа 1953 года, задолго до XX съезда партии, до разоблачения культа личности Сталина и связанных с ним репрессий и беззаконий.

Чтобы так написать в то время, надо было иметь не только смелость, но и твердую уверенность в своей правоте.

И такая правота у него была. Знали об этом и следователи, ведшие дело Добробабина.

Вот выдержка из спецсообщения начальника контрразведки 2-го Украинского фронта от 22 января 1945 года:

«За время пребывания в 297-й стрелковой дивизии Добробабин И. Е. никак себя не скомпрометировал. Показал себя в прошедших боях храбрым воином. За бои под Яссами в августе 1944 года награжден орденом Славы III степени. Военный совет 7-й гвардейской армии вошел с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о выдаче Добробабину ордена Ленина и Золотой Звезды». (Из этого же спецсообщения узнал я и такую деталь боя под Дубосековым, как подбитые лично Добробабиным 4 танка и 3 бронемашины. Сам Иван Евстафьевич мне об этом не рассказывал. Очевидно, посчитал незначительным эпизодом.)

Были в распоряжении следствия и последующего суда над Добробабиным и другие факты честно выполненного им воинского долга, непричастности к насилиям оккупантов в селе, факты не добровольной, а вынужденной его службы в старостате. Таких фактов было бы еще больше, если бы суд, проходивший в Харькове, в 60 километрах от Перекопа, выполнил просьбу подсудимого. «Привезите меня в Перекоп,— просил он следователя,— поставьте перед народом. Пусть люди скажут, кому из них я сделал

при немцах что-нибудь худого». Напомним, суд состоялся в 1948 году, и многие жители села, знавшие Добробабина, были еще живы.

Не выполнил следователь и законного требования Добробабина о допросе людей, которые могли бы дать показания в его пользу. Тех, кому он помогал в период оккупации — предупреждал об облавах, об угоне в Германию, прятал от преследований в своем доме. Да о какой законности могла идти речь, если даже со своим защитником Добробабин встретился... только в зале суда.

Восьмидесятилетний Валентин Григорьевич Дудченко, бывший председатель соседнего Левендаловского сельсовета, вспоминает: «Схватили меня немцы, привезли в Перекоп, стали бить. Пытали, а когда я сознание потерял, бросили бездыханным в сарай. Думали, помер. Потом увидели, что живой, приказали повесить. Иван Евстафьевич, дай бог ему здоровья, тот приказ не выполнил, освободил меня, и я скрылся в другом селе. Когда вернулся после войны, ничего худого о Добробабине не слышал — только хорошее».

«Пособник врага» Иван Евстафьевич укрывал на чердаке своего дома девчат, которых разыскивали оккупанты для отправки в Германию, спас от расправы Захария Рубашку, отказавшегося подчиниться полицаю, помогал умиравшим с голоду сельчанам «воровать» с огородов посаженную ими же капусту и свеклу, предупредил о готовящейся облаве и тем спас от угона в неметчину Евгения Стрелецкого, Прасковью Прилуцкую, Григория Колесника, Ганну Педан... Это он, «сотрудничавший с немцами», дал возможность скрыться раненому красноармейцу Семенову. А когда пять лет спустя во время следствия попросил вызвать Семенова для подтверждения этого факта, ему было отказано.

«Методами и приемами», на которые намекал Добробабин в письме Генеральному прокурору СССР и которые сейчас нам уже хорошо известны, следствие добилось своего. Суд приговорил И. Добробабина к 15 годам лишения свободы. Храброго воина, участника легендарного боя под Москвой, освободителя Европы лишили всех боевых наград, в том числе и Звезды Героя. Постарались предать забвению даже само имя героя-панфиловца. Исчезла дощечка с его именем на площади Токмака. А памятник? С ним поступили просто: отпилили голову Добробабина и на ее место водрузили голову Шопокова — другого героя-панфиловца, уроженца Киргизии.

В 1955 году И. Добробабин был досрочно освобожден. В протесте Генерального прокурора СССР указывалось на чрезмерно суровое наказание, в связи с чем срок лишения свободы Добробабину был сокращен вдвое...

Всего лишь «чрезмерно суровое». Не потому ли, что сидели еще тогда на своих местах люди, повинные в совершении массовых беззаконий и несправедливости?

Последний оставшийся в живых герой-панфиловец, а именно так — герой — называет его в своей недавно вышедшей книге доктор исторических наук Г. Куманев,— Иван Евстафьевич Добробабин ждет полной реабилитации. Ждет возвращения наград, завоеванных кровью, возвращения к себе уважения людей.

Сейчас для такой реабилитации появились новые основания. Двенадцать старых жителей Перекопа, переживших оккупацию, дали свои показания в пользу Добробабина. Показания, противоречащие «добытым» следователями сорок лет назад. На юридическом языке это называется «вновь открывшиеся обстоятельства».

* * *

16 ноября 1941 года началось последнее наступление фашистских полчищ на Москву. Главный бронированный удар приняла на себя 316-я, а с 17 ноября 8-я гвардейская дивизия наших земляков под командованием генерала И. В. Панфилова.

16 ноября совершили беспримерный подвиг 28 героев-панфиловцев и другие подразделения дивизии. 18 ноября погиб генерал Панфилов...

Враг был остановлен. 5 декабря начался разгром немецко-фашистских войск под Москвой.

О тех незабываемых событиях сложены легенды и песни.

«У деревни Крюково погибает взвод...»* — поется в одной из них.

Крюково прикрывали панфиловцы.

«И в сердцах будут жить 28
Самых верных твоих сынов...»—

поется в другой.

---

* Прах солдата из братской могилы у Крюкова перенесен в могилу Неизвестного солдата у Вечного огня в Москве.

28 панфиловцев — истребителей танков прикрывали разъезд Дубосеково и село Нелидово, а весь 1075-й полк дивизии прикрывал село Петелино. Гибли взводы, роты, батальоны. Отбивались все полки, каждый солдат — до последнего патрона, до последнего дыхания. Бросались на танки с последней бутылкой с горючей смесью, а то и просто с винтовкой.

На самом острие танкового удара врага стоял взвод истребителей сержанта И. Е. Добробабина из 4-й роты капитана Гундиловича 1075-го полка. Вся рота, весь батальон, полк, вся дивизия отбивалась справа и слева, и никто не мог помочь взводу. Взвод дрался отчаянно, а когда замолкло ПТР Добробабина, навстречу первым прорвавшимся танкам оставшихся бойцов из окопов поднял политрук Клочков. Не добежал до танка — упал, сраженный из крупнокалиберного пулемета (из рассказа связного Кожубергенова). Прорвавшиеся танки, подминая раненых и убитых, устремились к Петелино... Большая часть их пылала у окопов.

Но живуч советский солдат! На поле боя среди погибших оставались семеро раненых и контуженных. Четверо попали в наши части. Тяжело раненный Натаров умер в медсанбате. Тяжело раненные Шемякин и Васильев вылечились в госпиталях, Кожубергенова подобрали конники Доватора, и он продолжал воевать. А троих — Добробабина, Шадрина и Тимофеева подобрала немецкая тыловая команда. На их долю выпали особенно тяжкие страдания. (О сержанте Добробабине и Шадрине газета «Огни Алатау» писала 19 и 20 октября и 1 ноября 1988 года). Тимофеев же вскоре после возвращения из плена в Алма-Ату скончался...

Долгое время считалось, что Добробабина тоже уже нет в живых. Несмотря на то, что на все письма в Цимлянск по месту его постоянного проживания не приходило ответа, автор этих строк недавно послал по этому адресу последнее отчаянное письмо родным героя с просьбой прислать его фотографию. И на днях вдруг приходит неожиданный ответ:

«Здравствуйте, Михаил Иосифович! Получил от вас письмо, на которое сразу же даю ответ. Я жив. Здоров, правда, сказать не могу: сердце пошаливает.

Вас я помню, хотя это было давно. Спасибо вам за веру в меня, в то, что я жив, хотя некоторые меня до сих пор хоронят. Не вам первому сообщают о моей «смерти». Отвечают, что умер несколько лет назад. Пишу вам по по-

рядку: довоенного портрета нет, забрали при аресте, высылаю фото 70-х годов, последних лет нет фотографии.

Данные о 1944 годе: воевал в 297-й стрелковой дивизии 7-й гвардейской армии, которая прошла Венгрию, Румынию, Австрию. Под Яссами в августе 1944 года награжден орденом Славы III степени, имеются и медали. Демобилизован в 1945 году. После демобилизации работал в поселке Кант Киргизской ССР. В декабре 1947 года был арестован. В 1955 году был досрочно освобожден.

На этом заканчиваю. Очень прошу вас выслать все публикации обо мне.

До свидания.

Письмо писала дочь — Элеонора.

Добробабины».

Все 28 героев-панфиловцев в строю!

Октябрь 1988 года

Виктор ШАЦКИХ

КТО ВОЗДЕРЖАЛСЯ?

Две эти истории сюжетно никак не связаны. Но в них похожие герои и похожие обстоятельства. Еще больше похожи антигерои, которых не всегда удается назвать по фамилиям.

Лукьяненко говорит так: «Вот как если бы кулаками садишь в стену, а она вроде мягкая, вроде подается. Бил-бил, глядишь — руки в синяках, а стенке ничего, стоит».

Про Владимира Андриановича Лукьяненко первая история.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЛУКЬЯНЕНКО

После выхода на пенсию работу он себе нашел хорошую: пожарным охранником в совхозе. «Сутки спишь, трое дома»,— так теперь сам над собою посмеивается. Но шутки шутками, а сорок лет работы на тракторе, в уборку — на «Ниве», кабину которой Лукьяненко уже без всякого юмора называет духовкой, поизносили его основательно. Нашел работу по силам и по здоровью. А дома решили, что теперь, подальше от своих железок, дед успокоится, и в прошлом останутся его «придумки», так много сил забравшие и прибытка никакого семье не принесшие. Но вышло опять по-другому.

Хотя нет, эту историю про сенохранилища, с которыми он устроил шум на всю область, надо рассказывать потом. Сначала про другое, отступим лет на десять назад.

...Однажды весной по Кульджинской трассе от Алма-Аты в сторону табаксовхоза катила странная машина. Издалека похожа на асфальтовый каток: задние колеса — сплошной резиновый вал. Но скорость другая.

Из встречной «Волги» помигали: останови. Вышли посмотреть. «Беларусь» как «Беларусь», только задних колес — четыре, как на вездеходе.

— Где взял такую машину?

— Из Москвы, с ВДНХ прислали,— охотно с улыбкой отвечал пожилой механизатор. Он часто улыбался, ког-

да здоровались — тоже, так что не поняли: шутит или серьезно.

Припекало солнышко. В тишине особенно громко после треска моторов стрекотали с обочины кузнечики. Приезжие ходили вокруг трактора, спрашивали, заодно разминались. Наконец одобрили: нам бы в Нарынкол такой трактор. По горам, по грязи... Вездеход!

Дело было в мае, через два дня Лукьяненко дополнительные колеса уже снял. Не в том дело, что допек бригадир, а просто стали они к лету ненужными. Это в марте, когда возили на поля удобрения, его уродина (так прозвали трактор с первого дня) шла с прицепом в любую грязь и нигде не буксовала. Лукьяненко давал полторы нормы и занял первое место по совхозу.

— Замерить, сколько он жрет горючего,— сказал бригадир,— и вся твоя рационализация окажется сплошным убытком.

Замерили. Вышло, что солярки расходуется меньше. Трактор нигде не буксует, в этом все и дело. Но бригадир написал-таки докладную. Что в ней было — сейчас вспомнить трудно, что-то про самоуправство. Лукьяненко привычно пошел на принцип. Его привычно сняли с выгодной работы, потому что больше снимать тракториста неоткуда, и перевели на почасовую.

Но вообще в тот раз обошлось. Не заставили хоть оборудовать за бесплатно лишними колесами все другие тракторы, потому что бывало уже похожее.

Потом Владимир Андрианович шоферил. Уже недавно, года за два перед пенсией. Возили силос от комбайнов. Подъезжали к яме, с машины грузчики снимают задний борт, а он крепко сидит, поэтому снимают «животом»— с натугой, ломиком — и ставят его в сторону. Машина проезжает на разгрузку, а со следующей тоже снимают борт и ставят в сторону — на первый. Когда вернешься — твой борт придавлен десятком других, тяжелых. Достать и поставить канители много.

Лукьяненко работал ночь и сделал для своей машины задний борт на шарнирах. Он отодвигался в сторону и закреплялся к боковому борту.

И посмеялись же над ним с утра! Вышло, и правда, неказисто, эстетику додумать не успел. Зато к вечеру дед перевез 90 тонн силоса, а самые передовые хлопцы, как и раньше,— по 40—50. Лукьяненко первым успевал к комбайну, не мыкались ни он, ни грузчики с его бортом возле ямы.

Так что на другой день бригадир с утра изменил разнарядку: Лукьяненко остается в кузнице, подбирает материал и делает всем такие борта. А Лукьяненко не захотел. Сказал, что за погляд он деньги не берет, пусть смотрят и сами делают. А ему надо зарабатывать пенсию. Опять стороны пошли на принцип, и Лукьяненко оказался плохим.

Теперь история о том, как Владимир Андрианович противостоял заводу «Ростсельмаш». Об этом в совхозе вспоминают кто всерьез, кто с насмешкой, история обросла уже всякими живописными подробностями, из которых Лукьяненко выглядывает как сказочный персонаж, этакий лукавый дедок.

Вроде бы стоит дед Лукьяненко посреди поля у своей «Нивы», и едут к нему заводские конструкторы. Ну, поздоровались, слово за слово. «А хотите,— спрашивает Лукьяненко,— я угадаю, чем дача накрыта у вашего директора на берегу Азовского моря?» «Чем?»— удивились гости. «Белой жестью накрыта. Знаю точно, хотя никогда я в ваших местах не бывал». «Да как же не бывал,— вроде бы заволновались тут конструкторы.— Бывал, значит!»

«Не бывал. А знаю потому, что одно время «Ростсельмаш» выпускал прицепные комбайны «Коммунар» с корпусом из такой же завидной белой жести...»

Конфликт же у Лукьяненко с прославленным заводом начался так. Новая «Нива» Владимира Андриановича на полях совхоза «Панфиловский» поймала гвоздь в переднее колесо. Дело обычное и устраняется в других случаях быстро. Колесо сняли и начали разбортовывать, доставать поврежденную камеру. Доставали сначала вдвоем, потом вчетвером и закончили вшестером. Погнули диск, так что его осталось только выбросить, сломали монтировку, но камеру не достали.

Вечером Лукьяненко написал про все это письмо главному конструктору «Ростсельмаша». Советовал попробовать достать камеру в заводских условиях или комплектовать комбайны еще четырьмя запасными колесами. Ехидное получилось письмо, с чувством.

Скоро пришел ответ. Товарищу Лукьяненко разъяснили, что износ резины колес комбайна «Нива» точно соответствует моторесурсу комбайна «Нива». То есть до капремонта износу резине не будет.

Лукьяненко снова написал: я же вам про гвоздь, а вы мне про моторесурс. Тогда что, колесо выбрасывать? Присылайте все-таки запасное.

На этот раз ответ долго не приходил. Лукьяненко для верности написал еще в центральную газету.

Наконец с «Ростсельмаша» пришло еще одно письмо, обстоятельное. Сообщалось, что в заводских условиях был повторен эксперимент: сначала вдвоем, потом вчетвером и вшестером. Камеру достать не удалось. В скором времени группа заводских конструкторов выезжает в Казахстан с целью изучения пожеланий механизаторов, эта группа обязательно побывает в совхозе «Панфиловский».

Группа побывала. Тогда и состоялся будто бы разговор про дачу директора. Лукьяненко получил два запасных колеса для комбайна, еще что-то из запасных частей и писем больше не писал. А со временем в новых моделях «Нивы» камера уже доставалась. Лукьяненко цену себе знает, но про этот случай сказал, что таких, как он, на «Ростсельмаш» писали, уж точно, сотни.

В той истории, которой уже больше десяти лет, Владимир Андрианович ничего не изобрел и не усовершенствовал. Правду сказать, и другие его «придумки», как он их называет, переворота в технике не обещали, принося автору большей частью неприятности. Тут вообще интересный расклад: с одной стороны, наше сельскохозяйственное машиностроение дает широкий простор способностям Лукьяненко, выпуская технику под девизом «переделай сам», с другой — переделывание это часто приносит нашему умельцу отнюдь не пироги да пышки уже в родном совхозе. Но вообще сгущать до поры не надо. Иногда выходило вполне безобидно: сделал — и ничего.

...Новый силосоуборочный комбайн КПКУ-75 в «Панфиловском» после первой уборки прозвали убийственно: «смерть колхозника». Техподробности скучны, кому из городских читателей интересно знать, какой длины у этого комбайна хедер и как устроена жатка. Поэтому скажем только, что четырехметровые стебли кормовой кукурузы этот КПКУ забрасывает мимо приемного окошка себе на раму и потом под колеса. Теряется половина урожая.

И для Лукьяненко было ясно как белый день, что на агрегате нужен поперечный нож, который будет ломать стебли пополам и уже короткими подавать в приемное окно. Этот нож он и приварил. Сам, правда, в этот раз на комбайне не работал, не дали, а кто работал — нарубил кукурузы в два раза больше задания, попал в передовики. Лукьяненко на это уже махнул рукой: нехай их...

В общем, своеобразная сфера деятельности сельского механизатора. И нож на комбайне, и борт на шарнирах, да

и вторая пара колес на тракторе — это переделывание чужой работы, доводка техники до ума. Затруднительно будет и посчитать экономический эффект от предложений Владимира Андриановича. Он сводится во многих случаях лишь к тому, чтобы «выбить» из готовых машин уже заложенную в их характеристиках производительность, не потерять уже заплаченных за них совхозом денег. А как за это поощрять? Нет такой графы в нарядах.

Особняком — история, в которой Лукьяненко заработал премию на весь совхоз.

Он ходил в то лето больной, сильно повредил руку. Вызвали его в июне к директору, и директор пожаловался на жизнь. На то, что производить в совхозе молоко, шерсть, овощи тяжело и не особенно выгодно. Не всегда затраты окупаешь. Но куда денешься? А вот цветы выращивать — выгодно, если умеешь. Гвоздики на базаре три рубля штука. Или, скажем, семена люцерны.

Это было в те годы, когда люцерна перестала считаться вредной и пустой травкой и вновь была признана ценным кормом. Площади под нее стремительно росли, а семян не хватало. Те хозяйства, которые не распахали в свое время люцерников, владели положением. Цены назначались по договору — до двадцати пяти рублей за килограмм.

Есть еще нюанс. Люцерна по-арабски —«аль альфа», что значит «первая из первых», «лучшая», но семена у нее чуть побольше маковых зерен. Убирать их комбайном, рассчитанным на зерно,— то же самое, что носить воду решетом, но другой техники у нас нет.

За этим директор и позвал Лукьяненко. Тот взялся. Много пришлось повозиться с жаткой, потом с подработкой семян, но, в общем, получилось. Взяли по пятьсот килограммов семян с каждого из сорока гектаров, а раньше от силы получали сто пятьдесят. Семена продали по договорным ценам, и совхозу это принесло 450 тысяч рублей прибыли. Для убыточного хозяйства событие выдающееся, все получили премии: доярки, овощеводы, чабаны. Лукьяненко тоже получил — сто рублей.

Скрывать не стоит, он рассчитывал на большее. Но, с другой стороны: графы-то такой нет. Как проведешь большую премию по нарядам, если человек ничего не изобрел, а только довел до ума уже известную технологию?

Сейчас в «Панфиловском» люцерну на семена не выращивают. Во-первых, как выразился агроном одного отстающего совхоза, «прикрыли лавочку», запретили цены по договоренности. Установили цены твердые, тоже высокие, пото-

му что дефицит остался. Но все-таки договорные были намного выше, так что охотников выращивать и продавать семена теперь поубавилось. Отказались и в «Панфиловском»: и не так выгодно стало, и нет другого Лукьяненко. А тот Лукьяненко уже не идет...

С последней до пенсии «придумкой»— рельсовой подвесной дорогой в теплице — Владимир Андрианович возился два месяца. Идея появилась давно. В теплице все работы ручные: натаскаются женщины тяжелых ведер с огурцами — спина разламывается. И так каждый день и почти круглый год.

Сейчас в теплице ходит на роликах вдоль рядов подвешенная плоская площадка. Помещается на ней килограммов семьдесят огурцов или удобрений. Ходит легко: толкнул рукой — пошла, придержал — остановилась. Два месяца возились с подручным, уголки и хомуты крепежные собирали по всем мастерским, и не только лаской встречали слесари, да и подручный ругался. Зато тепличницы спасибо сказали от сердца. Правда, кто-то искал потом и нашел в журнале описание похожей подвесной дороги. Так что было, было, товарищи, до Лукьяненко!

А теплица стояла до него восемнадцать лет и простояла бы без дороги еще тридцать. Да что вообще тут объяснять...

...На пенсию Владимир Андрианович вышел совсем не на персональную, и проводили его, я бы сказал, с облегчением. Ершист... Хотя что там, таких историй, как с Лукьяненко, наверное, не одна в любом совхозе. Может быть, это как раз и самое грустное. Живет он сейчас в своей казенной квартире без удобств, получает пенсию девяносто с чем-то рублей...

Сильно смутил Лукьяненко один проезжий инженер, прочитавший про умельца в областной газете и приехавший в «Панфиловский» познакомиться. Он поспрашивал, послушал... И сказал следующее: ты бы, дед, крупным был бы фермером, если бы жил в Канаде. Может, даже миллионером. Голова, руки какие пропадали...

— А ты давно из Канады?— задал встречный вопрос бдительный Лукьяненко.— То-то ж, не был. Они ж там разоряются. А у нас не разоришься.

Инженер, который вообще непонятно к чему про это завел, еще раз оглядел и стены, и вислые усы Лукьяненко, и вообще все кругом, потом махнул рукой, попрощался и уехал. А деда смутил.

Теперь про сенохранилище, тут шуму вышло побольше

Приняв свой пожарный пост, пенсионер Лукьяненко

первое время осматривался. Он вообще-то зарекся трепать себе нервы. Но только новая работа — сутки спишь, трое дома — времени оставляла много, и уже через неделю увидел Владимир Андрианович на пустыре, невдалеке от своего поста, городских рабочих. Шефы размечали что-то, сверяясь с чертежом. Любознательный пожарный подошел спросить, что за колышки понавтыкали хлопцы в траву. Ему объяснили дружелюбно, что будет здесь сенохранилище, очень современное и крайне совхозу необходимое.

Лукьяненко до вечера от строителей уже не отходил, присматривался, заглядывал в чертеж. Потом неожиданно, как он это умеет, объявил: строить надо совсем по-другому, не восемь метров шириной, а по крайней мере двадцать, иначе большие получатся глупости.

Строители посмеялись без обиды: занятный был все-таки дед. А жена Лукьяненко вечером устроила ему скандал: дочка приехала с внучатами на неделю, а ты закрылся и чертишь... Снова поговорили крупно, как в старые времена — про бестолку, про то, что все как люди...

С того дня до еще одного памятного, когда Владимир Андрианович получил ответ из Алма-Атинского облагропрома, прошло ровно полгода. Много за это время Лукьяненко посидел за расчетами, много потом обошел кабинетов.

Ходил сначала с тетрадками, а после уже и с макетом, который выстругал и склеил во время необременительных своих дежурств. Слушали колоритного посетителя по-разному, чаще с подчеркнутым вниманием, и макет, на котором внуки успели нарисовать звездочки, поворачивали почти без улыбки. Лукьяненко уже упорно требовал серьезного разбора с инженерами, техсовета на нейтральной территории. Тем временем в области продолжали строить хранилища шириной в восемь метров и построили их к осени несколько десятков.

Наконец техсовет все-таки состоялся. Такой, какого хотел Лукьяненко: чтобы послушать и самому сказать. Техсовет закончился полной победой совхозного пожарника. Вот, если не верите, выписка из протокола: «При реконструкции существующих навесов шириной 8 м (только что построенных.— В. Ш.) рекомендовать конструкцию, предложенную т. Лукьяненко В. А., приняв габариты навеса 21×30 м. Предусмотреть возможность измельчения сена под навесом и его активное вентилирование, предложенные т. Лукьяненко В. А. Рекомендации довести до всех РАПО области».

Но все-таки надо объяснить техническую сторону дела подробнее. Узкие восьмиметровые навесы, проекты которых разработали инженеры института «Казмежколхозпроект» и других институтов, строятся двух видов: с открытыми боковыми стенами и с закрытыми. Те, что с открытыми, насквозь продуваются ветром, с боков их заносит снегом. Прессованное сено в тюках хранится под такими навесами неплохо, а рассыпное или тем более измельченное — скверно. Закрытые же хранилища, которые представляют собой узкий и длинный, до 72 метров, сарай, затрудняют доступ техники внутрь. В совхозе «Джетыгенский» институт «Казгипросельхоз» предложил строить примерно такое же хранилище, но экспериментальное, с раздвижной крышей. Через крышу на девятиметровой высоте будет загружаться в хранилище сено, а как его оттуда доставать, директор совхоза пока не знает, не решено.

Лукьяненко же, как уже сказано, предлагает делать хранилища широкими, почти квадратными. Наглухо зашивать две, а лучше три стены, чтоб не продувало, а четвертую оставлять открытой. Через эту сторону с бетонированной площадки будет вестить загрузка, а потом и выгрузка сена, там же будет работать измельчитель. В рядом стоящие скирды можно класть люцерну, луговое сено, солому — «не перекусаются»,— говорит Лукьяненко.

На такой же способ предлагает он переделать уже построенные узкие хранилища: нарастить им с боков «крылья», отсечь лишнюю длину. Об этом как раз и говорится в процитированном решении техсовета, где идею Лукьяненко вроде бы приняли. Там же, в решении, сказано, что эти предложения были разосланы во все районы.

Но никуда их не рассылали. Техсовет собирали просто так, поговорить.

Узнав про это, Владимир Андрианович снова пошел по начальству, по редакциям. «Вот, видишь, опять хожу,— встретил меня в коридоре «Казахстанской правды».— Поможешь?»

Дальше мы уже с ним вместе ходили и ездили — в совхозы, в институты. В «Казгипросельхозе» обоих удивили: Америки, оказывается, Лукьяненко не открыл. Все проекты сенохранилищ, которые поступают из Белоруссии и Прибалтики, где сено укрывают уже не один год, предусматривают ширину минимум в 18 метров. Это подороже, но гораздо разумнее и удобнее. У нас же пошли узкие хранилища — по бедности, от спешки...

В самом деле, сенохранилища в Алма-Атинской облас-

ти строились рекордными темпами. Многие из них обошлись удивительно дешево. Но самое экономичное узкое хранилище в племзаводе «Каменский», которое успели уже гордо упомянуть на областном семинаре, к началу зимы обрушилось...

Лукьяненко любит «истории из жизни», как он их называет. Вот одна из многих: носил туфли фабрики «Джетысу». Дешевые, но за лето две пары изнашивал. Купил чешские за сорок пять рублей, носит четвертый год...

Мораль — куда уж проще. Не считает Владимир Андрианович и сенохранилище, им придуманное, открытием: просто по здравому крестьянскому смыслу рассудил. Никто его, тем более, не подгонял и отчета за сроки не требовал.

Обо всем этом я рассказал в газете. После статьи настоящий шум и начался.

Лукьяненко вызвали к секретарю обкома, потом туда же вызвали инженеров, которые проектировали узкие хранилища. Стороны не договорились, было назначено новое обсуждение.

Владимир Андрианович забегал в редакцию отдышаться и поделиться. Жена про это уже давно не слушает, а больше с кем? Он передавал в лицах:

— Этот, из агропрома, кричит: ты кто вообще такой? Ты инженер хоть?..

А я ему спокойно так... И секретарь, молодец, тоже говорит: вы не кричите!

В общем, обсуждали, и правоту Лукьяненко вроде опять признали. Из обкома при нем позвонили в райком, сказали, что надо учесть, газета вот тоже на контроле держит...

Потом Лукьяненко уже сам ездил в райком, там его слушали, уточняли детали. Тоже согласились и отпустили с миром.

Кое-что по его проектам действительно построили. Владимир Андрианович, правда, узнавал об этом случайно, от людей. В соседнем колхозе «Луч Востока», передали, построено широкое хранилище. Очень удобно в нем оказалось не только хранить сено, но и сушить семена, молотить люцерну. В общем, получилась крестьянская рига, как и задумывал Лукьяненко.

Потом в «Панфиловский» снова приехали шефы, те же самые, которых совхозный пожарник встречал прошлым летом на пустыре. Стали по новым чертежам переделывать узкое хранилище в широкое.

«Ну что, хлопцы,— подошел к ним с победным видом Лукьяненко,— кто правый-то был?» Хлопцы посмотрели недоуменно: кто таков? Прораб вообще сказал — иди, мол, дед, иди...

Лукьяненко обиделся. Он вообще-то и на премию рассчитывал. Ну ладно, премия. Спасибо бы хоть сказали. Хотя и строители тут, по правде говоря, ни при чем: им велели делать — они сделали. Велели переделать — переделывают.

Может, поездил бы дед по другим районам, поспорил, убедил бы, глядишь, еще кого-нибудь. А то ведь продолжают строить узкие. Но он ездить не стал, еще и оправдывался у меня в редакции: печка, понимаешь, на «Запорожце» не работает. В Чилик или хоть в Алексеевку зимой ехать — ноги дорогой отморозишь... Да и вообще, нехай их...

Нам придется еще возвращаться к Лукьяненко. Не сегодня — значит, потом, когда времени упустим еще больше, придется возвращаться, реанимировать здравый крестьянский смысл, сметку и неравнодушие, замешанные не в последнюю очередь на личном, да, своем собственном интересе, через который только и возможно крестьянину кормить страну. И когда ж мы кончим говорить об этом как о чем-то стыдном и третьестепенном... Я тут уже не только про историю с люцерной или сенохранилищами, бог с ними.

ДРАМА АКЧИ: ПОСЛЕ АНТРАКТА

Все теперь знают про Ивана Никифоровича Худенко и про его эксперимент. Еще в 1967 году Худенко в степи под Алма-Атой создал удивительный совхоз, в котором только два человека занимались «бумагами»— директор и бухгалтер-экономист. Все остальные работали в поле, на стройке, обслуживали агрегаты по производству травяной муки.

Но сказать, что первые двое работали головой, а все другие только руками, будет несправедливо, потому что самоуправляемые звенья в этом совхозе сами себе планировали, когда и что делать, сами приглашали на консультацию специалистов, если в этом была нужда, и платили им из своего кармана. Горючее, запчасти и все другие ресурсы одно звено у другого — обслуживающего — как бы брало в долг, как сосед у соседа, вся эта бухгалтерия помещалась в блокноте у звеньевого, но при этом была предельно точной. Неточной она быть и не могла, потому что

давали в долг свое горючее, свои запчасти. Тут надо было думать, и крепко.

Опытное хозяйство Акчи, так назывался этот совхоз, уже через год производило третью часть всей витаминно-травяной муки Казахстана, а по качеству эта мука заметно превосходила мировые стандарты.

Но не буду пересказывать уже известное. Меньше писали о другом факте, который для нашего рассказа очень важен. Дело в том, что Акчи — это не первый эксперимент Худенко. До этого он пробовал свою систему в совхозе «Илийский» той же Алма-Атинской области. Пробовал, и у него не получилось.

Рассчитано и в тот раз все было правильно. Но когда Худенко в этом совхозе оставил в конторе только двух управленцев и учетчиков вместо ста тридцати, положенных «нормальному» совхозу по штату, а всего вместо 830 работников осталось 67, в совхозе началась безработица.

«Илийский» при этом круто пошел вверх, производство зерна в нем утроилось. Чуда здесь не было. Худенко рассчитывал на такие результаты, когда внедрял свою систему, и он начал эти результаты получать.

Но стоит, наверное, немного подробнее рассказать о самой системе Худенко. В самом деле: уволить практически всех конторских работников, отменить наряды и другой первичный учет и все, фантастический скачок производительности обеспечен? Не слишком ли просто?

Вы знаете, если в двух словах, то дело обстояло именно так. «Сброшенные путы» — называл этот эффект сам Худенко. Однако же в основе эксперимента, в самой его сердцевине лежал разработанный Иваном Никифоровичем единый обобщенный норматив, от которого «раскручивались» все остальные показатели. Чтобы не входить в экономические тонкости, поясним суть дела на примерах.

Канадский фермер производит один центнер зерна за 12 минут, а средний механизатор в среднем казахстанском совхозе — за два часа. Временной показатель очень объективный, потому что кроме урожайности в нем заложено и число работающих (чем их больше, тем меньше приходится на каждого центнеров), сюда же входят и «конторские», которые хотя зерна не производят, но в нормативе «сидят», потому что работают в совхозе.

Так вот, Худенко для «Илийского» определил норматив, почти равный канадскому: 20 минут, с поправкой, правда, на невысокое качество отечественной техники. На этот показатель пересчитывались все другие: амортизация

техники, расход горючего и семян и т. д. Так что транжирить ресурсы, продавать их на сторону или уносить домой было в таком совхозе невыгодно.

Воспитательной работой Худенко в «Илийском» не занимался, воспитывала сама система. К тому же всем, наверное, понятно, что повсеместная растащиловка, и не только в шестьдесят третьем году, и не только в сельском хозяйстве, есть не следствие наших врожденных дурных наклонностей, но в куда большей степени — следствие низкой зарплаты, на которую трудно прожить по-человечески. В соединении с ничейностью окружающей социалистической собственности низкая зарплата приводит к тому, к чему она приводит. А в «Илийском» зарплата была очень неплохой. Вообще же, уложившись в норматив, механизатор по системе Худенко мог заработать до десяти тысяч рублей в год.

Чтобы уложиться, надо было много работать и хорошо думать. Это у худенковцев получалось.

Вот один из многих эпизодов. Сергей Григорьевич Плохов, ныне доктор технических наук, автор известного на всю страну комбитрейлерного метода уборки зерновых, вспоминает:

«В шестьдесят четвертом я бывал у Худенко в «Илийском», предлагал им испытать свой способ уборки, который тогда только что был разработан. Суть его в том, что вместо схемы 1:1 (за каждым комбайном одна машина для вывозки сена) на все звено оставляется один трактор и несколько тележек. Трактор таскает тележку от комбайна к комбайну, потом формирует «поезд» из прицепов, приходит одна машина и все забирает.

Худенко сказал, что ребятам идея должна понравиться. А через неделю я приехал, смотрю — ребята и тракториста «сократили»: сами по очереди садятся на трактор и таскают тележки. В других совхозах пока объяснишь, что выгодно,— три раза голос сорвешь. А эти новое с руками отрывали».

Совхоз богател, но — безработица... Безработным платили пособия, однако представить, что все это сошло бы кому-то с рук в 1965 году, трудно. Трудно это представить и сегодня, даже после всех директив о необходимости сокращения ненужных звеньев и повышения эффективности. Сокращать на двадцать процентов — это достойно одобрения, на 50 — почти нет таких примеров, а тут сокращение не на проценты, а в разы: в 12 раз!

Худенко, как уже сказано, ориентировался на лучшие

фермерские хозяйства Запада, доказывал, что там народу работает еще меньше. Но фермерам при этом никого не нужно сокращать, перестраивать готовые многолюдные совхозы им не приходилось. А Худенко попробовал и не подготовил при этом тылы. Если бы одновременно в совхозе создали подсобное производство, какой-нибудь цех по пошиву тапочек, чтобы занять людей,— проблема, наверное, так остро тогда бы не стояла. Но этого не было сделано. Эксперимент с самого начала был нацелен на главное: на зерно.

Проверять коллективную жалобу уволенных рабочих и служащих совхоза «Илийский» выехала комиссия ЦК Компартии Казахстана. Факты безработицы полностью подтвердились, и эксперимент закрыли.

Но время было еще интересное, совсем немного прошло его после сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, провозгласившего курс на экономическую реформу, хозяйственные эксперименты шли по всей стране, и Ивану Никифоровичу удалось пробить разрешение на новые опыты. На этот раз получилось, как он хотел, начали на голом месте, в степи, где никого не надо было сокращать.

Теперь обиженных не оказалось. С самого начала штат подбирали с таким расчетом, чтобы увольнять никого не пришлось. Звенья формировались самостоятельно по принципу взаимозаменяемости и психологической совместимости. Они были небольшие, по пять-шесть человек, потому что в более крупных коллективах (и на этом не раз обжигались в других совхозах, когда осваивали подряд) обязательно появляются сильные и слабые. Вообще, когда людей много, а платят всем одинаково, непременно появляются желающие проехать за чужой счет, и еще профессор Энгельгардт задолго до революции и колхозов заметил, что в сельхозартели работники всегда начинают равняться по самому слабому. Тогда приходится вводить КТУ, нормосмены и всю ту бухгалтерию, которой снова должны заниматься учетчики, помбригадиры, плановики.

Когда и этот риф худенковцы обошли — удивительные начались вещи. В 1969 году, побывав в Акчи, корреспондент одной из центральных газет назвал это хозяйство островком коммунизма... Статья о новом совхозе была дельная, без особых эпитетов, она раскрывала экономическую суть, но от вывода, причем очень далеко идущего, автор не удержался.

О коммунизме мы теперь говорим куда реже и осторожней, но что хозяйство Худенко было в шестидесятых

годах не только островком личной экономической заинтересованности, но и совхозом новых отношений, в котором не крали, потому что много зарабатывали, во-первых, и потому, что ничейных, бесхозных ресурсов не было, во-вторых,— все это факты. В этом совхозе люди работали весело и с азартом, и не в последнюю очередь потому, что день у них начинался не с разнарядок и последующего обсуждения дурости начальства, которое вечно «не так» скомандует, а начинался он с толкового объяснения между собой — что надо доделать с вчерашнего и какой задел нужен на завтра. В общем, работали осмысленно, много и хорошо.

...Как-то приезжал в Акчи министр. Он в конторе никого не нашел, тогда велел шоферу подъехать к площадке, на которой работал АВМ, агрегат по приготовлению витаминной муки. Агрегат обслуживали двое рабочих. Они увидели «Волгу» и выходящего из нее начальника. И что же? Один подошел на минутку, поздоровался и извинился: мы сейчас закончим, минут через двадцать, тогда поговорим. Пока нельзя останавливать агрегат, мука перегорит.

Министр, говорят, ни слова не сказав, хлопнул дверцей и уехал очень недовольный и рабочими, и Худенко, который их так воспитал.

Но Худенко никого не воспитывал. В Акчи, кстати, не было освобожденного парторга, рабочкома, секретаря комсомольского комитета. Но за два года, как потом много раз приходилось убедиться, у здешних механизаторов действительно без теоретических семинаров и политзанятий было воспитано самое главное — чувство собственного достоинства, самоуважение человека, который умеет много и хорошо работать. Эти качества мешают худенковцам всю жизнь.

Островок коммунизма? Не знаю. Но еще и сейчас, через двадцать лет после того, как и этот эксперимент был раздавлен, люди вспоминают о том времени как о сказке, которую у них отобрали.

С Акчи расправа была куда более крутой, чем с «Илийским». Специально заседала коллегия Минсельхоза, давая отпор московским экономистам, приехавшим защищать Худенко, хозяйство буквально разогнали в самый разгар летних работ, а сам Иван Никифорович вскоре был осужден. Он умер в 1974 году в колонии, на долгие годы его имя оказалось под запретом.

Эта история, «заговор чиновников», как теперь говорят, полна драматизма, газеты осветили только отдельные ее

эпизоды. Настоящее расследование еще впереди. Но мы оставим сейчас события двадцатилетней давности и перенесемся в день сегодняшний, из эпохи застоя сразу в наши дни перестройки и гласности.

После ухода на пенсию Д. Кунаева запрет с имени Худенко был снят. Одна за другой появились в центральных газетах публикации о его экспериментах, о драме Акчи. «Литературная газета» выступала четырежды. В одной из статей экономисты доктор наук В. Белкин и кандидат В. Переведенцев, хорошо знавшие Худенко и его методику, прямо написали, что если бы в свое время наше сельское хозяйство восприняло предложенную Иваном Никифоровичем модель, то мы, возможно, уже не покупали бы хлеб за границей, а наоборот — продавали.. Андрей Нуйкин в «Новом мире» назвал И. Н. Худенко гениальным русским экономистом. «Сельская жизнь» подробно раскрыла постыдный механизм осуждения Худенко и одного из его звеньевых — В. Филатова, показала на точных фактах, что все их «хищения» были сфабрикованы следователями...

Так что справедливость, наконец, победила. В газетах.

Тут, собственно, и заканчивается предисловие и начинается повествование.

«Мы со Славой Филатовым часто ходим теперь по конторам: агропром, исполком, опять агропром. Все это в центре, хочешь — не хочешь, обязательно встретишь кого-то из старых знакомых. Один раз встретили следователя, который вел дело Филатова и Худенко. Это уже после статьи в «Сельской жизни» была встреча. «Ну что,— говорит Слава,— за что мне дали тогда четыре года?» Тот говорит: «Правильно посадили. Моя бы воля — еще бы раз посадил...»

С Владимиром Антоновичем Хваном, одним из уцелевших и не сдавшихся худенковцев, который мне это рассказывал, мы регулярно перезваниваемся. На вопрос — что нового — Хван уже без всякого энтузиазма пересказывает очередной сюжет: были опять у Гукасова, вроде опять неплохо поговорили. Но если бы это в первый раз или хотя бы в третий...

Уже два года идет бой за возобновление эксперимента. Хван и Филатов начали ходить по кабинетам сразу же после первой статьи в «Литературной газете». Оба они работали у Худенко, прекрасно знают его методику. Третий худенковец — В. Васильев, он во время эксперимента в Акчи работал референтом в Совмине республики, за поддержку Худенко был оттуда уволен.

За худенковцев, как уже сказано, несколько раз заступалась пресса, о возобновлении эксперимента последовательно печатает материалы журнал «Агропромышленный комплекс Казахстана». Но дело пока ни с места. Почему? Время-то на дворе вроде бы другое.

Хождение худенковцев по кабинетам — это уже целая эпопея, о ней тоже надо бы рассказать. Но прежде один маленький пример, без таких маленьких примеров мы утонем в объективных объяснениях и частных причинах отказов.

Е. Закшевский к моменту первой публикации в «Литературной газете» («Драма Акчи», 1 апреля 1987 года) занимал в Госагропроме республики пост начальника Главного управления планирования. О нем в статье было сказано, что Егор Иванович в 1970 году, будучи уже тогда членом коллегии Минсельхоза, принял деятельное участие в удушении эксперимента. Именно Закшевский требовал закрыть новый совхоз л е т о м, пока Худенко не получил урожай и прибыль. Иначе справиться с ним, предостерегал Егор Иванович, будет трудно. Дельный план предлагался, присутствующие на коллегии товарищи Закшевского поддержали.

Теперь, спустя двадцать лет, все это обнародовано. Но не на пенсионном покое, как видим, встретил Закшевский эпоху гласности. Не знаю, писал ли он опровержения, но в отставку по примеру оскандалившихся западных политиков не подавал точно. Зачем?

Худенковцы после статьи пришли в агропром просителями. А экономические эксперименты, все разрешения и запреты на этот счет — в компетенции как раз Главного управления планирования...

Слишком быстро все произошло. Худенко был репрессирован не в тридцать седьмом году, а в семьдесят втором. Прошло не пятьдесят лет, а только семнадцать. Он умер в колонии, но почти все другие, слава богу, живы и полны сил: те, кто боролся вместе с Иваном Никифоровичем за эксперимент, и те, кто боролся против.

Да почему, собственно, мы считаем с семьдесят второго? «Развитой социализм» тогда только расцветал, он продолжал цвести и дальше, все набирая силу. Настрой его, приемы, аппаратная логика — живы.

Да тут не теорией лучше, а опять же примерами.

Был у меня недавно разговор с хорошим человеком, который работает в аппарате. Он довольно высоко рабо-

тает, поэтому давайте без фамилий, тем более что человек и правда хороший, незлой.

У журналиста было спрошено: вы тоже, конечно, за Худенко? И я не противник его экспериментов, эксперименты были хорошие. Но вы не знаете, какие люди окружали Ивана Никифоровича.

А какие? Ну вот, например, Васильев. Его тогда выгнали из Совмина. В газете недавно читаю — там драматически все это преподносится и в общих словах. Мол, он поддержал Худенко, ему поэтому было сказано: такой референт нам не нужен... А знаете, как было на самом деле?

Я не знал, но захватывающей истории не получилось. Вина референта Васильева, оказывается, заключалась в следующем: на совминовских бланках он направлял в разные инстанции просьбы поддержать опыты Худенко.

Что, и подписи подделывал? Да нет. За своей — референт В. Васильев. Но на бланке, понимаете? А руководство эксперимент не поддерживало.

Так мы же сейчас и обличаем, как всегда с запоздалым пафосом, то самое руководство, которое «не поддерживало»! Оно же, то руководство, не то что не поддерживало, а уничтожало Худенко и уничтожило! Да, партизанил у них в тылу Васильев, но ведь за наших же партизанил, а мы сейчас ему это ставим в тяжелую вину...

Мы — я и мой совсем не глупый собеседник — смотрели друг на друга обескураженно. Каждый считал, что нечего доказывать, все очевидно. Просто он не понимал моей системы координат, а я не понимал его.

Хотя что там, все мы понимаем, и это очень тяжелый случай.

Но есть похуже. Кто-то уже совсем недавно запустил и преподнес далеко наверх такую версию: Худенко был крупный, толковый экономист, но он проворовался. Жулики тоже бывают талантливыми. Уже после Акчи он работал до суда в дорожной организации (действительно работал) и там украл то ли шестьдесят, то ли сто тысяч рублей. За это и осужден.

Такое сказать про живого — он потребует доказательств, и когда их не предоставят, элементарно в суд подаст за клевету. Мертвый в суд не подаст. Этого факта с тысячами в дорожной организации нет нигде, ни в одной прокуратуре. Их просто нет. То же самое — сказать про меня или про вас, что грабим по ночам гастроном «Столичный». Но сошло, всем сошло и закрепилось в сознании у многих: значит, жулик все-таки...

Только зная о сказанном, можно говорить дальше о хождениях худенковцев по кабинетам, иначе ничего не поймем.

Егор Иванович Закшевский сейчас на другой работе. На Новой площади в столице республики, в светлых кабинетах Госагропрома и его Главного управления планирования много новых людей. К ним и ходят уже два года Хван, Васильев и Филатов.

Предлагают они следующее. Ту же модель, которую Худенко испытывал в Акчи, есть прямой резон применить сейчас в другом месте и в другой отрасли, а именно в мясном животноводстве. Почему именно там? Но ведь никому не нужно объяснять, что с мясом за последние два десятка лет лучше не стало. Стало намного хуже. Если носки и зубная паста с прилавков магазинов исчезали, но потом и появлялись, то мясо появлялось все реже, и это вызывает у среднего советского человека, не пользующегося распределителями, устойчивую злость.

Совсем уже недавно было сказано с высокой трибуны, что положи мы на каждый стол по 80 килограммов мяса в год — совсем по-другому, куда легче решались бы и многие другие проблемы, причем не только товарные.

Так что предложение создать колхоз, который с 3,5 тысячи гектаров давал бы Алма-Ате 3,5 тысячи тонн говядины, не могло найти противников в кабинетах на Новой площади. Три с половиной тысячи гектаров — это шесть на шесть километров — в десять раз меньше, чем занимает средний совхоз на целине, который мяса при этом производит мало. Так кто же будет против такой идеи? Никто. Тем более, что не химера, не прожект. Есть подробные расчеты, есть, наконец, опыт Акчи, в котором Хван и Филатов работали.

Но дальше события развивались так. После долгого и, возможно, необходимого в таком ответственном деле уточнения позиций худенковцам в Госагропроме было отвечено: да, ваш эксперимент — дело стоящее. Однако сейчас у нас в Казахстане нет свободных земель, чтоб вы могли начать работать, как просите, «с чистого листа». Не лучше ли взять отстающее хозяйство?

В. А. Хван объяснил, что готовый совхоз не подойдет. Был уже опыт «Илийского». Куда мы будем девать управленцев? Их в «нормальном» совхозе сто тридцать, а нам нужно от силы четыре. Мы не хотим снова устраивать безработицу и вызывать жалобы. К тому же и структуру обычного совхоза пришлось бы перекраивать, ломать сло-

жившиеся пропорции, а это болезненно. Словом, отказались.

Этот момент многие в Госагропроме считают принципиальным: мы, дескать, пошли навстречу, предложили компромиссный вариант, а они отказались. Но ведь не зря я с самого начала так подробно остановился на примере с совхозом «Илийский», где Худенко вынужден был прервать свой эксперимент. Нельзя, как говорили древние, наливать в старые мехи новое вино, обычный совхоз и система Худенко — две несовместимые вещи. Модель у Ивана Никифоровича на принципиально другой основе строится. Как прообраз будущих аграрных отношений предлагают испытать ее и последователи Худенко, а не как подпорку для реально существующего и давно сложившегося совхоза.

Как бы то ни было, но официально причина для похолодания в отношениях с худенковцами была найдена: привередничают!

Тут снова доказательно выступила в защиту эксперимента «Литературная газета», развернутые аргументы представил «Агропромышленный комплекс Казахстана». В самом деле, отказ на том основании, что в республике не найти свободных шесть на шесть километров пашни, выглядел в свете набиравшей силу гласности убого.

Был момент, когда показалось, что печать и худенковцы получают перевес. Тем более, что нашелся в Алма-Атинской области человек, который взялся, кажется, помогать эксперименту не только показным сочувствием. Прошлым летом «Прожектор перестройки» даже показал нам как бы счастливый полуфинал: Николай Трифонович Князев, председатель облисполкома, подписывает в кадре письмо в Совмин республики с просьбой разрешить выделение худенковцам земли на территории области.

Но полуфинал не стал финалом. Николай Трифонович был с повышением переведен в другую область. Дело опять встало.

Были еще подробности, объяснения и контраргументы, после которых все очевидней становилось, что на новые земли рассчитывать экспериментаторам не придется. Их нет!

Тогда Хван, Филатов и Васильев согласились взять готовый отстающий совхоз. Рассуждали примерно так: пусть не эксперимент, а четверть эксперимента, но и это уже мясо в прямом смысле, а не разговоры и согласования. В какой-то мере это была сдача позиций, признание того реального расклада, что и сегодня вся власть, без остатка, у

тех, у кого в руках бумаги и печати — которые хоть кушать и нельзя, но шагу без них не ступишь.

Совхоз им в Госагропроме действительно дали. Вернее, не совхоз, а опытное хозяйство «Изеневое», широко известное в Алма-Атинской области. Там в течение нескольких десятилетий работали ученые НИИ лугопастбищного хозяйства, ныне стыдливо сменившего вывеску, работали и привели свои опытные поля к следующим заметным показателям: засоленность почвы от бестолковых поливов в 5—7 раз превышает допустимую норму. Пашня родит в среднем один раз за две пятилетки, так она истощена.

Вообще, угодья тамошние и по виду, и в смысле плодородия мало чем отличаются от лунных пейзажей, так что просьба худенковцев предоставить им возможность начать на голом месте была выполнена буквально, с издевательской точностью.

Прежде чем снова идти в агропром, настырные экспериментаторы собрали все официальные бумаги: и про засоленность, и про урожайность, а также про обеспеченность водой, которую «Изеневое» получает чуть больше, чем по чайной ложке. Собрали, принесли и снова были внимательно выслушаны. Выслушивание сопровождалось даже понимающими кивками: да, хозяйство запущенное, крайне, крайне запущенное... Что-то путное здесь действительно вряд ли выйдет.

Но официальный ответ Госагропрома в «Литературную газету» и в «Прожектор перестройки» содержал прежний довод: мы им предлагали — они не берут...

Там еще много было, в том ответе, про арендный подряд, который уже взял все лучшее из системы Худенко и сейчас усиленно внедряется, замечательные давая результаты. Зачем, дескать, еще эксперименты? Работать надо!

Но ведь не берутся ни худенковцы, ни тем более автор порочить арендный подряд. Хотя до результатов от стопроцентного почти его внедрения в республике еще очень неблизко. Подряд есть, а где мясо? Да и вообще, простая же мысль, не требующая сегодня усилий, чтобы до нее дойти: пусть будет плюрализм и в экономике, а не только в газетах, которые того же мяса не производят. Пусть работают рядом и арендаторы, и фермеры, и системе Худенко среди них будет место. А мы, покупатели, сравним и проголосуем рублем за победителя.

Но тут мы отвлеклись. Ответ Госагропрома был исчер-

пывающим, не оставляющим места для толкований. Он ставил точку. Теперь вроде бы все позиции прояснились, и тех, кто просил, и тех, кто решал. Решение принято.

Однако — гласность... Удивительная вообще штука, и не тем удивительная, что позволяет теперь говорить что думаешь. Она заставляет еще и проговариваться. Вместо заготовленных аргументов — импровизировать, и тут иной раз получается интересно.

Я не знаю, были у А. В. Курятникова, начальника одного из управлений Госагропрома, неприятности с руководством за сказанное им неосторожно по республиканскому телевидению, или обошлось. Но в трудном был положении А. В. Курятников: навалились за «круглым столом» и московские экономисты, снова приехавшие защищать эксперимент, и журналист-ведущий держался наступательно, в общем, заготовленная позиция ожидаемого перевеса не давала, поэтому сказал товарищ Курятников следующее.

Мы не отрицаем, что система Худенко доказала свою высокую эффективность. Но люди у него уж больно заинтересованы, чтобы все у них работало хорошо, без поломок и простоев. Настолько заинтересованы, что если комбайн, скажем, встанет, то он, не комбайн, понятно, механизатор, тут же на мотоцикл — и в соседний совхоз. Там ему рублей за двадцать любую деталь с любого комбайна...

Аргумент? Сильный! И зря я, наверное, про неприятности. Тему «пусти щуку в реку» еще минут пять совершенно серьезно обсуждали участники «круглого стола», и только В. Хван пытался воззвать к ним и к зрителям — до абсурда же, товарищи, дошли! Значит, высокая, хозяйская заинтересованность, пока к ней зовем — благо, а когда дозвались — беда?

Хотя, может, и правда, Владимир Антонович Хван, а следом и автор чуть оторвались тут от жизни, воспарили, так сказать, а товарищ Курятников просто все время помнит о сельских реалиях? Может, и на самом деле будут соседи продавать. И запчасти, и корма...

Но тогда получается еще интересней. Кто из нас больше верит в арендный подряд: я или А. В. Курятников, который опасается, что от хищника придется оборонять агропромовские совхозы, от дерзкого совратителя, имеющего реальные шансы на успех? «Хозяин»-то, получается (не я это сказал, чур!), готов торговать комбайном хоть оптом, хоть в розницу, а худенковец? Шутите!

На том «круглом столе» Хвану пришлось доказывать, что совращением арендаторов-соседей заниматься худенковцы не будут. Ну потому хотя бы, что зарабатывать станут помногу, а воруют-то как раз больше от бедности. Дорожить будут работой и не захотят «левого» риска. Да устанавливайте, в конце-концов, посты милиции, ведите параллельный учет, а нам дайте работать!

Но это уже была отчаянная защита ворот, соперник полем владел безраздельно. А что правила игры абсурдны, вывернуты наизнанку, Хван больше не вспоминал...

А мы давайте все же представим, что рядом с «нормальными» арендными совхозами появится такое хозяйство, в котором только двое или четверо руководящих. Оно же обязательно будет сеять смуту. Арендный подряд, который внедряют у нас в Казахстане, он когда еще перестанет быть бумажным. Ну пять, ну двадцать пять совхозов из двух с половиной тысяч распробовали его по-настоящему, в других же собственность на средства производства была и остается ничейной! Могучий конторский аппарат, на который столько обид у любого сельского жителя, остается тоже. А тут, понимаете, по соседству люди без всего без этого обходятся и намного больше зарабатывают. Пример? Еще какой!

Но вот хороший ли это пример, такой ли маяк нам сегодня нужен... Система Худенко действительно опасна, разрушительна для плотно сложившихся административных структур и отношений, поскольку несет не подновление их и перекрашивание, а демонтаж, возвращает аграрным отношениям первичный и здравый крестьянский смысл...

Да нет, автор не зовет искать скрытых врагов перестройки, боже упаси. Просто то, что мы называем перестройкой, каждый понимает по-разному. Оно, это понимание, зависит от места работы и должности, от «доперестроечного» жизненного опыта, от осознания глубины того провала, в котором оказались. Так что противников, сказано, нет. Тогда кто есть —«воздержавшиеся»?

...Снова звонок от Хвана. Оказывается, неокончательным было то решение Госагропрома. Снова худенковцев вызывали к Э. Х. Гукасову, слушали и предложили взять землю! Правда, поменьше, чем просили, не три с половиной, а только тысячу гектаров, но земля хорошая, поливная и пока ничейная. Велели оперативно подготовить расчеты, этим худенковцы сейчас и заняты. Так что снова просвет появился.

1988 год

Евгений ГУСЛЯРОВ

ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ У МЕХЛИСА СУЛЕЙМЕНОВА

...Собственно говоря, есть два места в моей славной во многих отношениях республике, где всегда хотелось побывать не просто наскоком, обычным журналистским наездом, который мало отличается от туристского. Приехал, щелкнул на память затвором фотоаппарата, поплавал по поверхности наспех сочиненными вопросами, не сумев по недостатку времени нырнуть поглубже в дело. Заветными местами такими были космодром Байконур и институт зерна в Шортандах. И чем дольше я собирался, тем большую тягу испытывал к месту последнему. С космонавтикой мы все как-то очень быстро пообвыклись. А хлеб по-прежнему остается вечным и неожиданным чудом. Неожиданным потому, что пашня никогда и никому не дает гарантий. Напряжение, которым сопровождается хлебная работа, и века спустя не ослабевает...

Хотелось попасть в институт в такие дни, когда за время командировки можно было бы постичь со всей возможной глубиной суть его нынешней работы. Как-то не приходилось мне в последнее время читать о том. То ли институт перестал после Бараева пользоваться пристальным вниманием газетчиков, то ли там не происходит ничего значительного.

Написали письмо на имя директора. Ответ пришел незамедлительно:

«...приглашаю приехать сотрудника журнала в любое время. Наиболее показательный период в зависимости от длительности командировки: 5 месяцев — с мая по сентябрь, 2 месяца — июль и август, месяц — с середины июля до середины августа. Желательно предварительно созвониться, т. к. я часто бываю в командировках.

Директор института
член-корреспондент ВАСХНИЛ
М. К. Сулейменов»

В Целиноград я вылетел в начале июля.

Поездка эта имеет для меня дополнительную трогательную сторону. Я родился и вырос неподалеку от этих мест.

Эта, не способная ничем поразить привередливый посторонний взгляд земная гладь — моя родина. Я узнаю запавшие с детства в душу черты неброской, ненастырной красоты, от которой будет всегда томительно сжиматься сердце.

И мальвы эти за почернелым пряслом.

И небо особой негородской синевы.

И пашню в начавшей набирать ярую силу зелени. Продолжающую рожать и оставаться кормилицей вопреки настойчивости, с которой меняются на ней разнообразные политэкономические усовершенствования.

В поездке этой я загадал, кроме всего прочего, тайную мысль попробовать разобраться в том очень запутанном вопросе, почему великая держава, располагающая двумя третями мировых эталонных черноземов, никак не может заиметь в достатке хлеба. Ответ тут, конечно, знают...

В Шортандах любят березы. Их обилие придает здешнему поселку сельских ученых вид особого достоинства. Зелень и шум березы в распахнутом окне рабочего кабинета напоминает, думается мне, о важном предназначении той сугубо земной работы, которой здесь заняты.

Институт выглядит, будто остановившийся на лесной опушке путник, зажмурившийся от ласкового солнца.

Вечером на асфальт выходят нарядные, как в зеленом японском шелку, жабы.

Через каждые пятнадцать минут над поселком повисает тяжелый и стремительный стук железных копыт проходящего состава.

Утром громкой и бестолковой песней своей будит меня воробей, захмелевший от солнечного тепла.

Вокруг гостиницы и в поселке происходит асфальтовая суета. Ровняют дорогу, настилают две небольшие площадки перед институтом. По опыту знаю, что такие вещи происходят у нас неспроста. По всей видимости, грядет событие...

В этот же первый вечер я начал вести дневник, потому что почувствовал вдруг — если забуду хотя бы час этой командировки, многое потеряю. Я надеялся, конечно, что она будет интересной, но не предполагал, что приобретет

для меня столь важное значение. Думаю, каждый из пишущих мечтал бы увидеть хоть однажды своего героя в обстоятельствах неординарных, небудничных, дающих самое полное о нем представление. Нежданно для меня каждый из этих двадцати дней стал как бы исключительным.

Мне неловко сознаться, но, когда я узнал, как тяжко сейчас Сулейменову, я записал в дневнике —«мне, кажется, повезло». Что делать, такова логика журналистского ремесла. Что заключают три эти слова в моей записной книжке? Выходит, пожалуй, так, что о том только и будет весь мой отчет об этих двадцати командировочных днях...

Подбираться к теме — портрет Мехлиса Сулейменова — я стал давно. Собирал кой-какие печатные сведения, вникал в редкие его книжки, записывал свои соображения по поводу прочитанного.

В прежних записях о нем есть такая:

«История науки и жизни знает множество примеров того, как трудно бывает бороться против очевидного. Редкий ум разглядит в очевидном неверное, еще более редкий сумеет уверить в своей правоте всех. Деятельность ученого из Шортандов Мехлиса Сулейменова — очередное тому подтверждение. Имелась в виду история с защитой его докторской диссертации, которую он откладывал по независящим от него обстоятельствам три раза.

Целина вырастила людей, которые видят свой долг в том, чтобы помогать земле оставаться кормилицей. И что, как не долг перед землей, заставляет их идти против высочайших авторитетов. Наживать очень большие шишки».

Последние строчки относились скорее к истории академика Бараева.

Записав их, я не предполагал тогда, что они через некоторое время очень точно лягут и в этот очерк о Мехлисе Сулейменове.

Как говорилось, застал я его в очень сложный промежуток времени. Сложнее у него не бывало.

Вначале я и сам было опешил. Любимый ученик Бараева, его преемник пошел вдруг против авторитета, до сих пор непререкаемого, своего учителя. Сразу поставив себя в глазах большинства в очень неловкое и даже щекотливое положение.

Разумеется, сразу же начались толки. Всяк ситуацию оценивал по-своему. И чаще всего, конечно, в сторону мелкого и обывательского понимания.

Сулейменов, как показалось мне, стал сразу будто одинок и беззащитен для стрел тайной насмешки и кривотолков.

Это, мол, ему слава Бараева покоя не дает. Это, мол, оттого, что институт не может сойти с дороги, проторенной его легендарным основателем.

Такой поворот, разумеется, не мог не дать нового направления моему очерку.

Оказывается, предполагал я правильно. Асфальтовая суета в ученом городке означала приближение праздника. Шестнадцатого июля исполняется восемьдесят лет А. И. Бараеву. Будут бараевские чтения, юбилейная конференция, готовятся открыть бюст академика.

Жду, когда придет Сулейменов. Из приоткрытой двери конференц-зала слышен его голос. Говорят о видах на урожай, уборке, болезнях злаков.

— Идет активно образование вторичной корневой системы... Начинается кущение...

За окном, рядом с будущим памятником, гоняет матросской шваброй какую-то кирпичного цвета жижу помощник скульптора. Полирует подножие постамента. Под струей воды обнажаются колотые, разнообразной формы мраморные плиты, свежие и голубые от впитавшегося в них неба.

До того я ходил на могилу Бараева. Он похоронен на обычном сельском кладбище, рядом с хлебными полями, посреди Целины, которой он обязан своей славой и которая обязана ему своим спасением. Академик пашни лежит рядом с безвестными земледелами, мастерством своим и верой возвысившими его теорию и давшими ей долгую жизнь. Я шел и представлял себе, насколько сложна и напряженна должна быть работа скульптора, его фантазия, чтобы обозначить на земле последний приют великого этого человека.

Но вышло так, что упражнял я свое воображение напрасно. Все оказалось, как говорится в таких случаях, до обидного просто. Сначала даже и не поверилось, что так может выглядеть могила Бараева. Все признаки убогости, на которую обречена районная похоронная контора, воплотились здесь в чистом виде. И выгоревшие на солнце пластмассовые цветы, и пожухлые сосновые лапы, и полуистлевшие куски некогда черного и красного траурного

полотна. Проржавевший металл. Фотография на керамике, выполненная неприхотливыми в творчестве мастерами быткомбината... Только незабудки, неровно посаженные чьей-то доброй рукой, говорят о живой памяти. Вдвойне грустно было на этой могиле.

На обратном пути утешал себя тем, что самый великий памятник Бараеву — те шестьдесят миллионов гектаров пашни, на которой действует его почвозащитная система земледелия. За всю историю хлебопашества не было такого случая, чтобы идея, рожденная в голове человека, его же упорством и волей получила столь грандиозный размах и привела бы к столь выдающимся результатам.

Есть потрясающая закономерность. В эпохи великих бед своих сама земля находит себе великих же защитников. И кажется порой, что не просто мать рожает этих людей, а создает из неведомого прочного нечеловеческого материала сама природа. Бараев был таким крепким человеком. Его земля позвала на свою защиту, как былинного богатыря, питала своими соками для невероятной борьбы, которую он выдержал...

В таком очерке не обойтись, конечно, без описания внешности моего героя.

Пытаешься представить себе заранее — каков человек. Замкнут ли, разговорчив, самовлюблен, открыт... Первое впечатление значит столько же, сколько первая строчка, которую Юрий Олеша, например, считал половиной дела.

Жду в приемной. К Сулейменову кто-то прибыл из высоких инстанций.

Можно, наконец, входить. Кабинет с размахом. Огромный стол. За ним небольшой человек, очень молодой, как мне показалось, аспирантского вида и живости.

— А, это вы мне письмо писали?..

Взгляд у него несколько отсыревший, как от недосыпания, рука маленькая, очень чистая, с тонкими целлулоидными ногтями. На столе — порядок аккуратиста. Есть склонность окружать себя красивыми вещами. Чернильный прибор с завитушками под хрусталь. Телефон, стилизованный в антикварном духе.

«Не получится у меня монументального описания»,— мелькнуло в голове. Подумалось, что отсутствие внешней солидности наверняка мешает ему в жизни.

Вот сейчас, когда я пытаюсь делать эти наброски с

натуры, рядом с Сулейменовым в президиуме конференции сидит еще один членкор из приезжих. Он упитан, рус и бородат. Изящные очки в тонкой металлической под золото оправе, неукоснительно мудрый взгляд, размеренные повороты головы, нос некоторой заостренности придают ему уловимое сходство с мультипликационным филином. Это явно ученая внешность.

Сулейменов о недавней своей неудаче с академическим званием рассказывает примерно в таких выражениях. Это юмор, конечно, умение не особо брать в голову неудачи, однако, наверное, доля истины в том есть.

— И этот маленький туда же. Подождет. Есть у него еще время...

— Вот только надо продумать, кто ленточку разрежет,— ясно, что это говорит кто-то из столпов районного масштаба. Не просто поговорить, спросить, посоветоваться, а непременно «продумать». Идут последние приготовления к открытию памятника. Дотошный читатель меня, конечно, поправит — не памятника, а бюста.

Но пусть все-таки будет памятник.

Полотнище падает. «Не похож»,— прошелестело в толпе. Думаю, что тут не вина молодого скульптора, который с утра сегодня мается волнением и тщеславием. Это его первое серьезное произведение. Главная непохожесть, наверное, в том, что Бараев на постаменте неживой, а ведь каждый из пришедших сюда знавал его не бронзового по многу лет. Ходил в друзьях, любимцах, а может быть, и недругах. Не было неподвижности и равнодушия в его характере.

Я тоже памятник ему представлял не совсем так. Хотя живого Бараева видеть не довелось. По моим представлениям, не хватает ему лобастости. На всех фотографиях лицо академика выглядит так, будто тяжесть лба продавливает линию надбровий, и потому взгляд получается как бы исподлобья, хитроватый.

Однако приосанились пахари разных рангов, пришедшие почтить бронзового, а больше живого Бараева. Простота их облика обманчива. Каждый помечен знаком собственного достоинства от неразрывной связи с землей. Неуловимый налет благородства на каждом. Достоинство это сродни старому серебру деревенского заплота, облагороженного действием времени, ветра и солнца...

Несколько строчек из дневника.

Записываю устные рассказы о Бараеве. Хочется, чтобы они немного добавили живого и человеческого к его монументальному облику.

Все единодушно говорят об одном из его пунктиков. Он страшно любил порядок в институтском городке, возникшем исключительно благодаря его стараниям. Насаждал в нем чистоту.

Приехал как-то молодой специалист в отдел механизации. Получил квартиру. Утром на крыльце обнаружил метлу. Думал, что дворник ее тут оставил. Не обращает внимания. Вот и стоит метла без дела день и второй. Оказывается, ее незаметно поставил на крыльцо новоселу сам Бараев. Через два дня спрашивает как бы ненароком: «Ну что, Н. Н., мести будем или, как другие, бороться за чистоту?..»

Бараев вставал очень рано. В шесть часов, обычно в субботу, он уже выходил на улицу и не спеша обходил институтский городок. Смотрел, не только чисто ли вокруг домов, но и в огороды заглядывал. Если обнаруживал там сорняки, то вырывал с корнем несколько самых крупных и бросал нерадивому хозяину опять же на крыльцо. Да к тому же и в окошко постучит, а сам скроется. Заспанный и недовольный хозяин выходит за порог, готовый отчитать раннего шутника. Видит на крыльце огородных дармоедов и, конечно, догадывается, чьих рук это дело. Гнев сменяется крайней степенью конфуза. Огороды же становились чище даже у самых нерадивых. Все бы могло сойти за простое чудачество ученого мужа, да вот только нередко по замеченному непорядку в огороде и вокруг дома, особенно в последние годы жизни, он начинал судить о рабочих и человеческих качествах своего сотрудника.

...Несмотря на занятость он, незаметно для других, успевал много читать. Художественную классику знал превосходно и имел на нее свой особый взгляд. Гоголя обожал, например, за то, что Костанжогло у него говорит: «Будь моя воля, я бы всех на земле сделал хлебопашцами...»

В речке местной купался исключительно в ночное время, потому что считал удовольствие полным, если хлопнуться с вышки в воду в чем мать родила...

Купил книгу Бараева. Невзрачное и жиденькое по объему издание, а стоит пять рублей. Есть тут какое-то несоответствие, задевающее меня. Не потому, что жалко денег. Эту

книжку надо бы вручать бесплатно всем, кто работает на земле, да еще и насильно заставлять прочитывать. С тех строчек начинается отсчет нового времени в вековечном труде земледельца.

Попытаюсь восстановить самый драматический момент в жизни академика Бараева.

Дело происходило в шестьдесят четвертом году. Место действия — целиноградский Дворец целинников. Хрущев приехал сюда с окончательно созревшим решением дать жестокий бой практике чистых паров. Это было ясно, потому что уже состоялся ряд чрезвычайно острых дискуссий по парам и их значению. В какой бы точке страны ни появлялся в те годы Хрущев, везде самый накаленный разговор происходил именно на эту тему. Существующие доказательства исключительного влияния чистого пара на урожаи последующих лет Хрущева не вдохновляли. Потому можно представить себе состояние Бараева и напряжение зала, когда он вышел к трибуне. Бараеву было дано последнее слово, и говорил он недолго. Хрущев перебил его резко и таким вопросом, который повторялся повсеместно.

— Даст ли пар увеличение урожая в два раза? Отвечайте конкретно. Если даст — я согласен...

Разумеется, ни в то время, ни после у Бараева столь решительных аргументов в пользу паров не было. Полагаясь скорее на интуицию, он однако утверждал, что урожай в двадцать пять — тридцать центнеров на целине получать будет можно. Но хлеб тогда, как, впрочем, и теперь, нужен был уже сегодня. Бараев выражался относительно этого осторожно. Концепция его, как явствовало из тогдашнего выступления, состояла в том, что вторая культура после пара более продуктивна, что если не применять систему паровых севооборотов, то урожайность зерна на второй, третий и в последующие годы резко снижается. Это был краеугольный камень бараевской зерновой технологии, и на ней он настаивал со всей решительностью. Хрущев систему севооборотов полностью не отвергал, но чистые пары ему были сильно не по нутру. В то время Бараев говорил даже о трехпольном севообороте, а это означало, что треть Целины ежегодно будет в простое. Хрущеву, одержимому идеей изобилия, это казалось, конечно, дикостью. Он поступил так, как и ожидалось. Личной властью своей отменил пары. Бараев вынужден был оставить пост директора основанного им института, уже имевшего колоссальные заслуги перед целинным земледелием.

Но вот какие бывают в жизни переплеты. Бараев, страшно переживавший свою отставку и величайшее унижение, не предполагал, конечно, как великолепно сработает это невеселое обстоятельство в скором времени на невероятный, фантастический взлет его авторитета... Через два месяца состоится внеочередной Пленум ЦК, который освободит первого секретаря от его обязанностей, обвинив одним из пунктов именно в насильственной ликвидации паров, в волюнтаристской политике по отношению к целинному земледелию. История хлебопашества не знает другого такого значительного конфликта, который разрешился бы столь необычайным способом в пользу обиженного сильным мира сего. С этого времени имя Бараева обретает, без всякого преувеличения, магическую силу.

Никто пока не написал такого любопытного и полезного исследования — как влияет колоссальный успех и выросший в связи с этим невероятный авторитет на тщательность и чистоту, с которыми продолжается поиск истины? Авторитет и истина — почему они зачастую вступают в противоречие? Как влияет нежданно свалившийся на неподготовленные для того плечи груз необычайной популярности?

Как это ни тяжко, мы вынуждены будем говорить о том, что мгновенная и ошеломительная слава подвергла творческую натуру Бараева в некоторых моментах своеобразной деформации. Отныне каждое его слово воспринимается как слово пророка, ни у кого не возникает и мысли поставить провозглашаемое им хотя бы под малейшее сомнение. Все это становится аксиомой, сразу же приобретает статус истины в чистом виде. Вот тут и возникает та ситуация, которая окажется очень важной для характеристики человека, которого мы выбрали героем нашего повествования. Может быть, по еще не пережитой сильной обиде, Бараев точно так же, как недавно его могучий противник, сам пошел на крайность. Он объявил пятипольный севооборот с чистым паром единственным средством повысить целинный урожай, пропашные оказались в загоне, а о плуге даже упоминание стало караться гневом и немилостью. Двадцать пять лет эти представления оставались незыблемыми.

Чувствую, что именно в этом месте крайне удивленный хлебороб любого ранга, да и просто человек, стоящий близко к земле, спросит: а что, эти представления кто-нибудь уже поколебал?

Теперь уже можно говорить — да, поколебал. Об этом и будет дальнейший разговор. Только немного позже.

Славный все-таки этот поселок Шортанды. И особенно знаменитостями своими.

Самые лучшие подсолнухи с золотой короной сфотографировал я, неожиданно выйдя на улицу академика Кузьмина. В этом я тоже вижу особый смысл.

Селекционер Валентин Петрович Кузьмин (почему-то не очень чтимый в Шортандах, ему нет даже мемориальной доски на институтском здании) — уникальнейшая личность, подлинное украшение Целины.

Не было в моей задаче рассказывать о нем именно в этом очерке, он достоин отдельной книги, но не сказать о нем здесь хотя бы несколько слов невозможно.

Всю жизнь его преследовали всяческие несчастья. На фронтах первой мировой войны был ранен, нелепым образом расстался с единственной женщиной, которую любил всю жизнь, был репрессирован одновременно с Николаем Вавиловым, считавшим его своим талантливым учеником. Рано похоронил жену.

«Из человека молчаливого я превратился в немого»,— писал после всех этих злоключений Кузьмин.

Отчаяние, которым он жил постоянно, бросило его в великолепную крайность — он ушел в забытье делом.

«Путь, на который встал Кузьмин,— говорили о нем,— можно назвать безумным. Он выбрал (для селекционной работы) все культуры от пшеницы до картофеля, которые могут расти и давать урожай на этой земле. Он выбрал бы и плодовые,— но...»

— Мне почему-то всегда казалось, что плодовые — удел тех, кого ноги плохо таскают. Чтобы работать с полевыми культурами, приходится много бегать по полям. И я отложил плодовые до тех пор, пока ноги откажут,— говорил он в 1962 году.

Шел ему семидесятый год...

Он вел одновременно селекцию двадцати девяти культур.

По количеству выведенных и районированных сортов он превзошел всех своих современников-селекционеров. Его сорта возделывались на более чем миллионе гектаров. Это большая редкость даже в мировом земледелии.

К нему пришло, наконец, все, на что может рассчитывать человек — широкая известность, почести, звания академика, лауреата, Героя Труда. Не было только житейской устроенности. На склоне лет письмом дала знать о себе его

первая и последняя любовь. Он не решился увидеть ее. Но письмами они обменивались часто. Так и осталась она для него той недосягаемой и юной, какой увидел ее в первый раз. Единственное, кроме дела, тепло, которое согревало его до конца дней...

В скудном книжном магазинчике Шортандов единственный ходкий товар — недавно вышедшая книжка Мехлиса Сулейменова. Называется она, на посторонний взгляд, скучновато —«Интенсивная технология возделывания яровой пшеницы». Однако всякий, кто прибыл в Шортанды по хлебным делам, ее непременно купит. Купил и я.

Книжка вначале огорчила. Написана она тем суконным ученым языком, который неведомо кем и для кого изобретен. Сколько раз бывало: разговариваешь со знающим человеком, облеченным разного рода степенями — чудо, станешь читать им написанное — черт ногу сломит. И главное, он не понимает — где тут плохо. И невозможно доказать ничего, потому что забубенный язык тот канонизирован в докторской среде, культивирующей в писаниях своих какой-то литературный дальтонизм. Так и расходятся порой два неглупых человека, каждый подозревая, что кто-то из них недоумок.

Однако же помнится, что в свое время Сулейменов сумел очаровать такого мастера аграрной публицистики, как Анатолий Иващенко. Это дает мне уверенность, что книжка в традиционном ученом докторском стиле не раскрывает всех его возможностей.

И в самом деле. В деловых бумагах Мехлиса Сулейменова, предоставленных мне, попались дневники его зарубежных поездок. Посвящены они той же специальной теме. Здесь в основном наблюдения земледела, но заметки эти чрезвычайно своеобразны и их можно, пожалуй, было бы провозгласить особого рода научной публицистикой. В них тот приближающийся к идеалу язык научного исследования, который может быть доступным и даже захватывающим и для полных профанов.

Вот образец его стиля, который был бы, конечно, невозможен у любого литератора, уже слегка вкусившего, допустим, семинарских занятий по повышению мастерства. Однако цифры тут заменяют многословие, и мне, например, плохо знающему земледелие в американском штате Монтана, говорят о многом и даже несколько удовлетворяют патриотическое чувство к пашне Северного Казахстана.

«Чего же достигли земледельцы Монтаны? Впервые я побывал здесь в 1975 году, потом поездка в 1977 году. Поэтому можно сделать некоторые сравнения, попытаться выяснить тенденции.

И в 1975 году яровую пшеницу сеяли в основном по парам, год был средним, и урожайность составила 17,1 ц/га. 1977 год был засушливым и урожайность по парам упала до 14,4 ц/га. В те годы благоприятные условия для яровой пшеницы сложились в 1976 году, когда по парам удалось получить около 20 ц/га. На стерневых фонах пшеницу сеяли на небольшой площади и собрали от 10,3 ц/га в 1977 году до 15,1 ц/га в 1976 году.

Что изменилось с тех пор?

Почти прекратились посевы яровой пшеницы по зерновым предшественникам: если в 1975 г. их было 13%, то в 1984 году — только 7%. Та же история с озимой пшеницей. В целом площади посева пшеницы возросли, но урожайность не изменилась: в самом благоприятном из последних пяти лет 1982 году яровая пшеница на парах дала по 21 ц/га, в засушливом 1984 году урожайность опустилась до небывало низкого уровня —10,6 ц/га. В эти годы по зерновым предшественникам получили соответственно 19,4 ц/га.

Хочу подчеркнуть, что в 1984 году, считающемся для Монтаны катастрофически засушливым, за год выпало от 215 мм на востоке до 245 мм в центре и 350—400 мм на западе штата. Такая погода характерна для большей части Северного Казахстана в обычные годы. Как видим, никаких чудес в борьбе с засухой в Монтане не совершают: десять центнеров с гектара по парам, и только».

Сейчас я приступаю к самым тяжелым для себя страницам в этом очерке.

Трудны они потому, что я впервые рассказываю о весьма некрасивой истории, случившейся в нашей земледельческой практике в конце шестидесятых годов. История эта о том, как утвердилась в ней еще одна ошибка, теория, которая не подтверждается ни опытами, ни практикой. И речь пойдет ни много ни мало — о теории и практике чистых паров.

Разумеется, я понимаю, какой мощный огонь вызываю на своего героя а, может, и на себя. Ведь чистые пары сегодня являются основой степного целинного земледелия и двадцать пять лет остаются основным законом хлебороба. Пашня без чистого пара сейчас представляется такой же

нелепостью, как каша из топора, блины без масла, ловля рыбы на удочку без крючка.

Чистый пар и в самом деле имеет великолепные свойства. Гектар чистого пара накапливает столько весенней влаги, что ее бывает достаточно, чтобы в удачный год получить в условиях рискованного земледелия пятнадцать — восемнадцать центнеров пшеницы, чистый пар был когда-то единственным средством от такого злостного сорняка, как овсюг. Доброе отношение к чистому пару выражается в том, что паровой гектар относят по качеству и возможностям чуть ли не к поливному.

Единственный недостаток чистого пара в том, что он ничего не родит. Но с этим мирились, считая, что севооборотные годы окупают эту потерю с лихвой. После чистого пара урожайность держится на нужной отметке в течение трех-четырех лет, в то время как сбор непаровой, а особенно несевооборотной пшеницы резко падает — чуть ли не до нуля.

Если присовокупить к тому еще и «вековой опыт», например, канадского и американского фермера, который, как утверждается, выстрадал свою систему, при которой половина пашни отдана чистому пару, то будет понятно, почему авторитет паров до сих пор остается непререкаемым.

Так я и размышлял, впервые услышав глухие слухи о том, что Сулейменов ведет непонятный подкоп под классическую и незыблемую со всех сторон теорию чистого пара.

Самое любопытное было узнать — с какой стороны ее, неуязвимую, можно было тронуть, чтобы поколебать.

Выяснилось, что уязвима она в самой основе своей. Казалось бы, это противоречит очевидному, звучит противоестественно, но теория чистого пара до сей поры не нашла ясного своего подтверждения ни в практике, ни в опытах, которыми располагает земледельческая наука. И больше того — некоторые ее важные положения опыты не просто не подтверждают, но ставят под сомнение и, что вовсе немыслимо,— опровергают.

Заявление это, пожалуй, слишком значительно, чтобы могло обойтись без тщательных и взвешенных доказательств. Заходить поэтому надо будет издалека.

Известно, что теория эта родилась у Бараева не на ровном месте. Он страстно увлекся ею в своих деловых поездках по Канаде. Тамошние фермеры сеяли пшеницу исключительно по чистому пару и на дух не принимали никакой иной технологии. Результаты были неплохие, во всяком

случае именно такие, о которых мечталось на нашей целине. Вернулся Бараев из Канады уже убежденным сторонником паров, вернулся с готовой теорией.

Честь подлинного ученого продиктовала ему, однако, единственно верный путь, которым следовало идти дальше. В шестьдесят первом году закладывается трижды знаменитая теперь делянка, которая должна была подвергнуть эту теорию всесторонней проверке. С того самого года на делянке сеяли пшеницу по пшенице — в нынешнем году уже двадцать восьмой раз. Теория блестяще подтверждалась. Делянка, заросшая разнообразным сорняком, с редким, вымученным колосом, производила действительно жалкое впечатление. За эти двадцать дней я сам видел ее несколько раз — жалкая, жалкая была делянка. Собственно, она-то своим рахитичным, выморочным видом и обеспечила триумф чистого пара на Целине. Наглядный пример всегда впечатляет. Хлеборобы, наслышанные о чудодейственном чистом паре, хотели это чудо лицезреть воочию. Они приезжали в Шортанды и сразу понимали великолепный смысл давней поговорки о том, что лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Пшеница, выращенная по чистому пару, отличалась (делянки специально располагались рядом) от непаровой, как холеная хозяйская дочка от измученной непосильными трудами, неухоженной падчерицы. Тут и говорить было не о чем. Даже самый упорный скептик, скептик по натуре, в течение получасовой экскурсии по полям института становился приверженцем паров. Сомневаться в очевидном было глупо. Охотников, как в той же сказке, попристальнее вглядеться в лицо замарашки-падчерицы не находилось...

Всякий раз, когда я приезжал посмотреть на делянку, сказочный этот мотив обязательно начинал маячить в голове.

Я даже записал старый сюжет на новый лад в своем шортандинском дневнике так:

«Суть происшедшего проста. Вдруг обнаружилось, что эта маленькая пашня, где росла пшеница без пара и без севооборотов, была обделена элементарным. Она не только была лишена приличной обработки, но туда не вносилось ни грамма удобрений, совсем не использовались гербициды. Из агротехнических приемов более или менее сносно проводился только один — сев. Остальных она не знала. Эта делянка-золушка была обречена на нелюбовь, пока не найдется тот самый принц, способный разглядеть ее замечательные черты. Безобразие ее не было следствием колдовст-

ва, а следствием недобросовестности... Налицо была подтасовка. Но принц в конце концов нашелся...»

Я нутром чувствую, как, дочитав очерк до этого места, страдает от моей неумеренной по отношению к нему литературщины Мехлис Сулейменов. Но что делать? Эта житейская метафора мне приглянулась. Я так вижу эту ситуацию и так мне ее проще объяснить. Впрочем, я уверен, что Сулейменов простит мне некоторую цветистость изложения, поскольку, как я уже говорил, он сам привержен литературному творчеству и понимает, как прилипчивы бывают порой даже и не совсем подогнанные, без фуганка и наждака обработанные образы, особенно если они помогают в нескольких словах объяснить суть дела.

В дневниковой записи есть два очень непростых слова — «недобросовестность и подтасовка». Я не собираюсь их забирать назад. Но чтобы пояснить, откуда они взялись, необходима максимальная точность, и тут мы оставим словесную игру.

На самом деле все происходило следующим образом.

Сулейменов заведовал тогда лабораторией, к севооборотам не имевшей ровно никакого отношения. Сомнение пришло случайно. Невозможно низким показался как-то урожай пшеницы на одной из опытных делянок после пропашных. Почему же она такая плохая после кукурузы, которая всегда считалась превосходным предшественником? Оказалось, что на делянке той отсутствует даже намек на какую-либо культуру в проведении агротехнических приемов. Случайность? И тут он впервые столкнулся с тем, что происходило в описанном уже опыте с бессменной пшеницей. Он спросил у ведущего опыт о системе применяемых удобрений. Оказалось, что нет здесь не только системы, но и самих удобрений. Так обнаружилось, что есть на институтских пашнях нелюбимые детища, варианты-сироты...

Тут, естественно, возникают вопросы — кому это было нужно? Как это могло произойти? Кого в том теперь винить?

Падает тень на грандиозную фигуру Бараева. И это, понятно, вновь и вновь требует особой осторожности, взвешенности каждого слова, поясняющего столь непростое дело.

Есть в том прямая вина исполнителей опытов. Но есть и издержки того грандиозного, непререкаемого авторитета,

который пришел к Бараеву после стычки из-за паров с самим Хрущевым, его твердого до неумеренной жесткости характера. Тут и найдем мы ответ на вопрос, как порой соприкасаются авторитет и истина, в какие противоречия они вступают.

Произошла простая и распространенная вещь — исполнители испугались противоречащих любимой идее Бараева данных. После некоторых попыток они перестали о них докладывать. А потом и вовсе бросили опасные делянки на произвол судьбы. Долгое время бессменная пшеница произрастала в суровых условиях «на выживаемость». Давала она тогда не больше пяти центнеров. Порой едва собирали здесь то, что было потрачено на посев. Исполнители видели, что такие данные Бараеву нравятся. Они намеренно подгоняли результат под Бараева. А какие кошки скребли у них на душе, и скребли ли, вспоминать не любят.

Осталось это пятно и на совести моего героя. Знал, но молчал о том и Сулейменов, даже будучи уже и заместителем Бараева. Заместителем директора по науке.

Единственное, что он сделал на свой страх и риск,— навел порядок в опытах по бессменной пшенице. Поставленная в одинаковые со всеми условия, наша делянка-золушка теперь не уступала ни в чем. Разумеется, если исключить первую по чистому пару пшеницу, которая превосходила ее по урожаю в среднем на четыре центнера. Поставить Бараева в известность о том так никто и не решился... Теория паров продолжала свое триумфальное шествие по целине.

Пошлый и даже, на мой взгляд, запрещенный прием задавать Сулейменову самый распространенный в наши непростые дни вопрос —«а что же вы тогда-то молчали?». В известном смысле его легко обернуть и против любого, задающего подобные вопросы. В этом вопросе присутствует, по-моему, какая-то некорректность. Все мы упорно и много молчали, когда стоило бы поднимать голос. Да и хорошо знаем, почему молчали. Потому, что видели, в каком положении чаще всего оказываются те, кто не молчал.

Несмотря на все это, я этот пошлый вопрос Сулейменову задал.

Он ответил, тяжко подумав, но честно.

— Надо знать характер Бараева, чтобы понять... Не хотелось уходить из института...

— Боялись нарваться?..

— Боялся...

Он сознает, что это слабый аргумент. Но другого у него

нет. А придумывать то, чего не было, он не станет.

Вечерами я сочинил нам обоим такое занятие. Когда Сулейменов освободится полностью от своих дневных дел, мы по часу примерно говорили на разные отвлеченные темы. Общефилософские, житейские и прочие. В этих вечерних беседах он не раз возвращался к той больной истории, и я теперь могу пояснить следующее. Сулейменов ничего не забыл и не простил себе.

В дневнике своем я изложил это обстоятельство следующим образом:

«Даже первоначальные и отрывочные нынешние суждения Мехлиса Сулейменова произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Толки пошли самые разнообразные. Среди них очень мало таких, которые были бы на пользу самому Сулейменову. Каждое его выступление рассматривается под особым углом зрения. Чисто научный, практический интерес тонет здесь в массе побочного, досужего и обывательского. Считается, что Сулейменов ведет «подкоп» под теорию Бараева, как уже говорилось, из зависти, сам желает прославиться любым способом. Хочется новому директору чего-нибудь громкого, пусть даже скандального. Чаще же всего история эта воспринимается черной неблагодарностью любимого ученика, преемника, тому, кто столько сделал для него. Последнее время Сулейменов ходит в отступниках, конформистах, тех, кто не помнит родства».

Все это я могу опровергнуть. Надо вовсе не знать характера Сулейменова, чтобы утверждать такое. Двадцатидневный опыт общения с ним дает мне право говорить об этом с уверенностью.

Я думаю, что все проще и сложнее. То, что происходит с Сулейменовым теперь — есть часть его мести прежнему себе. Конечно, можно было делать вид и теперь, что ничего не произошло. Но тогда уже окончательно отказаться от счастья и привилегии считать себя честным человеком.

И потом возникает еще один невероятно сложный вопрос. А как же ученику продолжать дело учителя и идти дальше? Такая ситуация назрела, и Мехлису Сулейменову предстоит путь, наверняка повторявшийся до того в науке не единожды. Самое тяжкое на этом пути — вот эта первоначальная стадия, когда приходится оглядываться на общее мнение, угадывать его, видеть, как оно бывает несправедливо, продираться сквозь репьи упорно и специально культивируемого недопонимания, анонимных мнений

в инстанции, прочих передержек не до конца цивилизованного нашего отношения друг к другу.

Чисто внешне судьба его и жизнь складываются просто блестяще. Ему еще нет и пятидесяти, а он уже имеет прочное имя в науке, три года ходит в членкорах, возглавляет знаменитейшее в стране научное учреждение. Положение, прямо скажем, завидное.

Полный ажур и в семейной жизни — замечательная жена, двое сыновей, один из которых уже направил стопы по тропе, проторенной отцом,— учится в сельхозинституте в Целинограде.

И все же осмелюсь сказать, что скрытый, невидимый постороннему глазу драматизм постоянно присутствует в его жизни.

Известна история с его докторской диссертацией, которую он, как говорилось, вынужден был отстаивать три раза только потому, что уж слишком несвоевременный и даже идущий против здравого смысла вариант он выбрал для защиты. До него в нашем земледелии была бесспорной и общепринятой такая истина — чем больше зерна бросишь в пашню, тем больше его возьмешь. Он же утверждал, что чаще бывает наоборот — посеешь поменьше (до некоторых пределов, конечно), побольше соберешь. Новый подход вызывал у практиков психологический шок и до сих пор остается лишь теорией. В опытах, между тем, он блестяще подтверждается. И таит он в себе необыкновенные возможности в смысле грандиозной экономии прекрасного фондового зерна. Странное в этой истории то, что выброшенный полукилограммовый ломоть хлеба вызывает искреннее и активное возмущение, а то, что мы бросаем на ветер тысячи тонн отборного зерна, почему-то не волнует даже самых ярых защитников хлебных горбушек.

Что характерно, сложности эти Сулейменов создает себе сам. За три месяца до моего приезда в Шортанды его с треском прокатили на выборах в академики ВАСХНИЛ. Несмотря на то, что весь багаж, необходимый для столь высокой степени в науке, у него есть.

А произошла штука совершенно в духе Сулейменова. Она-то и позволяет мне еще раз догадаться о том, что он как бы мстит себе за ту прошлую незабытую вину перед собой и пашней. Он не мог бы потерпеть и намека на повторение подобной ситуации.

В академики он, пожалуй, прошел бы. Прошел бы, если еще немного помолчал о своей идее — сумасбродной

с точки зрения утвердившегося хода земледельческой науки.

В феврале, незадолго перед выборами, он громогласно заявил об этой идее в интервью, опубликованном «Сельской жизнью». Несколько строчек из того интервью представляются мне, пожалуй, историческими. Сказать честно, по выходе номера газеты я читал их с ясно ощутимой долей волнения. С них, собственно говоря, начинается жизнь новой теории, хотим мы этого или не хотим. И именно после этих строчек я окончательно и как можно скорее засобирался в Шортанды.

Строчки эти — вот они, Сулейменов отвечает на вопрос — надо ли сегодня продолжать расширять пары:

— Сейчас мы и подошли к главному. Дело вот в чем. Накопленные в институте данные говорят об обратном. Надо остановиться и по мере освоения интенсивной технологии возделывания зерновых культур идти в перспективе на сокращение площади чистого пара. Сенсационный вывод? Вот факты. В среднем за семь последних лет выход зерна с гектара пшенично-парового севооборота у нас составил: двупольный —10,2, трехпольный —11,8, четырехпольный — 13, пятипольный —13,6, шестипольный —14,4 центнера. И, наконец, невероятно, но факт: посев яровой пшеницы без пара на одном и том же участке с 1961 года (помните мой рассказ о делянке-золушке?— Е. Г.) за эти же последние семь лет дал среднюю урожайность 15,4 центнера с гектара. Таким образом, при бессменном возделывании пшеницы по интенсивной технологии на одном месте 27 лет подряд выход зерна получился больше, чем при любом севообороте!..

Запомним на всякий случай эту дату —11 февраля 1988 года. Время, когда впервые и во весь голос заявлена еще одна крамольная идея. Чем дело закончится — сейчас очень трудно предположить. Но, вполне возможно, новым значительным поворотом в наших взглядах на целинное земледелие.

Первый же ощутимый результат такой — Сулейменов не стал действительным членом ВАСХНИЛ. Думаю, что именно этого он и ожидал. Во всяком случае, по поводу этого неприятного, конечно, события он переживает не очень. Главное здесь, как я понимаю, другое — Сулейменов оградил себя от вожделенной для некоторых возможности

шушукнуться за его спиной — вот, мол, пролез тихой сапой в академики, а теперь занялся ниспровержениями...

Кстати, насчет ниспровержений. Не этого он хочет Да и нет тут, если правильно глядеть, никаких опрокидываний авторитетов. Время идет и выдвигает новое. Так было и так будет. Просто созрело нечто новое. Я совершенно уверен, что не Сулейменов, так кто-то другой заговорил бы о сходной идее. Не сегодня, так завтра. Чтобы сразу оградить себя опять же от несправедливых кривотолков, Сулейменов поясняет:

«Сегодня, однако, мы не в состоянии обеспечить поворот... При отказе от паров площадь еще больше возрастет. Я не призываю к очередной «революции» и не считаю себя ниспровергателем идей предшественников».

При разгорающихся нынче спорах это заявление надо бы учитывать.

Тут есть вот какой весьма характерный момент, который у нас почему-то необычайно живуч, и всегда есть опасность, что он обязательно возникнет в новый переломный период. Сулейменов теперь похож на человека, влюбившегося в первый раз. Он уже не может жить без своей идеи, но он хочет, чтобы она жила размеренной и естественной жизнью. Он не желает, чтобы она стала той гулящей девкой, которая всем нравится и которую все хотят. Сколько замечательных идей (как, впрочем, и судеб) было погублено подобной мгновенной вспышкой всеобщего обожания. В идее кроется много привлекательного для неушедших еще на заслуженный или незаслуженный отдых любителей скоропалительно ломать дрова. Действительно, раз можно считать доказанным, что без паров легко обойтись, давайте их искореним немедля, станем эксплуатировать повидавшую виды землю-матушку еще пуще.

Помнится, уже после поездки, докладывал о ней на редакционной летучке. Товарищи по перу, многие из которых далеки от сельских дел, однако не забывшие результатов многих нововведений и усовершенствований прошлых лет, подняли шум до потолка. Один из самых умудренных житейским опытом и утомленный обилием пережитых перемен сказал тогда — знаешь, что меня больше всего настораживает? То, что опять навалимся мы на бедную землю, совсем ей продыху не станет, пары-то ведь — это все-таки передышка. Замечание и в самом деле важное. Главное, опять не перегнуть палку. Этого больше всего боится и сам Сулейменов. Вот как записана опять же в дневнике моем часть одной из наших вечерних бесед:

— Знаю по пережитому невеселому опыту, в деле нашем особенно опасны архиреволюционные наскоки, что уже бывало-перебывало в отечественном земледелии. Мы же помним, как ниспровергались «травопольщики». Через время такая же участь постигла сторонников пропашной системы. А разве можно так, одним махом, в огромной стране... Взять пропашную систему, насаждавшуюся на целине в начале шестидесятых годов. В результате силового и пропагандистского нажима резко возросли площади под кукурузой. Однако зачастую «королева полей» выращивалась по примитивной технологии, без достатка гербицидов, удобрений. Результаты росли слабо. И вот после ухода Хрущева всей пропашной системе земледелия был дан жестокий бой, повальная отставка... Но при чем тут сама система, если она ни в одном хозяйстве не велась по-настоящему, не была освоена целиком, как положено? Кстати, возьму на себя смелость утверждать: то же самое произошло и с другими системами. Оценки выносились субъективно, и мы толком до сих пор не знаем истинных возможностей загодя осужденных концепций.

Кампании разоблачений сменяли одна другую. Очередное учение начисто отвергало предшествующее. Догматическое толкование дорого обошлось нашему сельскому хозяйству. Меньше всего мне хотелось бы продолжить именно эти дела... А ведь в зависимости от условий хозяйства можно сочетать все виды. Система севооборотов должна быть гибкой, нельзя на нее вешать именные ярлыки... В хозяйстве могут быть семи- и восьмипольные зернопарокормовые, пяти- и шестипольные зернопаровые севообороты. И тут же целесообразно, может быть, иметь зернопропашные типа «кукуруза — пшеница — ячмень», а также зерновые «пшеница — ячмень». Все это имеет право на существование. Противоречий тут нет...

Он рассуждал о таких вещах, которые, мне показалось, требуют особого комментария.

Сулейменов как будто побаивается возможной победы. Отчего это? Оттого, как я уже пытался объяснить, что он не в теории, а на практике знает, что случается, когда новая идея бывает осчастливлена всеобщим поклонением, эйфорией начальственного усердия в проталкивании ее в угоду чьему-то высокочтимому вкусу, желанию. Именно в таких случаях напрочь искореняются травопольщики, начисто запрещаются пары, предаются анафеме плуги, от Кушки до Владивостока насаждаются пропашные. И, как

результат, все более хроническим становится бесплодие земли.

Я уже было запланировал один из вечерних разговоров с Сулейменовым на такую животрепещущую тему, которую застолбил в самом начале этого очерка, почему при огромнейшей пашне, состоящей чуть ли не из двух третей мировых черноземов, мы никак не можем наскрести нужного количества хлеба, позорно покупаем его у Америки, у которой пашни не больше нашего. Да еще и половина ее под парами. Покупаем, зная, что зерно продают только той стране, которая согласится низвести свое достоинство до уровня развивающихся. Но по размышлении мне и без специальной беседы стало ясно, в чем дело.

Дело не в самой нашей пашне. А в том, в каких отношениях состоит земледелец, хозяин пашни с теми, кто наделен реальной властью. Держателям же власти традиционно не хватало особого рода культуры, выражающейся в умении пользоваться этой властью. Власть была назойлива и жестока в своей назойливости.

Спросил я как-то у знаменитого (знаменитее и не бывает) председателя колхоза, дважды Героя Николая Никитовича Головацкого — бывал ли он когда-нибудь за свою долгую жизнь свободным от мелочной опеки райкома, например.

— Никогда. Не свободен и ныне,— ответил он.

Оттого и происходит на пашне недостойная суета. Побеждает не истина, а чаще всего амбиции. Земля превратилась в игрушку для исполнительных невежд. А баловством, как говорят в народе, хлебушка не добудешь. Власть, повторю, велика культурой. А культура власти, как это ни покажется диким некоторым из держащих бразды, часто заключается в том, чтобы не мешать знающему народу жить своим умом и опытом. Помогать ему в этом. Чем скорее мы это осознаем, тем скорее придем к необходимому достатку.

Долгие наблюдения за административными яростными и бесплодными битвами за обильный хлеб и привели Сулейменова к универсальной мысли, что ни одну теорию нельзя объявлять на сто процентов правой или неправой. Это и есть, пожалуй, основа новых представлений о науке земледелия, которую он сегодня представляет, которую пропагандирует всеми силами.

Сегодняшний же предел, на который решает покуситься Сулейменов, состоит в следующем — надо удлинить рота-

цию полевого зернопарового севооборота, обязательно включив в него производство кормовых культур. Они-то как раз и были изгнаны когда-то из оборота, чтобы сделать его покороче, чтобы почаще возвращать пашню в летаргию чистого пара.

— Парование станет реже — уменьшатся потери гумуса, возрастет урожай,— утверждает он.

Хотелось бы несколько расширить и как бы романтизировать представление о тех возможностях, которые открывает новая точка зрения. Только я бы хотел предупредить здесь, что к последующим моим размышлениям Сулейменов имеет отношение весьма косвенное и не несет за них никакой ответственности. Сулейменов вообще недолюбливает журналистский грех выпятить в деле какую-то одну приглянувшуюся сторону так, что страдает другая. И тем не менее я расскажу о том, чем его идея показалась привлекательной, стала дорога именно мне. Почему я за двадцать дней с ней так сроднился, что записываюсь окончательно в сторонники Сулейменова.

Я размышляю теперь о том, почему же нынешний Сулейменов не захотел спокойной жизни. Никто бы не осудил его за то. Наоборот, оправдал бы и даже возвысил преданностью учителю, заботой о сохранении его посмертного авторитета.

Но есть тут тонкость вот какого свойства. Жить, сознавая себя не во всем честным человеком, может быть, можно. Но нечестным ученым быть нельзя. Нечестность в науке всегда измена истине, а это штука опасная.

Можно ловчить, занимая кресло начальника, даже большого, порой это бывает и на пользу делу, но нельзя ловчить, занимая должность лаборанта, потому что это не просто измена делу, это торговля истиной. Ложью своей, особенно по отношению к земле, мы сплеча рубим сук, на котором сидим. И если взглянуть на дело попристальнее, то именно правда и праведность в нашем отношении к земле и, шире, ко всей природе сегодня единственный верный способ выжить. Этому слову я придаю сейчас смысл исконный, чисто биологический. Выходит так, что стремление к истине есть непреложный закон эволюции, и если мы утратим это стремление, мы покончим свои счеты на этой земле. Суесловия вокруг этого много, и вот теперь я вижу человека, который совершил решительный поступок. Начиная с этого времени, мы можем отдавать хотя бы по крохам природе то, что брали жадными пригоршнями. Ненасыт-

ность, жажда легкой поживы дошла до того, что распаханы уже солонцы и пустыни. С них сдернута тончайшая, хрупкая пленка, дававшая какую ни есть, но жизнь. Мы уничтожили ее, не получив взамен ничего ровным счетом. Это и есть одно из проявлений смертоносной неправды. Нынешняя неправда и в том, что, покривив душой и махнув рукой, мы промахали уже многие жизненно важные вещи. У нас нет чистой воды, нет чистого воздуха, на пределе гумусный (питающий жизнь на планете) слой почвы. Невежеством своим мы задергали вконец великое божество, которому должны бы язычески поклоняться — Земную Природу. Долготерпение ее постепенно истощается. Уже теперь наиболее дальновидные ученые предупреждают — природа готова раздраженно смахнуть с картины жизни изрядно поднасолившую ей человеческую пыль. Может быть, она попытается повторить это свое главное творение, авось выйдет разумнее... Вот почему пример действенной заботы о земле, который я вижу в идее Сулейменова, представляется мне делом архисвоевременным. Не в том суть даже, что мы можем ввести в постоянный оборот почти двадцать процентов прозябавших до сей поры лучших пахотных гектаров. У нас впервые появляется реальная возможность оставить, наконец, в покое землю, явно погубленную землепашцами по запарке и зря. Мы не можем ждать милостей от природы, мы обязаны вначале дать их ей, вот какое жизненно важное начинание кроется, как мне кажется, в замысле Сулейменова. Одна из таких милостей заключается и в том, что у нас может освободиться значительное количество техники, которой, несмотря на кажущееся обилие, хронически не хватает для мало-мальски интенсивной обработки даже лучшей части нашей пашни. Мы повысим урожай на ней и меньше станем куражиться над той частью земли, которая явно не годна рожать. Которую, может быть, и в самом деле пора вернуть природе, как это делают уже в наиболее цивилизованных странах. Или отдать животноводству, более посильному для нее.

При намечающемся раскладе все это становится вероятным. Только надо обязательно сделать себе вечную зарубку в памяти, что возможности чистого пара мы компенсируем лишь новой технологией, которая в полной мере осуществляется пока на нескольких сотнях га института и его опытного хозяйства.

Разговор о чистых парах так легко, конечно, закончить нельзя. Возникает слишком много вопросов. Откуда, напри-

мер, в интенсивном гектаре возьмется столько влаги, чтобы он мог сравняться с паровым? Неужели интенсивный гектар сам по себе справляется с сорняками? Да и чем вообще помешали вдруг пары?

Об одной причине уже было сказано. Вынужденный простой пятой части всей пашни побуждает к дикой, никак не оправдывающей себя распашке все новых земель. Опаханы и гибнут речки, сохнут и отступают леса, нет возможности наладить как следует животноводство, остановилось в развитии личное хозяйство.

Основные же достоинства парового гектара (для того, конечно, труд и руки приложить надо) достигаются системой работы на пашне, над которой и думали эти годы в Шортандах. Думали, внедрили у себя и уже добились результатов. Опять вспоминается знаменитая делянка. У нее есть уже и более представительные сестры в опытном хозяйстве. Систему эту и называют интенсивной технологией. Но ее, конечно, никак нельзя путать с той, которая, судя по бумагам и отчетам, внедрена в большинстве целинных хозяйств. Вот ведь какова магия бумаги — человек садится, чтобы написать на ней правду, но, взявши в руки перо, наводит как будто независимо от себя такую тень на плетень, что и сам диву дается, откуда у него вдруг такой успех в освоении той же интенсивной технологии или в охвате односельчан всеми возможными формами подряда. А написавши бумагу, уже невозможно не верить ей. Остается ждать награды, которая совсем еще недавно и в самом деле не заставляла себя ждать.

Так вот, об интенсивной технологии. В эти двадцать дней я задался еще и задачей узнать, наконец, доподлинно, что же это такое. Прежние мои поездки по хозяйствам мало что прояснили в этом деле. В каждом она своя и каждая — интенсивная. Как и ожидалось, нет в интенсивном гектаре никакого чуда. Он волшебен только в той мере, в какой вложен в него труд человека. Все дело в количестве и качестве этого труда. Гектар чист, поскольку меры против сорняков применяются вовремя и исчерпывающе.. Если, например, задержать на пашне слой снега толщиной в пятьдесят сантиметров, то это даст столько же влаги, сколько ее в состоянии накопить чистый пар. Правда, ее надо удержать в земле, для этого осенью проводится глубокое рыхление, важный элемент интенсивной технологии. Есть тут и свои преимущества перед паром. Он ведь, кстати сказать, тоже не безгрешен. Мы, безудержно кинувшись когда-то защищать его, почему-то забываем, что именно

чистый пар является и ныне главной причиной потерь почвенного плодородия. Он наиболее подвержен ветровой и особенно водной эрозии. Ведь любой земледелец знает, что даже при самом умелом и бережном обращении с землей после двух-трех обработок пара стерня его полностью оголяет. Он становится беззащитным. А обработок таких, по-настоящему, за сезон требуется не меньше пяти. Так что, если взглянуть с этой стороны, то новая система вовсе не отвергает заветов Бараева, а углубляет их в том, что мы находим еще один верный способ поберечь пашню.

Разгорающийся сыр-бор заставил подумать вот о чем. Да не может быть, чтобы ученый такого масштаба и кругозора, как Бараев, мог быть настолько односторонним, как это заставляют нас представлять слишком рьяные его защитники. Неужто Бараев хотел, чтобы его идеи стали догмой? Думать так, кажется мне, было бы большим непочтением к его памяти.

В эту поездку я специально не взял с собой ни единой книжки, никакого чтива, чтобы совершенно не отвлекаться от дела, ради которого приехал. Всякую свободную минуту отдавал дневнику. А на ночь обкладывался трудами Бараева. Упорно искал то, что предполагал: должна быть в этих трудах неоднозначность, которую он сам подтвердит.

И точно.

Вот выписка из журнала «Зерновое хозяйство», вышедшего пятнадцать лет назад:

«Иногда возникает необходимость сочетать рыхление с отвальной вспашкой. Например, в районах с каштановыми почвами, засоренными острецом, следует проводить отвальную глубокую вспашку пара, чтобы отрезать корневища этого сорняка от питающих корней и вывернуть их на поверхность».

Заметим, что речь здесь идет о том самом плуге, давно и единодушно преданном вечной анафеме и отлучению от пашни.

Цитата эта нам еще пригодится.

Эти же строки повторяются на странице 277 избранных трудов академика, вышедших в нынешнем году.

Представляю, какой шум наделали бы они, будь сейчас подписаны любым иным именем, кроме имени Бараева.

Не всегда был категоричен академик и в вопросе о парах и севообороте.

До семьдесят второго года он утверждал, например, что

«в районах, где выпадает меньше 250 мм осадков в год, настоятельно рекомендуется вводить и осваивать 3-польные севообороты» (Избранные труды. 1988, стр. 240). В последующих своих работах он рекомендует на черноземах шестипольные, а на каштановых почвах — пятипольные севообороты. Как видим, Бараев предполагал в земледельцах умение ориентироваться в обстановке, при необходимости — лавировать. Потому канонизация какой-то одной технологии и с этой стороны выглядит не совсем правомерным делом.

Есть еще одно соображение, которое в споре за пары всегда выдвигалось как неопровержимое. Известно, что «заразился» чистыми парами Бараев в Канаде. А канадский фермер — он ведь не дурак, а долгое время не признавал ничего, кроме двуполки, поклонялся пшенице после пара. Возражения тут, оказывается, тоже очень просты. Для того воспользуюсь я еще одной страничкой из зарубежного дневника Мехлиса Сулейменова. Показательна эта страничка двумя важными моментами. Она говорит о том, как давно и основательно готовился он к серьезному разговору о парах, и о том любопытном феномене в науке, когда два выдающихся знатока своего дела при взгляде на одно и то же явление приходят к совершенно противоположным выводам. Бараев увидел в канадской системе выстраданную фермерами необходимость. Сулейменов видит в том же одно из необязательных условий, продиктованных, допустим, несовершенством социального порядка.

«...У нас принято ссылаться на американский и канадский опыт при обосновании паровой системы земледелия: мол, фермеры знают, что делают, они такую систему земледелия выстрадали. Попробуем в этом разобраться на основе того, что удалось узнать. В среднем за последние десять лет на паровых полях урожайность яровой пшеницы в Монтане составила 16,4 ц/га, что только на 3,4 ц/га выше, чем по зерновому предшественнику. Возникает вопрос, почему же фермеры предпочитают сеять только по парам, совершенно не используя половину пашни.

Во время моих первых поездок в США я узнал о правительственной программе по сокращению посевов зерновых культур, которая называлась сет-эсайд (выключка), в 1983 году была введена программа ПИК, или пеймонд-ин-кайнд (выплата по добру). Смысл этих программ заключается в том, что при наличии огромных переходящих запасов зерна государство старается ограничить его про-

изводство путем стимулирования различными способами сокращения площадей посева пшеницы. По новой правительственной программе для фермеров, сокращающих определенную часть посева пшеницы, обеспечиваются гарантированные закупочные цены, т. е. им выплачивается разница между гарантированной ценой и залоговой ставкой.

Другое объяснение феномена приверженности американского фермера к парам заключается в том, что его совершенно не интересуют такие показатели, как объем производства и урожайность. Для него главное — получить больше прибыли на вложенные деньги. При таком подходе оказывается выгодно иметь половину пашни под паром. При такой структуре фермер сам справляется с обработкой почвы и посевом, приглашая наемных рабочих только на уборку. При этом надо иметь в виду, что в Монтане зерновое производство, как правило, не совмещается с животноводством, а, следовательно, фермер не заинтересован иметь, скажем, кормовые культуры вместо пара».

Выходит, что американские и канадские пары объясняются просто тем, что там не надо столько зерна, сколько может дать вся пашня, а фермер привязан к парам не потому, что это неизбежность, а только потому, что так легче получить беззатратную прибавку в три с небольшим центнера. В скобках заметим, что канадский и американский фермер получает весьма незначительную разницу между паровым урожаем и беспарным. Не потому ли, что качество обработки земли приближается у него к той, которую мы могли бы назвать интенсивной? Американец очень любит то, что дешевле, и особенно то, что бесплатно. Невероятно, например, по нашим меркам то, что кулисами для снегозадержания служат фермеру несжатые полосы пшеницы. Не станем же мы утверждать на этом основании, что и эта система кулис выстрадана фермерами. Просто она ничего не стоит. Стоимость потерянного при этом зерна по сравнению с затратами, которые фермер потерпел бы при специальной посадке кулис, ничтожна. Так что эту психологию фермера тоже надо бы принимать в расчет, когда мы пытаемся рассуждать с его точки зрения.

Чувствую, что у меня появляется свой «пунктик». Я с повышенным интересом наблюдаю теперь, как реагируют на «делянку преткновения» великие земледелы. Сейчас я с ними на равных. Потому что и они, и я открываем для себя впервые дотоле ведомое только Сулейменову. У меня даже есть преимущество — я приехал сюда без предубеждения.

У специалиста же взгляд, как сквозь цветные очки, он все окрашивает в цвет его собственной концепции. И, наверное, это мешает ему видеть некоторые вещи в подлинном свете. Я же человек вольный в том смысле, что собственной концепции у меня нет.

— Остановка «Севооборот»!— весело командует Сулейменов. Мы не очень академически, гурьбой вываливаем из автобуса и слушаем очередного исполнителя опытов.

Недалеко, на соседней изумрудной деляне, бродит практикантка в наряде праздной обитательницы черноморского пляжа где-нибудь в районе Пицунды. Совсем недалеко до идеальной картины будущего, которое представлял себе Исаак Бабель. Он думал об этом будущем как о зеленом поле, на котором гуляют кони и женщины. Коням здесь гулять не положено.

По репликам, которые отпускаются, видно, что народ меня окружает незаскорузлый и полнокровный. Вот женщина из лаборатории селекции объясняет нечто важное о своей ячменной делянке. Здесь скрещивали какого-то турецкого родителя с каким-то отечественным. Получилось не совсем то, получился «гадкий утенок», и вот он перед нами. Несмотря на то, что по всем признакам надо было ожидать прекрасное дитя.

— Лучший способ в селекции — половое взаимодействие,— заключает она рассказ о своих мытарствах. Это заявление вызывает весьма живые толки в ученой мужской половине.

Академик Н., считающийся крупнейшим в стране знатоком обработки почвы, отходит в глубь делянки, подпрыгивает на выбросившем уже метелки голубоватом овсе, терзает землю каблуком. По виду не поймешь, доволен он качеством пашни или нет. Облик его сейчас донельзя демократичен. Он больше слушает, чем говорит. Его командировочные брюки кое-где подштопаны. Солидный животик перехвачен ремнем высоко, чуть не под мышками. Умное лицо, однако, имеет вид монументальный. Издавна занимая порядочные посты, он привычно сохраняет на нем выражение власти.

После опубликованного в «Сельской жизни» интервью Сулейменова академик здесь впервые, и его выступления на завтрашней конференции я, например, жду с крепким интересом. Краем уха я уже слышал, что пары вообще и особенно чистые пары — предмет его особого пристрастия.

Вот все мы у той самой делянки. Как обычно, тут слово обязательно берет Сулейменов.

Я еще раз внимательно вглядываюсь в этот очень небольшой для пшеничного поля клочок земли. Чувство у меня примерно такое, как если бы я стоял у бесспорно талантливого живописного полотна, вызвавшего яростные раздоры у критиков и зрителей. Пытаюсь впитать в себя каждое мгновение...

Здесь пролегает незримая линия, отделяющая устоявшуюся идею от новой, и именно сегодня начинается их настоящее противоборство. Уже, как в шахматной игре, пущены часы, и начинается схватка...

Сейчас этот клочок земли поделен вдоль, из конца в конец, надвое. Одна половина густо поросла лохматой лебедой, кострецом и щирицей. Такой она была с самого начала, с шестьдесят первого года. Хилые пшеничные стебли, свесивши голову набок, выглядывают из этого праздничного и разбойного буйства застенчиво, как бы чувствуя себя здесь чужими.

По другой половине ходят тяжкие зеленые волны наливающейся нивы. Это и есть невозможная двадцать восьмая пшеница, которая, по уверениям Сулейменова, и в этом, неподходящем для урожая году, уродит столько же зерна, сколько дает вторая и третья после пара... Любопытно было бы приехать сюда месяца через полтора, когда пройдут по делянкам комбайны. Позже я позвонил в институт. Узнал — и двадцать девятый урожай был не хуже обычных севооборотных. Севообороты наливаются рядом, и короткий пеший переход может в том убедить.

Причем гораздо лучше слов.

Взглядываю на академика. Он стоит перед делянкой, поджав в раздумье губы. Может быть, это и есть по академическим масштабам некоторая степень изумления или недоверия. Чего больше?

Спрашивает он только одно:

— Как к этим опытам относился Бараев?

Сулейменов отвечает с некоторым усилием. Ему будто надо что-то побороть в себе. Ответ должен быть исключительно точным, недвусмысленным и деликатным. Бараев к ним никак не относился, поскольку не подозревал, что такие опыты кому-то могло прийти в голову всерьез ставить в его институте. Да всерьез-то они и не проводились. И вот теперь половина знаменитой делянки так и останется в своем первоначальном обездоленном и запаршивевшем виде на долгие времена. Так решил Сулейменов. И это решение

кажется мне замечательным и дальновидным, по-своему мужественным. И ему самому, и каждому она вечно будет напоминать о том, как непростительна слабость на пути поиска, как трусость, желание избежать личных невзгод оборачиваются против истины. Это тоже поступок, и он может характеризовать моего героя.

Одному из авторов опыта, видно, очень нравится делянка с кормами, в которых участвует подсолнечник.

— И из года в год она дает отличные результаты,— горячится автор.

— Годов-то всего два,— смеется Сулейменов запальчивости автора. А тот даже и не сообразит, о чем речь.

— Делянка-то заложена всего два года назад...

Тут смеются все.

Даже этот эпизод кажется мне из той области последовательной честности, которая не позволяет Сулейменову терпеть подлог — даже невольный и незначительный. Чистоплотность, доведенная до автоматизма,— это, пожалуй, один из самых важных показателей интеллигентного человека.

Замечаю, что у академика железная выдержка. Он вовсе никак не прореагировал на, пожалуй, намеренно повторенное несколько раз замечание Сулейменова, что делянку эту в течение ротации один раз переворачивают плугом. Со времен Бараева этот элемент технологии, как мы знаем, проклят наукой о земледелии.

Разумеется, я в одной из наших вечерних бесед затронул и эту тему. Сулейменов пояснил, что он не то чтобы за повсеместное возвращение плуга, но считает — плуг еще не скоро изживет себя. Полное искоренение плуга — акт несправедливый. Вызван он был величайшим страхом перед эрозийной катастрофой шестидесятых и личной волей академика Бараева. Все это время одно упоминание о плуге расценивается как кощунство и издевательство. Производство плугов у нас в стране свернуто. И даже там, где без плуга (на солонцах, например) обработка земли вообще не мыслится, употребление этого заслуженного орудия стало весьма затруднительно. Хотя бесспорно, что в борьбе с сорняками и вредителями, такими, как саранча, например, плуг может принести немалую пользу. Упоминание о плуге вызывает автоматическое раздражение, хотя в данном случае речь-то ведь идет не об отступлении от бесспорно великой идеи почвозащитного земледелия, а просто об

уточнении некоторых ее деталей, о развитии этой идеи. Да и сам Бараев (вспомним приведенные выше строчки из давнего его труда) некоторое время колебался относительно того, чтобы дать полный «отлуп» плугу.

Возникла идея встретиться с Гаврилюком. Для меня это вдвойне желанное дело. Встреча со знаменитым целинным бригадиром давно входила в мои планы, и особенно в дни этой командировки. Собственно, бригадир Гаврилюк давно уже является неким передаточным звеном между зерновым институтом и широкой хлеборобской практикой. Поля у него невиданного размаха, и на них происходит первоначальная обкатка тех начинаний, которые прошли проверку на научных делянках. Он — испытатель новых моделей земледелия, полноправнейший соавтор каждой новой идеи, поскольку от его мастерства зависит ее жизнь.

С ним уже связались по рации, и мы едем на его поля. Проезжаем мимо паров, впервые в этом году поднятых в его бригаде плугом. Тут все-таки не выдерживает один из свиты академика Н.

— Я вам могу сказать, что здесь будет,— с некоторой запальчивостью начинает он.— Придет суховей — будет пыльная буря. Унесет плодородный слой...

Сулейменов молчит. Молчит и академик. У каждого в голове, наверное, одно и то же — посмотрим, что будет дальше. Судьями настоящими здесь могут быть только земля и время.

...С любопытством смотрю на Гаврилюка. Могучий мужик с застарелой усталостью в голубых глазах. Усталость эту выдают и красные прожилки в белках.

Дело происходит глубоким вечером.

— Клянешь, поди, нас, хотел уже, наверное, под душ?

— Я всю жизнь под душем,— невесело усмехается Гаврилюк. Он вместо рукопожатия останавливает взгляд на каждом. Поворачивает тяжелую коротко стриженную голову, сидящую плотно на могучих плечах, и задерживает на несколько мгновений ее движение — взгляд во взгляд. Так он и будет потом говорить с нами, как бы проверяя свои слова и одновременно присматриваясь и оценивая возникших на его пути мимолетных действующих лиц. Сколько их было в пьесе его некороткой уже жизни.

Разговор он начинает круто.

— Вот и спрашивают меня мои трактористы, как перестраиваться? Встаем в шесть, уходим с поля в двенадцать. Меньше спать?..

Он почему-то в дорогом заграничном костюме. Растрепанные метлы скудных дождей висят по горизонту. Одна кинулась было к нам, протанцевала по зелени. Гаврилюк грузен, ему тяжко наклоняться к земле. И он коленом своим, обтянутым импортным отборным шерстяным полотном, опускается на влажную почву, крошит в руках куски пашни, чтобы посмотреть, насколько она промокла.

В машине академик допытывается у «хлебного кита» о потаенном и сокровенном. При этом как-то непривычно видеть на его четко сформированном лице аристократа науки некое школьное любопытство.

— Кооперативным человеком земле не поможешь. Ей нужен вечный хозяин... В аренде этой путанины много. Мне один партийный начальник сказал, что я тут хиба чего недопонимаю...

Он опять обошел своим тяжким голубым взглядом каждого.

Его обижает, видимо, что аренда теснит и как будто унижает его собственную форму отношений с землей-матушкой. Это не называют арендой, но земля эта уже десятки лет принадлежит ему безраздельно. Ему и его бригаде.

— Там тоже моя земля. Это все мое,— вырывается у него.

Арендатор — непонятный ему человек. Будет ли он получать с земли больше, это еще вопрос, а сможет ли и захочет ли давать больше земле? Если даст больше, то другое дело.

Гаврилюк чует в новом веянии покушение на честное отношение к земле. Чувствуется, что он устал от нововведений и плохо верит в них. У него есть свои крепкие методы, которые пока не подводили — честность и трудолюбие.

— Ну, а если отдать землю на пять, десять лет?— допытывается академик.

Гаврилюку и этот вопрос странен. Он, пожалуй, прикидывается, что ему непонятно. В действительности он хочет, чтобы поняли его. Ему претит любовь к земле по контракту, любовь к земле, определенная сроком. Он-то любит ее с тех самых пор, как появился лет тридцать назад на целине, и не собирается и впредь ограничивать эту свою любовь пятью — десятью годами.

— Ну, а вот сегодня. Что тебя гложет больше всего?

— Та то, шо хлиба не будэ, вже ясно,— переходит он вдруг на язык своего детства.

Сухие дни стоят над шортандинским опытным полем.

Он размышляет о нынешнем хлеборобе. Его отца-агронома боялись в поле больше, чем директора, а теперь агроном не больше, чем мальчик на побегушках. Затуркали его. Как ему цикнут из райкома, так он и крутит пашней. Угробили хозяина в нем, и неинтересно ему работать на земле.

— Человека надо на Целину, а не трактор,— подытоживает Гаврилюк.— Человеком ее теперь надо подымать...

Академик явно удручен таким настроением известного хлебороба. Может быть, ему представляется в этом явном отсутствии оптимизма нечто более общее, чем нынешнее состояние отдельно взятого бригадира Гаврилюка?

День следующий.

Пришедши вместе с некоторыми из самых нетерпеливых в зал конференции пораньше, я вижу на сцене две таблицы в размер ватманского листа. Таблицы эти — своеобразная визитная карточка той вчерашней делянки, которая как будто поворачивает нас к новой истине. Ничего, кроме цифири, на этих табличках нет. Точные, но тайные до сей поры результаты многолетней урожайности. В среднем она приближается к отметке пятнадцати центнеров. Подтверждается невероятное дело — урожайность эта по выходу зерна выше, чем на всех прочих севооборотных делянках. Настроенный за эти дни в несколько романтическом духе, я думаю, что цифирь эта Сулейменову ничуть не меньше дорога, чем, например, Эйнштейну была дорога впервые отмеченная и отлитая потом в знаменитую формулу зависимость между массой и ускорением. Тут дело не в масштабах имен и открытий, а в чувстве, с которым первопроходцы подходят к моменту истины, таящему важные последствия.

И вот я наблюдаю особого рода дуэль. Дуэль выверенных острот, мимоходом оброненных и будто не относящихся к делу грозных ссылок, начиненных взрывчатой силой аналогий, тончайшего, бритвенной заточки, междустрочного текста. Я неожиданно начинаю обретать вкус к скрытой драматургии ученого спора.

Академик Н. говорит о паре так:

— За паром надо ухаживать, как за любимой девушкой. Только тогда можно ожидать, что земля станет хорошей матерью, женой. А если трали-вали, то ничего не выйдет... Плохие пары у плохих и ленивых хозяев...

Конференция посвящена памяти Бараева. Выступающий очень тонко напоминает о выгодных для себя тонкостях его неоднозначного характера.

— Монокультуру он считал порождением волюнтаризма...

Дальше он с гневом обрушивается на произвол и конъюнктуру, которая по-прежнему не уступает здравому смыслу.

Все это Сулейменов принимает, разумеется, на свой счет.

Он с того и начинает. Обвинения в конъюнктуре были бы уместны лет двадцать пять назад, когда о парах все говорили как о непереносимом зле, подрывающем устои внутренней политики. Сейчас мы говорим о принципе состязательности систем земледелия. Опасность не в том, что мы поднимаем вопрос о целесообразности парового поля, а в том, что их могут засеять все, если только намекнуть на возможность их сокращения. Если сказать, что один раз в течение севооборота можно пахать, то опять все перевернут плугом. Но если постоянно учитывать эту вероятность, то науке тогда вообще ничего не остается, как постоянно умывать руки...

Имя Бараева в выступлениях почти не называется, но его суровый и непреклонный дух ясно ощутим в зале.

Я вижу здесь старую, совершенно беловолосую женщину, которая сидит во все время ученого разговора потупив глаза. Непонятно, дремлет ли она, или мыслями участвует в том разговоре. Это жена Александра Ивановича Бараева. Что она могла бы сказать с этой трибуны о человеке, которого знала ближе всех? Что она думает об ученике своего мужа, вызывающем на себя огонь не совсем почтительной по отношению к его памяти теорией? Старая беловолосая женщина так и не бросит взгляда ни в зал, ни в президиум. Исчезнет из зала тихо и незаметно.

...Сулейменов выносит таблицы на авансцену, и президиум перемещается в зал, чтобы лучше видеть и вникать.

— Все это воспринимается как измена,— заканчивает он.— Сильные слова, конечно, но нам нужно отвечать на вопросы, которые задает земля. Вопросы возникают потому, что есть данные для очень неудобных выводов. Мне и сейчас было бы проще о том молчать, да не могу... Не мы, а земля опровергает главное в прежней теории — нет такой неизбежности, чтобы урожайность на непаровом и даже на несевооборотном поле из года в год падала... Гарантированные урожаи даст нам не пар, а технология...

Бурных аплодисментов нет.

В августе показывали программу «Сельский час» с юбилейной передачей об академике Бараеве. В передаче той выступил Мехлис Сулейменов. Программы я не видел. Со слов Сулейменова я понимаю, что наговорил он в эфир нечто не совсем юбилейное.

Не поймешь по его тону, что там произошло, но от передачи у него явно неприятный осадок. Догадываюсь только, что причина та же. Предпринята еще одна попытка узнать реакцию на еретическую идею во всесоюзном масштабе.

...Я опять хочу использовать ситуацию с выгодой для себя. Хочется посмотреть на Сулейменова в домашней обстановке. В гостинице нет порядочного телевизора, и это будет поводом. Я замечаю в Сулейменове совершенно не характерную для казаха черту. Он ни разу при мне никого не пригласил к себе в дом. Даже тех, от кого напрямую зависит и кого другой на его месте обязательно постарался бы расположить к себе всячески. Для Сулейменова эти приемы, как я понимаю, не существуют. В принципе мне эта черта импонирует, но я сам становлюсь ее жертвой — у меня пропадает возможность подробнее узнать своего героя.

Номер мой проходит, и вот я как бы приглашен в гости.

До передачи еще полчаса (она должна быть повторена). Я осматриваю жилище. Семья занимает половину стандартного для институтского поселка двухэтажного коттеджа. Внизу кухня и гостиная, вверху — кабинет и спальня. Слово «двухэтажный» заманчиво звучит, однако общие параметры директорского жилья вряд ли имеют какие-то преимущества, допустим, перед моей обычных размеров трехкомнатной городской квартирой. Мебель разнокалиберная, будто по случаю куплена в комиссионке. В двух шкафах дешевого канцелярского вида — книги, в основном на немецком и английском языках, есть на французском и польском. Большинство книг — мировая литературная классика. Есть — специальные. На русском — книги Терентия Мальцева, каждая с автографом, и все, что выходили у нас,— Олжаса Сулейменова.

У него, вероятно, нет проблемы книжного дефицита, захлестнувшего самую читающую страну. Коль невозможно достать нужную книгу на русском, он возьмет ее на одном из трех основных иностранных. Точно так же с газетой, набравшей ныне рекордную популярность, «Московские новости». Он ее читает на английском. Причем обнаруживает неточности перевода. Очень неладно у переводчиков.

например, с жестким словом из словаря социализма — «продразверстка». Однако он как-то очень скромно оценивает свои успехи в языках. Но я уже наслышан о них. Сделал о том выписку из его очерка. Дело происходит в одном из канадских университетов:

«Прежде чем предоставить слово нашему гостю,— продолжал Сэкстон,— я бы хотел, друзья, чтобы вы обратили внимание на его английский язык. Если вы примете во внимание, что он овладел им самостоятельно, то поймете, чего можно достичь упорным трудом».

Или вот еще из его диалога с таксистом в каком-то заштатном американском городке:

«Стоп, сэр, держу пари, что вы учились в Штатах, где-нибудь на Среднем Западе, не так ли? Нет? Тогда, может быть, стажировка в тех местах, а? Где, говорите, подобрали акцент, в Шортандах? Никогда не слышал о таком городе».

...В чудо-печке доспевает пирог. Проснувшийся в кресле только недавно прозревший котенок терзает хозяйские брюки. Сулейменов равнодушен к котенку и брюкам. Между тем на тусклом экране (телепрограммы принимаются здесь неважно) разворачивается скороспелое действо. Оно из старых передач, подновленных наспех записанными интервью. Пафос его понятен с первых кадров. Позиция Сулейменова у ведущего, одного из признанных журналистов-аграрников, вызывает не просто недоумение, он как бы не может сдержать праведного негодования. У меня же опять крутится в голове не совсем приличная мысль, что мне снова пофартило видеть своего героя в очень неординарной обстановке. Его впервые недвусмысленно клеймят с экрана... В общем, он спокоен. Единственное, что вызывает его недобрую, но и не вовсе злую улыбку (обидную, однако, потому что в ней я вижу подчеркнутую снисходительность к издержкам дорогой мне профессии), это нечестный по отношению к нему монтаж, при котором он заранее обречен произвести невыгодное впечатление, особенно на тех, кто далек от темы. Сулейменова обрывают, свысока комментируют, отпускают закадровые реплики... Причем аргументы все застарелые, двадцатилетней давности. Ни авторы, ни ведущий не взяли на себя труд вникнуть или хотя бы дать досказать идею, мысль. Авторы передачи были в институте всего два часа, которые потратили в основном на установку аппаратуры. А ведь еще первокурсникам журфака внушают, что мы особенно должны быть внимательны к мыслям,

которые заранее не приемлем, и прежде всего их должны бы знать достаточно глубоко.

Все повторимо. Журналистские приемы, накатанные еще во время издевательской шумихи вокруг имени Бараева, хотя и с противоположной целью, но продолжают действовать.

Есть в передаче и привлекательное. Привлекательность эта в том бесстрашии, с которым наш брат-журналист устремляется к новой возможности опростоволоситься. Опять служим сиюминутному. Дело-то ведь только начинается, а кончиться оно вполне может так, что долго будет неловко за мимолетное искушение появиться на экране, на газетной полосе с красным словцом.

Как бы там ни было, но в конце передачи мне становится жаль. Жаль не Сулейменова и его на глазах осложняющейся жизни. Он-то знает, на что шел, и с этим справится. Жаль наше ремесло, которое опять уронило себя, пусть хотя бы в глазах одного человека. Понятно, что я говорю не о существе споров. Всякая позиция стоит уважения. Я говорю о нечистоте приемов, влияющих на достоинство человека, вступившего определенно в неравную, но открытую борьбv. После передачи я чувствую некоторую неловкость, будто и сам в чем-то замешан. Разговор плохо клеится. Я откланиваюсь. Сулейменов идет меня проводить. Но говорим мы на темы отвлеченные.

Дома, в гостиничном номере, я думаю о карьеризме и гражданском чувстве. Неожиданно я начинаю познавать родство двух этих, в общем-то, разноплановых понятий. Сдается мне, что именно сейчас пришло время карьеристов. Только таких, у которых действительно есть что за душой. Которые стремятся к власти общественной или духовной, чтобы в самом деле поправить что-то в жизни, а не для того, чтобы потешить властью себя или добиться разнообразных благ в натуральном исчислении. Где же те властолюбцы, которые меняли картину истории, оставаясь бескорыстными, ничего себе не требуя, кроме наслаждения жить доброй памятью потомства? Где бы нам взять теперь побольше таких карьеристов? Какой новый комсомол воспитает их в своих недрах? Чтобы именно они потом верховодили, и не так, чтобы белели ногти от усилий удержаться любой ценой в руководящем кресле, а чтобы полнела и расцветала их усилиями жизнь. А человек креп духом, любовью и верой. Хорошо бы уступить дорогу к власти таким карьеристам! Да неужто все перевелись они,

и не пойдет наша вздохнувшая воля дальше розничной торговли частным пирожком и запоздалыми обличениями почивших в бозе. Нам позарез нужны теперь люди действия. И кратчайший путь вырастить их — внушить человеку чувство гражданского долга. Человек, обладающий таким чувством, сам найдет верный способ поддержать страну, где родился, в непростой момент ее истории. Перед отъездом в Шортанды нашел, наконец, время просмотреть купленный по случаю прижизненный перевод семнадцатитомника сочинений широко известного некогда историка Роллена, с блеском и титаническими усилиями выполненный странным русским литератором Василием Тредиаковским. Труд Тредиаковского знаменит еще и тем, что в самый момент завершения сгорел дочиста. Был восстановлен заново годами упорнейшей работы. Ради чего были потрачены эти годы? Мне кажется, ради одной очень ценной во все времена мысли. Сочинения Роллена замешаны на той идее, что могущественнейшие империи гибли чаще всего не от стихий и нашествия, а от того, что люди переставали там чувствовать себя гражданами. Не так страшно пробуждение Везувия, как впадение в летаргию всенаплевательства каждой отдельной человеческой души. Больше всего нам надо опасаться того тяжкого духовного недуга, когда поражено умение действовать по совести. Думаю, что настало время отыскивать и возвеличивать людей, нужных нашему времени именно своим примером бескорыстного и жизненного действия. Во имя идеи и забрезжившего впереди света малой или большой истины. Хотя как можно разграничивать истину по размерам. Вот это и есть мое представление о новом карьеризме и одновременно о гражданском содержании человеческого сердца. Побольше бы встречалось на пути таких людей...

...Об этой поездке и сегодняшнем Сулейменове я говорил часто и со многими. Так что у некоторых могло возникнуть подозрение, что я подпал под обаяние его личности. Каюсь, личность Сулейменова завораживает. После встречи с такими людьми нельзя остаться прежним, появляется некая малость, которая делает тебя не таким, каким был до сей поры. Да, он повлиял на меня. И даже до такой степени, что и сам я должен отважиться на поступок.

То, на что решился Сулейменов,— дело не только науки. Новая идея непременно вызовет разную реакцию и в стане журналистов. Снова нам пришла пора выбирать, на чью сторону становиться.

Я отхожу туда, где, кажется мне, сегодня в одиночестве стоит отважный человек Мехлис Сулейменов...

1988 год

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА?

(«Круглый стол» газеты «Учитель Казахстана» 18.01.89 г.)

Ждать нельзя больше — проблемы сосуществования человека с природой обострены до крайности. К концу века при нынешних способах хозяйствования, варварской эксплуатации природных ресурсов последствия влияния человека на окружающую среду станут необратимыми.

Каковы наиболее тревожные симптомы грозящей катастрофы? Где причины? Что следует предпринять уже сегодня, чтобы изменить ситуацию? Какие усилия каждого из нас необходимы? Об этом вели разговор за «круглым столом» Д. Ф. Снегин — писатель, председатель Республиканского отделения Детского фонда им. В. И. Ленина, В. И. Фурсов — доктор биологических наук, профессор, завкафедрой охраны природы КазГУ имени С. М. Кирова, С. Батырша-улы — кандидат экономических наук, доцент АГТХИ, Л. Г. Горелова — замначальник управления по внешним связям Госкомприроды Казахской ССР, С. М. Кутбанбаев — зампредседателя городского совета охраны природы, Н. А. Ревин — завкабинетом биологии горИУУ, Е. А. Очкур — учитель-методист экспериментальной школы, А. Бленд — учащийся 10 класса экспериментальной школы, Р. Р. Бужукова — учитель биологии СШ им. Кирова г. Чилика, А. Юсупов и Н. Юрченко — десятиклассники этой же школы, В. И. Карачев — представитель неформальной группы «Зеленый фронт».

А. Бленд: Работая на различных предприятиях нашего города, ребята экспериментальной школы столкнулись с явным безразличием руководителей предприятий к экологическим проблемам. Если какие-то средства и выделяются для этого по плану, то они не осваиваются или осваиваются медленными темпами. Предприятия стараются гнать план, но такая гонка за планом, может, и оправдана высшими соображениями, но все-таки здоровье людей надо ставить во главу угла. На одном из заводов, где я работаю, производство связано с паянием деталей, при этом выделяются очень вредные для человека химические соединения. Процесс требует осторожности, соблюдения правил техники безопасности, даже если происходит в небольших масштабах. Здесь же, на производстве промышленного уровня, не налажена никакая система вентиляции.

То же самое можно сказать о фирме им. Гагарина, где работают сотни молодых женщин. Тут же совершенно никакой вентиляции, в помещениях трудно дышать. Какое-то время мне приходилось работать там с вентиляционным оборудованием. Его состояние говорит об элементарном пренебрежении к условиям труда работниц. Вентиляционные решетки не очищаются, на них толстый слой грязи. Практически система не работает или функционирует очень слабо. То есть здоровью людей, которые находятся в таких условиях, угрожает большая опасность.

Е. А. Очкур: Ученики нашей экспериментальной школы работают на различных предприятиях города и воочию увидели остроту экологических проблем.

Обостренное внимание ребят к экологическим проблемам не случайно. По программе объем преподавания биологии в нашей школе больше. Предусматривается углубленное ее изучение, особое внимание отводится вопросам экологии. По-граждански, по-человечески увидеть эти проблемы помогают встречи ребят с экологами города. Здесь важно, чтобы приобщение к жизненно важным вопросам, а именно так теперь следует рассматривать состояние экологии Алма-Аты, не свелось к эпизодическим «вылазкам», «пережевыванию» уже известного. Это все не заденет ни ума, ни сердца. По своему опыту знаю, как охотно и результативно работают над вопросами экологии. те ребята, что занимались в научном школьном обществе, заинтересованно участвовали в решении темы «Биосфера и человек», сотрудничали с учеными Алма-Атинского государственного заповедника, практически участвовали в разрешении экологических проблем, могли воздействовать на нарушителей экологии. Если мы говорим о необходимости воспитать экологическое сознание, то оно может быть воспитано только через участие каждого школьника.

Р. Р. Бужукова: Все настолько наболело... Решили поднять эту работу у себя в районном центре, где более 40 школ и мы можем все внести посильный вклад в становление системы экологической защиты. Каким образом? Активизировали, не ожидая указаний сверху, работу в школе. В прошлом году девятиклассники создали совет по экологии, а это два класса в полном составе. «Привязали» его план к конкретным проблемам экологии своего района. Чем конкретно занимаемся? Ведем учет численности популяций ласточек, они резко сократились, занимаемся вопросами охраны воздушного бассейна, охраной почв. С этими вопросами мы выходим на сессию райисполкома. Председатель

райисполкома В. Н. Казаков, он и председатель общества охраны природы, поддержал инициативу ребят. Результат нашей работы таков: многие предприятия города уже перешли на жидкое топливо, значит, выброс ядовитых веществ в атмосферу резко уменьшился. Мы взяли на учет эндемики, редкостные растения, встречающиеся только на территории нашего района, решили выбрать свою «экологическую тропу». С трудностями мы ее утвердили, правда, без помощи райисполкома и сельсовета. Расшевелили наше районное общество охраны природы, и нам дали «зеленую зону», куда мы с ребятами будем выезжать на летнюю полевую практику, как это делают студенты вузов. В школах же пока вся работа сводится к работе на пришкольном участке или выезду на уборку в совхоз. Вот и все практические навыки... Получать биологические знания, непосредственно общаясь с природой,— такого еще нет у нас. И вот еще что побудило меня активизировать эту работу — нужно, чтобы ребята действительно почувствовали себя хозяевами земли. Пусть станут руководителями наших городских предприятий, призванных решать экологические проблемы наряду с хозяйственными. Этот урок назывался «Человек и окружающая среда» и произвел на всех нас большое впечатление, хотя пусть ребята сами расскажут об этом...

Н. Юрченко: Урок «Человек и окружающая среда» организовали два десятых класса. Когда мы обсуждали, как проводить этот урок, то решили сделать его в виде деловой игры, используя хозяйственную структуру нашего города. То есть каждый представлял какое-то предприятие района. Были «директора» предприятий, «представители» райисполкома, от районного общества охраны.

Л. Г. Горелова: Это интересно! Подробнее, пожалуйста, об этом...

А. Юсупов: Готовились к уроку так: наши «представители» предприятий в течение месяца посещали городские предприятия, беседовали с их руководителями, чтобы узнать поближе проблемы, ознакомиться с планами производств. Побывали в ГАИ, как понимаете, это было связано с загрязнением окружающей среды.

Разговор на уроке получился очень острый. Вопросы «представителей» общества охраны природы ставили «представителей» предприятий в тупик. Например, такая ситуация — на территории района большое количество автомобилей работает на дизельном топливе, а в самом центре города находятся три детских сада, школа. Поставили

вопрос так: запретить проезд транспорта там, где находятся детские учреждения. Кроме того, поставили вопрос о проверке на токсичность всех автомобилей, о переходе предприятий на жидкое топливо.

У ребят, участников урока, заметно пробудился интерес к активной природоохранной работе, возросло чувство ответственности и, не преувеличу, патриотизма.

С этого учебного года в школе работает природоохранительный отряд, в него входят почти все ребята из нашей школы. Создан у нас «зеленый патруль» и экспедиционный отряд. «Зеленый патруль» занимается озеленением всего города, а не только школы, ухаживает за насаждениями. У экспедиционного отряда круг проблем гораздо шире.

Ребята, что помладше, начинают приобщаться к природоохранной работе с простого — устраивают праздники птиц, цветов. Каждый выбирает себе какой-то цветок и пишет все, что узнает о нем. Еще ребята делают скворечники, вывешивают их. Это пока все, что они могут, серьезными районными проблемами занимаемся мы, старшие. Такие уроки, мы поняли, не только интересны по форме, мы убедились, что они помогают изменить негативное в окружающей жизни... И еще: уроки в виде деловых игр можно проводить не только в старших классах.

Н. Юрченко: В планах нашего совета много важных дел, которые мы будем решать, чтобы выходить на мероприятия районного масштаба и иметь там свой голос.

Р. Р. Бужукова: Да, с нами уже считаются, нас приглашают на серьезные деловые встречи. Мы думаем о преемственности начинаний нынешних десятиклассников, экологической работой всерьез занимаются два десятых класса в полном составе. Свои начинания они передадут пятиклассникам — это будет второе поколение экологов. Они тоже уже имеют некоторый опыт — помогали лесхозу и райводхозу вместе со старшими в высаживании лесных полос, в борьбе с вредителями деревьев, сельскохозяйственных культур, участвовали в субботниках. Мы будем настаивать, чтобы за нами официально закрепили экологическую тропу. Летняя полевая практика много даст ребятам — то, чего не получат на самом образцовом уроке биологии.

Н. Юрченко: Есть у нас группа, занимающаяся проблемами сельского хозяйства, в частности — как вносятся химические удобрения в почву. Сейчас в почву вносится их чрезмерно много. Наша беда в районе еще вот в чем: у нас нет растворительных установок, и удобрения применяются

в гранулированном виде. Они легко смываются поверхностными водами в Капчагайское водохранилище, загрязняя его.

Р. Р. Бужукова: Это очень серьезная проблема. Имеется природоохранный фонд, ежегодно отпускается 95 тысяч рублей, и можно было найти средства, чтобы построить растворительное сооружение для удобрений и подавать их в жидком виде. Руководители РАПО не ожидали, что мы будем поднимать этот вопрос. Они теперь обещают, что сооружение будет построено. Теперь-то мы все понимаем, что это связано с химическим загрязнением Капчагая, с выпадением «химических» дождей. А вначале все само по себе будто и незначительно, но выливается в такую всеобщую серьезную опасность.

Н. Юрченко: На уроке были «представители» и от районных оросительных систем. При поступлении воды на поля по лоткам происходит сильное испарение, то есть потеря. Ребята в течение месяца изучали этот вопрос. Их всерьез не принимали. Представители РАПО не предполагали, что мы выйдем на сессию райисполкома с этим вопросом. В результате наших исследований выяснилось, что перерасход воды составил 136 млн. литров. Мы подготовили для нашей газеты проблемный материал об этом, его опубликовали. В нем, в частности, говорилось, что при таком подходе нам скоро придется определять не перерасход воды, а реальный расход, необходимый, чтобы удовлетворить местное население.

Л. Г. Горелова: И теперь Республиканский комитет по охране природы накладывает огромные штрафы на хозяйства за перерасход воды.

Р. Р. Бужукова: Еще мы поднимали вопрос о Бартогайском водохранилище, которое находится на высоте 2 тыс. метров над уровнем моря и где накоплено более 3 млн. куб. метров воды. Водохранилище построено на месте прекрасного природного ландшафта, где прежде произрастали нигде больше не встречающиеся растения. На уроке мы обсуждали статью М. Зверева «Дамоклов меч над Чиликом». Ребята вполне определенно выразили свое отношение к факту: будем бороться!

В. И. Фурсов: Тем более что плотину начинает подсасывать...

Р. Р. Бужукова: Нам пришел ответ из Москвы, где говорится об экономическом обосновании этого водохранилища: оно, по проекту, должно обеспечивать водой двенадцать населенных пунктов. Но жизнь людей при этом не берется в расчет!

В. И. Фурсов: Это кощунство!

Р. Р. Бужукова: Трагедия Армении должна нас многому научить и от многого предостеречь. Водохранилище находится в таком районе, где не завершился еще горообразовательный процесс. Нас все время потряхивает... Через плотину происходит постоянная утечка. Достаточно толчка в 3—4 балла — и последствия катастрофы трудно предвидеть. На чашу весов поставлена жизнь более чем 19 тысяч людей, живущих только в районном центре, а ведь есть еще близлежащие поселки. В статье М. Зверева отмечалось, что сеть артезианских колодцев могла бы обеспечить потребность жителей района в питьевой воде.

Я встретилась с людьми, которые не хотят, чтобы поднимался этот вопрос, чтобы с ним выходили на вышестоящие инстанции. А ведь весной была опасность наводнения, но население и не подозревало, что надо быть наготове. А только в нашей школе более 1172 детей, еще шесть школ в райцентре, детские сады — и никто не знал, что грозит такая опасность. Поднялся бы уровень водохранилища еще на 20 см — катастрофы не избежать бы! Вся масса воды в 3 млн. куб. м устремилась бы с многометровой высоты и набрала бы такую скорость, что смыла все на своем пути без остатка...

В. И. Карачев: Я к вопросу об экологической гласности. Часто руководители предприятий умалчивают об экологической обстановке, боятся дать населению какие-либо сведения. К примеру, если бы своевременно была дана информация о состоянии трассы Алма-Ата — Капчагай, человеческих жертв при прорыве Жаманкума можно было бы избежать. Или еще: почему в Алма-Ате вдруг яблоки покрываются небывалыми раньше черными пятнами? Кислотные ли дожди тут виной, или взрывы на полигоне? Потом — после Чернобыльской аварии в Алма-Ате увеличился уровень радиации. Само по себе это не представляет опасности, но вообразите: человек попал под дождь, пролетел на самолете, по нескольку часов кряду сидит у телевизора каждый день... А как все это в сумме влияет на организм — неизвестно. Человек нуждается в такой информации, он должен знать, где ему угрожает опасность, что предпринять, чтобы ее избежать.

Организация, которая призвана это делать — Минздрав республики, занимает очень определенную позицию сознательного умалчивания. Есть документ Минздрава СССР, адресованный министрам здравоохранения республик.

Этот циркуляр хранит «закрытую» информацию о заболеваемости населения (в том числе детей), вызванной загрязнением окружающей среды, об отравлениях, связанных с обработкой сельскохозяйственной продукции ядохимикатами... Но ведь отсутствие достоверной информации проблемы не снимает, это лишь порождает слухи, нелепые толки или преступное пренебрежение к экологическим ситуациям, требующим неотложного решения.

В. И. Фурсов: Летом, после прорыва Жаманкума, когда была самая высокая температура воздуха и воды, я поинтересовался у работника водонадзора — как там? Инфекционность повысилась в десятки раз — ведь трупы животных, погибших людей попадали в открытые водоемы. А летом берега Капчагая, куда устремились воды Жаманкума, буквально заполнены были отдыхающими — взрослыми, детьми. Массы машин, разбитых палаток, отдыхающие в ведомственных базах отдыха... Может, и была бумажка где-то, но ведь население оказалось неинформированным. Все у нас так делается формально — подписали бумажку, «птичку» поставили, а там хоть трава не расти.

Из блокнота журналиста:

Спустя пять месяцев после жаманкумской катастрофы сотрудник редакции вместе с представителем «Зеленого фронта» побывали в поселке Заречном. Разговор с изнывающим от жары и ничегонеделания семиклассником: «...И давно запретили купаться?» — «С неделю».— «А почему?» — «Не знаю, сказали — нельзя».— «А что такое экология?» — В ответ — недоуменно пожал плечами.

А школа жила своей обычной жизнью, сдавала последние экзамены. Ее подвалы, забитые жаманкумскими наносами, оставались нетронутыми. По-прежнему здание носило следы случившейся еще зимой катастрофы. Тут же, в нескольких шагах — летний ветерок перебирал речной песок, манила прохладой речка Каскеленка, на берегу которой стоит детский сад. Была суббота, но в поселок экстренно съехалось областное начальство — накануне по ЦТ «Прожектор перестройки» рассказал о «червивом чае» в детском саду. Выяснялась причина столь необычного явления, попутно решали — что ж делать с песчаными наносами на берегах Каскеленки, лишь непосвященному казавшимися безобидными.

С. М. Кутбанбаев: Хотя мы говорим, что от формальностей надо отходить, но на деле по-прежнему руководствуемся этим. Даже боязно отвечать на многие вопросы...

Вот пришлось недавно выступать по радио, задают вопрос: вредны ли для человека подземные ядерные взрывы в Семипалатинске, последствия уничтожения ракет в Сары-озеке, разработки в Кзыл-Ординской области? Ну что я мог ответить? Я руководствуюсь только тем, что мне положено говорить. Я не могу открыто сказать: да, товарищи, это вредно, этого надо остерегаться...

В. И. Фурсов: А если приблизиться к нашим чисто городским проблемам... Конечно, все знаете, как охотно раскупается на базаре первая черешня, хотя и дорогая. Но она — красная, сочная, первая — поспевает на Ташкентской трассе. А кто из покупателей знает, что в ней содержится целый набор опасных для организма соединений: свинец, кадмий и все, что хотите! Это же преступление! А молоко от совхозной коровы, которая пасется на газонах по проспекту Аль-Фараби — чего в нем только нет! А мы его покупаем как ни в чем не бывало — по своему невежеству.

Л. Г. Горелова: Да, нам пока не хватает экологической информации. Но находят ее те, кто ищет. Вот мальчишки сидят, которые уже располагают информацией, они доказали, что занимаются не детскими играми, а делают дело.

В. И. Фурсов: Хочу напомнить мысль писателя Леонова о том, что на сегодняшний день солдат мира и солдат природы — понятия адекватные. Если мы готовимся жить в третьем тысячелетии, нам немедленно нужно изменить свое отношение к природе, сознание людей, молодежи — ведь ей предстоит хозяйствовать после нас. А мы, посмотрите, сколько у них уже забрали — энергетическими ресурсами распоряжаемся варварски, с атомной энергией скомпрометировали себя. Хотя без нее — мы никуда. Но шли-то мы по пути удешевления. Средств отпустили на одну АЭС — мы сделали три, и рапортуем, что сделали дешевле... Много скопили проблем. Но вот что следует выделить — любой дипломированный специалист, любой, немыслим без экологического образования. Как сейчас получается? Все вузы формально дают экологическое образование, но мы же видим результаты этого образования. Он специалист по своему профилю, но совершенно невежествен в вопросах экологии. Мы же видим по Аралу и Балхашу результаты нашей вопиющей экологической безграмотности, невежества. Думают только о сегодняшнем дне. Если бы люди, проектировавшие Капчагай, хотя бы на десять лет вперед представили последствия своих преобразований природы,

убежден, и мозг, и сердце их иначе бы бились. Удивительное, преступное отсутствие предвидения у «преобразователей природы»! Думаю, доживу до того, когда Капчагай станет огромной лужей, покрытой толстым слоем осадочных пород. Ведь сколько туда пыли, наносов собирается, а после плотины уже кристально чистая вода. Наша преступная бесхозяйственность пугающе масштабна. К преступлениям против природы можно добавлять все новые и новые факты. Идет гибель осетровых рыб — отделение мяса от скелета заживо, а ведь это уникальная третичная фауна, только в нашей стране встречающаяся, ее потом не восстановишь никакими средствами, никакими знаниями.

Информация для размышления:

Вот уже продолжительное время общественностью Алма-Аты, заинтересованными ведомствами ведется дискуссия по поводу использования вод Сорбулака — отстойника сточных вод, что в 80 км от города. Накопитель на грани переполнения. Возникает реальная опасность прорыва, 800 млн. куб. м сточных вод ставят под угрозу населенные пункты, где проживают 50 тысяч человек. Как использовать сточные воды? Минводхоз и Агропром предлагают пустить их на орошение полей, где выращиваются кормовые культуры. Но воды Сорбулака содержат токсичные вещества, заражены гельминтами, микробами — их категорически нельзя использовать таким образом, как предлагают названные ведомства.

Есть альтернатива — в прилегающей к отстойнику зоне создать лесную зону (она смягчит климат района), хозяйство по выращиванию саженцев деревьев, кормовых трав на семена для восстановления опустыненных пастбищ республики, цветочное хозяйство. Это предложение заместителя директора института «Казгипроводхоз» М. Елеусизова. Разумный, рациональный проект, казалось бы. Но идет упорная борьба разумного с ведомственным. Кто кого? Нужен ли еще один Капчагай, Чограй, Каракумский канал?..

В. И. Фурсов: О важности экологических знаний. Ребята из Чилика доказали своей активной гражданской позицией, как много от них зависит. Ведь что ценно в работе ребят — не то, что они повернули транспорт в другую сторону, что занялись проблемами исстрадавшейся от химии земли, что заставили руководителей РАПО задуматься о методах хозяйствования... Хотя, слов нет — это важно! Вы (к Р. Р. Бужуковой) разбудили дремлющий ум ребят, в них проснулась любознательность — изначальная детская черта. Они поняли, что существуют люди двух категорий —

потребители природы и разумно к ней относящиеся. Так вот: потребителей пока большинство среди взрослых и ребят, хотим мы это признать или нет.

Из блокнота журналиста:

Беседа с группой подростков, собравшихся на свою очередную «сходку»: «Что вы можете сказать об экологической обстановке в городе?» — «Дыма много. С Медео, с Кок-Тюбе хорошо это видать».— «Вы слышали про постановления об охране окружающей среды по Алма-Ате?» Переглядываются. «Слышали про «Зеленый фронт» в Алма-Ате, чем он занимается?» Неловкое молчание. «А вы хотели бы принимать участие в природоохранной работе?» — «А че мы можем!» Дело происходило неподалеку от хлебозавода № 2, заставленного, один к одному, жилыми домами, непрерывно чадящего дымом и время от времени, под покровом ночи, извергающего из своих труб шлейфы черных хлопьев. И последний вопрос: «Читали в «Комсомолке» статью «Природовольцы?» Мальчишки засуетились и стали по одному расходиться.

Может, кто-то из них был из тех школ, где «хорошо поставлена экологическая работа»...

В. И. Фурсов: Вернусь к проблеме нашей просвещенности. Надо с учительского сознания начинать — ведь это от учителя, невежественного, темного, идет утверждение, что страна наша владеет несметными богатствами, что запасы ее недр беспредельны и бездонны. Вот откуда обывательское, потребительское отношение ко всему, что нас окружает,— к воде, земле, воздуху, насаждениям. Учитель, независимо от своей специальности, должен не понаслышке знать о «Тенденции в образовании по вопросам окружающей среды» (материалы ЮНЕСКО, 1979 года), о материалах межправительственной конференции 1977 года «Проблемы образования в области окружающей среды», об «Образовании в области окружающей среды в СССР». Иначе мы никогда не избавимся от нашего глубоко невежественного отношения к природе. А учителя, особенно сельского, к этому надо готовить, чтобы он — городской или сельский — знал проблемы и беды своего района, готов был оказать помощь, как это делает Роза Руслановна Бужукова. Эту мысль я высказал в Министерстве народного образования республики. Надеюсь найти отклик.

Е. А. Очкур: Экологическое воспитание не должно быть делом только биологов — это ясно как день. Любой предмет должен интегрироваться с ним, пусть та же математика: решение тех математических задач, где обозначены эколо-

гические проблемы, оперирование данными, позволяющими, пусть на учебном уровне, разрешать насущные экологические задачи. И так любой школьный предмет. Это-то и будет воспитанием экологического сознания! И если воспитательная работа будет проходить на всех уровнях: семья — детский сад — школа (с младшего школьного возраста) — предприятие — вот тогда только будет воспитываться всеобщая экологическая культура. То есть — нужна целостная, единая система экологического воспитания. И вот что важно, и вы, думаю, согласитесь — пора перестать отдавать на откуп экологическое воспитание общественным организациям. Чем они сейчас занимаются? Ну, выпустили какой-то плакат из опыта работы, размножили какие-то брошюры.. Но разве заметно как-то повлияло это на экологическое просвещение людей, стали мы от этого экологически сознательнее, грамотнее, культурнее? Нет, нет и нет! Абсолютное повсеместное безучастие к жизненно важным экологическим проблемам! Этим должны заниматься государственные учреждения — последовательно и серьезно.

В. И. Фурсов: Главное — чтобы они имели вес, авторитет, права.

Е. А. Очкур: Хочу обратиться к Султану Мияновичу, представляющему здесь городскую организацию по охране природы. В городе масса предприятий, представляющих экологическую опасность здоровью людей, вот только небольшой перечень, составленный нашими ребятами, которые так или иначе знакомы с их производством: кондитерская фабрика, объединение АРО, радиозавод, ТЭЦ, хлебозавод № 2 (и все остальные хлебозаводы)... Скажите, какие-то меры принимаются на уровне исполкомов, чтобы руководители предприятий несли ответственность за ущерб, наносимый окружающей среде, здоровью людей? Вот еще пример из жизненных наблюдений наших учеников: при изготовлении чебуреков, которые охотно раскупаются на улицах города, фритюр используется до тех пор, пока не выгорит из котла. Но ведь там же сильнейшие канцерогены, высокомолекулярные соединения, вызывающие серьезные мутации в организме, в основном раковые мутации. Съел человек этот продукт — и нет уже гарантии от серьезных последствий... Разве это допустимо? Не зря же сократилась у нас продолжительность жизни по сравнению с 70-ми годами.

В. И. Фурсов: Я писал об этом в «Огни Алатау», они до сих пор молчат...

В. И. Карачев: Опасным сейчас для человека стало

все вокруг: ягоды, воздух, вода, земля...

Е. А. Очкур: Да, природа жестоко расплачивается с человеком за его пренебрежение к ней. Нужно изменить наше экологическое сознание. Я призываю к экологическому всеобучу, к всеобщей экологической грамотности. Об этом мы должны так же серьезно задуматься, как и о компьютерной грамотности, о необходимости которой мы так много говорим.

С. М. Кутбанбаев: Эти вопросы много обсуждаются, везде и давно об этом говорится. Давно были изданы постановления о том, чтобы вынести многие экологически вредные предприятия за городскую черту. Плодоконсервный комбинат одно из них. Такие предприятия давно надо было вынести, как сейчас выносится асфальтобетонный завод.

Для сведения:

Существуют директивные документы, принятые почти десять лет назад, об ограничении промышленного строительства в крупных городах. Алма-Ата в перечне городов, где запрещено строительство и расширение (за счет нового строительства) промышленных предприятий. За это время в городе размещено 112 предприятий, из них по согласованию 66 предприятий, 56— самовольные.

Существуют республиканские директивные документы, в которых говорится о выводе из Алма-Аты предприятий, вызывающих загрязнение окружающей среды (асфальтобетонный завод, мусороперерабатывающий, плодоконсервный и т. д.).

В. И. Фурсов: То есть сам горисполком не следит за выполнением своих постановлений...

С. Батырша-улы: Это самообман — вынос предприятий! За километр перенесли — через час воздух отравленный уже в городе!

Д. Ф. Снегин: А через два дня город уже там — рядом.

С. М. Кутбанбаев: Теперь еще вот что: некоторые вредные предприятия не только не выносятся, напротив — они расширяются. Плодоконсервный комбинат отстраивает между тем уже вторую очередь, 50 га земель просит Гидромаш, чтобы вторую очередь сооружать. Мы отказали, я изложил свои соображения.

Л. Г. Горелова: При Госкомприроде сейчас существует мощное Управление государственной экологической экспертизы. Экспертизе будут подвергать не только вновь строящиеся предприятия, но и те, что уже действуют. Сигналы, которые мы получаем об экологическом неблагополучии, мы проверяем и можем закрыть даже

действующее предприятие. Особенно остро встает вопрос — его поднимали и неформалы «Зеленого фронта»— о кооперативах, работающих на использовании природных ресурсов, это «Росток» и «Синегорье». Об этом говорилось на экстренной коллегии, где приняли решение без разрешения Госкомприроды не создавать подобные учреждения.

А. Бленд: «Росток»— злейший враг природы, выкачивает природные ресурсы!

Л. Г. Горелова: При Госкомприроде создан общественный совет, где люди заинтересованные, независимо от ведомственных шапок, могут решать вопросы экологической экспертизы. На них у нас большая надежда. Состав его неограничен, и члены его принесут большую пользу. При Управлении пропаганды будет также учрежден свой совет, куда могут войти все, кто озабочен проблемами экологии. Будем приветствовать, если в его состав войдут учителя, школьники, студенты.

В. И. Фурсов: Не могу не сказать вот о чем. От имени всех фронтовиков: о гибнущих у Вечного огня соснах. Они кричать не могут, закованные в бетон. Еще года два они простоят и умрут. Им не только вода нужна, им воздух нужен, немедленно надо освободить их из бетонного плена, увеличить площадь, запустить туда червей, чтобы увеличить аэрацию. Вот это ярчайший пример нашего экологического невежества! И таких примеров по городу множество — закованные в асфальт дубы, тополя, карагачи. Если бы поднялись наши предки, которые все это сажали, и увидели, они бы сказали: «Что вы делаете!»

С. Батырша-улы: Хочу вашу мысль продолжить. Пусть она не покажется кому-то крамольной, поскольку я не участвовал в войне. Нужно ли в память о наших героях ставить большую трубу и сжигать столько газа? Мне доводилось бывать во многих зарубежных странах, я обращал внимание, насколько там рационально это продумано при том, что память своих героев они чтят не меньше, чем мы. Регулируемое пламя помещается в углубление, которое не дает гаснуть огню. Тут и экологическая сторона берется в расчет, ведь столько сжигается при этом кислорода, газа.

В. И. Фурсов: 3 тонны нефтепродуктов уничтожают 10 тонн кислорода — норму 200 человек на целый год!

Д. Ф. Снегин: Да зачем же газ жечь! Электрические камины создают замечательный световой эффект и экологически совершенно безвредны — вот в чем выход.

В. И. Фурсов: Султан Миянович, думаю, вы последний,

к кому я обращаюсь с нашей просьбой — о соснах у Вечного огня...

С. М. Кутбанбаев: Конечно, конечно!

С. Батырша-улы: Я несколько раз выступал в «Казахстанской правде», в «Горизонте» на экологические темы. Проблемы загрязнения среды возникли не вдруг и не сегодня. Давайте искать корень... Мы говорим о длине трубы, об очистных сооружениях, о грязной решетке — это последствия. Давайте искать корень! Первый корень — в бесконтрольном росте в Алма-Ате складов различных ведомств, производственных предприятий, автобаз. Зона вокруг Алма-Аты превратилась в промышленную зону. Республиканские министерства под любым предлогом в столице, вокруг нее строят свои предприятия независимо от того, нуждается ли в их продукции Алма-Атинская экономическая зона или не нуждается. Несмотря на хроническую нехватку рабочих рук, нехватку электроэнергии (15—20 процентов ее получаем из Киргизии), газа. При этом игнорируются природные особенности города — то, что он расположен в котловине, и его воздушный бассейн не проветривается. А дальше — причина в наших городских властях, в Госплане.

В. И. Фурсов: Причина в косном мышлении наших руководителей, в принципе их отношения.

С. Батырша-улы: По этому вопросу общественность выступала довольно давно. Нас обвиняли в антипатриотичности, в том, что мы якобы не понимаем задач индустриализации. За статью «Воздух столицы» в «Казахстанской правде» меня вызывали «на ковер», и лишь когда я сказал, чтобы приглашали вместе с Устиновым, главным тогда редактором, меня перестали вызывать. Словом, зажим явный есть.

Я не один, нас много, обеспокоенных состоянием экологии. Мы должны называть вещи своими именами. Прошло время реверансов, когда, поговорив и успокоив совесть, расходились. Нельзя тянуть время, чтобы не пришлось, как в случае с Аралом, создавать комитет по спасению воздушного бассейна Алма-Аты. Все, что производится в Алма-Ате, можно завезти, но не завезти ни самолетами, ни поездами чистый воздух. Из этого и нужно исходить, думая о будущем города. Что касается экологического воспитания молодого поколения — завтрашних руководителей, специалистов, это большая сила. Что они могут сделать для восстановления экологии родного края? Как поступать? Думается, начать надо с того, что самим бережно

относиться к природе. Давайте реально смотреть. Вот тут мы узнали, как ребята-школьники могут работать. Но это единицы, а многие ли ребята посадили у школы, у общежития, у дома деревья, разбили цветники, скверы? Начинать надо экологическое образование в школе, продолжать его в среде студенческой молодежи. Нужно идти по пути углубления знаний по своей специальности — будь то химик, геолог или ботаник, медик. Поощрять научно-исследовательские курсовые, дипломные работы на экологические темы. Я обращался через газету «Горизонт» к горкому комсомола, совету ректоров столичных вузов с предложением ежегодно проводить общегородскую студенческую конференцию по вопросам экологии, приурочив ее к Всемирному Дню охраны окружающей среды —5 июля. Для координации действий создать молодежное общество по охране природы. Со мной связались горисполком, горком партии, лишь единственный горком комсомола молчит. А ведь это его сфера, где он действительно мог бы влиять на молодежь, работать с ней.

По школам экологическая работа видится так: нужно создавать «зеленые отряды» с широкими полномочиями, с правом требовать от руководителей предприятий, загрязняющих воздух, соблюдения экологической чистоты. Кроме того, взять под свою опеку участки в парках, скверах, насаждения на городских улицах и быть их постоянными хозяевами, ухаживать за ними.

В. И. Фурсов: Даже в летний период, когда они массово гибнут...

С. Батырша-улы: А как делается сейчас? В дни городских субботников всем скопом сажаем деревья...

В. И. Фурсов: Рапортуем!

С. Батырша-улы: Летом они засыхают при нашем всеобщем равнодушии. Это повторяется из года в год. Урок неэкологического отношения взрослых дети хорошо усваивают, и это ощущается на каждом шагу. Надо, чтобы, заканчивая школу, каждый ученик мог сказать: «Это вот мое дерево».

А. Бленд: Я вижу три проблемы и предлагаю путь их решения. Первая — во многих школах нет пришкольных участков, а где и есть, то чисто символические. Вторая — никто не финансирует экологическую работу. Третья — самая главная, безучастное отношение к охране природы самих учащихся. Мое предложение комплексно решает их все. Сейчас городские районы обслуживает «Зеленстрой», который занимается посадкой деревьев, кустарников и т. д

Но мы-то все видим, как эта работа неэффективна. То есть деньги попросту пускаются на ветер. А почему бы зеленые насаждения не разделить на микроучастки и не распределить их между школами? Уверен, многие ребята охотно займутся работой по их охране, уходу за ними. И пусть они получают деньги от «Зеленстроя» за свою работу. Возникнет материальная заинтересованность ребят, но этого не надо бояться. Как не боятся ее педагоги в нашей экспериментальной школе, где мы все работаем и учимся. Не отнимает это много времени ни от нашей учебы, ни от личного времени. И школьники, я уверен, участвуя в такой работе, будут серьезно относиться к экологии, к природе.

Для централизации такой работы необходимо создать общегородскую группу «Экологическое действие» с минимальным количеством штатов (председатель — учащийся какой-либо из школ, бухгалтер и консультант). Вопросы оплаты труда группы управления могут быть решены на учредительном собрании. Если будет нужно — любая школьная (первичная) организация может потребовать пересмотра вопроса об оплате.

С. М. Кутбанбаев: Школа — это уже следующий этап экологического воспитания. Первый все-таки — в семье. Каждый родитель, если он заботится о воспитании души своего ребенка, должен найти тот свободный час, когда он выйдет во двор со своим ребенком — чтобы привести арычок возле дома в порядок, полить дерево, сделать его обрезку. Это и есть, в семье, начало экологического воспитания. Так поддерживался бы порядок в городе повсеместно.

Из блокнота журналиста:

Карагандинская область, Мичуринский район. Лето, жара, все живое жаждет влаги. Среди молодых посадок, с трудом выращенных при дефиците воды, то и дело встречаются обугленные деревья, окруженные черными кругами опаленной земли. «Ребятишки поджигают тополиный пух, он, как порох, вмиг загорается — и вот...»

В. И. Фурсов: Меня опозорили, когда я сделал замечание, чтобы не срывали на газоне одуванчики...

Д. Ф. Снегин: В городе Верном существовал порядок, обязывающий всех граждан ухаживать за арычком, за деревом. Чтобы срубить дерево, нужно было обратиться за разрешением к комиссии, которая и определяла — действительно ли есть необходимость его убирать.

С. М. Кутбанбаев: Город выполняет программу «Жилье-91», за счет дальнейшего уплотнения теснятся скверы, выру-

баются отдельные зеленые насаждения... От кого приходится защищать? Против кого идти? Пишем, защищаем, но... Каждый день к нам идут и идут ходатаи от строительных организаций на уничтожение зеленых насаждений.

Особый разговор — отношение строителей к насаждениям, его иначе как варварским не назовешь, после них или вообще ничего не остается, или все безжалостно изувечено... Мы хотим в новом году заключить договор с «Казахфильмом», чтобы снять фильм об этом и показать населению. Это будет шагом в экологическое просвещение людей.

Е. А. Очкур: В Прибалтике современное градостроительство стало частью природного ландшафта. Дом-монолит — среди естественных холмов и зеленой зоны. Мы были на экскурсии и поинтересовались — кто же ухаживает за сквером? Оказывается, жители каждого близлежащего дома по очереди поддерживают в нем порядок — вот пример гражданского отношения к своей природе, а не узко ведомственного интереса.

В. И. Фурсов: У Алма-Аты реально должен быть особый экологический статус. Мы входим в число 17 городов по стране с крайне неблагополучной обстановкой.

Информация для размышления:

Самые неблагоприятные в экологическом отношении районы города — Московский, Ленинский, Октябрьский. В Алма-Ате не ведется учет токсичных отходов предприятий, многие предприятия не имеют нормативов предельно допустимых выбросов, где-то их вообще нет.

Завод «Электробытприбор» превысил ПДК по пыли — в 20 раз, окиси углерода — в 5 раз, сернистому газу — в 2,2 раза, окиси азота — в 2 раза...

АЗТМ превысил нормы ПДК по углеводороду — в 4 раза, окиси углерода — более чем в 3 раза, окиси азота — в 1,5 раза.

На табачном комбинате ПДК в последние пять лет повышались от 3,2 до 5 раз.

Алма-Атинский комбинат строительных материалов, меховой комбинат, ТЭЦ, хлебозаводы, Бурундайское объединение стеновых материалов... Перечень можно множить и множить.

Н. А. Ревин: Как у нас в городе с экологической работой в школах, каков ее уровень? Педагогический совет кабинета биологии городского ИУУ запланировал на 1989 год работу по проблемам охраны природы. Обычно в начале учебного года мы планируем, казалось бы, достаточно различных мероприятий по природоохранной работе, а отдачи пока

нет. Прямо скажем — нет пока отдачи. Главная задача учителей биологии — это формирование экологического мировоззрения и сознательного отношения к природе. Честно скажу: даже среди учителей биологии очень многие не имеют такого сознания. Я внимательно всех выслушал, и мне кажется, все говорили, что кто-то виновен. Я тоже виновен. Мы не экономны в расходовании воды, мы во всем расточительны. Придите на автовокзал, там с утра уже невозможно пройти без противогаза, стоят «Икарусы» по три часа и не выключают двигатели. Я побывал в Европе и убедился, что многие страны не могут себе позволить жить так расточительно, как мы это делаем. У нас ежегодно сжигается 20 млрд. т. кислорода...

В. И. Фурсов: У нас ежегодный дефицит кислорода в 6 млрд. тонн.

Н. А. Ревин: Какую бы экологическую систему мы ни затронули — всюду грубейшие нарушения. У нас много информации об этом, но как ее использовать?

Казалось, простой вопрос — работа на пришкольном участке. Я разработал вопросы, разослал их методистам, те — по школам... предупредили — не сжигайте листья, не уродуйте кроны деревьев при обрезке. Напрасно!

Семинары, курсы — все это делается, но далеко не достаточно. Сейчас на контроль беру каждый район. Считаю, в первую очередь надо сформировать экологическое мировоззрение у учителей-биологов.

Е. А. Очкур: Вопрос, Николай Афанасьевич! Почему только у биологов, это ошибочно! Эта работа не должна только биологами проводиться! А где остальные? Так мы никуда не придем!

Н. А. Ревин: В январе мы организуем семинар, который проводит «Зеленый фронт»...

Е. А. Очкур: Известен опыт экологической работы в Болгарии, она ведется на всех уровнях. Я предлагаю программу-минимум для воспитания экологической культуры в разных направлениях.

1. В планы работы детских садов, школ обязательно включить вопросы экологического воспитания (просвещение, практические дела).

2. На каждом предприятии организовать экологический ликбез — от рабочих до руководителей.

3. За каждой школой в микрорайонах закрепить зону активного действия (это улицы, предприятия).

4. Узаконить экологические посты из школьников, руководить которыми будут общественные инструкторы-старше-

классники и ответственные работники данного предприятия.

5. Наделить общественных инспекторов правами составлять акты в случаях экологических нарушений, передавать их в райисполкомы.

6. В микрорайонах, школах, на предприятиях создавать клубы, объединения, кружки, цель которых — просвещение, пропаганда экологических знаний, опыта, приобщение к практическим делам.

И разве можно так узко рассматривать проблемы, как собираетесь это сделать вы?

Н. А. Ревин: Это только начало. Разделяю мысль, что это должна быть единая работа не только школ, но родительской общественности...

Л. Г. Горелова: Есть ли у нас в городе школы, где ведется вот такая, как в Чиликской школе, экологическая работа?

Н. А. Ревин: 82-я школа, 30-я, 13-я, 60-я, 65-я, 122-я, 68-я, 126-я, 82-я даже привлекают родителей к этой работе.

Информация для размышления:

● **«Не отдадим Гилюй! После строительства ГЭС на реке Гилюй будут затоплены большие площади лесных территорий, погибнет большое количество животных, изменится климат. Мы не хотим, чтобы такая прекрасная речка превратилась в болото — ведь затопленный лес начнет гнить. Мы не хотим, чтобы ушел под воду прекраснейший уголок природы. Мы, учащиеся и учителя Береговой средней школы, протестуем против этого строительства. Клопова, Ульянова, Андросик, Вирченко, Елисеев (всего 133 подписи). Зейский район Амурской области».**

● **В пионерлагере «Орленок» «Экологическая смена» — ребята из 60 стран провели экспедицию по проверке чистоты речки, впадающей в Черное море, определили загрязнителей, добились их строгого наказания и прекращения токсичных стоков.**

● **Для школьного курса физики 7—10 классов разработан и прошел апробацию комплекс экспериментальных задач по проблеме «Охрана окружающей среды от загрязнений» с использованием приборов, моделей очистных установок, разработанных учащимися физико-технического кружка.**

Педагогический эксперимент показал, что генерализация экспериментальной деятельности школьников экологического характера способствует формированию ответственного отношения к природе, положительно влияет на качество их знаний по физике и экологии, на развитие их творческих способностей.

● **Школьная экологическая станция — новая форма взаимосвязи учебной и общественно-полезной деятельности учащихся.**

Установлена необходимость и эффективность объединения всех видов и средств экологической работы учащихся в микрорайоне школы в рамках учебно-производственного объединения. Разработаны комплекты самодельного оборудования, названные «Юный агрофизик», «Юный гигиенист», «Юный лесник» и т. п., которые дополняют промышленное оборудование типа «Пост-1» и позволяют, наряду с фоновым мониторингом, проводить исследования экологических ситуаций в различных отраслях народного хозяйства, знакомить школьников с элементами профессиональной деятельности, использующей экологические измерения.

С. М. Кутбанбаев: Как проходит совершенствование учителей в институте усовершенствования, сколько раз? Почему мы об этом ничего не знаем, не участвуем в этих семинарах?

Н. А. Ревин: Каждую неделю мы приглашаем лекторов на них...

Е. А. Очкур: Когда планируются такие семинары, нужно, чтобы они касались не только кабинета биологии. Здесь нужны объединенные «круглые столы», дискуссии, которые расширяли бы кругозор всех учителей-предметников, давали бы им полезную информацию — вот это и будет средством формирования экологического мировоззрения!

Информация для размышления:

● **В Польше признанным лидером экологического движения является Лига охраны природы. Она организует различные конкурсы для молодежи, создает специализированные клубы по стране.**

● **В ГДР ежегодно во Всемирный день охраны природы проводится «Ярмарка мастеров будущего», в которой принимают участие десятки тысяч школьников и студентов. Это стимулирует изобретательство по охране окружающей среды.**

В детских садах детей учат, как из мусора сделать что-то полезное.

● **В Японии создан уникальный музей-инсектарий, границы которого увеличиваются из года в год. В нем представлено все многообразие насекомых, их жизненные стадии. Музей — это и привлекательное место отдыха взрослых и детей.**

● **В Эстонии при Лахемаасском национальном парке с молодежью ведется образовательная работа в системе**

«природа — человек — культура». Главная цель — формирование экологического сознания.

● В Латвии разработана новая учебная программа по природоведению для 1—4 классов. В нее впервые вошли основы экологических знаний.

● В Мексике с природоведением знакомятся дети с 1 класса, разучивая песни, стихи на природоохранную тематику.

● Болгария — пока единственная страна, где экология введена во все курсы школы.

Д. Ф. Снегин: Меня настораживает попытка расписать все по пунктикам, дескать, то сделано, другое и т. д. Мы об этом уже так много говорили, что это превратилось в пустое сотрясение воздуха. Сейчас нужно искать корни — и в этом конкретность.

Дело заключается в том, что у экологии, которую мы так сегодня возлюбили и состоянием которой так серьезно обеспокоены, у нее есть свое нравственное начало, нравственное лицо. Оно зависит от нравственного нашего лица. И поэтому нельзя конкретные вопросы экологии решать в отрыве от того, как мы воспитываемся. Плохо ли, хорошо ли, но мы образовали, мы научили наше общество, но забыли, что воспитание должно в три-четыре раза опережать образование. И вот наплодили невежд страшных! Они все знают! Они выше всего! И с ними — трудно. Ты говоришь ему, что облака, летящие надо мной,— умирают, трава, на которой играет ребенок,— она уже яд для него, бедная моя ель тяньшанская — гибнет... Все — от невежественного образования! Вот этого, я думаю, нельзя забывать. Нужно искать корни. Сейчас мы должны воспитывать себя. Мы государство еще не интеллигентное, я позволю себе такое сказать. Вот они — интеллигенты! (Ребятам из Чилика.) Вы — интеллигенты! У вас хороший оказался наставник, я просто влюбленными глазами глядел на вас! Мне просто легче стало, а то я уже ночами не сплю.

Но вот рядом же, у памятника Ленину, сидят шестиклассники и курят отраву. И ничего им не скажешь. Мы принимаем комплексную программу оздоровления воздушного бассейна, но зачем наша программа, если дети умирают по возрастающей. Не только там, где-то в Черновцах, а здесь, в Алма-Ате, началось облысение детей. Надо же смотреть правде в глаза, искать корни. И одни из корней — в нас самих. И надо быть мужественными, я призываю вас к мужеству. С власть предержащими надо быть мужественными и не стесняться — идти и идти. Вот давайте

посмотрим конкретно. Есть у нас «черные дни», о которых заранее предупреждают: будьте осторожны, берегите себя. Взывают к нам с вами, владельцам автомашин,— чтобы уменьшили поездки в такие дни. Какое там! Я как-то встал на перекресток и что наблюдал? В потоке машин большинство — личных. Кому нужно это взывание? Да никому! Конкретно надо выйти горисполкому и сказать: святой день! В эти дни пойдите пешочком — как это полезно!— на работу и с работы, и не бойтесь опоздать. Раньше ведь без автомобиля не опаздывали.

Я бы под эгидой Детского фонда, мне понравилось это детское начало, предложил создать отряды по защите экологии. Вот такие ребята лучше меня видят, больше меня, оказывается, знают, острее все воспринимают. Видите, как по-государственному они к делу подошли: были в ГАИ, в райисполкоме, предпринимают серьезные решения. То есть ручеек набирает силу — чтобы стать рекой. Такие дела надо пропагандировать всеми средствами — и по радио, и в печати, по телевидению.

В. И. Фурсов: И вот такие деловые игры обязательно надо шире использовать...

Д. Ф. Снегин: Почему-то мы все больше говорим о городских детях, а сколько детей живут в далеких аулах — разве они живут в более благоприятных экологических условиях?

Тут надо позаботиться о воспитании нравственных начал в детях — это первая ступенька к серьезным нравственным делам. И начинать надо с естественных детских игр. Когда воспитывается характер, начинают пробуждаться гражданские начала маленького человека. Не будем забывать, что воспитание должно опережать образование.

* * *

Ответов на обозначенные проблемы экологии, естественно, сразу быть не может. Но нащупано самое больное, пожалуй, место — это дремлющее во многих из нас гражданское сознание. Оно дремлет у многих руководителей — иначе не обострились бы так проблемы экологии. Где-то в стороне учительство — у него «не сформировано экологическое мировоззрение». Родители экологическую проблему своей проблемой не считают. Неразбуженным остается святое чувство гражданственности у детей, они глухи к создавшейся ситуации — потому что видят пример старших. Всеобщее равнодушие к бедам природы... Словом, экологи-

ческая грамотность не вписывается в систему наших ценностей.

Между тем кольцо экологических проблем вокруг человека сжимается все теснее. Несть числа примерам его бессмысленной «природопреобразующей деятельности». Посыпанные пестицидами среднеазиатские ледники, негодная к употреблению рыба Арала, нарушение генного аппарата человека, содержание токсичных веществ в материнском молоке, повышенная смертность детей и женщин — вот лишь некоторые последствия варварского хозяйствования в Приаралье, объявленном сегодня зоной бедствия. Экологическими бандитами были названы облеченные властью, владеющие мощной техникой ведомственные «преобразователи природы» на одной из встреч по защите Арала. Точнее не сказать. Экологический бандитизм — это продолжающийся строиться Чограй, это спроектированные в узковедомственных интересах водохранилища, АЭС... Уже становятся достоянием гласности огромные суммы затраченных впустую народных денег. Но кто сможет оценить нанесенный ущерб здоровью нации?

Опасна и экологическая демагогия. Она, по словам В. Распутина, «рядится в благородные одежды и спасительные планы»... Но так будет, пока мы не разберем завалы нашего невежества. Пока не придем к сознанию, что экология — движение не столько государственное, сколько гражданское. Это и будет перестройкой нашей духовной жизни. Будем при этом помнить слова председателя Госкомитета СССР по охране природы Ф. Т. Моргуна: «Охрана природы без полной гласности просто немыслима».

Приметы нового видны —«круглый стол» показал это. Участники предложили свои варианты. Как их можно развить? Что принять? Оспорить? Начатый разговор нуждается в продолжении.

Отклики на беседу мы ждем от:

- Алма-Атинского горисполкома.
- Госкомитета Казахской ССР по охране природы.
- Министерства народного образования республики.
- Алма-Атинского горкома комсомола.
- Городской санэпидстанции.

«Круглый стол» вела А. ТХОСТОВА.

8—1144

Евгения ПАНОВА

СТОЛИЦА ПРОСИТ МИЛОСЕРДИЯ

Поздно призывать к патриархальной пасторали. Ослепший от невежества и безнравственности поспешных знаний мир может быть спасен только наукой. Той наукой, которая являет собой совесть мысли.

Андрей Вознесенский

Об Алма-Ате хочется писать в идиллическом тоне, тут уж ничего с собой не поделаешь. А найдется ли алмаатинец, которому не нравился бы его город? И приезжие, они тоже восхищаются им. И недаром. Очаровывают горы, их четкий темно-зеленый лик, их снежные шапки,— сказочно прекрасный Заилийский Алатау.

Главная его линия прихотливыми изгибами протянулась на 45—50 километров. Вершины уходят ввысь на 3500—4500 метров. Северные склоны хребта круты, каменисты, изрезаны ущельями. Поразительна их растительность: по предгорьям — дикие фруктовые сады и плодоягодники, выше — перелески, чередующиеся с альпийскими лугами, еще выше — царство сумрачных тяньшанских елей, а там рукой подать до сопок с зарослями можжевельника и выносливым травянистым покровом, где трепещут под ветром мохнатые головки эдельвейсов на коротких, как и трава, стебельках. Дальше — скальные осыпи, над ними — ослепляющий блеск ледников, холодная молчаливая вечность. Нет числа горным ручьям и белопенным бурным речушкам, питающим притихшие ныне Малую и Большую Алмаатинки, Весновку...

В мою задачу не входило сочинять оду городу. Но и описывая климато-географическое его расположение, что имеет непосредственное отношение к дальнейшему, невольно сбиваешься на лирический лад. Таков уж он, мой город...

Средняя высота его расположения —800 метров над уровнем моря, причем северные его окраины на 250 метров ниже южной. Протяженность городской застройки с севера на юг более двадцати километров, в то время как с востока, где разрастание города ограничивают предгорья, на запад — немногим более десятка. Площадь застройки заняла около

16 тысяч гектаров, преимущественно в меридиональном направлении.

Творения рук человеческих пытаются соперничать с вечными творениями природы. Впрочем, город был красив всегда, даже тогда, когда еще не было ни одной из его нынешних архитектурных достопримечательностей.

Тогда он тоже привязывал сердца людей к себе: стремительно взбегающими к горам прямыми улицами с четырьмя, как правило, рядами тополей — по два от мостовой, с тротуаром между рядами, а от тротуаров мостовую отделял еще и ряд кустарника; колдовским журчаньем чистейшей воды в арыках; бело-розовой кипенью весенних садов, буйной сочной зеленью, усыхавшей лишь к осеннему — естественному — листопаду.

Не зря тогдашний председатель торговой палаты США Эрик Джонсон, изумленный в 1944 году видами Алма-Аты, предсказывал городу блестящее будущее. Много повидавший деловой американец сразу понял, какой Меккой для туристов может стать город при хозяйском к нему отношении.

Рельеф местности оказывает решающее воздействие на микроклимат города, на формирование метеорологических условий. Подковообразное расположение хребта Заилийского Алатау закрывает путь воздушным потокам с юга, юго-запада и юго-востока — создается аэродинамическая тень. Сближаясь с горным массивом, воздушные массы теряют скорость. Поэтому в городе преобладают слабые — от нуля до одного метра в секунду — ветры. В ветровой характеристике они составляют 95 процентов. И только при прохождении атмосферных фронтов происходит кратковременное усиление ветра до 10—15 метров в секунду.

На фоне почти полного штиля, особенно зимой, когда безветренных дней вдвое больше, чем летом, естественное проветривание воздушного бассейна города затруднено. В такие дни воздушные массы перемешиваются благодаря горно-долинной циркуляции, рождающейся в ущельях. Южные склоны гор, часто обесснеженные и зимой, прилавки с их садами хорошо прогреваются солнцем. В солнечную погоду нагретый воздух поднимается и его место занимают массы воздуха из города. Ночью горные воздушные массы охлаждаются интенсивнее — вот оно, ледяное дыхание снежных вершин!— и устремляются вниз, в город, вытесняя нагретые за день массы городского воздуха вверх.

Но, к сожалению, горно-долинная циркуляция обеспечивает перемещение городских масс воздуха в предгорья на

10—12 километров выше улицы Аль-Фараби, а свежий горный бриз ощущается не далее Большого Алма-Атинского канала.

Особенности накопления и рассеивания вредных примесей в атмосфере города привлекли внимание алма-атинских ученых давно, еще в шестидесятые годы. Более пятнадцати лет назад впервые систематические исследования загрязнения воздушного бассейна Алма-Аты проводил с сотрудниками кандидат физико-математических наук Н. Ф. Гельмгольц по хоздоговору с архитектурно-планировочным управлением горисполкома. Выводы, к которым пришли ученые, уже тогда, в начале 70-х годов, рождали тревогу за будущее столицы. Но, кроме ученых, это никого не взволновало. Ни тогда, ни позже их выводами градостроители не воспользовались. Архитектурно-планировочное управление горисполкома дальнейшее финансирование работ прекратило, а коллектив исследователей распался.

А в 1976 году особенности атмосферы Алма-Аты были впервые замечены со спутника. Изучение аэрокосмических снимков привело К. Уорка и С. Уорнера, авторов книги «Загрязнение воздуха — источники и причины», вышедшей в 1980 году в переводе на русский язык, к неожиданному утверждению: «Магнитогорск, Алма-Ата и Челябинск с их металлургической промышленностью часто покрыты слоем темно-голубой дымки». Как известно, до сих пор в Алма-Ате металлургической промышленности нет и вряд ли когда-нибудь будет. А вот сизая линза смога, называемая еще «шапкой», «блином», есть. Не хочется думать, что она зависла навсегда. Но то, что она уже много лет висит над городом, знает каждый алмаатинец. Четкую ее верхнюю границу хорошо видно при подъезде к городу, из предгорий.

Горно-долинная циркуляция — источник характерной для Алма-Аты вертикальной инверсии воздуха. Толщина линзы — инверсионного слоя — достигает, в зависимости от метеоусловий, ста, пятисот метров, считая от земли. То есть объем линзы колеблется в пределах 16—80 кубических километров!

Один из ветеранов исследования атмосферы Алма-Аты, ведущий научный сотрудник лаборатории защиты атмосферы Казахского научно-исследовательского института энергетики, кандидат технических наук В. И. Хмыров считает, что если бы кому-нибудь пришла в голову безумная идея попытаться сдвинуть эту линзу в сторону от города, то понадобился бы источник энергии мощностью 10—12 миллионов киловатт, то есть усилия двух таких

электростанций, как Саяно-Шушенская ГЭС. Самоочевидно, что горно-долинная циркуляция способна частично рассеять загрязняющие вещества в южной части «шапки», но северная ее часть в течение суток практически остается на месте.

Влажность воздуха и атмосферные осадки, наряду с горизонтальным и вертикальным движениями воздуха, также влияют на состояние городского воздушного бассейна. Дождь, особенно затяжной, в какой-то мере очищает воздух, но полностью устранить загрязняющие вещества не может. В дождливые дни отмечается лишь снижение среднего уровня загрязнения воздуха. А вот туман ухудшает состояние воздушного бассейна, так как в нем образуются взвеси загрязняющих веществ.

Алмаатинцы помнят крупную аварию в городской энергосистеме зимой 1985—86 годов. Чрезвычайное происшествие расследовала группа ученых, им заинтересовались даже... сотрудники комитета госбезопасности. Но нет, диверсантов не было. Найди их ловкие сыщики, и, может быть, было бы лучше в том смысле, что аварии больше и не повторились бы. На деле же все оказалось проще, будничнее и — опаснее в плане прогнозов на будущее.

В декабре снега было очень мало. В январе 1986 года выпало лишь 35 процентов средней многолетней нормы. Отсутствие снежного покрова повысило содержание в воздухе пыли и вредных примесей. 7 февраля к вечеру на город спустился густой туман. Стопроцентная влажность при плюсовой температуре ускорила оседание на изоляторах высоковольтных линий электропередачи пыли с высоким содержанием серы. В зонах наибольшего загрязнения атмосферы — в районах Сайрана, ТЭЦ-1, Алма-Аты-1 — от короткого замыкания начали гореть и лопаться гирлянды изоляторов, загорелись опоры. Почти весь город погрузился во тьму. Аварии повторились и в последующие четыре дня.

Химический анализ отложений на изоляторах показал высокое содержание серы — 3,2 процента. В таком количестве она могла образоваться только за счет высокого содержания ее окислов в атмосфере. Оказалось, туман в сочетании с загрязнением воздушного бассейна — бедствие худшее, чем кислотные дожди. Тогда в который раз подтвердилось мнение исследователей: для воздушного бассейна Алма-Аты нет способа очистки, есть единственный путь — не загрязнять его!

* * *

Чем же мы дышим? Сказать, что в воздушном бассейне города много пыли, окиси углерода (угарного газа), окислов азота, сернистого ангидрида и углеводородов, замеры содержания которых постоянно проводятся гидрометслужбой, значит сказать далеко не все. Список загрязняющих веществ более длинен, их выявлено до сотни. Многие из них относятся к первому классу опасности. Как тут не вспомнить древний анекдот о горожанине-автомобилисте, выехавшем «на природу» и едва не погибшем с непривычки от переизбытка чистого воздуха. Благо — рядом была спасительная выхлопная труба родного автомобиля. Эта байка способна вызвать у осведомленного алмаатинца лишь горькую усмешку. В «шапке», покрывающей город,— более разнообразный «ассортимент» отравляющих веществ, чем в выхлопной трубе.

Мало того, ореол загрязнения распространяется далеко за пределы городской застройки. «Языки» нашей знаменитой «шапки», или линзы, в летнее, например, время простираются на 30—50 километров по дороге на Капчагай, 25 километров — на Каскелен, 26— по Кульджинскому тракту. Это четко фиксируется приборами. В зимнее время загрязнение пределов города почти не покидает, зато концентрация вредных примесей значительно больше, чем летом,— вспомните о вдвое большем количестве безветренных дней зимой. Не надо быть большим специалистом, чтобы понять, что то, чем мы дышим, усваивают растения, в том числе сельскохозяйственные, которые затем из пригородных хозяйств идут на наш стол, попадает в воду, которую мы пьем...

Сотрудники лаборатории прикладной геохимии и изучения окружающей среды Казахского института минерального сырья провели под руководством кандидата химических наук Августы Павловны Кобзарь весьма репрезентативные исследования. Они взяли шесть тысяч проб городских почв, снега, в каждой пробе выявили 40 компонентов, что составило 240 тысяч определений. Когда они обработали этот громадный фактический материал, то получилась геохимическая карта городской территории, на которой хорошо видно, где и в какой степени загрязнена почва. Они считают, что загрязнение почвы, а также растительности высокотоксичными металлами — атмосферного происхождения. Вот какие биохимические аномалии установлены в растениях: цинк обнаружен в листьях березы,

свинец — в клене, вязе, карагаче. Объяснено и такое странное для Алма-Аты явление: летний листопад. Нижние листья деревьев, накопив опасную для себя дозу свинца, не успев пожелтеть, опадают, густо устилая тротуары, особенно вблизи автобусных остановок. Установлено также, что минерализация осадков над городом увеличилась в последние годы почти в двадцать раз, что подземные воды загрязнены нитратами, фенолами.

Загрязнение тяжелыми металлами особенно характерно для промышленных зон, откуда воздушными потоками и колесами автотранспорта оно переносится в южную часть города — основную жилую зону. Можно вообразить себе, опять-таки не будучи специалистом, что же делается в северной части города! Многие жители об этом догадываются. Вот какое письмо получила редакция «Вечерней Алма-Аты» от жителей Ленинского района, написанное как отклик на статью о бедах городской онкологической службы, однако имеющее прямое отношение к теме данного очерка.

«В редакцию газеты «Вечерняя Алма-Ата» от жителей улиц Кулибина, Успенского, Багратиона, Шилова, проживающих в 50 каркасно-камышитовых домах без всяких удобств в зоне сплошного задымления и выбросов вредных химических веществ обильным грузовым тяжеловесным автотранспортом, не переводимом на другой вид топлива. Поселок опутан дорогами Сейфуллина, Белинского, Рыскулова. Мы находимся как бы в кубе этих дорог. Недалеко ТЭЦ, рядом дымят асфальтный, битумный и другие заводы, по улицам Рыскулова, Сейфуллина — ряд вредных предприятий. Рельеф — яма, низина, куда скатываются, текут с воздушной атмосферой все вредные вещества. Кроме этого, окружают дома, бараки с печным отоплением и обилие гаражей... Мы просим редакцию ответить, какой процент «гарантии» заболевания раком в нашем поселке по сравнению с другими районами города. Наш район — Ленинский, звучит прекрасно, но вот какова жизнь жителей этого района, а здесь в основном живут старожилы города с 1956 года... Мы понимаем так: людей нужно уметь жалеть, нужно научиться оберегать от рака, предупреждать это заболевание. В журнале «Здоровье» также нет и не бывает статей о подробностях жизни людей в таких вредных зонах, где рак находит условия распространения и размножения...» (письмо дано без изменений — Е. П.).

Это не письмо-вопрос. Это письмо-крик. А в рито-

рическом вопросе о «гарантиях» заболевания раком — горький сарказм отчаявшихся людей.

Между тем в научных исследованиях последних лет содержится недвусмысленный ответ по существу поставленного выше вопроса.

В упомянутой лаборатории Казахского института минерального сырья, впервые предпринявшей опыт геохимического картирования в Алма-Ате, шесть тысяч проб взяты в границах: пр. Аль-Фараби — ул. Рыскулова, ул. Саина — долина Малой Алматинки.

Прежде чем нормировать концентрацию токсичных металлов в почвах и пыли города, исследователи установили их содержание за пределами зоны влияния города и приняли эти концентрации за фоновые, безвредные для жизнедеятельности. Приняв фоновые содержания за единицы загрязнения и установив коэффициент загрязнения как отношение концентрации того или иного металла на площадке, где бралась проба, к фоновому, они дали оценку экологического состояния городской окружающей среды. Для этого использовали суммарный коэффициент загрязнения, то есть сумму превышения коэффициентов загрязнения в городе над фоновым. В очерке, понятно, не обязательно сообщать существо той или иной научной методики. Здесь это сделать необходимо, поскольку в городе есть люди, вполне грамотные и эрудированные, однако пренебрежительно машущие рукой на полученные геохимиками результаты: методика-де у них несовершенна, поэтому и говорить не о чем. Нет, говорить есть о чем.

По данным института, на различные участки городской территории ежемесячно оседает от 3 до 35 тонн пыли на квадратный километр (за городом, где брались «фоновые» пробы,—0,3—0,5 тонны), при этом 0,1—0,3 процента веса пыли составляют металлы. Таким образом, в среднем за месяц на один квадратный километр площади города выпадают килограммы свинца, цинка, висмута и других токсичных тяжелых металлов.

Интенсивность загрязнения почв на территории города, конечно, изменчива, однако имеется четкая тенденция ее увеличения с юга на север. Наименее загрязнены (менее трех фоновых норм) южная и юго-западная части, в том числе микрорайоны «Орбита», части 3—12 микрорайонов, удаленные от автотрасс, зеленая зона ВДНХ и Главного ботанического сада, южная и центральная части микрорайонов «Коктем». Севернее улицы Комсомольской пре-

обладает вторая — слабая, по мнению ученых, степень загрязнения (от 3 до 10 «фонов») с отдельными более чистыми участками. Вблизи пр. им. 50-летия Октября, а также между ним и пр. Рыскулова преобладают вторая и третья (средняя — от 10 до 30 фонов) степени загрязнения с локальными участками более высокой интенсивности в районах промышленных площадок, автостанций, автобаз и других источников техногенного загрязнения.

Конечно, ученые не бесстрастные регистраторы. Они и сами были ошеломлены полученными данными. И проверяли и перепроверяли. Да и как не содрогнуться при мысли о том, что техногенное влияние нашей деятельности на окружающую среду год от года растет, следовательно, концентрации загрязняющих веществ, если не принять срочных и кардинальных мер, будут стремительно увеличиваться. Что же может ожидать нас, наших детей и внуков?

И, в общем-то, не было у меня никакой радости, когда выяснилось, что данные геохимиков, вопреки скептикам, подтверждают медики.

В Республиканском научно-практическом центре по гигиеническим проблемам окружающей среды под руководством заместителя главного санитарного врача республики, кандидата медицинских наук Марата Есенгалиевича Кулманова с 1980 года изучают зависимость состояния здоровья населения от воздействия неблагоприятных факторов окружающей среды. Обращение населения за медицинской помощью обнаружило существенную разницу в уровне заболеваемости в различных по степени загрязнения районах.

Гигиеническая оценка качества воздуха и уровня шума производилась, в соответствии с принятой методикой, по суммарному коэффициенту. Город был разделен на восемь зон, в той или иной степени отличающихся по этому показателю. Из восьми выбраны три наиболее характерные. Первая — в микрорайонах «Орбита», между пр. Аль-Фараби и ул. Фестивальной, улицами Навои и Саина. Эта зона с коэффициентом качества среды, равным 3,97, была принята за зону условного контроля. Вторую — между проспектами Аль-Фараби и Абая, улицами Фурманова и Байзакова с коэффициентом качества среды 9,03 оценили как зону умеренного загрязнения. Третья зона — между улицами Пушкина и Мечникова, Кирова и пр. им. 50-летия Октября с коэффициентом 12,65 определена как зона высокой степени загрязненности.

Медиками выявлены и более загрязненные зоны с коэффициентом качества среды, равным 15,27— севернее пр. им. 50-летия Октября до улицы Рыскулова. Врачи считают, что здесь неблагоприятные социально-бытовые факторы (степень благоустройства, водоснабжения и др.), сочетаясь с высокой загрязненностью окружающей среды, создают картину, разительно отличающуюся от контрольной зоны.

Анализ обращений за медицинской помощью свыше 80 тысяч человек, детей и взрослых, в 1981—1985 годах, а также данные анкетного опроса жителей выявили угрожающий рост более 30 нозологических (в данном случае причинно связанных с загрязнением атмосферы) заболеваний. Причем этот рост особенно характерен для третьей — северной — зоны города.

Пыль и сернистый ангидрид непосредственно увеличивают заболевания верхних дыхательных путей и легких. Жители третьей зоны болеют бронхитом в 2,4 раза чаще, чем в «Орбите», острыми респираторными инфекциями, острыми ларингитами, трахеитом — в 2 раза, пневмонией и гриппом — в 1,7 раза.

Окись углерода в сочетании с ядовитым свинцом, основным «поставщиком» которых является автотранспорт, провоцирует заболевания системы кровообращения. В этой же, северной, части города в 2,9 раза больше гипертоников, в 1,7 раза чаще болеют ишемической болезнью сердца и инфарктом миокарда, в 3,5 раза больше заболеваний нервной системы и органов чувств—вегето-сосудистой дистонии, в 4,5 раза — конъюктивита.

Наиболее чувствительны к воздействию вредных химических загрязнений воздуха дети. У них отмечен рост тонзиллита, фарингита, синусита, острого бронхита, трахеита, конъюктивита. В третьей зоне заболевания органов дыхания у них в 2—2,6 раза выше, чем в микрорайонах «Орбита». Страшно и то, что эти болезни, перенесенные в острой форме в возрасте 3—6 лет, затем становятся у подростков хроническими. К моменту окончания школы эти дети приобретают тяжелые хронические заболевания!

В северной части города в 1,6—1,9 раза чаще наблюдается детский ревматизм. В условиях стационарного лечения было установлено такое опасное своеобразие течения этой болезни, как митрально-аортальный порок сердца, сочетанный митральный порок, стенозы. Многие дети, живущие здесь, резко отстают в физическом развитии, напри-

мер, на 5—7 сантиметров ниже рост, снижена реактивность организма, чувствительность к патогенным началам.

Суммарный показатель обращения населения за медицинской помощью в третьей — северной — зоне города составляет на 1000 жителей 259,2, а в «Орбите»—215,5. Среди заболеваний взрослых в зоне высокой загрязненности установлен более высокий уровень болезней нервной и мочеполовой систем, органов чувств и дыхания.

— Всем этим мы обязаны росту загрязнения воздуха, воды, почвы, растительных продуктов питания твердыми, газообразными и жидкими выбросами,— отмечает Марат Есенгалиевич Кулманов.— Это тяжелые металлы, пыль, сажа, сернистый газ, многое другое. Концентрации многих токсичных веществ в городе превышают предельно допустимые на протяжении многих лет и, к большому сожалению, не имеют тенденции к снижению. Например, разовые концентрации окиси углерода в атмосферном воздухе превышают предельно допустимые порой в 15 раз, пыли — в 5, сажи — в 40, сернистого газа — до 3,4, окислов азота — 4,1.

Рост загрязнения — прямое следствие сосредоточения в городе промышленных и строительных производств, многие из которых успешно работали бы и за его пределами. Много лет мы требуем вывести из города асфальтобетонный завод, цех керамзитового гравия Алма-Атинского домостроительного комбината, заводы «Металлист» и «Электробытприбор», другие предприятия-загрязнители, но без толку. Плодоконсервный комбинат вместо того, чтобы вывести его за пределы города, расширяют.

Отводя возможные упреки, скажу, что краски в этой мрачноватой картине не сгущены. Мне приходилось наблюдать, как специалисты, чья деятельность имеет прямое отношение к проблемам экологии, не исключая из этого числа санитарных врачей и специалистов Госкомгидромета, испытывали крайнее смущение, едва речь заходила об изначальной статистике. Даже сейчас, в период всеобщей, казалось бы, гласности, нелегко, а подчас и невозможно прорваться к тайнам подлинных цифр и фактов сквозь предупредительные улыбки и вежливые интонации, коими сопровождаются фразы типа «нет, этого я вам не скажу», «нет, это запрещено инструкцией». А между тем разве не убедились мы в благотворности полной гласности в дни трагедии армянского народа, когда именно она позволила сплотиться людям из разных стран для скорейшей помощи Спитаку, Ленинакану, Кировакану...

Легче всего обвинить медиков в отсутствии сострадания и навесить ярлык: равнодушие к судьбам людей. Медики, может быть, больше других обеспокоены состоянием здоровья взрослых и маленьких горожан, потому что лучше других видят все. Но, видя, оповещают только определенные инстанции, посылают справки — только «куда следует».

Не устают разъяснять на всех перекрестках вред от курения, алкоголизма, наркомании и токсикомании, научились называть вещи своими именами применительно к СПИДу. А тут, когда дело касается всех нас, наготове заповедь «не повреди!», которая позволяет отстаивать сомнительное право «не пугать» людей.

Но что мы выиграем, если будем делать вид, что ничего особенного не происходит? Санитарным врачам это особенно известно: при ожидаемых уровнях загрязнения атмосферного воздуха количество заболеваний, например, острыми и хроническими бронхитами может возрасти почти в три раза!

* * *

Главным образом загрязняет атмосферу города автотранспорт. У нас в городе около 90 тысяч автомобилей, почти треть из которых — грузовые, чуть более пяти процентов — автобусы и 65 процентов — легковые автомобили, причем более половины последних составляют автомашины индивидуального пользования. На долю автомобильного парка приходится около двух третей вредных выбросов — примерно 190 тысяч тонн загрязняющих веществ в год.

Министерство автотранспорта, безусловно, принимает меры к ограничению загрязнений. Вера Александровна Сабирова, энтузиаст охраны окружающей среды в Минавтотрансе, рассказывает, что свыше 4 тысяч грузовых и 11 тысяч легковых автомобилей уже оснащено газобаллонными установками, 135 автобусов переоборудовано на потребление газового топлива, 400 автомобилей оснащаются нейтрализаторами выхлопов.

И все-таки перевод государственных автомобилей на использование природного и сжиженного газа в качестве моторного топлива идет крайне медленно, темпы работы не соответствуют масштабам загрязнения. Если так будет продолжаться и дальше, то работа эта может закончиться лишь в следующем тысячелетии.

Возросли поставки неэтилированного бензина. Теперь город, как говорят, получает 95 процентов бензина без тетраэтилсвинца. Сотрудники Алма-Атинского центра контроля загрязнений природной среды даже утверждают, что наметилась тенденция к снижению загрязнения свинцом, напрямую связывая это с использованием неэтилированного бензина А-76. Но решает ли это проблему? Нет. Во-первых, даже одна заправка автомобиля может стать «смертельной» для нейтрализатора выхлопных газов, пока еще очень дорогого. Значит, нужна стопроцентная поставка городу неэтилированного бензина, нужен тщательный отмыв всех бензохранилищ от тетраэтилсвинца. Во-вторых, без оснащения автомобилей нейтрализаторами окись углерода все равно будет поступать в воздух. В-третьих, нет самих нейтрализаторов, Минхимпром пока их не выпускает. Кроме того, для автомобилей с нейтрализаторами свойствен повышенный — на 3—5 процентов — расход топлива, в силу чего индивидуальные владельцы вряд ли станут торопиться покупать их. Забота об экологически чистом автомобиле — это дело не только центральных ведомств. Имея в городе научно-исследовательский институт автотранспорта, производственное объединение «Казавтотранстехника», вероятно, можно было бы заниматься серьезными работами в этом направлении. Тем более, что патентный фонд располагает описаниями изобретений двигателя внутреннего сгорания, более чистого в экологическом отношении, поскольку, по мнению изобретателей, потребляет втрое меньше бензина, и менее металлоемкого, так как в нем на несколько порядков меньше деталей, чем у существующих.

Было бы чрезвычайно недальновидно ограничиваться лишь констатацией существующего положения. Развитие народного хозяйства неизбежно ведет к возрастанию грузоперевозок, а значит, к увеличению парка грузовых автомашин. Увеличение численности населения — к 2005 году прогнозируется 1,5 миллиона жителей в Алма-Ате — приведет, соответственно, к росту парка индивидуальных автомобилей. По прогнозам, в перспективе грузоперевозки возрастут в 1,8 раза, автобусные перевозки — в 1,5, число легковых автомобилей удвоится. Заглядывая в будущее, нельзя упускать из виду, что одна автомашина, не оборудованная нейтрализатором, сжигая 1000 литров бензина, выбрасывает в воздух (кг): окиси углерода — 250, углеводородов — 50, окислов озота — 15, свинца — 0,1, твердых частиц — 1,5, окислов серы — 0,6.

С применением в автомобилях нейтрализаторов выхлопных газов выброс углеводородов и окиси углерода уменьшается на 70 процентов, окислов азота — на 45.

Еще в 1970 году ныне покойный академик Дмитрий Владимирович Сокольский рассказывал мне о палладиевом катализаторе, созданном им и его сотрудниками. По эффективности каталитической газоочистки он нисколько не уступал платиновому, считавшемуся за рубежом перспективным. А по дешевизне превосходил, так как палладий не столь дефицитен, как платина. Московские инженеры сконструировали газоочиститель с палладиевым катализатором алма-атинских химиков. Кстати, Алма-Ата — родина нескольких катализаторов, патенты на которые закуплены многими странами. Так вот, прибор хорошо зарекомендовал себя на равнине и значительно хуже — в горных условиях. На алма-атинских улицах, с их ярко выраженным «верхом» и «низом», режим работы двигателя часто меняется, быстрый нагрев и резкое охлаждение двигателя требовали подходящей конструкции самого нейтрализатора. Усовершенствованием конструкции занимались в Казахском научно-исследовательском и проектном институте автомобильного транспорта в группе Шапета Ембергенова, нейтрализатор прошел испытания с обнадеживающими результатами. Шапет Ембергенов говорил тогда, что путь нейтрализатора от стола конструктора к потребителю можно было бы укоротить максимально, если наладить выпуск хотя бы опытных партий, показывал пухлые папки с заявками на нейтрализатор.

Прошло 19 лет. И что же? Ученые все это время совершенствовали свои изобретения, теперь существуют разработки многих нейтрализаторов для различных автомашин: ГАЗ-24, ГАЗ-53, «Икарус», ЛИАЗ — это конструкции НПО «Казавтотранстехника», ими, в принципе, можно оснащать автомашины хоть сегодня. Но их нет. Как нет и блочных каталитических нейтрализаторов для автомашин «Жигули» и «Москвич», сконструированных на основе разработок Института органического катализа и электрохимии АН Казахской ССР. До сих пор в городе не создано производство для изготовления нейтрализаторов, выпуска гранулированных катализаторов. На опытной базе Академии наук КазССР идет сооружение опытной установки по производству блочных каталитических нейтрализаторов, но сколько же препятствий и межведомственных препон тормозят это архиважное для Алма-Аты дело!

Неоценимую пользу для уменьшения токсичных выбро-

сов автотранспорта могли бы, конечно, принести и контрольно-регулировочные пункты в автопарках и гаражах. В 208 автохозяйствах такие пункты проверки отработанных газов, оснащенные приборами, созданы. Но большинство их только числится формально, а проверки не проводятся.

Медленно развивается и автоматизированная система «Город». По постановлению бюро Алма-Атинского горкома Компартии Казахстана и горисполкома число автоматически регулируемых перекрестков в 1986 году должно было составить 121, в 1987 году — 142, до конца пятилетки — 171. Однако сейчас таких перекрестков в городе чуть больше сотни.

Чтобы снизить вред, причиняемый автотранспортом воздушному бассейну города, до конца пятилетки за его пределы предусмотрено вывести 15 автохозяйств с парком около полутора тысяч автомашин. Пока на новое место в г. Иссык переехала только автоколонна № 2571, а освобожденную ею территорию тут же занял автокомбинат № 2 управления «Алмаатататоргтранс». Не напоминает ли это известное всем латание Тришкина кафтана? А с другой стороны, нельзя не задуматься: принесет ли пользу вывод автохозяйств? Если их руководители настолько безответственны, что не хотят наладить четкую работу контрольно-регулировочных пунктов, диагностических стендов, то какое основание может быть для надежд, что выведенные из города автомашины не станут ежедневно совершать холостые пробеги для ублаготворения сиюминутных нужд руководителей упомянутых автохозяйств и их начальников повыше?

Тут свое веское слово могла бы сказать Госавтоинспекция, ведомственная инспекция. Но что говорить, если Минавтотранс имеет только одну передвижную лабораторию проверки двигателей на токсичность, и ГАИ в этом отношении оснащена далеко не лучшим образом.

* * *

Второй загрязнитель воздушного бассейна города — электростанции (ГРЭС, ТЭЦ-1, ТЭЦ-2) и промышленные предприятия.

До сих пор считается, что этот коллективный загрязнитель является вторым и по наносимому ущербу. Но на деле это, пожалуй, не так.

Еще в 1975 году у кандидата технических наук Вик-

тора Ивановича Хмырова, тогдашнего руководителя лаборатории обезвреживания газов Казахского научно-исследовательского института энергетики, были расхождения с учеными-метеорологами относительно размеров вредных выбросов от ТЭЦ-1 и строившейся тогда ТЭЦ-2. Виктор Иванович и сейчас утверждает, и не он один, что примитивные приборы, коими располагают коллеги из гидромета, мизерное количество наземных пунктов регистрации загрязнений атмосферы, отсутствие постоянного слежения за состоянием воздушного бассейна не позволяет им получать достоверные данные и воссоздать адекватную картину загрязнения, в том числе от тепловых станций.

Он подсчитал топливный баланс и сделал расчет загрязненности, резко отличающийся от официального. Тогда, в мае 1975 года, он подготовил справку и письмо, которые были отправлены на имя Д. А. Кунаева. В письме говорилось, что выбросы серы и окислов азота можно ограничить лишь в случае перевода обеих станций на газовое топливо. Приводились обоснованные расчеты, показывающие, что при проектной высоте труб ТЭЦ-2 129 метров (высота труб ограничена требованиями Аэрофлота) сжигание угля без сероочистки приведет к превышению предельных концентраций по сумме окислов серы и азота в 6,2—6,7 раза!

Ответа, разумеется, не последовало. Сейчас, как и четырнадцать лет назад, ТЭЦ-1 работает, в основном, на угле и сернистом мазуте, выбрасывая в воздух от 35 до 90 тысяч тонн сернистого ангидрида в год! ТЭЦ-2 работает только на угле. Многих успокаивает, что ТЭЦ-2 находится за пределами города, на Бурундайской площадке. Тем не менее почти треть суток шлейф от ее дымовых труб рассеивается в бассейне города в направлении к Зеленому базару. Для недоверчивых могу сообщить, что струи дыма, к примеру, от труб Экибастуза прослеживаются со спутника до... Алтая.

Промышленные предприятия не могут по объему вредных выбросов «переплюнуть» автотранспорт. Зато загрязняют атмосферу такими металлами и химическими соединениями, что только ахнешь.

Однажды я провела летучий опрос знакомых. Спрашиваю: «Знаете ли вы, что делают на фирме «Кзыл-Ту»?» В ответ — небрежный жест: «А-а, игрушки, сувениры...» Многим из нас кажется, что производство таких милых безделиц, как игрушки и сувениры, настолько же безгреховно и мило, как эти самые вещи.

К слову, кроме завода детской игрушки, в объединение входят еще головное предприятие и завод электроустановочных изделий. Но в данном случае нас интересует не структура производственного объединения, а то, что вредные вещества здесь выделяются в атмосферу не только котельной, но и при переработке пластмасс на прессах, термопластавтоматах, при обработке изделий растворителями, окраске изделий, измельчении вторичного сырья... Из десятка источников выброса вредных веществ — это трубы, вентиляционные шахты — только единицы оборудованы фильтрами, кое-как очищающими выбросы вредных веществ. По 30 тонн ежегодно выбрасывает знаменитая фирма: по 14 тонн сернистого ангидрида, 8 тонн органической пыли, 2 тонны золы, остальное — окись углерода, фенол, аммиак, ацетон, толуол, бензин, метилметакрилат. С «Кзыл-Ту» успешно соперничают котельные баннопрачечного комбината, выбрасывающие по 35 тонн вредных веществ.

Комбинат строительных материалов расположен в северо-западной части города, в той стороне, где загрязнять воздух можно с наибольшим успехом. Здесь изготовляют глиняный кирпич, изоляционные плиты на синтетическом связующем, керамзитобетонные стеновые панели, акустическую плитку — чрезвычайно мирную и необходимую продукцию. Вероятно, и в цехах мир и лад, и люди работают в неплохих условиях: там действует 40 вентиляционных шахт и еще десятка два неорганизованных источников выбросов вредных веществ. Но что-то не припомнится случая, чтобы хоть один инженер или рабочий прислал в газету письмо такого, примерно, содержания: «С ведома и благословения нашего начальства мы ежегодно выбрасываем в городской воздушный бассейн более 15 тысяч тонн вредных веществ и травим ни в чем не повинных граждан, а заодно своих родных и близких, сернистым ангидридом, окисью углерода, двуокисью азота, фенолом, формальдегидом в таких количествах, что у граждан, знай они об этом, волосы бы дыбом встали!..» Нет, не получали газеты таких писем.

В Алма-Ате расположено 89 предприятий, имеющих наиболее крупные источники выбросов вредных веществ. Выбросы 58 из них подлежат строгому нормированию. До конца 1988 года около сорока предприятий должны были разработать и согласовать проекты норм предельно допустимых или временно согласованных выбросов. Но фактически лишь единичные предприятия имеют такие утвержденные нормы.

Если выбросы всех промышленных предприятий города принять за сто процентов, то 72 процента валового выброса приходится на ТЭЦ-1, ТЭЦ-2, ГРЭС, Алма-Атинское предприятие тепловых сетей, производственное объединение «Кзыл-Ту» и «Асфальтобетон», комбинат строительно-монтажных конструкций, трест банно-прачечного хозяйства и некоторые другие. И заметьте, какой идет крупный счет: на десятки, сотни, тысячи тонн!

Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения считается в официальных кругах предприятием, на котором охотно занимаются экологическими проблемами. Здесь раньше, чем на других, были разработаны нормы предельно допустимых выбросов, организована лаборатория охраны окружающей среды и даже группа контроля за выбросами. Получена измерительная аппаратура. Но вот по данным Алма-Атинского центра контроля загрязнения природной среды, он до 1984 года выбрасывал примерно 2,5 тысячи тонн вредных веществ, да еще столько же улавливал. С 1984 года процент «улова» снизился с 50 до 33—34%, выбросы увеличились и составили свыше 5 тысяч тонн в год. Как же так? При наличии лаборатории, аппаратуры...

Вот и в мебельном объединении «Алма-Ата», где в 1987 году организована лаборатория охраны природы в составе трех человек, организационный период затянулся надолго. Заявка на приборы подана давно, а когда получат — бог весть. Так что и здесь, как на большинстве производств, объем выбросов учитывают пока расчетным путем, а что это такое, хорошо чувствуют на себе жители, живущие окрест.

Комиссия Президиума Совета Министров Казахской ССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов в официальном документе предписывает министерствам и ведомствам республики, Алма-Атинскому горисполкому в кратчайшие сроки обеспечить на подведомственных предприятиях разработку проектов нормативов предельно допустимых выбросов вредных веществ и ускорить осуществление воздухоохранных мероприятий, но...

Иные хозяйственники, когда с ними заговариваешь обо всем этом, чуть ли не с удовольствием заявляют: «Нет оборудования, нет денег, нет штатов...» А что? С природоохранными мероприятиями возню затевать хлопотно, да и не план это, сильно не накажут, а в случае чего оштрафуют на десятку-другую...

Административные комиссии райисполкомов, которые по представлению Алма-Атинского центра контроля загрязнения природной среды «принимают меры» к нарушителям, могут оштрафовать лично руководителя предприятия на полсотни рублей, а могут и пожурить. Это уж как выйдет.

А между тем, и об этом ученые говорят не один год, следует перейти к экономическим методам управления охраной природной среды, которые состоят в обоснованном налогообложении предприятий и ведомств — загрязнителей атмосферы. Тем более что Закон о государственном предприятии предусматривает перестройку финансирования природопользования. Средства, взыскиваемые с предприятий-загрязнителей, пойдут в республиканский и местный бюджеты для проведения природоохранных мероприятий. По разработанной уже методике расчета экономического ущерба сумма налога определяется превышением фактического объема и токсичности выбросов над нормой — предельно допустимыми выбросами. Такие фонды охраны окружающей среды уже созданы в Эстонии, Армении, на Украине. Что ж медлят власти у нас?

Вот и не подсчитывают своих выбросов десятки предприятий, расположенных преимущественно в центральной и северной части города. А «ассортимент» у них — богаче некуда: свинец и акролеин, керосин и алюминий, разнообразнейшие щелочи и окись марганца, медь и цинк, олово и бериллий, хром и ртуть...

Трудно переоценить благотворное влияние зеленых насаждений на городской микроклимат. Как тут не помянуть благодарным словом наших человечных и поистине мудрых предков, стараниями которых город Верный, а затем Алма-Ата, носил славу одного из самых зеленых в стране! Легендарные лесоводы Карл и Эдуард Баумы, Фетисов хорошо знали, сколь живителен воздух, напоенный дыханием садов и парков. Великий Семенов-Тяньшанский, приехав во второй раз в Верный, не узнал его. Он был потрясен размахом зеленого строительства, плодами деятельности своих друзей Баумов. И писал: «Я свидетельствую, что здесь не было зелени...» А теперь, в 1875 году, она была, и в каком изобилии!

Но вот крохотный уютный городок превратился в миллионный улей. И потерял славу самого зеленого. Сейчас, если верить документам, на одного жителя города приходится 5,8 квадратных метров зеленых насаждений, что во много раз меньше санитарных норм.

Очень важно то, что делают ученые Главного ботанического сада АН КазССР. Они на основе многолетних исследований дают рекомендации, какие породы деревьев имеют наибольший санирующий эффект, разрабатывают перечень пород, наиболее устойчивых к сернистому газу, окислам азота, засухе, устойчивых к металлотоксикантам. Скажем, клен ясенолистный и приземистый вяз, которые наиболее долго сохраняют ростовую активность побегов,— наилучшие «санитары» при загрязнении почвы токсичными тяжелыми металлами. По рекомендациям ученых «Казгипроград» проектирует схему санитарно-защитных зеленых насаждений в Алма-Ате. Едва ли не главная роль при этом отводится созданию санитарно-защитных зеленых зон предприятий — для охраны здоровья населения от влияния вредных факторов производства: шума, запыленности, выбросов вредных веществ.

Но вот архитекторы, носясь с идеей уплотнения застройки и обосновывая эту уплотненность существующими нормами и инструкциями Госстроя, чуть ли не полностью ликвидируют эти зоны. Ведь что такое — защитная зона близ АХБК? Узенькая полоска насаждений, которые и деревьями-то не назовешь, чахлый намек на бульвар.

С другой стороны, поклоняясь обновленным СНиПам и инструкциям, никто не хочет подумать: да существуют ли вообще, имеют ли право на существование универсальные, одинаковые для всех городов нормы? Алма-Ата — уникальный город: по своим климато-географическим особенностям, да и по устойчивой линзе смога, для него не годятся нормы, составленные людьми, чья мысль растекалась, очевидно, по равнине.

Года два назад на очередном заседании межведомственной комиссии горисполкома по охране окружающей среды в числе других рассматривался вопрос формирования санитарно-защитных зон в пределах промышленных предприятий. Ни один из их представителей, приглашенных на заседание, не мог сказать, что делается его администрацией для создания таких зон. Зато выяснилось, что правдами и неправдами администрация старается строить свои жилые дома и объекты соцкультбыта поблизости от предприятия. Как же, как же — забота о трудящихся! Живя-де рядом, они затратят меньше времени на поездки на работу и обратно. Но забота эта, не подкрепленная серьезным изучением хотя бы локальных загрязнений и их последствий, оборачивается, по сути, преступлением. Да, преступлением против здоровья людей,

живущих вокруг завода или фабрики. Как иначе можно объяснить то, что на территории санитарной зоны АХБК построены роддом и детский сад, в пределах санитарной зоны локомотивного, вагонного депо и вагоноремонтного завода — два десятка жилых домов, что АДК по-прежнему строит жилые дома вплотную к цеху керамзитового гравия? И как архитектурно-планировочное управление горисполкома разрешает это?

Заместитель начальника АПУ горисполкома Шамиль Еркебуланович Нысанбаев дал такие пояснения:

— В 1978 году был утвержден последний генеральный план Алма-Аты, в котором санитарные зоны предприятий предусматривались. Но конкретную архитектурную проработку этих зон с учетом специфики деятельности того или иного предприятия никто не делал, потому что тогда существовали лишь укрупненные нормы. Это могла быть территория по периметру предприятия шириной и 150, и 300 метров. Тогда никто не считал. Ведь этот природоохранный «бум» начался совсем недавно, буквально только что. Город рос, и, можно сказать, само собой сложилось, что табачный комбинат, к примеру, оказался в гуще городской застройки.

— Но вот роддом и детский сад, размещенные в санитарно-защитной зоне АХБК, не древние какие-нибудь постройки, они сооружались тогда, когда «шапка» над городом уже висела, и ученые знали и предупреждали о растущем загрязнении атмосферы. Без разрешения архитектурно-планировочного управления они не были бы построены, не так ли?

— Теперь трудно ответить. Раньше решалось все волевым порядком. Виновных теперь не найдешь. Вероятно, намечалась санитарная зона и вокруг АХБК. Но скорее всего, эти объекты сооружены по инициативе администрации комбината.

Вот так. Виновных не найдешь, а чужую беду, как говорится, руками разведу. Но чужая ли это беда?..

К началу 1988 года в архитектурно-планировочном управлении города не могли ответить, какие предприятия имеют защитные зоны и сколько их, какие крупные предприятия-загрязнители не имеют таких зон и почему. А на вопрос — бывало ли, чтобы АПУ давало разрешение на строительство жилья и объектов соцкультбыта в пределах санитарных зон, последовал уклончивый ответ: «Мы сами разрешения не даем — только на основании визы городской санитарно-эпидемиологической служ-

бы». И далее шли оправдательные доводы, смысл которых сводился к тому, что работники архитектурно-планировочного управления принимают на веру слезные челобитные предприятий. Да и как-де не верить, если прошение свое каждая администрация обосновывает ссылками на модернизацию и дальнейшее, прямо-таки недосягаемое улучшение технологии производства, а, следовательно, уменьшение в результате этого вредных выбросов. Выходит, авансам и реверансам администраций промышленных предприятий ГлавАПУ верит. А ежемесячным справкам и ежегодным сборникам, содержащим обобщенную информацию о загрязнении воздушного бассейна, которые Алма-Атинский центр контроля загрязнения природной среды постоянно рассылает всем советским и партийным руководителям, не верит? Или не читает их?

Странным кажется, что Комиссия Президиума Совета Министров Казахской ССР по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов лучше осведомлена, чем те, кому это положено, как говорится, по штату. В ее документе отмечается, что только на 4 крупных предприятиях из 10 проводится разработка проектов санитарно-защитных зон. То есть фактически ни одно предприятие в городе пока такой зоны не имеет!

Вот что, мне кажется, очень важно. В проблеме состояния воздушного бассейна Алма-Аты надо выделить один, безусловно, решающий момент: это почти поголовная, чудовищная экологическая неграмотность населения — от бабки на завалинке до руководителя высокого ранга.

И вот возникают всякие вопросы, которые кому-нибудь могут показаться мелкими.

Почему, скажем, в развитых странах строители не загрязняют территорий, прилегающих к новостройке?

«Я видел десятки участков, включая и те, где поднимаются стоэтажные великаны,— пишет из Вашингтона собственный корреспондент «Известий» Л. Корявин,— и нигде на соседних тротуарах не приметил, как говорится, ни одной строительной «соринки»... Прохожий, съев на ходу бутерброд и выпив пепси, швырнет пакет или бросит на мостовую пустую банку... Другое дело —«поведение» строительной компании. За загрязнение улицы муниципалитет возьмет с нее (а суд, если потребуется, обязательно санкционирует) штраф, и очень, очень солидный... Поэтому на любой стройплощадке есть наряд уборщиков, которые идут с метлами и шлангами за выезжающей машиной. Они вычистят улицу до блеска...»

А вот у алма-атинских строителей, похоже, идет соревнование между трестами, управлениями и участками: кто сильнее загадит городскую территорию. Свежайший пример: на углу улиц Попова и Университетской возведены здания Алма-Атинского энергетического института. Бывшие чистенькие улочки — Университетская, Попова, Бальзака, Шолома Алейхема — стали продолжением стройки. К тому же на улицу Аль-Фараби пришли теплотрассовики и разрыли и раскидали все вокруг с таким размахом, что специалисты-диверсанты не могли бы наворочать подобное. Затем кое-как уложили асфальт, и все же в хорошую погоду здесь беспрерывно вьются клубы пыли, а в слякоть улицы непролазны. А рядом — 6-я больница, детская больница, гелиолечебница!

Сколько десятков строительных площадок в городе! Однако строители, в их числе высокоэрудированные мыслящие специалисты, не только не считают, сколько пыли добавляется за их счет в воздушный бассейн, но и задумываться об этом не желают. Не шевелится и управление городского благоустройства, в чью обязанность входит чистка проезжей части улиц. Может быть, нашему «муниципалитету»— горисполкому — стоит перенять полезный зарубежный опыт и начать взимать крупные штрафы с нерях-строителей, чтобы эти деньги использовать на нужды города, хотя бы на увеличение парка тех же машин-уборщиков?

Или вот еще «мелкий» вопрос: знают ли в горжилуправлении о требовании Минздрава Казахской ССР — проводить уборку городской территории только «мокрым» способом? Оказалось, знают. Но не выполняют.

Как и двадцать лет назад, полуторатысячный отряд уважаемых дворников столицы разом поднимает в городе такую пыль по утрам, что окна даже и на седьмом этаже не открыть. А потом, правда, иногда поливают.

Конечно, лепту дворника в общее загрязнение воздуха не сравнить со щедрым вкладом производственного объединения «Асфальтобетон» или цеха керамзитового гравия Алма-Атинского домостроительного комбината. Но ведь копеечка к копеечке — глядишь, рубль!

«Мелких» вопросов масса. Всем ли, например, известно, что так называемый индивидуальный жилищный сектор — домики с печным отоплением — выбрасывает 26 тысяч тонн вредных веществ в год?

Эти дома газифицируют, но не так быстро, как хотелось бы. Специалисты считают, что этот процесс может растя-

нуться на 10—15 лет. Могу поделиться с директором городской топливной базы таким соображением: вся Англия отапливается грохоченым углем, почему бы и нам не попробовать? Это такой отмытый от пыли, не очень крупный, отлично сгорающий уголь. При топливной базе можно было бы создать кооператив, который отмывал бы уголь, наполнял бы контейнеры им и вез по заявке по адресу. Рядом с полным контейнером мог бы стоять пустой — забрать накопившуюся у хозяина золу. А зола — строительный материал, частично заменяет цемент. И все это — за счет благодарного горожанина, если, конечно, цены за такую услугу будут божескими. Это реальное снижение расхода топлива и вредных выбросов.

Воздушный бассейн города не зря называют его легкими. Они должны обеспечить наше дыхание в первую очередь. Они же обеспечивают кислородом все энергетические процессы: сжигание топлива на электростанциях, в автомобильных двигателях. Мы выдыхаем в воздух безвредный углекислый газ, а «выдохи» автомобильного транспорта, теплоцентралей, предприятий серьезно поражают атмосферу. Происходит даже «тепловое загрязнение», подобно тому, как у больного человека подскакивает температура выше 37 градусов.

Тепловые съемки, проведенные ПГО «Казгидрогеология» совместно с КазИМСом, дали возможность построить карту температурных контрастов города. По ней легко определить не только девять основных тепловых зон, как ТЭЦ, АХБК и др., но и золоотвалы тех же ТЭЦ, различные свалки, сбросы технических вод, аварийные участки тепломагистралей, а в зимнее время — даже открытые двери подъездов в жилых домах, излучающие тепло.

Самовозгорающиеся свалки, даже небольшие, диаметром всего каких-нибудь три метра — это тоже серьезный источник загрязнения почвы, воздуха. Даже распахнутые двери — яркий штрих нашей всеобщей безалаберности и бесхозяйственности — это еще и лишние тонны зря сожженного топлива и напрасно выработанной энергии, и тем самым дополнительного загрязнения воздуха.

Так что проблема ликвидации экологического невежества стоит очень остро и обходится всем нам недешево.

* * *

Ситуация крайне высокого загрязнения воздушного бассейна города была налицо, когда Институт органического катализа и электрохимии АН Казахской ССР по заданию Госплана республики сформировал целевую комплексную

программу оздоровления воздушного бассейна Алма-Аты. Она была одобрена и утверждена Госпланом в декабре 1985 года. В соответствии с программой работа пошла по трем направлениям: организационно-технические и градостроительные мероприятия координирует горисполком; в выполнении «обеспечивающих» подпрограмм для создания научных основ и технической базы системы управления качеством атмосферного воздуха участвуют ученые Академии наук КазССР и отраслевых институтов; разработкой территориальной комплексной схемы охраны природы города занимаются институты «Казгипроград» и «Алмаатагипрогор» вместе с десятью субподрядными организациями, чьи усилия координирует Госстрой Казахской ССР.

Комплекс организационно-технических и градостроительных мероприятий предусматривает многое. Обеспечение полной потребности городского автомобильного парка в неэтилированном бензине. Освоение производства катализаторов и каталитических нейтрализаторов и оснащение ими государственного автотранспорта. Организация 67 контрольно-регулировочных пунктов проверки автомобилей на дымность и токсичность в 1987 году и 50 — в 1988 г. Оптимизация маршрутной системы пассажирских перевозок. Строительство и благоустройство дорог. Вывод за пределы города автотранспортных предприятий, не связанных с внутригородскими перевозками, и объединение мелких гаражей в ведомственные автохозяйства с отлаженной контрольно-регулировочной службой. Увеличение парка трамваев и троллейбусов, прокладка 29 километров троллейбусных линий. Снижение вредных выбросов в атмосферу стационарными топливосжигающими установками. Разработка и внедрение комплекса природоохранных мероприятий, обеспечивающих соблюдение норм предельно допустимых выбросов промышленными предприятиями города. И многое, многое другое.

Немало работы по этому длинному перечню уже сделано. Создан также республиканский комитет по охране природы, с которым связано столько надежд. Но вот факт для размышления. Кооперативный центр «Квантор» предлагает ГАИ республики, Госкомприроде портативный дымомер для определения дымности дизельных двигателей. Каждый инспектор ГАИ мог бы иметь в своем распоряжении такой прибор для укрощения нерадивых водителей большегрузных машин, выпускающих клубы черного дыма. Однако сами научно-технические производственные кооперативы в силу непродолжительности своего существования пока еще

венчурным капиталом не располагают. А государственного заказчика для доводки прибора до промышленного выпуска не находится.

И правы специалисты, участвующие в выполнении второй, научной части целевой программы, которые считают, что сделано много, но самое главное не сделано.

Цель научно-технической программы сформулирована так: «Определить направления и провести первый этап комплексных работ, существенно улучшающих состояние воздушного бассейна города, путем целенаправленного снижения выбросов токсичных веществ в атмосферу; создать основы **управления качеством** (подчеркнуто мной.— Е. П.) атмосферного воздуха, а также разработать научно обоснованные рекомендации по охране природы для генерального плана развития Алма-Аты».

Можем ли мы сейчас говорить об управлении качеством атмосферного воздуха? Готовы ли мы к управлению? Созданы ли основы для такого управления? И что это, собственно, такое — управление качеством воздуха?

Эти вопросы не раз были предметом обсуждения в беседах с ученым секретарем научно-технической программы, кандидатом химических наук Галиной Константиновной Алексеевой, с зав. отделом Госкомприроды КазССР, кандидатом химических наук Иваном Ивановичем Сафоновым, с заведующим лабораторией математических проблем физики атмосферы Института математики и механики АН КазССР, кандидатом физико-математических наук Эдиге Аскаровичем Закариным, многими другими алма-атинскими учеными.

Ответы формулировались по-разному в зависимости от специфики проблемы, над решением которой работает ученый. Но суть их сводилась к одному: нет, не можем, не готовы.

Вот мнение Галины Константиновны Алексеевой. В силу обязанностей ученого секретаря программы она хорошо осведомлена о работах коллег из академических и отраслевых институтов.

— Управление включает в себя, как известно, жесткий цикл: прогнозирование и планирование — организацию работ — координацию и стимулирование — контроль — учет — анализ. Полученный анализ возвращает к началу цикла. То есть, если цепочка замкнулась и все звенья ее работают — управление налицо. Не срабатывают отдельные звенья — управления нет, есть только видимость его. Обратите внимание на первое звено управленческого цик-

ла: прогнозирование. Оно у нас в полном смысле «на нуле», потому что не отлажен четкий всеохватный контроль и такой же учет всех источников выбросов вредных веществ. Мы не располагаем информационным банком данных о состоянии городского воздушного бассейна.

— Только на основании всеобъемлющего знания того, что происходит в воздушном бассейне, можно строить математические модели,— подтверждает Эдиге Аскарович Закарин,— и, в конечном итоге, прогнозировать ситуацию: оперативную — на текущий момент, краткосрочную — на ближайшее будущее, долгосрочную — для построения перспективных планов.

Напрашивается такая аналогия. Заболев, вы отправляетесь к участковому врачу, который после несложного обследования ставит предварительный диагноз. Для его подтверждения необходимы статистические данные, информационный банк данных, если хотите. И вы безропотно путешествуете по кабинетам: сдать кровь, пройти рентген. Этого далеко не всегда бывает достаточно, особенно если врач не видел вас годы или если он подозревает сложное заболевание. И вот, в свете перестройки здравоохранения выполняются безотлагательные требования дня — создаются диагностические центры, где ЭВМ, произведя обработку многочисленных аналитических данных о вашем организме, выдаст диагноз; делается попытка специализировать участкового врача как врача семейного, чтобы он, наблюдая ваше состояние не от случая к случаю, а постоянно, накапливал бы, в сущности, «информационный банк» данных о вас. Когда это будет осуществлено, можно будет всерьез говорить о профилактике, об управлении здоровьем человека, если, разумеется, сам человек склонен выполнять предписания врачей.

Очевидно, аналогия правомерна. «Обследование» такого огромного живого организма, как город, провести очень сложно. И тем не менее обследования необходимы. Не от случая к случаю, а постоянно. Нужно создать мониторинг загрязнения воздушного бассейна, когда хорошо налаженная контрольно-измерительная сеть вела бы непрерывно наблюдение за состоянием атмосферного воздуха, за соблюдением норм предельно допустимых выбросов в атмосферу вредных веществ. Конечно, существующий уровень сбора этой информации в Алма-Ате никого удовлетворить не может.

Да, службе контроля нужна оперативность. Говоря словами Г. К. Алексеевой, дорого ли стоит информация

о состоянии атмосферы на вчера, которую мы получим завтра? Нам нужна информация сегодня — на сегодня. Имея такую информацию, можно быстро принять меры по подавлению источника загрязнений, внести изменения в режим работы предприятий и транспорта.

Чем для алмаатинцев интересен и поучителен опыт киевлян, которые за реализацию в прошедшей пятилетке аналогичной целевой научно-технической программы награждены медалями ВДНХ СССР? Они в результате выполнения программы создали отработанную систему управления качеством городской природной среды. Система имеет основу — информационный банк данных о состоянии воздушного бассейна, получаемых посредством автоматизированных программ. Полсотни наиболее крупных предприятий имеют нормы предельно допустимых выбросов вредных веществ. И нормы — это нужно подчеркнуть — не лежат мертвым капиталом в чьем-либо столе. Предприятия соблюдают эти нормы. Не последнюю роль в этом играет оперативная инспекция загрязнений воздуха, четко действуют передвижные лаборатории. В комплексе мер отрабатывается мониторинг загрязнения воздушного бассейна. Все это предусмотрено и нашей программой.

— Но мы по сравнению с киевлянами находимся на начальном этапе организационной работы,— комментирует кандидат геолого-минералогических наук Олег Васильевич Иванов.— Разница в том, что производственное объединение «Горсистемотехника» Киевского горисполкома разрабатывает автоматизированную систему обработки данных о воздушном бассейне города. Поскольку исходные данные об источниках выбросов вредных веществ известны, имеется возможность моделировать качество воздушного бассейна. Это, в свою очередь, позволяет комплексно оценить состояние воздуха в зонах действия 80 самых крупных промышленных предприятий. Таким образом планомерно накапливается банк данных, который содержится в памяти ЭВМ в так называемом «ситуационном кабинете» горисполкома. Любое заинтересованное лицо, будь то хозяйственный, советский или партийный руководитель, может в этом кабинете на дисплее увидеть карту рассеивания токсичных веществ в виде изолиний, или ее фрагмент, и воспроизвести конкретную ситуацию, связанную с загрязнением воздуха тем или иным предприятием. Результаты расчетов по оценке уровней загрязнения воздушного бассейна послужили базой для разработки сводного тома норм предельно допустимых выбро-

сов в городе. Системный подход к проблеме оздоровления воздуха сказался наилучшим образом: в Киеве в последние годы прослеживается устойчивая тенденция снижения загрязненности атмосферы.

Оперативная инспекция, мониторинг, ситуационный кабинет — недостижимая пока мечта для нас, алма-атинцев? В Казахском центре контроля за загрязнением природной среды главный инженер Эдуард Людвигович Позняк рассказывает:

— Состояние проблемы можно охарактеризовать таким, самым больным примером. Мы выдали технико-экономическое обоснование и техническое задание на разработку автоматизированной системы контроля загрязнения воздуха для Алма-Аты «АНКОС-АГ». Аббревиатура расшифровывается так: анализ контроля окружающей среды — атмосфера города. Сделали это на основании постановлений ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР № 272 от 14 июля 1976 г. «О мерах по дальнейшему оздоровлению воздушного бассейна г. Алма-Аты», № 443 от 4 декабря 1985 г. «О дополнительных мерах по предотвращению загрязнения атмосферного воздуха г. Алма-Аты» и «Плана введения в эксплуатацию 1-й очереди автоматизированных систем контроля загрязнения атмосферного воздуха и водных объектов до 1990 года», утвержденного Госкомгидрометом СССР 28 октября 1985 г. Нелишне добавить, что по названному плану в XII пятилетке намечено создание подобных систем в восьми приоритетных — по загрязненности атмосферы — городах страны, в том числе в Алма-Ате.

— Зачем нам нужен АНКОС? Существующая ныне служба наблюдений основана на отборе проб вручную три раза в сутки. Что такое наши пункты наземного наблюдения? Это специальные площадки, расположенные в обусловленных местах в городе, там есть не бог весть как оборудованная кабинка для наблюдателя. Он отбирает с помощью специальных устройств пробы, записывает исходные данные, везет все это в лабораторию на анализ воздуха. Рабочий день уже закончился. Анализ проводится на следующий день после замеров. Поэтому в лучшем случае мы получаем результаты вчерашних загрязнений. Естественно, это не способствует принятию своевременных мер к ограничению объема выбросов, когда обнаруживаются высокие концентрации вредных примесей. Такой режим работы постов наблюдения — три раза в сутки — не позволяет фиксировать все случаи максимумов концентрации,

«залповых» выбросов. А это приводит порой и к занижению оценки среднесуточных значений, и затрудняет анализ влияния отдельных источников выбросов на уровень загрязнения воздуха. Понятно, что современные средства мониторинга загрязнений крайне необходимы.

Здесь, в центре контроля загрязнений, с тревогой отмечают, как из года в год ухудшается состояние атмосферы, из года в год повторяется превышение уровней максимальных разовых предельно допустимых концентраций основных примесей и уровня среднегодовых их концентраций. К сожалению, необходимость строительства лабораторного корпуса АНКОС в Алма-Ате все еще приходится доказывать. Котлован под него, вырытый шесть лет назад, уже порос травой. Из года в год работники горплана вычеркивают его из списка запланированных к строительству объектов. Здесь весьма уместно сказать, что с того времени, как были приняты директивные документы об ограничении строительства в крупных городах, в Алма-Ате под эгидой горисполкома построено 122 промышленных объекта, 61 из которых — источник вредных выбросов!

Тем временем огромная нужда в оценке распространения атмосферных загрязнений по территории города, да и за его пределами — в предполагаемых зонах будущей застройки — остается. Отличным инструментом для решения таких задач могла бы стать система математического моделирования ТОПАЗ (текущий объективный прогноз атмосферных загрязнений), как назвали ее сотрудники лаборатории математических проблем физики атмосферы Института математики и механики АН Казахской ССР.

— Математическое моделирование давно и широко используется учеными,— рассказывает заведующий лабораторией, кандидат физико-математических наук Эдиге Аскарович Закарин.— Моделированию поддаются такие процессы, которые невозможно воспроизвести в лабораторных условиях, например, движение небесных тел. Можно успешно моделировать ураганы, землетрясения, изучать на математических моделях подземные неоднородности, прогнозировать местонахождение полезных ископаемых. Поддается моделированию и состояние атмосферы, но для этого необходим обширнейший информационный банк данных: о динамике горно-долинной циркуляции в Алма-Ате; о химическом составе инверсионного слоя и характере турбулентности, происходящей в нем; тепловых и фотохимических процессах, так как вредные выбросы, взаимодействуя между собой, превращаются в еще более опасные для всего

живого соединения; большое количество других специальных данных.

В течение многих лет,— продолжил он,— мы загружали банк данных сами. Брали отчетные документы ЦСУ, Госкомгидромета, других ведомств, расчетным путем восстанавливали отсутствующую информацию, то есть пользовались данными, на абсолютную достоверность которых надеяться не приходится. Отсутствие АНКОС, таким образом, на годы затянуло работу над моделями ТОПАЗ.

Если бы система АНКОС уже существовала, то выдаваемые ею оперативные, среднемесячные и среднегодовые характеристики загрязнения, графические картины загрязнений, анализ причин превышения предельно допустимых концентраций вредных примесей — все это и многое другое, не перечисленное здесь, послужило бы информационным банком, содержащим достоверную информацию самого различного характера. Эта информация нужна всем. Пользователями информационного банка данных стали бы прежде всего городские власти, советские и партийные работники, от усилий которых зависит организация природоохранительных работ, а также метеорологи, работники инспекции контроля качества воздуха, ведомственные лаборатории охраны окружающей среды. Газеты могли бы публиковать оперативные сводки, от чего тоже зависело бы ускорение природоохранных работ. Неоценимую роль сыграл бы этот банк данных в дальнейшем усовершенствовании моделей ТОПАЗ. В сравнительно короткие сроки Алма-Ата смогла бы иметь автоматизированную систему прогнозирования состояния атмосферного воздуха. С другой стороны, КазНИИГоскомгидромета, Алма-Атинский центр контроля загрязнений природной среды, советские и партийные руководители, те же градостроители стали бы потребителями конечного продукта систем ТОПАЗ: краткосрочных и долгосрочных прогнозов. То есть усилия, приложенные к созданию информационного банка данных АНКОС, могли бы увенчаться прогностическими моделями ТОПАЗ. Тогда и архитекторы — разработчики технико-экономических обоснований генерального плана Большой Алма-Аты и самого генерального плана города — могли бы с большей степенью уверенности заявлять, куда расти городу: на север, запад или восток.

Очень большие надежды ученые возлагали и возлагают на ТОПАЗ. А ведь и в самом деле заманчиво: готовясь к проведению какого-либо природоохранного мероприятия, предварительно проиграть его и определить оптимальные

пути защиты атмосферы. Помните киевский «ситуационный кабинет»? Нечто подобное и в то же время принципиально иное в лабораторном варианте уже действует. Для других систем — ТОПАЗ-1, ТОПАЗ-2, ТОПАЗ-3 — все еще не хватает данных, поскольку многие параметры атмосферы попросту неизвестны, не изучены.

В условиях острого дефицита достоверной информации ученые решили провести широкомасштабный эксперимент по изучению загрязнений воздушного бассейна города. Усилиями директора Института математики и механики академика У. М. Султангазина, Э. А. Закарина и его сотрудников, ученых Институтов ядерной физики и астрофизики АН Казахской ССР, в течение 1987 года была проведена подготовительная работа к проведению эксперимента. А в течение октября — декабря того же года он состоялся. В эксперименте АНЗАГ-87 (анализ загрязнений атмосферы города) приняли участие ученые Института физики атмосферы АН СССР, Института химической кинетики и горения (Новосибирск), Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова (Ленинград), Ленинградского госуниверситета, Института оптики атмосферы (Томск) Сибирского отделения АН СССР, а также алма-атинские ученые Астрофизического института, Института ядерной физики, КазНИИГоскомгидромета, главного координатора эксперимента — Института математики и механики, Казахского пединститута, специалисты «Алмаатагипрогора»— главного разработчика генерального плана Алма-Аты, других научных учреждений.

Каждая из групп исследователей начала работы по собственной методике и на своей аппаратуре, привезенной с собой. Самолет-лаборатория Главной геофизической обсерватории много раз совершал облет северных, северо-западных территорий, районов Бурундая и Первомайских озер, где по мысли составителей технико-экономического обоснования генплана Алма-Аты до 2005 года будет расти город.

Управляемый летчиками, приученными к работе в нештатных ситуациях, самолет летал на различных высотах до 2500 метров, зондируя инверсионный слой, исследуя состав «шапки». С помощью комплекса аппаратуры, установленной на борту, в это время проводились оптические, аэрозольные и другие измерения слоев атмосферы. Синхронно работали группы, проводившие наземные измерения. В городском аэропорту каждые четверть часа посредством акустического локатора получали данные об атмосфере

томичи. Одновременно велись наблюдения на наземных пунктах, размещенных на время эксперимента в Институте горного дела, Казахском педагогическом, Астрофизическом институтах. Сотрудники КазНИИГоскомгидромета, к сожалению, выполнили лишь часть своей программы: им не удалось уговорить партийных работников отпустить участников эксперимента с... уборки лука.

В этом эксперименте поражает даже не его масштабность, а то, с какой готовностью откликнулись ученые из разных городов страны, отправившись в длительную командировку, везли с собой огромное количество аппаратуры, работали чуть не круглосуточно.

Говорят, что после испытания атомной бомбы в Аламогордо великий Ферми воскликнул: «Не надоедайте с вашими муками совести! Это прежде всего великолепная физика». Это понятно: у исследователя загораются глаза и просыпается неистовое любопытство, когда в своей работе он натыкается на нечто неординарное. Нетривиальные ситуации часто ведут к открытиям.

Нечто подобное произошло с некоторыми участниками эксперимента АНЗАГ-87— москвичами, ленинградцами, сибиряками. У них загорались глаза. Где и когда они смогут увидеть и исследовать такое!..

У алма-атинских ученых настроение резко снизилось: ничего обнадеживающего в данных обследования городской атмосферы они не отметили. Их наихудшие опасения подтвердились. Атмосфера города серьезно больна. Ее состояние оценивается ими как экстремальное.

Большинству настоящих ученых муки совести не чужды. Знакомы ли они тем, кто призван организовать Дело?

Работа по выполнению целевой научно-технической программы хорошо высветила подход к делу. Управленческая цепочка не работает, ее звенья слабы и ненадежны. Системного подхода к управлению качеством атмосферного воздуха как не было, так и нет.

Казалось бы, все исполнители — алмаатинцы, дышат одним воздухом. Нет такого, кто не рассуждал бы озабоченно о его загрязненности. А дело, тем не менее, делается медленно, медленней некуда. Теперь, сдается, даже медленней, чем раньше, когда поджимали юбилейные или праздничные сроки и вся людская наличность по команде бросалась в атаку на очередную проблему, будь то строительство бани-музея или сортировка картофеля. Оказывается, и теперь, в эпоху перестройки, можно, обложившись спасительным кругом объективных причин, укорять

соседа в отсутствии желания ускоряться, а самому разводить руками и ждать, не обременяя совесть муками.

Понятно, что процесс адаптации к новым условиям, которые диктует перестройка, сложен и небезболезнен. И тем не менее люди ждут, что представители Советской власти и партийные работники станут адаптироваться в условиях новых требований, теперь уже на новом этапе перестройки, быстрее. Неповоротливость и тяжеловесная медлительность — а именно это характерно для осуществления мер по оздоровлению воздушного бассейна города — следствие недостаточной компетентности многих причастных к этой работе людей. Вероятно, этим можно объяснить и то, что если тактика оздоровления воздушного бассейна в виде республиканской целевой программы на XII пятилетку намечена, то стратегия — в виде комплексного, всеохватного и системного социально ориентированного подхода — пока не просматривается. Сказанное можно подтвердить и тем, что правительственные инстанции республики в своих документах отмечают: «Алма-Атинский горисполком не проявляет должной настойчивости к безусловному выполнению намеченных заданий по разработке и внедрению мер по оздоровлению воздушного бассейна г. Алма-Аты». Как жаль, что официальные бумаги лишены эмоциональной окраски! Ибо на житейском языке это прозвучало бы иначе...

Вот и президент Академии наук Казахской ССР У. М. Султангазин, выступая в «Вечерней Алма-Ате», отмечает: «Нет четкого представления о действительных научно-технических потребностях хозяйственного комплекса города, оформленного, к примеру, в виде перечня крупных проблем экологического и социального развития Алма-Аты, решение которых требует участия академической науки».

Это абсолютная правда. Почти четверть века ученые и городская общественность выражают тревогу по поводу ухудшающегося состояния воздушного бассейна. Город бурно растет, увеличивается число источников выброса вредных веществ в атмосферу. Но ни экологические проблемы, ни вопросы социального развития города не решаются с той мерой ответственности, которая соотносилась бы с уникальными климато-географическими особенностями и сейсмическими условиями Алма-Аты.

Градостроители все еще строят по старинке. Публично давая клятвы не загораживать пути горно-долинным воздушным потокам, по-прежнему перекрывают высотными до-

мами меридиальные, идущие с юга на север улицы. С удивительным упорством не замечают прогнозов специалистов института «Казгипрокоммунстрой» относительно роста в полтора-два раза загрязнения воздушного бассейна выбросами отработанных газов автотранспорта при условии реализации «северного» варианта развития города. «Город пойдет на север!»— победно объявляют авторы технико-экономического обоснования генплана Алма-Аты до 2010 года, принимая в расчет, по сути, единственный, и, по их мнению, главный фактор — сравнительно низкую стоимость земель в районах будущей застройки на Бурундайской и Первомайской площадках.

Широкой общественности неизвестно о существовании экспертного заключения экспертной подкомиссии Госплана СССР по ТЭО генплана развития Алма-Аты. Как, вероятно, неизвестен и тот факт, что ТЭО было разработано к 1984 году без привлечения серьезных экологических данных. Критикуя архитектурно-планировочные решения «северного» варианта, эксперты считают, что даже реализация некоторых улучшений в схеме градостроительства новой части города, рекомендуемых ими, «не сможет устранить те сложности и проблемы планировки, что заложены в самом выбранном варианте территориального развития».

Анализируя социальную инфраструктуру, предложенную ТЭО генплана, эксперты отмечают, что в нем не учтены цели и задачи ускорения социально-экономического развития города, совершенствования качества жизни населения, не увязывается развитие отдельных видов обслуживания с реальными платежеспособными потребностями населения, с научно-техническим прогрессом в отраслях социальной инфраструктуры. В ТЭО нет предложений по совершенствованию уже сложившейся социальной инфраструктуры старой части города, не учтена и столичность города, определяющая в значительной мере параметры развития специализированного обслуживания населения.

Рассматривая природно-климатические и инженерно-строительные условия реализации генплана, эксперты фиксируют, что в ТЭО не отображены и не оценены участки распространения просадочных грунтов, водосборные бассейны по степени селеопасности, овражно-балочная сеть и возможные участки ее интенсивного развития, прогноз возможности подтопления городских территорий грунтовыми водами, возможные участки возникновения оползней и осыпей. Не отмечены зоны вредности от про-

мышленных предприятий, от источников электромагнитных излучений (телецентр, ретрансляторы, радиостанции и т. п.). Нет кадастра площадок, весьма условно выполнено сейсморайонирование. А характеристика сейсмоусловий выражена фразами типа: «территории с возможным ухудшением сейсмических условий», «территории с неясной сейсмичностью», «территории с увеличением сейсмичности на I балл» (!).

Подобные замечания с отрицательной частицей «не» изложены экспертизой на сорока с лишним машинописных страницах...

Обо всем этом проектировщики и представители горисполкома избегают говорить в своих публичных выступлениях. Как и о том, что часть Бурундайской и Первомайской площадок пригодна только для размещения предприятий, поэтому там предлагается развернуть «северную» промзону. Но в перспективе возможно слияние «северной» и «южной» промзон в огромный промышленный остров... Тогда жилые районы окажутся по краям промышленного центра. Можно представить себе, что сулит такое соседство с точки зрения экологии!..

В соответствии с ТЭО генплана доля 9—12-этажной панельной застройки возрастет в перспективе до 62,4 процента по сравнению с 1984 годом —19%. В связи с этим в «новом городе» возрастет тепловой фон, ослабится и исказится ветровая деятельность, возникнут аномалии в составе атмосферного воздуха. Гигиенисты свидетельствуют, что в жару разность температуры между четвертым и девятым этажами составляет 3—4 градуса, т. е. если на нижнем этаже будет 30°, то на девятом — 34°.

Реализация несмелых, мягко говоря, мечтаний авторов генплана обойдется тем не менее государству (как говорят «не для печати» архитекторы) в четырнадцать миллиардов рублей. Разработка «лишнего» проекта варианта генплана (антипроекта нынешнего генплана), безусловно, намного дешевле тех потерь, которые возникнут при реализации решений, родившихся в бескрылое время застоя.

...Неужели мы так оскудели душой, что не в состоянии быть милосердными к родному городу! Кто же разбудит совесть мысли?..

Февраль 1989 года

Музафар ***АЛИМБАЕВ***

НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА, ИЛИ К ИСТОКАМ ВЗОРЫ ОБРАЩАЯ

I

Я родился и вырос в ауле. Моя родина — павлодарское Прииртышье. Урочище Маралды славится пресными и солеными озерами, невысокими, но густыми зарослями кустарников, где красноталы переплетаются с тоненькими березками, а разнотравные луга сменяются низинами и болотцами.

Украшением нашей небольшой округи служит соленое озеро Маралды; в него со всех сторон вливается шестьдесят четыре ручья. Озеро небольшое, но оно есть на всех географических картах Советского Союза.

Что до пресных озер, то они тоже удивительны — рыбы и дичи просто не счесть!

Озеро Жылыбулак теперь оказалось в самом центре колхоза «Кзыл-тан» и стало чем-то вроде летней ярмарки: сюда приезжают отдыхать и веселиться соседи — жители близлежащих совхозов и колхозов Щербактинского района, да и самого райцентра. Озеро удивительное! Оно притягивало и нас, когда мы были детьми, становясь местом всевозможных развлечений, началом нашего жизнепознания...

У нас в семье родилось двенадцать детей. Из них выжили только трое. Я был самым младшим из оставшихся в живых братьев. Вдобавок мы рано осиротели, и нам пришлось пережить всякое... Но все равно я сегодня с чувством непреходящей благодарности и легкой грусти вспоминаю свои детские годы. Мне кажется, что нас воспитывало все: и родник на джайляу, о чистоте которого заботились все без исключения жители маленького аула «Кзыл агаш»; и красновато-белая — по нашим представлениям «волшебная»!— одиноко растущая береза за аулом, бережно хранимая и свято чтимая всеми поколениями аулчан, и старое кладбище на горке, и роща «Шошкалы шокша», где летом так обильно росла черная смородина,— туда мы всегда отправлялись гурьбой — без шума, без раздоров собирали плоды и утиные яйца... Воспитывали нас и сказки бабушек, и колыбельные песни ма-

терей, и мудрые притчи аксакалов, и стихи акынов, и легенда о нашем земляке — герое гражданской войны Балтабае Баратбаеве...

Да, иной раз молчаливые стены старины воспитывают лучше, нежели иные наставления...

Моя мама знала множество легенд, сказок, песен и дастанов. До сих пор звенит во мне убаюкивающее-спокойная мелодия ее колыбельной песни, которую она пела, каждый раз придумывая новые слова, часто вклинивая и мое имя в ткань стихов.

Отбивающий у врагов скот,
будешь ли ты батыром?!
Изумляющий песней свой народ,
будешь ли ты акыном?

Вот почему я сегодня думаю, что каждый поэт начинается буквально с колыбели. Да разве только поэт?

В нашем доме было заведено, если можно так сказать, рассказывание сказок перед сном. Отец или мать, бабушка или кто-нибудь из дядюшек, соблюдая строгую очередность, рассказывали нам сказки — или одну длинную, или две коротенькие. Мы, дети, с готовностью укладывались в постели и навостряли уши. Слушали, затаив дыхание, не пропускали ни единого слова. Интриговал острый сюжет, необыкновенная, волшебная ситуация, мы с замиранием сердца следили за борьбой добра со злом. И, конечно, всегда были на стороне справедливых заступников народа — бесстрашных батыров, смело идущих в бой, и от всей души желали им побед — честных, правых — над коварством и подлостью...

Устный рассказ, сказка по своему эмоциональному воздействию гораздо сильнее, чем рассказ или сказка, прочитанные с листа. Особенно это заметно на малышах. Я уверен: сказки, прочитанные, а не рассказанные родителями, воспринимаются не столь остро. Даже когда ребенок сам читает книгу, он не так сильно сопереживает героям.

В устной сказке решающую роль играют интонации, артистичность и, если хотите, авторитет рассказчика. Ибо никто из наших родителей или родственников в жизни и в быту никогда не позволял себе говорить неправду, во всяком случае, при нас, детях.

И мы поэтому верили правде сказок, художественной правде.

И действительно, в моем, в общем-то, немногочисленном роду если какие-то понятия и признавались чуж-

дыми и отвергались вслух, то это были ложь, обман, клевета, воровство. И наоборот — честность и порядочность были главными, почитаемыми чертами.

Аксакалы всегда твердили:

— Иди по жизни зорче
и мудрей:
Беспомощного, слабого жалей!

Вот почему все сказки и легенды, услышанные в детстве, казались реальными, правдивыми. И излагались эти сказки и героические дела прошлого простым, доходчивым, образным языком. В них не было непонятных для нас слов и мыслей. Все было просто и... сложно. И очень интересно, как сама жизнь!

Народные сказки содержали в изобилии пословицы, поговорки, прибаутки, скороговорки, дразнилки, хитросплетенные обороты... Серьезные, смешные, мудрые. «Пока прихорашивается плешивый, пир пройдет». «Гений, как и солнце, принадлежит всей земле». «В смелого стреляешь — пуля не берет, рубишь — клинок не берет». «Когда двугодовалого коня поймали — стал трехлетним, надели уздечку — стал четырехлетним, оседлали — сделался пятилетним конем».

И запоминается легко, надолго, если не на всю жизнь.

Талантливое слово не умрет,
оно — самой природы мудрый плод.

Эта простая и полезная истина не всегда учитывается воспитателями и родителями.

Я по сей день помню, как отец учил меня, уже 4—5 летнего мальчонку, приветствовать его по утрам первым и без всякого напоминания произносить: «Ассалаумагалейкум!» Так же должен был приветствовать я и гостей, знакомых и незнакомых.

Возвращаешься, бывало, после какой-нибудь игры, вихрем влетаешь в дом! А тут — гости за дастарханом. Растеряешься, забудешь о приветствии. Стоишь в полном оцепенении. Отец негромко даже, едва заметно произнесет:

— Балам!*

Этого вполне достаточно, чтобы догадаться, в чем дело. Скорей на улицу. Приводишь себя в «божеский» вид, вымоешь лицо и заходишь в комнату снова. Уже степенно, по-взрослому. И произносишь громко:

---

* *Балам* — сынок (каз.).

— Ассалаумагалейкум!

А гости тут же заметят:

— Вот джигит! Вот молодец!

— С него толк будет!

Отец нейтрален. Он делает вид, что к нему эти слова не имеют никакого отношения, что сын уже взрослый, самостоятельный. А ты горд! А ты счастлив этой похвалой!

И сейчас я ловлю себя на том, что, когда приветствую на улице совершенно незнакомого мне пожилого человека, это приветствие идет оттуда, из далекого аула, из детства, из истоков.

Если мальчонка пересек дорогу аксакалу, взрослой женщине, или пытался закурить, или вдруг вставил грязное словечко — это становилось сразу, в тот же день, достоянием всего аула. Потому что «присматривают за мальчиком тридцать семейств, за девочкой — сорок семейств». Каждый взрослый наблюдал за своими детьми и за чужими, ибо чужих детей нет: каждый взрослый морально отвечает за здоровый духовный климат своей среды.

В жизни не забуду, как я шестнадцатилетним юношей два-три дня баловался картежной игрой и был замечен дальним своим родственником — дядей Хайруллой. Он не просто надрал мне уши и не просто пристыдил. Он сказал: «Сирота, а еще играешь в карты на деньги. Лучше бы подумал о своем завтрашнем дне! Родители твои умирали в надежде, что ты будешь поддерживать честь дедов своих!..»

Или вот еще. Все ли мамы поют своим младенцам колыбельные песни? Знают ли они такие песни? Сколько сказок помнят наизусть? Сколько загадок? Сколько скороговорок? Пословиц и поговорок?

А бабушки и дедушки? Рассказывают ли они сказки и легенды о благородных делах прошлого? Вспоминают ли исторические песни? Сколько осталось сказителей? Есть ли юные жырау — певцы, исполняющие героические эпосы?

Как отрадно, что у наших соседей-киргизов восьмидесятилетние ревностные хранители «Манаса» исполняют свои варианты героического эпоса рядом с двенадцатилетними манасчи!

Раньше, бывало, люди, приглашенные на застолье, захватывали с собой домбры и кобызы, по очереди показывали свое искусство, состязались, пели песни и исполняли кюи. Это было за каждым дастарханом! А сейчас на семейных вечеринках поют чуть ли не одиночки...

Не вытесняют ли всякие уместные и неуместные тосты наши истинно душевные наслаждения — песни, кюи, танцы, пляски?! Не слишком ли часто произносим мы теперь слова — льстивые и пустозвонные? Какой-то остряк заметил: «Девяносто тостов из ста, произносимых на юбилее определенного лица, достигшего определенного возраста, лживы...»

Если человек дружит с хорошей песней и домброй, он едва ли страдает шершавостью души, жестокостью сердца, невнимательностью к боли других.

Думая о завтрашнем дне, поневоле оглядываешься назад, к неистребимо дорогим истокам, оказавшим не раз и не два добрые свои услуги многим и многим поколениям.

Старина не есть одна ветхость.

Так давайте же умеючи извлекать все полезное из опыта прошлых поколений! Ибо у истоков наших много такого, что вполне соответствует коммунистической нравственности. И что так нужно для нашего будущего.

II

Мы, группа писателей и журналистов, побывали в двух районах Талды-Курганской области. Встречались с тружениками полей и выступали перед ними на тему военно-патриотического воспитания юного поколения. Посетили также пионерский лагерь труда и отдыха в Гвардейском районе. Нам очень приятно было познакомиться с детьми, которые, осваивая разные сельскохозяйственные профессии, занимаются полезным трудом.

Ребята оказались не только трудолюбивыми, но и любознательными. Мы задали им вопрос:

— У кого дед или отец, дядя и тетя воевали на фронтах великой Отечественной войны?!

Поднялась маленькая девочка — Оля, ученица 3 класса.

— Мой дед воевал.

— А у деда орден есть?

— Есть!

— Какой орден?

Оля молчит. За какие подвиги награжден дед — внучка не знает. Да разве только Оля не знала биографию своего отца или матери, их жизненный путь, кем были и чем славились деды и бабушки, дяди или тети?

По казахскому древнему обычаю каждый ребенок должен был знать до седьмого колена своих предков не только по имени, но и подробно об их умении, мастерст-

ве, одаренности, как деды смело выступали против иноземных врагов, где покоятся предки, какие семейные реликвии хранятся у потомков. Ибо дети воспитывались, и неплохо воспитывались, на этих нетускнеющих примерах.

Думается, что такое требование народной педагогики к подрастающему поколению — быть в полной осведомленности о своих предках — тоже не противоречит коммунистической нравственности. Если современные дети мало знают о прошлом своих отцов и дедов — в этом виноваты разве только они сами! Львиная доля упущения падает на нас, взрослых, родителей, учителей, вожатых, комсомольских вожаков. «Мальчик, воспитанный между двумя старцами, станет мудрым; старик, находящийся между двумя детьми, станет ребенком»,— так говорит казахская пословица. Вот как оценивает народ роль старших в воспитательном процессе. Почему мы не так часто вспоминаем об этом и забываем о долге старших перед ними, младшими?

Верное слово мужчины, твердая воля, смелое преодоление трудностей — все это, вместе взятое, в глазах мальчика или юноши превращает отца в кумира, в образец, с кого можно делать жизнь. Повседневные правдивые рассказы отца о себе, о товарищах, о цели жизни становятся замечательной школой гражданственности. Даже самая умная мать инстинктивно стремится оградить ребенка от трудностей, невзгод, тревог. Целеустремленность, смелость, ответственность, как правило, формирует отец. Авторитет отца строится на свойствах его личности, на его заслугах перед народом. «Делай, как я!»— вот главный принцип народной педагогики. Все мы в разной степени прошли и освоили уроки такой школы.

Вот что говорил о благотворном влиянии родителей, особенно отца, на свое гражданское становление поэт Расул Гамзатов: «В школе, потом в институте я много прочитал умных книг, но самой лучшей книгой моей жизни остались навсегда мудрость моего отца и ласка матери...

Отец любил неторопливый рассказ. Посадит меня на колени, укроет пологом душистого теплого тулупа и начнет рассказывать обо всем, что видел, что знал. Достаточно мне было раз услышать стихотворение, песню — они запоминались, словно сами по себе.

...Помню, как в детстве отец крепко наказал меня за ложь.

«Это страшный сорняк на поле твоей души,— говорил он,— если его вовремя не вырвать с корнем, он запол-

нит все поле так, что негде будет прорасти доброму семени».

То же самое могут вспомнить многие из нас, говоря о роли отцов в наши детские и юношеские годы.

Если ныне в крестьянской семье в какой-то степени эта традиция сохранилась, то во многих городских семьях отцы почти не задумываются о пользе такой беседы с детьми, если и беседуют, то от случая к случаю. А жаль! Иные отцы не считают нужным познакомить своих детей со своим рабочим местом, стало быть, со своей профессией... Разве это просто упущение?

Наоборот, держа́ть в курсе всех новостей на своем заводе, на фабрике, в совхозе и колхозе, на участке, где ты выполняешь свой основной гражданский долг — только в таких случаях растет общественный интерес и активность у детей!

Отсюда вытекает и другой вопрос, который непременно и неотложно когда-нибудь встанет перед юношами и девушками,— вопрос о подготовке к отцовству и к материнству. Выше я уже касался этого. Так вот, все ли девушки умеют петь колыбельную? Сколько сказок может рассказать современный юноша малышам, младшим? Сколько загадок, скороговорок, прибауток знает будущий отец?

Я знаю не только молодых матерей, не умеющих утешить своих младенцев, спеть им песню — есть и такие современные бабушки. Надежда только на одних «радионянь»— хрупкая штука.

Мне бы хотелось, чтобы пионервожатые, комсомольские работники позаботились о приобщении школьников к народному фольклору, к собиранию шедевров народной мудрости.

Маленькие читатели по заданию журнала «Балдырган» собирают, присылают в редакцию сказки, легенды, загадки, пословицы и поговорки. Однако мы не всегда чувствуем в этом деле заботливое участие учителей, вожатых.

Мы, взрослые, иной раз возмущаемся бедностью лексикона не только детей, но и подростков, и юношей. Кто не воспитан на традициях народного поэтического слова, того всю жизнь мучает косноязычие, лексическая бедность. В этой связи надо говорить и о языке учебников. Например, учебники начальных классов казахских школ не блещут чистотой литературного языка. Молдавский букварь в своем авторском коллективе имеет и художника, и поэта, и практика-методиста... Разве это не пример создания умных учебников?

Обратите внимание на студенчество, на их лексику. Штамп, стандарт, засоренность, стертость понятий в языке должны нас очень и очень беспокоить. Несомненно, одна из причин косноязычия молодых людей есть незнание ими фольклора — этого вечного родника. Любая мать могла бы дать своему ребенку уроки родной речи, заложить первооснову лексического богатства языка, если бы она начала с самого простого — с колыбельной песни. Если это время упущено, его трудно наверстать в зрелом возрасте!..

Или другая забота: дряблые мужчины, «восковые» джигиты... Мне думается, что одной из причин этого явления можно назвать уменьшение количества преподавателей-мужчин в школах. Поймите меня правильно, я никогда отрицательно не относился к прекрасному полу. Однако настоящий мужчина, его характер, твердость в испытаниях, рассказы о лично пережитом, об армейской службе вызывают у мальчишек восхищение и желание подражать во всем!

До войны я учился в сельской школе, потом в педучилище. Мы, пионеры и в последующие годы комсомольцы, в воскресные дни совершали лыжные походы и походы в противогазах, культпоходы. Выдерживали испытания пеших походов, ставили постановки в соседних колхозах, а реквизит, необходимый для зрелища, носили на спине. Все эти игры и походы постепенно закаляли нас, учили коллективизму, чувству локтя. Инициаторами и руководителями таких походов были учителя-мужчины. Почему-то сейчас я мало слышу о подобных делах, служащих одновременно и развлечением, и испытанием, в конечном счете, физической и духовной закалкой для молодых.

Комсомол должен широко пропагандировать достоинства учительского труда в школе, поддерживать желание мальчиков быть педагогами!

Уметь учиться у отца — это хорошо, но мы должны уважать и отцовство, отцовские заслуги.

Приведу один факт. Сосед, человек солидного возраста, страдающий сердечной болезнью, рассказывал:

— Как-то не совсем хорошо себя чувствовал, к тому же торопился на работу. И сказал снохе: «Доча, милая, пожалуйста, вытри сапожки...» Сын, услышав мою просьбу, с постели крикнул своей жене: «Брось сапоги! Каждый сам должен делать свое». Правда, сноха не послушалась его, выполнила мою просьбу.

Маленькая деталь и большая печаль...

До сих пор в ушах звенят слова: «Брось сапоги!»

Бальзак говорил: «Уважение — это застава, охраняющая как отца и мать, так и их дитя. Первых оно спасает от огорчений, последнего от угрызений совести».

Я знаком с двумя учеными. Их покойный отец — заслуженный учитель, много сделавший на ниве просвещения. Однажды, лет 7—8 назад, я попросил ученых мужей написать воспоминания о своем отце, о его методе воспитания, о его благотворном влиянии на их гражданское становление. Оба сына отказались, не смогли. О чем этот факт говорит? Сын, не замечающий отцовской седины, не может оценить и своего счастья. Поэтому никогда не поздно задуматься об уважении к отцу-труженику, воспитателю, наставнику.

Как правильно сказала эстонская поэтесса Эллен Нийт:

Когда ищу, куда ступить,
Я вижу
Перед собой твои следы,
Отец.

Еще древний мудрец учил правилу, которое может помочь ладу в семье: отцы и дети не должны дожидаться просьб друг от друга, а должны предупредительно давать потребное друг другу. Причем первенство принадлежит отцу.

Один человек и после смерти остается учителем, другой и при жизни не годится даже в ученики. Таковы парадоксы учения и учебы. Только одаренный ученик может стать одержимым учителем, воспитателем, умным отцом. И одаренность, и одержимость в данном случае можно воспитать.

III

Рассказывают в народе легенду. Решительный человек, настоящий бунтарь, великий композитор Курмангазы Сагирбаев, приговоренный в XIX веке царским судом к ссылке в Сибирь, при прощании с земляками невольно прослезился. Увидев в глазах сына слезинку, мать шлепнула его по щеке.

— Кого же я родила!— воскликнула она.

Этим укором она призывала сына стойко переносить испытания судьбы — по-батырски, как подобает сыну мужественной матери.

«Ел анасы!»— говорят о таких женщинах казахи. Это значит: «Мать народа».

Да, матери мужественнее мужчин, самые самоотверженные из всех героев!

Я больше чем уверен, что все мамы хотят, страстно желают, чтобы их дети выросли добрыми, сердечными, чуткими, честными, благородными, мужественными, справедливыми, сочувствующими чужой беде, борцами за народное счастье и продолжали свой род такой же достойной сменой!

Ради достижения этой замечательной цели матери готовы испытать все: трудности, невзгоды, лишения, неудачи — только не бесчестье и позор!

На какие только подвиги не способны матери, на какой героизм!

Если бы это было в моей власти, я бы все антологии поэзии открывал стихами о матери. Или составил бы уникальную антологию из одних шедевров о матери. И она стала бы бессмертной книгой, которую дети передавали бы из рук в руки.

«Мать — это имя бога на устах и в сердцах маленьких детей»,— говорил У. Теккерей.

И только ли маленьких детей?

На войне не раз видел я, как сраженный пулей или осколком воин, воин самый смелый и волевой, падая, последний раз восклицает:

— Мама!

В Киргизском октябрятском журнале «Байчечек» был объявлен конкурс на тему: «За что ты любишь свою маму?» Из всех поступивших детских ответов лучшим был признан рассказ одного ученика: «Маму я люблю за то, что она любит меня...»

Всего одно предложение. Маленький поэт выразил огромную мысль: любовь должна быть взаимной!

За родительскую любовь заплати сыновней любовью. На заботу родителей ответь удвоенной сыновней заботой.

Поэт рождается с колыбельной песней матери. Поэт начинается со стиха о матери.

Мне кажется, что нет на свете стихотворца, не посвятившего своей матери хотя бы одного стихотворения. Я уверен, что даже поэт-гений недоволен своим стихотворением, где он старался выразить все то, что думает о матери, как сильно ее любит. Такое простое величие и великая простота, как мать, необъятны и для поэзии!

Вот почему мы, поэты и писатели, должны без устали воспевать нетускнеющий образ Матери — этого главного человека человечества!

Обычно дети о своих желаниях и просьбах первой сообщают маме. В казахских семьях серьезные дела непре-

менно родители решали сообща, мать советовалась с отцом. Поэтому матери-казашки, когда дети обращаются к ним с просьбами, и теперь непременно говорят:

— Как на это посмотрит отец твой?..

Натворит сын что-то, и опять мать скажет, пригорюнившись:

— Что теперь скажет отец? Как переживет это?

Воля отца, разумность его решений (наедине согласованных с матерью) означали и ныне означают во многих семьях очень многое!

Тут мать сознательно поддерживает авторитет главы семьи, при этом ничуть не роняя свою честь и достоинство, свой приоритет.

В образцовых семьях, мне кажется, нет спора о том, кому держать пальму первенства, бразды правления домом — ему и ей. В таких семьях ни супруг не жалуется на поступки жены, ни жена — на поступки мужа. Там во всем полная, стопроцентная коллегиальность.

Видимо, при обсуждении вопросов, выдвинутых самой жизнью и интересами детей, между супругами бывает и полемика, но она — способ взаимопонимания, способ поиска совместного решения... Тут, наверно, и принципиальность, и компромисс шагают нога в ногу.

Хочется, чтобы в родителях мы видели не только прошлое, а предвидели бы и свое собственное будущее.

Сколько сыновей «алименты» платят своим, оставленным на произвол судьбы матерям? И при этом дети мнят, что, мол, не забывают мать, помогают ей! На их языке это называется «заботой о любимом человеке».

Я знал и такое: из-за раздора со злой женой один поэт оставил семидесятилетнюю мать-старуху без присмотра. И она была вынуждена через суд потребовать алименты. Наверное, это был первый случай в моем народе, когда алименты стали служить средством существования матери...

Увы — нередки скандалы, устраиваемые снохами своим свекрам. Ох, уж эти зловредные снохи, готовые насолить свекрам: то ли не подпуская внуков к родному своему деду, то ли играя на нервах своих мужей, опять же на глазах свекрови и свекра.

Есть меткое стихотворение у нашего земляка поэта Валерия Антонова «Сын». Один из сыновей, окончив учебу, остался в Москве, женился, от него и весточки не дождаться престарелой матери. А другой сын на войне по-

гиб, но кормит мать — за него идет пенсия. Какая горькая доля! Какая трагедия!

Я с малых лет наблюдаю, как татары с особой заботой относятся к матери. Дочери своих мам уважают и лелеют до последних дней и никогда одну на старости лет не оставят...

Я убежден: кто слушается советов и пожеланий матерей, тот в жизни не ошибается, или, во всяком случае, ошибается редко. Говорят же, что быть послушным сыном или дочерью — это вовсе не значит потерять свое лицо... «Подлинная свобода сына или дочери — быть послушными детьми» (В. А. Сухомлинский).

Я не могу понять молодых родителей, которые считают, что воспитание детей нельзя доверять бабушкам и дедушкам, они, мол, отсталые люди, а эпоха нынче совсем другая... Наоборот. Современные бабушки, в основном, образованные люди. Ну, а если эта образованность сочетается со знаниями требований современной педагогики и педагогики народной — значит, бабушка настоящая воспитательница!

Умению забыть о самом себе ради других, ради близких — надо учиться у матерей. Не умеют матери жаловаться на физическую усталость, на нехватку сил!

Все ради детей! Все ради людей!— вот девиз матерей, девиз бабушек.

Современные молодые родители в большинстве случаев воспитание детей все-таки передают в руки бабушек. Особенно это характерно для сельской местности. Смотришь утром — со всех концов села или городка потянулись караваны детей с отцами и матерями к домам бабушек и дедушек. А как с заботой о бабушках и дедушках? Помнят ли молодые папы и мамы о днях рождения пожилых? Одевают ли их? Что делают для поддержания их здоровья?

Великая нравственная, воспитательная цепь! Видите, как все взаимосвязано?

Мы должны помнить о нравственной ответственности перед матерями.

IV

Это было несколько веков назад.

Джунгарские полчища вторглись в степь. Разорили еще один аул, всех мужчин угнали в плен. Раскинув лагерь за рекой, пришельцы пировали победу.

Во время беды Махмет был в отъезде. А когда вечером он вернулся в аул, то узнал, что и его друга Алмаса угнали джунгарцы. Родители Алмаса остались без кормильца. Не раздумывая, Махмет переплыл реку и прошел прямо в стан врагов. Его тут же схватили.

— Зачем пришел?— спросили палачи.

— Друга спасать!

— Ха! Ты пришел спасать друга голыми руками?

— И спасу! Проведите меня к полководцу!

Джунгарцы, издеваясь над Махметом и хохоча, все же привели его к своему начальнику. Тот спросил:

— Ну и как же ты решил вернуть своего друга в аул?

— Меня берите вместо него! Я согласен быть вашим рабом. У Алмаса, моего друга, остались беспомощными родители. От горя они умрут преждевременно...

— Нет, я не так уж глуп, чтобы один меч менять на другой. Если выполнишь мое условие, я верну тебе твоего друга.

— Говори, какое!

— За друга ты заплатишь дорого: я прикажу выколоть тебе твои глаза.

— Согласен.

И палач ослепил Махмета... Он все же вернулся со своим другом в родной аул. О самоотверженности Махмета, его верности другу люди сложили легенды, поэты сочинили стихи...

Что и говорить, товарищество, дружба, любовь — темы вечные и никогда не стареющие. Наоборот, вокруг этих понятий возникают все новые и новые размышления...

На одном из бесконечных разветвлений дорог судьбы встретился тебе незнакомец. «Чужая душа — потемки». Но знакомишься с ним, постепенно начинаешь узнавать его душевный мир. И как-то незаметно человек становится для тебя и близким, и понятным. Он как бы превращается в твое второе «я», лишь имя у него иное. Когда он рядом, бывает, ты не ценишь его, но стоит не увидеться с ним один день, и уже ты сам не свой, чего-то тебе не хватает, и ты жаждешь увидеть друга.

Я не встречал друзей, которые бы заключили между собой «договор» о дружбе. О том, что будем, мол, друзьями. Друг настоящий лишний раз и упомянуть-то стесняется, что «я — твой друг». Дружба начинается незаметно, ее чувствуешь лишь внутренне, сердцем...

Если говорить откровенно, то ведь каждый желает себе

и счастья, и успехов в делах, и немножко славы. А в дружбе ты всего того же желаешь еще и своему другу. Точно так же, как себе.

Перед войной я был студентом русско-казахского педагогического училища. На третьем, последнем курсе, учился Хамзе Умирбаев — молодой одаренный поэт. Он был старше меня лет на пять. Заметив мое увлечение стихами, Хамзе перевел меня в свою комнату в общежитии. Вообще-то говоря, старшекурсники были ревнителями художественного слова, регулярно читали классику и новинки, а нас, младших, не слишком охотно принимали в свою компанию. Но в данном случае возрастное различие барьером не послужило. Хамзе разговаривал со мной как с младшим другом.

О, как вдохновенно, с упоением объяснял он мне творческие особенности поэтов, рассказывал про их жизнь, про их победы и неудачи! Он знал наизусть множество стихов. Свободно цитировал и классиков, и современников. И сейчас я могу без преувеличения сказать, что мой старший друг был не просто близким мне человеком, но еще и самым первым поэтическим учителем.

Я по сей день с благодарностью вспоминаю его, в первые дни войны погибшего, во цвете лет ушедшего от нас. Я иногда до сих пор вижу его во сне (да, такова сила дружбы!), и в стихотворении, посвященном его памяти, я как раз и оттолкнулся от такого сна:

Но не был друг со мной
суровым,
Меня по-прежнему любя,
Сказал:
— Ты людям служишь
словом.
Я тоже отдал им себя.
Он подал мне на счастье
руку,
И я забыл про свой испуг.
О, как нужна
поддержка друга!
Он и погибший — тоже друг...

...В пятидесятые годы мне посчастливилось работать в одной редакции вместе с писателем Муканом Иманжановым. Он тоже был моим старшим другом.

В течение семи с половиной лет он со строгостью истинного учителя рассматривал мои стихи. Давал советы,

делал замечания до тех пор, пока строчки не становились более или менее совершенными. Человек большой эрудиции, настоящего, незаурядного дарования, Мукан поддержал десятки начинающих литераторов, многие из них и по сей день вспоминают его, безвременно ушедшего из жизни.

Он был для них именно другом, никогда не кривил душой, старался всегда говорить правду в глаза. Душа у него была щедрая...

В народе и по сей день с восхищением говорят о дружбе великого Абая с простым аульным джигитом Киясбаем. У Абая не было душевных тайн от Киясбая, он всегда радовался находчивости и острословию веселого малого, заботился о нем и о его матери...

Если ты обнаруживаешь вдруг в себе какие-либо недостатки, изъяны, то почти всегда стремишься избавиться от них, ибо заложено в человеке извечное стремление к духовной чистоте, безупречности. Ты всегда этого желаешь своему другу. Среди вас нет тайн, «заминок», нет неясностей в мыслях, другу своему говоришь все, честно и прямо. Ибо, если ты, зная о недостатках друга, молчишь, то это не поддержка, а, если хотите, оскорбление друга! Кто стремится только брать от него, не отдавая,— плохой друг. Кто горит желанием поделиться — тот честен и щедр.

Вот то основное, что я хотел сказать по поводу забытой нами народной педагогики.

1983 год

Иван **ЩЕГОЛИХИН**

ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЛИНИЯ

Телефонный звонок:

— Вы еще не собираетесь уезжать из Алма-Аты?

— Нет пока, не собираюсь.

— «По-ка»,— в голосе усмешка, не очень веселая.— А я вот собрался, уже взял билет. Прошу принять меня на прощанье. Только предупреждаю — не меньше, чем на сорок минут. Когда сможете?

Звонил Т., генерал-майор в отставке, человек по-детски прямой, не лукавый, резкий, с неожиданными суждениями. Первый наш разговор состоялся после статьи в газете, где я к слову цитировал малочитаемого, но почитаемого мною писателя Пришвина: «Русский начинается с того, что каждую нацию ставит выше себя». На другой день он мне позвонил, четко представился: генерал такой-то, и без всяких-яких попер на меня, как на нерадивого прапорщика. Почему вы делаете такие безответственные заявления? Вы внедряете нам в мозги комплекс неполноценности. Как прикажете политотдельцу такие ваши афоризмы комментировать? Если русский солдат начнет ставить выше себя каждого встречного-поперечного, кто будет ковать победу? Вы проповедуете расизм, к вашему сведению, ставя одну нацию выше другой.

Генерал оказался ученый малый, но педант. Я выслушал его терпеливо, признавая право читателя судить-рядить-требовать, затем сказал, что напрасно он ломится в открытые ворота, в моей статье сказано, что подобная мысль не верна с точки зрения науки, может быть, ошибочна с точки зрения здравого смысла, зато в ней абсолютная безошибочность нравственная. Да, я так считаю, я разделяю мнение классика нашей литературы. Отдавать предпочтение другой нации — это нравственно, благородно, это способствует содружеству, взаимному уважению, такое чувство предполагает совместную жизнь, союзную, со-узную (в совместных узах). Это сугубо наша национальная черта, и я в этом убежден, о чем и сказал генералу.

— Вы не русский!— определил генерал, отнюдь не удовлетворенный моим разъяснением.— Здесь надо крепкий порядок наводить, единой линии держаться, а не петь подхалимские песни.

Разговор на этом закончился — я положил трубку И долго не мог успокоиться, продолжал мысленно с ним бодаться и сожалеть, что не сказал всего, что следовало бы. Поскольку он военный, то первым делом хотелось мне нанести удар по мундиру — он же меня не щадит. Если уж на то пошло, генерал, русского солдата обучали воевать татаро-монголы. И знаменитое русское «ура» тоже от них. Александру Невскому громить шведов помогал золотоордынский хан Кутлу-Мамет, по кличке Огар, чей потомок стал русским революционером Николаем Огаревым. Напрасно я положил трубку. Одна надежда теперь на то, что генерал оскорбился, сейчас снова позвонит и я ему добавлю жару.

И он действительно позвонил — месяца через три, летом, и тон его был слегка иным, похоже, он меня повысил в звании, примерно до старшего лейтенанта, признался, что успел прочитать мою книгу, и даже не одну — роман про дефицит честности и повесть на историческую тему о большевиках. Тон его был иным, но напор прежним: «Мне надо с вами поговорить по истории нашей Родины, назначьте время!» — вот так и не иначе. Не очень симпатично, но я видел в нем спорщика, резко со мной несогласного, а это заставляет искать аргументы, думать.

Встретились мы с ним возле фонтанов, в сквере на улице Панфилова. Внешне генерал оказался довольно типичным — прямой, статный, в полотняном летнем костюме, старше, чем я думал, лет семидесяти, по меньшей мере, однако бодрый, серые глаза пристальные, повидавшие, короткий ершик совершенно белых волос и брови с проседью. Генерал посчитал ниже нашего с ним достоинства произносить слова про погоду и самочувствие и сразу спросил, будто предложил мне анкету: «Ваше отношение к Сталину?» О его отношении я догадывался. Люди, прошедшие войну, тем более кадровые военные, как правило — за Сталина, и всем его действиям склонны находить оправдание. Я сказал, что Сталин меня сейчас не интересует. Если каждый народ заслуживает своего правителя, то меня интересует прежде всего народ, люди того времени. Юристы говорят, что для возбуждения дела требовалось два доноса. Отчего и почему был такой массовый психоз? Очень хочется знать, но узнать не дают Раньше мешали сторонники Сталина, теперь мешают противники Сталина, сажать не сажают, но дурачат складно.

Генерал выслушал меня безучастно, в одно ухо влетело, в другое вылетело, не дождался моей точки и спросил:

«Вы — за или против?»— как будто мы голосуем. Я ответил, что за. За правду того времени. А также и этого. А правда, говорят философы, это направление общего дела. «Ваш брат-писатель, в основном, верхогляд и сумасброд, ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца, что там Сталин!»

Я приостановился и глянул на него вопросительно, как говорится, дал понять. Я дал, а он не взял и продолжал говорить о том, что мы, то есть «наш брат-писатель», застряли на долбежке Сталина, это престижно, всякая попытка посмотреть объективно равносильна нашей профнепригодности. На этой личности проявляется вся неспособность писателей исторически мыслить, самомнение так и прет. Литература по культу сутяжная, склочная, бессовестная и не мужская.

Я возразил. Миллионам жертв сталинского произвола необходима моральная поддержка. Безвинно осужденные на многолетние страдания должны обрести родину и поверить в нее. Вся страна с облегчением вздохнула после разоблачения культа на XX съезде. Партия сказала правду, и очень хорошо, что писатели в меру сил пишут о том периоде. В оценке культа двух мнений быть не должно, так что я с вами, генерал, не соглашусь.

Он шагнул вперед и встал на моем пути. «Разве я против реабилитации невинно осужденных? Разве я хоть слово сказал в защиту беззакония? Вы что, за палача меня принимаете?» Стоял передо мной и ждал, пока я не ответил, что принимаю его за нормального человека, а мы не сойдемся во мнении, потому что из разных с ним поколений.

«Прошлое — это моя жизнь,— продолжал генерал спокойнее,— и я не желаю слушать, когда мою жизнь считают позорной и преступной. Я всегда был в бороне, а не в стороне. Семьдесят лет — коту под хвост? Не позволю!»

Все мы смертны, генерал, позволения у вас не спросят.

«Собираете средства на памятник жертвам репрессий. Им нужна моральная поддержка, они люди, они несправедливо осуждены. Они домой вернулись через много лет.— Генерал снова остановился передо мной, глаза его потемнели от ярости.— Они люди, они вернулись. А те, кто, жизни не щадя, шли в бой за Родину, за Сталина, спасали человечество и кто уже никогда не вернется из братских могил от Белого моря до Черного, те уже не люди, а сталинисты. Они уже не нуждаются в моральной поддержке, осквернили себя именем вождя. Собирайте на памятник

жертвам сталинизма, не возражаю, даже пенсию свою перечислю. При одном условии: жертва номер один — Гитлер. Иначе ваша затея лживая!»

Вспышка негодования тяжело на нем отразилась, он достал из кармана горстку таблеток и короткими движениями отправил в рот по одной, как семечки. Я предложил генералу сесть-посидеть на скамейке возле фонтана и поговорить на другую тему. Он согласился, раза три повторив при этом свое «не позволю».

Но что может не позволить старый, отживший свое человек? Вымрут они все в скором времени, как мастодонты, и жизнь станет легче без них, и характер нации постепенно станет другим... Интересно, каким? А кто знает. Возможно, что и таким, как сказал генерал — сутяжным, склочным, бессовестным и не мужским?

А каким был прежде наш характер нации, кто это исследовал, в каких книгах? Мы очень много писали о том, что революция разбудила инициативу масс, понимая под этим ликвидацию безграмотности и пережитков, ликвидацию кулачества, проведение коллективизации, индустриализации, но мы совсем не писали о той разбуженной повсеместно инициативе, которая выразилась в миллионах доносов на ближнего. Кто не помнит из людей того времени, как при любом конфликте первым делом проявлялось одно-единственное намерение — посадить! У начальника — посадить шибко грамотного подчиненного, у подчиненного — шибко требовательного начальника, у соперника по службе или по любви — посадить соперника, поскольку дуэли не в моде. Даже в семейных дрязгах теща своего зятя вразумляла не «Домостроем» и даже не скалкой, а угрозой посадить его, причем обязательно по 58-й статье, без права на амнистию и помилование. Даже мальчишка-пионер пересажал всех своих родных и близких «кулаков и подкулачников», и потом его именем называли дружины и ставили ему памятники. В чем тут дело? И можно ли сказать об этом явлении «дело прошлое»?

Сказать-то можно. А раскроешь газету — не тех лет, а теперешнюю — и увидишь, что и вон там, и вот здесь у борзых чинодралов все еще в ходу триада: освободить от занимаемой должности, исключить из партии, отдать под суд. За критику, за смелость, за попытку поддержать перестройку. Хотя родились эти борзые уже после смерти Сталина и воспитывались под флагом борьбы с последствиями культа личности...

Надо ли говорить, что когда генерал позвонил мне в третий раз, я не мог отказать ему при всей своей занятости и нетерпеливо спросил, какую тему мы сегодня обсудим. «Это не телефонный разговор»,— сказал генерал. Не ожидал я от него такой фразы, тем более интересно.

Он пришел с красной толстой книгой в руках, положил ее на край моего стола, положил завлекательно — названием вниз, сел рядом в кресло, сказал: «С вашего позволения», завел свои командирские часы на сорок минут, после чего задал вполне джентльменский вопрос: над чем работаете? Я ответил, что газета заказала мне статью на тему «национальные взаимоотношения и нравственность», вот и сижу над ней и буду благодарен генералу, если он подскажет какие-то новые грани в понимании этого непростого вопроса.

— Сказать — скажу, но только мое мнение не для печати.

— Сейчас гласность,— напомнил я нейтрально, без упрека.

— Печатать, что взбредет, ума не надо. Гласность ваша кособокая — о прошлом сплошное непотребство, о нынешнем узнаем лет через пятьдесят.— Генерал за время нашей разлуки изменился не в лучшую сторону. Я предложил ему чаю, он отказался, предложил кофе, а он совсем неожиданно попросил разрешения закурить. Тридцать лет не курил, и я понял его так: начал думать — начал страдать, потребовался транквилизатор. Мы вместе закурили, и генерал сразу к делу: как вы считаете, присоединение Казахстана к России было добровольным, или это жестокая царская колонизация?

Сейчас высказываются обе эти точки зрения, кое-кто настаивает на второй, считая ее перестроечной, но я лично считаю, что присоединение было необходимым для обоих народов и потому нравственным.

— Опять у вас нравственность!— гмыкнул генерал.— Но вы же не казах.

— А я и казахов делю по их отношению к этому историческому событию, одни мне ближе, понятнее, симпатичнее, мы вместе смотрим в будущее, а вторые — смотрят в прошлое и, наверное, ждут случая, чтобы свести счеты, если говорить прямо.

Генерал со мной не согласился, по его мнению, все казахи считают, что присоединение было насильственным. Но русских такое толкование якобы не должно обижать —

нельзя отождествлять народ с царем, нужен грамотный классовый подход.

— Но посудите сами,— продолжал генерал.— Царя давно нет, а я — вот он, хожу по чужой земле и как я себя должен чувствовать? Кем я тут выгляжу? Другом и братом, который пришел на помощь в трудный момент, или захватчиком? Надо решить. Или — или. Для меня это проблема моего национального самочувствия. Я не верю, что мы им тут совсем не нужны. Они между собой до сих пор не мирятся. Сколько лет «южные» не пускали в Алма-Ату «северных» ни учиться, ни жениться, ни должности занять, не зря шутка появилась: чимкентский казах рождается сразу со штампиком «знак качества».

Слышал я — и неоднократно — цитату из классиков о том, что русские должны платить за века угнетения. Кому платить — ясно: всем. Но чем платить, не совсем ясно. Строили города, обживали пространства вместе, плечом к плечу, не делая раба из местного жителя, учили грамоте, кадры растили, бывало, за ручку вели, а то, что кое в чем не туда зашли, так вместе, дружно и без злого умысла. Не вина наша частная, а беда общая. «Первые в мире, самые первые...» Преувеличивали значение своего первенства и оказались в каких-то важных жизненных показателях едва ли не самыми последними.

Чем платить и до каких пор платить, есть ли тут срок давности? Русских привел на окраины исторический процесс, неумолимая связь причин и следствий, поступь цивилизации — чем за это платить? Или плата может быть только одна: как пришел, так и уходи?

А куда?..

— Давайте мы с вами линию выработаем,— предложил генерал.— Сам я уже билет взял, но у меня здесь дочь остается с мужем и внук мой, Володя.— Генерал слегка покраснел, и я догадался — любимый внук.— Он из армии пришел осенью, сейчас жениться собрался... А я в родную деревню уеду под Саратов, на Волгу, там всё мое и везде я свой... Есть у меня еще кое-что личное,— продолжал генерал, явно смущенный,— я вам потом скажу. А может, и не скажу. Давайте посмотрим книгу.— Он взял со стола свой красный том.— Но сначала вопрос. Почему одна нация у нас имеет республику или автономную область, свои границы, свою столицу, представителя в Совете Национальностей, все чин чином. А другие такие же советские народы не имеют. Уйгуры, немцы, например, их столько же почти, сколько эстонцев, но у тех есть всё и они боль-

ше всех недовольны. Или взять украинцев, их здесь тоже почти миллион, имеют они право на автономию или нет?

— Сейчас говорят, дело не в арифметике.

— А в чем?

— Я не знаю, так считают казахские идеологи, социологи, писатели.

— А я знаю, в чем — в карте, обыкновенной географической, на которой обозначены административные границы — везде все впритык, нет свободного клочка земли. В каком краю сейчас можно сказать без зазрения совести: извини-подвинься, мы тут республику нарежем для корейцев, для немцев или для уйгуров и границы определим. Нет свободного места. Но если мы решим, что все сделаем, и землю нарежем, и карты перечертим, и на весь мир объявим о неслыханном достижении в деле интернационализма,— только опять же туда надо бронетранспортеры посылать для нерасторжимости дружбы. И кем мы опять будем выглядеть? Вот моя настольная книга сейчас.— Генерал показал, наконец, ее название: «Население мира. Этнодемографический справочник».— Открываем, читаем. Нагорно-Карабахская область. Азербайджанцев 37 тысяч, армян 123 тысячи. Возьмем другую точку — Башкирскую автономную республику. Татар в ней больше коренного населения, а русских так почти в два раза больше. Карелия — русских, белорусов и украинцев почти в семь раз больше коренного населения. Такое же соотношение в Хакасии. О чем это говорит? У всякого явления есть предел, за которым оно переходит в свою противоположность. Административно-территориальное деление исчерпало себя, пришло время создавать новую концепцию национальной жизни. За что боролись, на то и напоролись. Мы говорим, у нас партия руководящая и направляющая, но что получается на местах? Руководящей становится уже не столько партия, сколько коренная нация, и народ понять можно — раз мне дана законом моя территория, значит, я, карел, хакас, горноалтаец должен тут править сверху донизу и долой вашу арифметику. Получается, что нация в пределах своих границ никакой демократии не признает. А также и равноправия. Когда я слышу, что у нас в стране 150 наций и народностей, я добавляю — и все руководящие. И не надо спрашивать, где у вас национальный рабочий класс, зачем он, если народа хватает как раз на то, чтобы занять руководящие посты. В результате коренная нация превращается в нацию администраторов и чиновников.

Я возразил, сказав, что Казахстан в этом отношении как раз отличается, кадровая политика очень сильно изменилась за последние два года.

— Я беру всю страну,— уточнил генерал.— Поеду в свой Саратов, буду там себя чувствовать коренным. Волга-матушка — русская река.

Эх, генерал, генерал, не буду вас огорчать, но Саратов — это Сары-тав (тау) — «Желтая гора» в переводе с тюркского. А Волга, давно ли она стала русской? Вверху было Казанское ханство, внизу Астраханское, посредине мордва, чуваши, марийцы, а прежде булгары, хазары... Сказать бы ему, какой новый смысл приобретает постепенно для русских поговорка времен Великой Отечественной — велика Россия, а отступать некуда.

— Моя линия,— сказал генерал,— объединить все народы, как большие, так и малые. Как в Америке, независимо от нации или расы. Телемост с ними показывали, так я без валидола не мог смотреть. Там белые, черные, цветные, но какой у них единый патриотизм, как они бросились на нас за свою Америку. А наши? Только сидят и ждут, когда им вставят очередное шило в зад. Грешно поминать войну как положительный фактор, но я человек военный, я все помню и в оценке войны стою за правду, а она в том, что война как никогда сплотила наши народы, в одиночку ни украинцы, ни белорусы, ни грузины, ни латыши не смогли бы сокрушить сильнейшего врага — только вместе. А сейчас? От бомбы избавимся, а жить в мире не захотим, вот чего я боюсь.— Он помолчал и отмахнулся резким жестом.— Не боюсь, мне уже поздно, я предвижу. И хотел бы предупредить.— Тут как раз заверещал таймер на руке генерала, и он поднялся на полуслове и пошел к двери, не забыв прихватить свою настольную книгу, а мне показалось, что мы забыли, упустили что-то еще.

— Вы хотели сказать о чем-то личном?

Он приостановился возле двери, неловко, растерянно оперся рукой о косяк.

— Внук мой женится, Володя.— Голос его охрип, и он сердито кашлянул в кулак, сильно покраснев при этом.— На казашке. У нее тоже дед, с прете-ензией: а язык он знает? Разве это главное для семейной жизни? Тоже солидный человек, персональный пенсионер, а до чего мы с ним дожили? Чтобы, задрав штаны, бежать за комсомолом. Мой внук не знает языка, понятно, ну а почему твоя внучка не знает, если на то пошло? Записались на курсы,

вместе учат А меня задевает не пойму что, то и дело перехожу на мелочи, раздуваю их, мусолю. Куда у людей девается достоинство, ум, честь, совесть, когда они про свою нацию начинают говорить? Престижно стало грубить в этом вопросе, хамить, чем больше глупостей нагородишь в пользу своей нации, тем больше ты герой.

— Если они женятся по любви, можно только радоваться. У них многое будет по-другому, им виднее будущее.

— Мо-ожет быть,— согласился генерал не очень бодро.— А я как решил, так и сделаю. Правда, на свадьбе посижу, генерал все же.— Он опять побагровел, обиженный непонятно чем, смущенный своей разладицей.— А потом уеду. В старину как было? В каком доме родился, в том и помереть должен. Если бы все это соблюдали, представляете, сколько бы горя на земле поубавилось? Не-ет, лезут, куда не просят.

Как сказать, генерал, есть народы, у которых от междоусобицы погибло больше, чем от оккупации.

— Моя заброшенная деревня ничем не хуже растущего, я бы сказал, дикорастущего города. Она лучше, и ей нужна поддержка.— Генерал бережно переложил красную книгу в другую руку и длинно вздохнул:— Дети у них пойдут, в детсадик их поведут... в казахский.

О чем тут горевать, генерал, если внуки, а потом и правнуки будут знать два языка, окажутся культурнее нас с вами. Ведь по всей стране нации и народности знают два языка, и только русские — один, хорошо ли? В идеале знать надо три языка, как минимум,— язык планеты, язык своей страны и язык семьи, этнически-родовой. Читаем сообщения из братских стран — поляки стремятся устроить своих детей во французский детсадик, а тех, кто постарше, в американскую школу в Варшаве, они не хотят замыкаться в пределах своего языка и своей культуры, они хотят жить со всеми, мир охватить и познать, от этого и душа народа шире и мечты возвышеннее.

Одни добиваются интеграции и воссоединения, а другие — замыкания и обособления, за кем будущее? Давным-давно, лет двести тому назад историк Карамзин сказал: народы дикие жаждут независимости, народы мудрые жаждут порядка.

Я люблю казахов, детей и стариков особенно. Когда заходит спор об архитектурных памятниках, о культурном наследии, о том, что у одних это есть, а у других этого нет, я всегда считаю своим долгом заметить, что отношение

казахов к детям и к старикам — выше всяких соборов и храмов.

В горячке споров последнего времени, мне кажется, мы забываем о главном. То и дело мы идем от частного, а надо все-таки наоборот — от общего.

Одна ли у нас звезда путеводная, или у каждого народа своя?— вот в чем вопрос на уровне быть или не быть. И надо его решить. Только без ханжества, лицемерия и словоблудия насчет дружбы нерасторжимой и несокрушимой. В Прибалтике прямо заявляют об отделении, слышны такие голоса и на Кавказе. Да и любому народу, как целостному, единому организму, хочется жить-бытовать отдельно, самостоятельно. Русскому, между прочим,— тоже. И не хочется мириться с тем, что это уже невозможно. Мы живем вместе — на сегодня это данность. И будем из этого исходить в принятии тех или иных решений.

Поскорее бы нам пройти этот подростковый период, когда улица на улицу, подворотня на подворотню. Запад живет интеграцией — воссоединением, восполнением, таков путь развития, неумолимый путь, объективный. Если поймем это и мы, то со временем сами собой отомрут все границы, кроме одной-единственной — границы между добром и злом.

Апрель 1988 года

Михаил **ИСИНАЛИЕВ**

ДЕЛИКАТНАЯ СФЕРА

Так был назван обзор читательских писем в одном из номеров газеты «Известия» (№ 25, 1988 год). Начинался обзор со следующего положения: «После того, что случилось в Алма-Ате, стало очевидно, что, оценивая состояние национальных отношений в нашей стране, мы долго пребывали в плену довольно далеких от жизни и правды представлений». И далее в обзоре приводились выдержки из многочисленных писем, поступивших в редакцию, где говорилось о националистических настроениях и их проявлениях в Казахстане, Литве, Латвии, Эстонии, Грузии, Азербайджане, Армении. Обострившиеся межнациональные отношения — боль не региональная, а наша общая, есть над чем серьезно задуматься не только местным партийным, советским органам, но и всем здравомыслящим гражданам и, думается, в первую очередь представителям гуманитарных наук.

Общественная мысль в нашей республике, как и в стране, долгое время была в застойном состоянии. Именно в эти годы дифирамбов в адрес республиканской Академии наук, ее отделений общественных наук произносилось немало. В свое время классики марксизма-ленинизма не только разрабатывали философские категории, но использовали их для осмысления явлений общественной жизни. Наши же современные ученые мужи предпочитают заниматься теоретическими частностями, понятиями, методологией и т. д., а в осмысление реальной жизни вторгаются более чем робко.

Не претендуя на научную обоснованность, просто как гражданин своей страны, хочу высказаться по некоторым деликатным вопросам на примере Казахстана.

* * *

Вновь перебираю в памяти события декабря 1986 года, когда тысячи казахских юношей и девушек, студентов, молодых рабочих вышли на второй день после Пленума ЦК на площадь, выразив свое неудовольствие не только тем, что освободили Кунаева, но и тем, что первым секретарем ЦК республики избрали русского, притом не из Казахстана. Аполитичные лозунги, хулиганские действия, поджоги автомашин, стычки с сотрудниками милиции и солдатами. Были приняты жесткие меры по наведению порядка.

В первые дни представители ЦК, выступая перед активом, сообщали, что на площадь молодежь вышла организованно, в руках несли лозунги, палки, прутья, что вели себя дерзко. Пресса писала о выходках групп подвыпивших дебоширов, наркоманов, хулиганов.

Выступая перед партийным активом г. Алма-Аты, представители ЦК КПСС тт. Соломенцев М. С. и Разумов Е. З. говорили об этих событиях как о махровом национализме. Эта оценка и легла в основу постановления ЦК КПСС по республиканской партийной организации.

С того времени прошло два года, но до сих пор нет ответа на многие вопросы.

Первый — можно ли было предвидеть негативную реакцию части населения на решение декабрьского Пленума ЦК Компартии Казахстана при избрании первого секретаря ЦК КП республики? Кто и где об этом должен был задуматься?

Второй вопрос — кто подстрекатели, кто главные организаторы выступления, если оно оценивается не как стихийное, а как организованное? Речь идет не о политической организации. Как писали в прессе, ее в природе нет. Но могли быть конкретные люди. Несколько прошедших судебных процессов не дают ответа. Там осуждены виновные, но второстепенные лица, причастные к физическим действиям, то есть явные исполнители, а не организаторы.

Третий вопрос — после того, как эмоции выплеснулись на площадь, была ли возможность предотвратить конфронтацию, не провоцировать жестокие действия с обеих сторон?

И еще вопрос — как получилось, что в год 70-летия Октября Центральному Комитету КПСС пришлось принять специальное постановление о недостатках в работе казахской республиканской парторганизации по интернациональному и патриотическому воспитанию? В нем говорилось об имеющих место в республике проявлениях национализма, давались резкие оценки состояния дел в сфере воспитания интернационализма, указывалось, что ЦК Компартии Казахстана не дал острой политической оценки выступлениям в 1979 году в Целинограде и что беспорядки в декабре 1986 года в Алма-Ате были проявлением казахского национализма. Это суровая оценка деятельности республиканской партийной организации. Таких жестких политических формулировок в партийных документах о Казахстане не было более тридцати лет, то есть с момента освоения целины. Хотя в выступлениях отдельных товарищей выражались и ранее упреки нации в национализ-

ме. В 1960 году, когда по решению об административном делении был создан Целинный край и прошел слух, что его передадут в состав РСФСР, была бурная реакция студенчества. Затем три района юга республики передали было Узбекистану, и, пока не вернули, была такая же отрицательная реакция.

Напрашивается еще один вопрос. Возможно, такие решения сами по себе провоцируют народное недовольство, а реакция на них оценивается как проявление национализма? Впрочем, я понимаю, что все эти вопросы пока, в настоящее время, имеют едва ли не риторический характер.

Со времен декабрьских событий, как я говорил, прошло два года. Постановление ЦК было обсуждено во всех первичных, районных, городских и областных парторганизациях, на республиканском Пленуме ЦК. Жизнь в республике идет своим чередом, и надо ли сейчас бередить старые раны? Но дело в том, что ответы на эти вопросы нужны в первую очередь тем, кто больше всех эту боль испытывает на себе, самим казахам, нашей партийной организации. Кто даст эти ответы и дождемся ли мы ответов вообще?

Впрочем, есть один вопрос, лишенный риторики, и ответ на него надо не ждать, а искать — сообща. Это вопрос — каковы хотя бы основные причины случившегося?

Попытаюсь высказать несколько соображений, которые, возможно, облегчат поиск ответа.

* * *

Однажды на собрании партийно-хозяйственного актива в выступлении Председателя Совета Министров Союза ССР Н. И. Рыжкова была высказана серьезная критика уродливого развития экономики республики.

Оценка верная, но скажите, как в условиях государственного планирования народного хозяйства республика могла докатиться до «уродливого развития экономики»? Как Казахстан, который в годы Великой Отечественной войны был «крепким тылом фронта», сегодня по экономическим показателям фондоотдачи, национального дохода резко отстает от Белоруссии, которая из войны вышла вся порушенная?

Дело в том, что за послевоенный период в Белоруссии, как и в Прибалтийских республиках, при фундаментальной поддержке союзного правительства, Госплана Союза ССР была создана мощная приборо- и ма-

шиностроительная база — с выходом готовой продукции. А если учесть, во сколько раз возросли цены на продукцию этих отраслей, то нетрудно догадаться и о путях роста фондоотдачи и национального дохода в республике при отсутствии таких богатых сырьевых ресурсов, как в Казахстане.

Казахстан же, располагая практически уникальными природными ресурсами, внося ощутимый вклад в обеспечение нужд страны важнейшими видами минерального сырья, не обеспечивает сбалансированности используемого и произведенного национального дохода.

Эти и другие сложившиеся в экономике республики диспропорции порождены главным образом несогласованностью отраслевых и общегосударственных целей комплексного развития региона.

Сложившаяся отраслевая структура стала возможна из-за специализации Казахстана, при общесоюзном территориальном разделении труда, на добыче и первичной переработке угля, нефти, газа, черных и цветных металлов и других видов минерального сырья.

Доля добывающих отраслей в 1,7 раза превышает аналогичный показатель в целом по стране.

Это привело к преобладающему развитию отраслей с высокой фондо- и капиталоемкостью.

В результате на выпуск единицы продукции (по стоимости) требуется основных производственных фондов примерно на 40% больше среднесоюзного уровня.

Так, капитальные вложения только в топливную, химическую, нефтехимическую промышленность, черную металлургию составили в XII пятилетке 43% всех вложений на развитие промышленности, а выпуск продукции в этих отраслях не превышает 17% всей товарной продукции промышленности.

Таким образом, сложившаяся структура промышленности, с одной стороны, не способствует максимальному увеличению производства национального дохода, с другой, в силу преобладания в ней фондо- и капиталоемких отраслей, значительно превышает уровень накопления. В республике в расчете на душу населения этот фонд выше среднесоюзного уровня на 14%. В то же время фонд потребления на душу населения ниже, чем по стране, на 12%, и это соотношение практически осталось на уровне 1970 г.

В результате республика отстает от общесоюзного уровня обеспеченности жильем, школами, детскими садами,

объектами здравоохранения и другими учреждениями социально-культурного назначения.

И если не выправить длительное отставание отраслей, выпускающих готовую продукцию, то такая несправедливость будет продолжаться и далее, вызывая не просто недовольство, а гнев общественности.

Нельзя забывать, что наша страна — это единый народно-хозяйственный комплекс, но тогда соответственно нужно думать и о ценах на добываемые богатства недр, учитывая, что эти богатства не вечны. И из стоимости готовой продукции, сделанной из этого сырья в другом месте, засчитывать определенный процент республике — поставщику сырья. Но независимо от ценообразования и отчислений, конечно, необходимо строить и предприятия, выпускающие готовую продукцию. Сегодня в Казахстане таких предприятий, продукция которых шла бы на всесоюзный и международный рынок, мизерный процент. Это один из главных тормозов и в развитии внешнеэкономических и торговых связей республики. Можно привести много парадоксальных примеров.

В Тургайской области добывают боксит, в Павлодаре из него делают глинозем, а готовая продукция в виде алюминия делается уже на предприятиях Сибири, Урала, где цены на него совсем другие.

Казахстан занимает второе место в Союзе, после РСФСР, по развитию овцеводства. Каждая четвертая тонна шерсти государству поступает из Казахстана. Но сдается она как сырье, так как шерсть в республике почти не перерабатывается. Переработка идет через предприятия других республик, где выпускают шерстяные ткани и костюмы, а за них и цена другая. Мы уже не говорим о миллионах тонн добываемой в Казахстане нефти, руды и т. д.

Недостаток завершающих стадий производства отчетливо проявляется в структуре вывозимой за пределы республики продукции, в которой преобладает сырье (39%), топливо (13%), полуфабрикаты (30%), в то же время завозим конечную продукцию в виде готовых изделий (50%). Это приводит к превышению ввоза над вывозом, которое, например, в 1987 г. составило 5,7 млрд. рублей.

Или взять хлеб как готовый продукт. В магазинах Москвы, Ленинграда, любом крупном промышленном центре вы можете купить хлеб московский, саратовский, иногда купить макароны финские, итальянские, но ни в одном населенном пункте как Союза, так и республики вы не купите хлебного изделия с маркой казахстанской.

Отличная целинная пшеница идет на хлебоприемные пункты как сырье, оттуда на мельзаводы как улучшитель качества муки, а потом на хлебозаводы. Но она бесфамильная. Почему бы в Казахстане не производить по западной технологии хотя бы «целинные» макароны и не реализовывать их в стране как готовую продукцию? Тогда, наверное, и отчисления были бы другие. Пока единственная итальянская линия в Алма-Ате не обеспечивает потребностей даже самой республики.

Не менее парадоксально планирование при разработке нефтяных и газоконденсатных богатств. Сырье в Казахстане добывается в тяжелейших климатических условиях (они не лучше, чем в государствах Персидского залива — ОАЭ, Кувейте, Омане, которые превращены в промышленный и социальный оазис), но окончательная переработка — не там, где добывается, а в Оренбурге, за 200 км. Нефтедобывающие же районы Казахстана прозябают в нищете. Но это мало волнует союзные ведомства, поскольку на добычу завозят рабочих вахтовым методом с другого берега Каспийского моря или из-за рубежа.

В Гурьевской области, на Урале, вылавливаются драгоценные сорта рыбы, получают икру, но засчитывается готовая продукция не Казахстану, а Астраханскому рыбообъединению в РСФСР.

По союзным договорам республика поставляет за рубеж продукцию более чем на миллиард инвалютных средств (точных данных никто никому не дает), но не получает от союзных ведомств ни одного цента. Таких несуразиц накопилось немало, после чего невольно воскликнешь: братцы, помилосердствуйте и не упрекайте, что из союзного бюджета нам много дают (выставляя чуть ли не иждивенцами). Может, надо лучше отрегулировать цены и размещение предприятий, выпускающих готовую продукцию, тогда не потребуется и дотация?

* * *

Помимо серьезных недостатков в экономическом и социальном развитии республики, сыграл свою роль и нездоровый морально-политический климат.

Долгое время в Казахстане, со сноской на местные условия, копировались и тиражировались днепропетровско-земляческий подход, нравы брежневского периода в Москве — подхалимство, мздоимство, коррупция.

Решение кадровых вопросов превратилось в монополию первых секретарей партийных комитетов, начиная от ЦК

республики и кончая парткомами первичных организаций.

В результате принципы подбора кадров часто основывались не на деловых и политических качествах, а родственных, земляческих признаках.

В руководстве отдельных райкомов и обкомов, не только в секретариате, но и в идеологических отделах работали люди, у которых, как говорил Ленин, идейность не дальше, чем на кончике языка.

Определяющим фактором деловых качеств стали только «экономические» показатели, начался перекос в оценке людей — ценили не за души, знания, профессионализм и нравственный облик, а за карман, машину, дачу, степени и т. д. Поскольку не все и всегда могли обеспечить такого рода реальные «экономические результаты» (а главное требование было это), то многие встали на путь обмана, взяточничества, подхалимства.

Многие из тех, кто вчера в вузе кое-как сдавал экзамены — и по специальности, и по общественным дисциплинам,— стали первыми руководителями предприятий, организаций, районов, областей, отраслей народного хозяйства в республике.

А в жизни происходил разрыв между тем, что вещалось с трибун, и реальностью. В этой обстановке деформировалось общественное сознание, общественная психология, подрывалась вера, убеждения, менялись критерии нравственных ценностей, от центра и до мест началась деформация национальной политики в социально-экономических и кадровых вопросах.

Взять, к примеру, алма-атинские областную и городскую партийные организации, которые последние два десятилетия возглавляли Аскаров, Аухадиев, Балтагулов (последний около пятнадцати лет был секретарем горкома и обкома по идеологии). Все эти годы они были наиболее влиятельными людьми в столичной партийной организации, они подбирали кадры, определяли судьбы людей и при «высоком» покровительстве формировали нездоровый морально-психологический климат в столице.

Сегодня за их «деятельность» расплачивается своей честью республиканская партийная организация и казахская нация.

В эти годы далеко не лучшим образом вели себя не только «безмолвные» члены Бюро ЦК, стремящиеся не потерять покровительство и дожить до дней сегодняшних, но и многие первые секретари обкомов партии, состязавшиеся, кто громче и подобострастнее будет славословить

высокое руководство (а затем первым и отвернется) устраивали «айтыс»— кто лучше похвалит. Отодвигались на третьесортные роли или совсем предавались забвению лично кому-то неугодные при равнодушии и безразличии многих членов коллегиального политического органа. Одни молчали из-за трусости, другие — из-за карьеризма, третьи — в силу своей ограниченности, не задумываясь, к каким деформациям общественного сознания все это приведет. Пренебрежение духовностью, нравственностью, коммунистической идейностью и партийностью позиции бывшего руководства ЦК привело к печальному финалу.

Говоря о кадровой политике, нельзя не сказать и о другом ее аспекте.

Едва ли при систематическом направлении из центра в республику руководящих кадров интересовались ранее общественным мнением, настроением людей, особенно коренной национальности. А всегда ли считались с условиями республики, историей, традициями? Вынужденные в послеоктябрьский период меры в годы культа личности стали системой. Менялось время, условия, воспитывались новые кадры, но не менялись старые подходы, старые формы.

В республике в разное время работали первыми руководителями представители других национальностей Радус-Зенкович, Пиостовский, Мирзоян и другие. Разные они были: одни оставили о себе добрую память, других вспоминают с горечью. Прошло 50 лет, но до сих пор старшее поколение с любовью передает своим детям и внукам имя арестованного в 1938 году первого секретаря ЦК Левона Мирзояна, в народе его ласково называют Мырза-джан («щедрая душа»).

Но плохо заканчивалось, когда облеченный доверием центра человек оказывался крайне ограниченным в понимании национальных вопросов. Пример тому —«деятельность» Голощекина в 30-е годы, когда ускоренными темпами проводилась коллективизация еще не перешедших на оседлый образ жизни вчерашних кочевников. В степи и раньше были голодные годы, от джута в огромном количестве погибал скот, пребывали в нищете и голоде люди, но они не умирали миллионами. В годы гитлеровского нашествия самые большие потери понесли братья-белорусы — у них в республике погиб каждый четвертый. В Казахстане же от голода в 30-е годы погибли каждый третий, или более двух миллионов человек. Потребовалось почти полвека, чтобы восстановить численный состав коренного населения

после потерь 30—40 годов (включая потери в Отечественной войне). В памяти людской живы эти трагические годы не только как голодные и «голощекинские», но и как результат безропотности масс перед политическим авантюризмом посланца, наделенного доверием и властью.

Мы изучаем историю, культуру, экономику, традиции и быт, психологию народов сопредельных государств, страны, с которыми имеем межгосударственные отношения, но почему-то с тем же вниманием не изучаем историю, культуру, традиции, психологию друг друга, т. е. народов союзных республик. От Каспийского моря до границы с Китаем на протяжении трех тысяч километров с запада на восток граничат Российская Федерация и Казахстан, т. е. свыше двух десятков областей российских и казахстанских соседствуют, не говоря уже о доброй половине населения — восьми миллионах русских, украинцев, белорусов, проживающих в Казахстане. У казахского народа много общего со своим соседом-россиянином, просторы лесов у одних, просторы степей у других, у обоих народов одинаково щедры и широки души. Первое казахское слово, выученное первыми русскими переселенцами до революции, это слово —«тамыр» («нерв», «корень»). Казах и русский, которые сдружились, называли друг друга не по имени, а «тамыр».

Возвращаясь к количественной оценке населения Казахстана, для сравнения можно сказать, что из стран мира, входящих в ООН, две трети, или свыше ста государств, имеют население меньше, чем в Казахстане, меньше 16 миллионов. Поэтому руководить такой республикой, как Казахстан, должны не просто функционеры, а умудренные опытом государственные мужи, для которых, в конечном счете, судьба миллионов людей, живущих на территории республики, независимо от национальности должна быть превыше всего. От них в народе ждут мудрости, терпения, уважения к тем, кто жил и строил, к тем, кто живет и будет жить на этой земле.

Республика была и будет сильна только дружбой народов, их взаимопониманием, взаимоуважением, когда все, независимо от национальности, понимают, что это наш общий дом, наша Родина. Укрепление идей единения в душах людей должно стать основой программы и каждого избранника народа, и каждого гражданина. Только сообща, все вместе, не разделяясь, не противопоставляясь, укрепляя ядро каждой нации и общества в целом, можно преодолевать трудности на пути общественного развития. Не

менее важной является и работа по консолидации казахской нации, которая дала имя республике. Щедрость ее души, широта натуры помогли ей вобрать в свои объятия миллионы людей разных национальностей. Этой широты, щедрости, терпимости, которых хватает на всех, надо, чтобы хватило и на своих соплеменников, чтобы национальные интересы были выше амбиций отдельных людей или групп с родоплеменной психологией. Как говорил известный французский философ Жан-Жак Руссо, «величие нации определяется не количеством населения, а величием духа». И одним из главных признаков этого является — единство нации.

Есть хорошая русская поговорка: «Друзья познаются в беде». И действительно, когда пришла всеобщая национальная боль и боль всей республики за происшедшее в декабре, то казахи почувствовали, сколько у них друзей и в республике, и в России. Они и раньше это знали, но в то время почувствовали острее, потому что и русские, и украинцы, и немцы, и уйгуры, и корейцы не отвернулись, не озлобились. Люди поняли — это общая боль. И поэтому мы вправе сегодня сказать — земной поклон всем, кто разделяет с казахами и радости, и горести. И, как всегда, в отличие от некоторых ретивых столоначальников, простой народ оказался мудрее, он не торопился за ярлыками и за большой дубинкой, чтобы побольнее ударить. Жизнь есть жизнь, могут быть всякие ситуации, но в любой ситуации, думается, нам всем надо иметь больше сдержанности и мудрости. Ибо скороспелые оценки первых дней о махровом национализме, о мнимом интернационализме постепенно пошли дальше и легли в основу официальных документов, докладов и выступлений. Они до сих пор отдаются в сердце каждого здравомыслящего казахстанца, независимо от его национальности. Понятно, люди, которые мало знают республику, могли по одному-двум событиям делать скороспелые выводы. Но остальные — те, кто в этой республике если и не родились, то выросли от рядового агронома и инженера до члена ЦК, депутата Верховного Совета,— они знают изнутри этот процесс жизни, дружбы и братства. Эти два года их уста молчали, и я думал: где же вы, мои друзья?

Известный русский литературный критик Дмитрий Иванович Писарев как-то сказал: «Слова и иллюзии умирают, остаются факты». И, к сожалению, факты, которые были связаны с декабрьскими событиями, быстро не забудутся.

Это щемящая боль, она еще будет сказываться долго, и здесь не надо строить иллюзий. Говоря языком медицины, все, что случилось — это следствие заболевания организма. Но для того, чтобы организм лечить, нужен точный диагноз. Что это? Бацилла, грипп, которые можно вылечить антигриппином или вакциной, или заболевание, которое требовало хирургического вмешательства? Но если болезнь первая, а методы лечения — от второй болезни, то это даст совершенно не нужные последствия.

Вернусь, однако, к аспекту кадровой политики. После 50-х годов, то есть с момента освоения целины, из бывших первых и вторых секретарей ЦК Компартии Казахстана (обладавших не меньшими правами, чем первые) вернулись в центр на высокие партийные, государственные посты Пономаренко П. К., Брежнев Л. И., Яковлев И. Д., Родионов Н. Н., Соломенцев М. С., Титов Н. Н., Месяц В. Н., Коркин А. С., Мирошхин О. С. и другие. Каждый из них оставил разный след и память, в первую очередь в зависимости от политической мудрости и внутренней культуры. Но что удивительно — некоторые, проработав в республике годы, даже не получали квартиры в Алма-Ате, т. е. уже с первого дня было ясно, что это очередной вояжер, фейерверка будет немало, но душу не согреет, радости и огорчения с народом не разделит.

В то же время в связи с освоением целины, крупномасштабными работами в агропромышленном комплексе, в промышленности и строительстве в республике вырос большой отряд высококвалифицированных хозяйственных, партийных, комсомольских кадров, в том числе и коренной национальности. Но они почему-то выводились из поля зрения как руководства ЦК республики, так и в Москве.

И еще такая деталь: за последние три десятилетия в аппарат ЦК КПСС, с последующим направлением на самостоятельную работу, из республики пригласили только одного товарища коренной национальности, и ни одного в Совмин, Госплан. Между тем ведь это незаменимая «школа» для руководителя!

При критических ситуациях в Армении и Азербайджане из центра первыми руководителями направили представителей этих республик, которые ранее работали в Москве, прониклись нуждами общегосударственного значения, им были известны не только проблемы своих республик, но и страны.

Такой заботы в свое время не было проявлено о кадрах из Казахстана, хотя они формировались в экстре-

мальных условиях целины и крупнейших новостроек.

Видно, дело не в том, что оскудела земля интеллектуальными, энергичными и перспективными кадрами, есть они и среди казахов, и среди уйгуров, немцев, корейцев. Похоже, что об этом ни на месте, ни в центре не задумывались, или просто всех устраивало такое положение.

Сегодня новое время, новые требования к кадрам. Первые годы перестройки проверяют и проявляют, «кто есть кто», и нужно, чтобы меньше было таких, о которых сказал А. Бразаускас в статье «Зачем мятутся народы?» (Дружба народов, № 8, 1988 г.): «Рычаги реальной власти были в руках прибывших невесть откуда аппаратчиков. В любой национальной энциклопедии можно найти десятки, а то и сотни биографических справок с идентичной схемой: «там»— инженер, работник, инструктор (словом, «мелкая сошка»); «здесь»— заместитель, секретарь, председатель...»

Школой масштабной работы для кадров стали наши крупные промышленные центры — Караганда, Павлодар, Усть-Каменогорск, Кустанай, Целиноград, Актюбинск. Но на протяжении последних тридцати с лишним лет должности первых секретарей в этих областях для представителей коренной национальности оказались заповедными зонами, хотя председателями облисполкомов, вторыми секретарями они избирались. По всей видимости, действовал пресловутый процентный подход.

Другой вопрос кадровой политики — заповедные зоны не географические, а отраслевые, где (так же, как и в крупных промышленных центрах) можно было проходить школу руководства народным хозяйством. Казахстан — это огромная строительная площадка. Но редкость, если среди ведущих эту отрасль секретаря ЦК, зам. председателя Совмина, зав. отделом строительства ЦК окажется специалист коренной национальности. Хотя в отрасли работает их немало. И все это как бы само собой разумеется, стоит же заикнуться о подобном обстоятельстве казаху, в этом сразу видится какой-либо «изм». Зато идеологические участки почти сплошь и рядом отданы именно казахам.

Часто можно слышать такую сентенцию, мол, «на производстве казахов мало, а в начальниках много». В одном из докладов бюро Алма-Атинского горкома партии говорилось, что «на предприятиях машиностроения и металлообработки рабочие казахской национальности составляют всего 16,5 процента... в номенклатуре горкома руководителей казахской национальности 56 процентов». Это достаточно

спорный момент, поскольку в номенклатуру горкома зачислены и работники республиканских организаций, а процент казахов, работающих на производстве, примерно пропорционален проценту их в населении города. Кроме того, рост ведущих отраслей промышленности и строительства (если говорить о республике) принял такие масштабы, что непрерывно требуется пополнение рабочими, независимо от национальностей, из других регионов страны. Если даже все коренное население завтра ориентировать на промышленное и строительное производство, оно не обеспечит полностью потребностей республики, так как планирование развития отраслей больше зависит от использования природных богатств республики, нежели от производительных сил (мол, если не хватит людей, то пришлем).

Если всех казахов «перебросить» в промышленность, то возникает вопрос, а кто же будет работать на селе, особенно в таких отраслях, как овцеводство, коневодство и верблюдоводство, там же в основном работают казахи?

Конечно, иметь в социальной структуре полноправный и многочисленный национальный рабочий класс необходимо. Надо увеличивать долю коренного населения, обучающегося в профессионально-технических школах, в технических вузах. Это особенно актуально для южных областей, где имеется определенный избыток рабочей силы. Но мне кажется неверным строить кадровую политику, назначать руководителей, основываясь лишь на процентном соотношении тех или иных наций в отрасли или в регионе.

В республике казахов всего около 40 процентов не потому, что казахская женщина перестала рожать, наоборот, здесь высокая рождаемость, а потому, что в 30-х годах, как я уже говорил, погиб каждый третий казах. И еще, 60 лет тому назад, когда началось индустриальное развитие республики, и в годы Великой Отечественной войны, когда республика принимала своих братьев и сестер с оккупированной фашистами территории, и после войны, когда осваивали целину, казахи не думали, что когда-то случится такое, и станут пересчитывать, кого больше, кого меньше. В настоящее время, к сожалению, некоторые «счетоводы» от политики доброту, щедрость народа перевели на проценты «соотношения наций» и этим пытаются определять кадровую политику в республике.

До революции в Казахстане проживало свыше одного миллиона русских, включая представителей уральского, оренбургского, сибирского и семиреченского казачества, переселенцев, гонимых нуждой с разных мест России,

Украины, политических ссыльных, отправленных сюда царским правительством. Теперь в многонациональном Казахстане проживает около восьми миллионов братьев-славян. И кстати сказать, как казахи и русские, так и народы других национальностей живут в Казахстане дружно. Это не значит, что нет проблем в межнациональных отношениях. Но негативная реакция трудящихся бывает ответом на отдельные политические акции, исходящие из центра или руководства республиканского, местного.

Таким образом, на мой взгляд, декабрьским событиям способствовал не только антиперестроечный дух коррумпированных групп, провалы в экономике, недостаток в интернациональном воспитании молодежи, но и деформация национальной политики в кадровых вопросах.

Каждая нация состоит из разных людей — один патриот и активно действующий гражданин, другой ограниченный и равнодушный к общественной жизни человек, но когда нация в чем-то ущемляется, антиподы становятся едины в национальных чувствах. Трудно после этого ожидать проявления доверия и глубокого уважения к тем, кто это допустил. Поэтому долг людей, принимающих решения,— не давать повода для межнациональных конфликтов, для глубокого залегания неприязни, которое чревато непредсказуемыми последствиями. Кстати, в области и столице достаточно много членов ЦК КПСС и членов ЦК КП Казахстана, которые должны были знать истинное отношение народа к подобного рода изменениям, возможные последствия и честно информировать ЦК КПСС.

На будущее, чтобы исключить возможные искажения в кадровой политике, которые могут спровоцировать недовольство коренной национальности, и чтобы потом ее представителей не упрекали в проявлении казахского национализма, в Конституцию республики, на мой взгляд, надо внести запись —«Председателем Верховного Совета Казахской ССР и Председателем Совета Министров путем конкурсного отбора избираются и назначаются представители коренной национальности».

* * *

Переведя требования ЦК по интернациональному и патриотическому воспитанию на язык практических дел, мы уже стали забывать о тех тысячах молодых людей, которые, вступая в сознательную жизнь, исковеркали ее в самом начале пути. А ведь они — часть поколения молодежи 80-х годов, им предстоит вместе со

своими сверстниками осуществлять Перестройку, утверждать ленинское понимание социализма.

В то же время у нас в республике не только широкая общественность, но даже члены ЦК, депутаты не знают, сколько человек после декабрьских событий, за причастность к ним, исключены из партии и комсомола, сколько отчислены из учебных заведений, освобождены от работы. Что это — общественное равнодушие к судьбе молодых людей, пусть даже лично виновных? Это граждане нашей страны, члены нашего общества, они только начинают жить. Кто и что толкнуло на этот путь, и только ли они виновны в совершившемся?

Не собираюсь ни на йоту преуменьшать содеянное молодыми «манифестантами» и тем более оправдывать их действия, особенно тех, кто стоял за их спиной, кто подстрекал. Но думаю, что с учетом недостатков в воспитательной работе в учебных заведениях, где они учились, коллективах, где они работали, в семьях, где их растили, к их аполитичности прибавилась и бездумная эмоциональность молодости, плюс к этому элементы национальной психологии, когда с детских лет воспитывают уважение к старшему. Молодые люди в возрасте 17—20—25 лет со дня рождения слышали постоянно имя одного руководителя — Кунаева. Нигде никогда не говорилось о каких-либо личных его прегрешениях, ни слова об ошибках. Он свыше 40 лет в руководстве республики и четверть века — первый руководитель. И вдруг его освобождают. Подбросить в этот момент искру особых трудов не составило. И тогда молодые люди пошли на площадь. Теперь, когда их исключили из учебных заведений, освободили от работы, часть осудили в общественном или судебном порядке, они могут стать людьми с более обостренным национальным чувством.

На одном из первых заседаний комиссии ЦК Компартии Казахстана по национальным и межнациональным отношениям под председательством первого секретаря ЦК Г В. Колбина в начале 1987 года я высказывал следующую мысль. Произошло серьезное событие, но лечиться нужно спокойно, мудро, не подсыпая соли, потому что этим у одних будем разжигать национальные чувства, у других взбудоражим чувства шовинистические, неуважительные. Требуется терпеливая, конкретная работа как с непосредственно причастными, так и с их окружением. Необходимо взять на конкретный учет молодежь после отчисления из вузов, чтобы постепенно их повернуть лицом к обществу,

ибо они не только сегодня среди своих родичей, друзей, но и в будущем, детям и внукам, будут рассказывать о себе и о своих товарищах как о радетелях за национальные интересы.

Второй вопрос, который тогда поднимался,— о внимательном отношении к приему в вузы, ибо уже ходило широко распространенное суждение вузовских преподавателей, что сельская молодежь приходит со слабым знанием русского языка, низкой культурой. Это ведет к плохой успеваемости и трудностям в воспитательной работе. Поэтому, мол, теперь необходимо ограничить прием сельских ребят в столичные вузы. Разумеется, мы не должны допускать прием в вузы по протекциям, за взятки, по признакам землячества, то есть с нарушением закона. Но только из-за слабого знания русского языка или недостаточной общей культуры человека из отдаленного аула нельзя не принимать в учебные заведения. Наоборот, необходимо увеличить число подготовительных отделений и помочь молодым людям поступить на учебу. Иное отношение даст далеко идущие, нежелательные политические и экономические последствия. Больше половины коренного населения проживает в сельской местности. Они, особенно животноводы на далеких отгонах, работают в суровых условиях не столько из-за денег, сколько в надежде, что их дети будут учиться и получат образование, специальность. Если родители завтра поймут, что дети не в состоянии поступить на учебу из-за низкой культуры и плохого знания русского языка, они уйдут из отдаленных участков на центральные усадьбы совхозов, если и этого недостаточно, уедут в райцентр или рабочие поселки в поисках, где дети будут лучше подготовлены. Уже в 1987 году многие молодые люди, зная сложности поступления в вузы столицы, процентные ограничения и т. д., подали заявления в учебные заведения соседних областей Российской Федерации. Можно предположить, что и после учебы часть из них попытается трудоустроиться в России и пока не возвращаться в республику, где активно действует уже упомянутая мной процентомания в кадровой политике.

* * *

В условиях строительства социализма у различных народов были и будут национальные интересы, но эти национальные интересы — интернациональны. Как целого нет без частицы, так нет и интернационального без национального.

Если с болью говорим о недостаточно высоком интел-

лектуальном уровне отдельной части общества, это тоже не только национальная, но и интернациональная боль.

Если обращаем внимание на сокращение средней продолжительности жизни или увеличение смертности среди детей в республике и ее отдельных регионах, это тоже не только национальная, но и интернациональная обеспокоенность.

Если говорим об однобоком, деформированном, уродливом развитии экономики республики как сырьевой базы, без достаточного развития машиностроения и сфер социального обеспечения, это тоже не только национальная тревога, но и интернациональная, ибо интересы различных наций тесно переплетены.

Если от активного извлечения природных богатств республики в виде нефти, газа, угля, руды положение населения не улучшается, это тоже не только национальные, но и интернациональные вопросы как для Союза, так, в первую очередь, и для жителей республики, ибо больно видеть убожество многих отдаленных аулов — без хороших школ, медпунктов, дорог, клубов.

Нужно беречь исторические корни дружбы и братства и дальше их развивать с учетом Времени, Эпохи. И беречь это надо, в первую очередь, молодому поколению русских и казахов, уйгуров и украинцев, немцев и корейцев, белорусов и литовцев, не позволяя никому — ни самим, ни со стороны — привносить ядовитые семена национализма или шовинизма. На этой земле родилось нынешнее поколение молодежи, им вместе на ней жить и созидать. Созидать в братстве и содружестве — независимо от того, будет ли все хорошо, будут ли временные или затяжные трудности, будут ли стихийные бедствия, засуха, землетрясения, усыхание озер и рек или какие-то непредвиденные социальные коллизии.

Из интересов тех, кто здесь жил, живет и будет жить, и надо исходить в определении общественно-политического, социально-психологического климата республики, развития экономики, кадровых вопросах.

Молодой Маркс в письме своему юному другу Руге писал: «Нация, которая обрела стыд, подобна льву и готова совершить прыжок». Мне думается, что у казахстанцев, независимо от национальности, за эти два года обострилась совесть. И пусть она будет нашим компасом.

Декабрь 1988 года

СОДЕРЖАНИЕ

Художественно-публицистическое издание
Для старшего школьного возраста

Составители *Лариса Петровна ЛУКИНА, Ерлан Абенович САТЫБАЛДИЕВ*

О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛИ

Документальные рассказы и очерки

Редактор *В. Овсянников*
Художник *Л Тетенко*
Художественный редактор *С. Макаренко*
Технический редактор *Р Винокурова*
Корректоры *Н. Тишонко, Р Соболева*

ИБ № 4089

Сдано в набор 10.07.89. Подписано в печать 12.03.90. УГ 16062
Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Тип Таймс» Печать высокая. Усл. п. л. 15.96. Усл. кр.-отт. 16,17 Уч.-изд. л. 17,35. Тираж 50 000 экз. Заказ 1144. Цена 90 коп.

Издательство «Жалын» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41

90 к.

О ЧЕМ НЕ ГОВОРИЛИ